3-25

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

B. G. Plaxomnik
May 31, 1932.

678

Velitsyn, A

НѢМЦЫ ВЪ РОССІИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ И НАСТОЯЩАГО ПОЛОЖЕНІЯ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНІЙ НА ЮГѢ И ВОСТОКѢ РОССІИ

А. А. Велицына

Изд. „Русскаго Вѣстника“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39
1893

325.243
V437N

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Вмѣсто введенія—Нѣмецкое завоеваніе на югѣ Россіи 1

Часть I. Историческій обзоръ нѣмецкой колонизаціи въ Россіи.

Глава I. Историческій очеркъ движенія иностранной колонизаціи въ Россіи 36
Глава II. Историческій очеркъ мѣропріятій правительства по колонизаціи 65
А. Царствованіе Императрицы Екатерины II 66
Б. Царствованіе Императора Павла I 87
В. Царствованіе Императора Александра I 98
Г. Царствованіе Императора Николая I 120

Часть II. Положеніе нѣмецкихъ колоній въ настоящее время.

Глава I. Экономическія условія жизни и права нашихъ южныхъ колонистовъ 135
Глава II. Духовная жизнь нашихъ нѣмецкихъ колоній 177
I. Гернгутеры 185
II. Менониты 202
III. Штундисты 217
Глава III. Нѣмецкія колоніи на Волгѣ 251

Заключеніе 281

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

НѢМЕЦКОЕ ЗАВОЕВАНІЕ НА ЮГѢ РОССІИ.

Настоящіе очерки являются результатомъ личнаго посѣщенія мною около двухъ-сотъ-пятидесяти нѣмецкихъ колоній на Волгѣ и на югѣ Россіи. Я прожилъ въ нихъ нѣсколько мѣсяцевъ. Благодаря цѣлому ряду счастливо сложившихся обстоятельствъ, я имѣлъ возможность заглянуть въ этотъ закрытый для русскаго глаза мірокъ, который создали себѣ у насъ нѣмцы и который они ревниво охраняютъ отъ всякаго внѣшняго вліянія.

Знакомство мое съ этой внутренней жизнью нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ было, конечно, въ значительной степени поверхностно, но все-таки мнѣ удалось подмѣтить и узнать довольно рѣзкія и характерныя черты ея, которыя даютъ ключъ къ разрѣшенію многихъ непонятныхъ до сихъ поръ сторонъ явленія иностранной колонизаціи въ Россіи. Въ послѣдующемъ изложеніи мы подробно познакомимъ читателей съ исторіей нѣмецкой колонизаціи въ Россіи, съ отдѣльными проявленіями этой колоніальной жизни, съ вопросами религіознаго быта колонистовъ, положеніемъ у нихъ школьнаго дѣла, ихъ своеобразными обычаями, личнымъ характеромъ, составомъ ихъ духовенства и проч.

Пока, въ видѣ вступленія, выяснивъ въ общихъ чертахъ главныя основы нѣмецкой колонизаціи Россіи, постараемся обрисовать ту грозную силу германизма, которая темной тучей надвигается съ Запада на наше отечество и послушнымъ и дѣятельнымъ орудіемъ которой служатъ наши нѣмецкія колоніи. Невеселую картину приходится представить; но нельзя, преступно даже, продолжать закрывать глаза на этотъ вопросъ, на это завоеваніе Россіи, безъ грохота орудій и безъ кровопролитныхъ

схватокъ, путемъ лишь экономическаго и духовнаго гнета и систематическимъ захватомъ нашихъ лучшихъ земель, что едва-ли представляетъ не бо́льшую и не серьезнѣйшую опасность, чѣмъ шумныя и кровавыя войны. Первымъ же пріемомъ уврачеванія зла всегда должно быть возможно близкое и точное знакомство съ самимъ болѣзненнымъ явленіемъ.

Изъ послѣдующаго историческаго обзора иностранной колонизаціи въ Россіи можно будетъ судить о всѣхъ тѣхъ усиліяхъ и жертвахъ, которыя дѣлались нашимъ правительствомъ съ цѣлью возможно большаго привлеченія нѣмецкихъ элементовъ въ Россію. Старанія эти не пропали даромъ. Пышнымъ деревомъ разрослась нѣмецкая колонизація на югѣ Россіи. Но подобное благоденствіе колоній нисколько не способствовало ихъ сліянію съ нашимъ отечествомъ.

Прошло сто лѣтъ со времени ихъ водворенія; смѣнились три поколѣнія; Россія перенесла за это время цѣлый рядъ внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній, въ корень измѣнявшихъ строй ея жизни. Но для нашихъ нѣмцевъ эти сто лѣтъ протекли, совершенно ихъ не касаясь. Какими они пришли, такими и остались. Чуждыми были для нихъ въ 1790 году интересы и нужды Россіи, одинаково чужды имъ и въ настоящее время горе и радость нашего отечества. Совершенно изолированными жили и продолжаютъ они жить среди народа, оказавшаго имъ столь широкое гостепріимство; не у насъ ихъ симпатіи, и счастіе и благо Россіи — не ихъ задачи. Мало того, за послѣднее время, выходя изъ безразличной и пассивной роли, они все болѣе начинаютъ выказывать прямо неблагопріятное отношеніе ко всему русскому, гордо заявляя всѣми своими поступками о своей духовной связи съ Vaterland'омъ.

Обо всемъ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить подробно ниже, пока же вернемся къ подлежащему изложенію.

Въ сентябрѣ 189* г., я объѣзжалъ нѣмецкія колоніи Екатеринославской губерніи, и къ этому времени относится одинъ изъ самыхъ характерныхъ эпизодовъ моего путешествія, почему я и остановлюсь теперь на немъ.

Мы ночевали въ колоніи Большой Хортицѣ. На утро, чуть свѣтъ, насъ разбудили и сказали, что пора ѣхать, если мы хотимъ провести весь день на островѣ. Наскоро напившись жидкаго, нѣмецкаго кофе, отправились мы въ путь.

Было тихое, туманное осеннее утро, когда тарантасъ, обогнувъ крутой выступъ, подъѣхалъ къ перевозу. Внизу темный Днѣпръ разстилался широкой полосой; противуположный берегъ еле вырисовывался въ отдаленной мглѣ. Ямщикъ, молодой безбородый колонистъ, неуклюже сойдя съ козелъ, подошелъ къ самой водѣ и рѣзкимъ голосомъ принялся выкрикивать какія-то чуждыя нашему русскому уху слова, среди которыхъ можно было только различать — de... Foh... rer! Gibt da prum! (перевозчикъ, давай паромъ). Рѣзкіе гортанные звуки гулко разносились среди окружающей тишины. Туманъ постепенно рѣдѣлъ, и все яснѣе и яснѣе выступали темныя скалы отвѣснаго противуположнаго берега. Ихъ мшистыя, старыя, историческія массы высились молчаливой громадой, и одно только эхо нѣмецкаго окрика нарушало тихую утреннюю дрему.

Съ противуположнаго берега двинулся паромъ, и мы увидѣли на немъ своеобразную картину. Старикъ-перевозчикъ стоялъ на одномъ канатѣ, другой же тянула цѣлая орава ребятишекъ. Бритое четырехугольное лицо старика и плоскія круглыя лица дѣтей съ бѣлесоватыми рѣсницами и волосами прямо указывали ихъ національность. Это были чистокровные сѣверные тевтонцы. Я зналъ, куда я ѣду и что ихъ встрѣчу; я ѣхалъ съ цѣлью познакомиться съ ихъ жизнью, а между тѣмъ, когда увидѣлъ ихъ здѣсь, на Днѣпрѣ, въ самомъ сердцѣ Малороссіи, увидѣлъ этихъ колонистовъ съ ихъ спокойными, грубо-властными манерами, прямо говорящими, насколько они считаютъ себя тутъ хозяевами, у меня какъ-то тоскливо заныло сердце. Вѣдь островъ, къ которому меня приближало каждое движеніе этихъ нѣмецкихъ рукъ, былъ не простой клочекъ земли. Этотъ островъ на Днѣпрѣ былъ свидѣтелемъ одной изъ самыхъ великолѣпныхъ, самыхъ героическихъ эпохъ нашей исторіи. Это былъ островъ Хортица, бывшая Запорожская Сѣчь! Сколько было здѣсь пролито крови за православіе и за русскую національность, сколько впечатлѣній и образовъ возникало въ умѣ при видѣ этого историческаго мѣста, сыгравшаго такую роль!..

Рѣзкій толчекъ въ берегъ прервалъ мои невеселыя думы.

— Dank-Excellenz — сухо отозвался нѣмецъ-перевозчикъ, когда я ему вручилъ монету. Мы вышли на берегъ и поднялись на небольшой подъемъ. До деревни оставалось съ версту. Когда мы сдѣлали нѣсколько шаговъ и вышли изъ-за высокихъ скалъ, громоздящихся надъ самой рѣкой, передъ глазами раскинулся

чудесный видъ. Широкой равниной лежали зеленые луга, поросшіе мелкими деревцами и кустарниками. Несмотря на осень, ароматъ зелени наполнялъ и освѣжалъ воздухъ. Туманъ исчезъ, и восходящее солнце косыми лучами освѣщало деревья, прозрачнымъ узоромъ вырисовавшіяся на фонѣ яснаго голубаго неба; оно клало яркія пятна на сѣрыя прибрежныя скалы и весело играло на темно-красныхъ крышахъ домовъ колоніи, виднѣвшейся невдалекѣ.

Я шелъ и какъ-то невольно искалъ какихъ-нибудь слѣдовъ славнаго историческаго прошлаго. Гдѣ тутъ пировали Тарасы съ своими сыновьями, гдѣ тутъ разыгрывались кровавыя драмы, гдѣ шумѣло это буйное веселье, гдѣ совѣщалась великая Запорожская Сѣчь?! — Нигдѣ ни слѣда, ни холмика, ни памятника! Кругомъ ни души. Мы одни только съ моимъ спутникомъ шагали по влажной муравѣ, да за нами, раскачиваясь на кочкахъ, медленно двигалась неуклюжая обоянка—родъ рессорнаго тарантаса нѣмецкаго производства, — на козлахъ которой такой же неуклюжій, какъ и она сама, сидѣлъ бѣлобрысый нѣмецъ. Равнодушно позѣвывая, онъ тоже глядѣлъ на разстилавшуюся передъ нимъ картину. Но что̀ могла она говорить его нѣмецкому сердцу?

Вотъ и колонія. Передъ нами тянулась широкая улица, обсаженная въ два ряда густыми вѣковыми деревьями. Налѣво сѣрѣлъ Днѣпръ—оказалось, что мы пересѣкли весь островъ— и снова, хотя и не такія грандіозныя, лежали груды каменьевъ, за которыми, мягко набѣгая на прибрежный желтый песокъ, тихо шумѣли мелкія волны. Направо, вытянувшись въ одну линію, раскинулось нѣмецкое селеніе.

Прежде всего глазъ поражала удивительная симметричность постройки. Вдоль всей линіи улицы виднѣлась непрерывная цѣпь каменныхъ заборчиковъ; за ними густой зеленой массой высились деревья фруктовыхъ садовъ и въ глубинѣ защищенные, и отъ пыли, и отъ вѣтра, ютились каменные домики. На улицѣ—ни души. Насколько видно было вдаль, передъ нами тянулась пустынная аллея тѣнистыхъ деревьевъ.

— Къ сельскому старостѣ.

Возница встрепенулся, зачмокалъ, и задремавшая-было четверня мелкой рысцой обогнала насъ, проѣхала три-четыре избы, завернула во дворъ, и мы зашли туда же.

Всѣ жилища колонистовъ построены по одному образцу. Если видѣть одно изъ нихъ—знаешь ихъ всѣ.

Посреди широкаго двора возвышался колодезь съ крышей въ какомъ-то даже мавританскомъ стилѣ, съ колесомъ. Направо тянулись каменныя, изъ краснаго кирпича, хозяйственныя строенія. Тутъ же, подъ навѣсомъ, крытый рессорный экипажъ и двѣ легкія брички; полевыхъ орудій не было видно, потому, вѣроятно, что они были въ полѣ. Налѣво раскинутъ большой фруктовый садъ, и передъ самымъ домомъ, въ небольшомъ цвѣтникѣ, несмотря на позднюю осень, цвѣли еще розы. Въ самой глубинѣ двора стоялъ самый колонистскій домъ. Каменный, выкрашенный бѣлой краской, одноэтажный, съ высокой черепичной крышей и съ зелеными ставнями, онъ какъ-то сразу переносилъ воображеніе къ картинамъ фламандской школы. Было часовъ восемь утра. Солнце начинало припекать, но на этомъ дворѣ нигдѣ никого не было видно. При нашемъ появленіи мы успѣли только замѣтить, какъ маленькая дѣвочка шмыгнула изъ какихъ-то низенькихъ дверей, вѣроятно, изъ погреба, въ домъ, бойко затопавъ по ступенямъ крыльца деревянными подошвами башмаковъ. Единственнымъ живымъ существомъ былъ здѣсь нашъ возница, медленно отпрягавшій лошадей. Подождавъ немного и не видя никого, мы рѣшили войти въ домъ. Черезъ стеклянный балкончикъ проникли въ темныя небольшія сѣни. Тутъ на насъ пахнуло сразу тѣмъ своеобразнымъ запахомъ, которымъ отличаются всѣ дома колонистовъ: какая-то смѣсь курятника съ запахомъ кислаго тѣста и табаку. Этотъ невыносимо непріятный запахъ преслѣдовалъ меня потомъ повсюду и много времени спустя на Черномъ морѣ, верстъ за сто отъ берега, бывало, какъ вспомнишь про колоніи, такъ эта удушливая волна спертаго воздуха точно снова пахнетъ на меня.

Отворилась дверь, и я остановился нѣсколько озадаченный.

Гдѣ я, однако? Не перенесенъ ли какимъ-нибудь волшебствомъ въ глубину Шварцвальда? Комната была довольно большая, въ два окна; въ простѣнкѣ между ними висѣло большое стѣнное зеркало въ старой рѣзной рамкѣ; направо высилась громадная двухспальная кровать съ пологомъ, до самаго верху загроможденная перинами и подушками. На спинкѣ ея, обращенной къ дверямъ, была прибита дощечка съ узорною надписью, обозначающей день свадьбы и лѣтъ хозяина и хозяйки въ этотъ день. Налѣво стоялъ мягкій диванъ, передъ нимъ столъ,

покрытый вязанной скатертью; большая лампа, кругомъ нѣсколько мягкихъ креселъ и стульевъ. Объемистый комодъ и часы съ кукушкой дополняли меблировку комнаты; на стѣнахъ висѣлъ портретъ старика-Вильгельма, портретъ Бисмарка въ юности и новѣйшая фотографія Вильгельма II. Но не внѣшняя обстановка меня поразила; меня озадачили сидѣвшія въ комнатѣ три женщины — очевидно, бабушка, мать и дочь. — «Urahne, Grossmutter, Mutter und Kind...» — почему-то невольно вспомнилось мнѣ нѣмецкое стихотвореніе, заученное еще въ далекомъ дѣтствѣ. Онѣ были одѣты въ типичный костюмъ южной Германіи — на головахъ черныя (у бабушки бѣлая) наколки, перевязанныя лентами подъ подбородками; у всѣхъ грубые бархатные корсажи; рубашки на выпускъ, пестрыя юбки, толстые вязанные чулки и туфли съ деревянными подошвами безъ задковъ.

Возьмите любую картину Дефрегера, любую нѣмецкую иллюстрацію, и вы найдете то, на что я наткнулся у насъ, среди Россіи, на мѣстѣ знаменитой Запорожской Сѣчи!

Бабушка и «мать» сидѣли у стола за какой-то большой работой; молодая дѣвушка сидѣла поодаль, нагнувшись надъ пяльцами. При нашемъ входѣ онѣ подняли головы.

— Здѣсь живетъ староста? спросилъ я по-русски.

Онѣ молча и съ недоумѣніемъ смотрѣли на меня и другъ на друга:

— Я спрашиваю, здѣсь ли домъ старосты? повторилъ я свой вопросъ.

То же полное молчаніе въ отвѣтъ, только взгляды всѣхъ женщинъ загорѣлись какимъ-то рѣшительно враждебнымъ огонькомъ.

— Ни понимай русски, вымолвила, наконецъ, самая младшая изъ нихъ, и затѣмъ, всѣ, точно сговорившись, опустили глаза на свои работы, принявъ, очевидно, намѣреніе не обращать на насъ больше вниманія.

— Ist der Vorsteher hier? спросилъ я по-нѣмецки и — о, удивленіе! Точно по мановенію волшебнаго жезла картина перемѣнилась. Всѣ встали, окружили меня, глаза смотрѣли ласково, головы привѣтливо кивали: — ja, o, ja — der Vorsteher ist hier — o sie sprehen, ja, deutsch! — er wird gleich kommen!

Оказалось, что самъ староста въ полѣ и вернется къ полудню; за нимъ хотѣли послать, но я воспротивился этому и, ска-

завъ, что вернусь черезъ часъ, попросилъ только провести меня въ школу, гдѣ въ это время какъ разъ шли занятія. Молодая дѣвушка—какъ я сразу и подумалъ—дочь хозяина, вызвалась сама меня проводить, и мы отправились.

Школа была всего черезъ два-три дома. Пока мы шли туда, я спросилъ мою молодую спутницу:

— Что у васъ учатъ въ школѣ по-русски?

— О, ja!

— Сколько же уроковъ въ недѣлю?

— Четыре.

— А сколько лѣтъ вы ходите въ школу.—Разговоръ происходилъ, конечно, по-нѣмецки.

— Семь лѣтъ.

— Въ теченіе семи лѣтъ вы по четыре часа въ недѣлю занимаетесь русскимъ языкомъ и не можете понять простаго вопроса.

Дѣвушка покраснѣла.

— Видите ли, отвѣтила она, помолчавъ,—по-русски стали учить недавно, всего года четыре тому назадъ; прежде совсѣмъ не учили, да кромѣ того и учитель,—она немножко замялась—онъ самъ не очень знаетъ по-русски, онъ занятъ, онъ въ то же время и сельскій писарь!.. Да вотъ и школа, промолвила она, словно обрадовавшись, что можетъ прекратить этотъ для нея непріятный разговоръ.

По низкимъ ступенькамъ я вошелъ въ довольно обширную классную комнату. Учитель среднихъ лѣтъ, сухой, худощавый блондинъ.—Дѣтей было около сорока. Мальчики сидѣли направо, дѣвочки — налѣво, на семи лавкахъ, сообразно тому, сколько лѣтъ они уже ходили въ школу.

Былъ какъ разъ урокъ закона Божія—на островѣ живутъ менониты; я извинился, если помѣшалъ занятіямъ, просилъ продолжать и сталъ вглядываться въ лица дѣтей. На переднихъ скамейкахъ сидѣли самыя маленькія—и какъ всѣ маленькія и сытыя дѣтки были миловидны. Съ открытыми ротиками, круглыми отъ удивленія глазами, уставились они на гостя. Зато дальше, по мѣрѣ того, какъ они мужали, на лицахъ и дѣвочекъ, и мальчиковъ проглядывали характерныя черты ихъ племени. Толстыя лица, желто-бѣлокурые волосы, маленькіе глаза и жирныя неуклюжія фигуры — рѣзко отличали ихъ отъ юныхъ малороссовъ и малороссіянокъ по ту сторону Днѣпра.

Учебники на столѣ учителя все нѣмецкіе: книги—Lesebuch für die menonitische Jugend des Süd-Russlands, изданная въ Лейпцигѣ; Menonitischer Katechismus, тоже нѣмецкое изданіе. На стѣнѣ висѣли лишь географическія карты, да высоко, надъ входными дверями, виднѣлся портретъ генерала верхомъ, очень похожій на Бисмарка.

Между тѣмъ урокъ окончился.

— Nehmet eure russichen Bücher, приказалъ учитель.

И затѣмъ начался нѣмецкій урокъ русскаго языка. Боже мой! что это была за каррикатура. «Взліезу»—еле-еле читаетъ четырнадцатилѣтній малый, семь лѣтъ уже ходящій въ школу. «Въ ліезу», поправляетъ его учитель, и это должно было означать «въ лѣсу»...

Было уже около полудня, когда я вернулся въ домъ сельскаго старосты. Теперь дворъ былъ полонъ движенія и шума. У водопоя стояло шестнадцать рослыхъ, сытыхъ лошадей, нѣсколько русскихъ батраковъ возились около нихъ и около трехлемешныхъ плуговъ и бороны. Навстрѣчу мнѣ вышелъ изъ дому самъ хозяинъ. Круглое, совершенно бритое лицо, медлительныя движенія, слабый голосъ,—все это какъ-то не вязалось съ кипучей дѣятельностью вокругъ. Тихой походкой съ перевальцемъ подошелъ онъ ко мнѣ.

Когда мы сѣли съ нимъ въ комнатѣ, я спросилъ его, между прочимъ, сколько душъ въ деревнѣ?

Староста молчалъ.

Я повторилъ свой вопросъ и, наконецъ, узналъ причину непонятнаго молчанія. «Ich verstehe nicht russisch; ich werde gleich den Schreiber rufen—отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ!..

Выходя изъ этого дома, въ открытыя двери столовой я увидѣлъ своеобразную картину. Вся семья старосты сидѣла за столомъ. Во главѣ возсѣдалъ хозяинъ, рядомъ съ нимъ — члены семьи, на нижнемъ концѣ помѣщались русскіе рабочіе. Повсюду звучала нѣмецкая рѣчь, въ которой, къ моему удивленію, принимали участіе и русскіе батраки.

Мимо меня служанка пронесла гигантскую миску съ какой-то невозможной бурдой, въ которой плавали куски свинины.

Припомнилось мнѣ при этомъ, какъ одинъ высокопоставленный государственный дѣятель объѣзжалъ нѣмецкія колоніи юга и также видѣлъ сцену обѣда колонистской семьи. «Отрадно видѣть, говорилъ онъ, какъ послѣ трудоваго дня сіи почтенные

труженики въ тихой бесѣдѣ вкушаютъ столь усердно заработанный ими хлѣбъ».

Иное впечатлѣніе произвела она на меня. Глядя на эту сытость, на это довольство, невольно вспомнилась убогая обстановка нашихъ крестьянъ и въ умѣ неотразимо стоялъ вопросъ: Отчего это различіе? Своимъ ли личнымъ качествамъ обязаны колонисты настоящимъ благосостояніемъ, или же они достигли его, благодаря непрестанной опекѣ русскаго правительства и ближайшаго начальства?

Изученіе того, что сдѣлано смотрителями и инспекторами колоній, для того чтобы пришедшую къ намъ въ Россію нѣмецкую лѣнивую голь превратить въ хорошихъ зажиточныхъ хозяевъ, къ сожалѣнію, не оставляетъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ и можетъ послужить блестящимъ доказательствомъ справедливости мысли, насколько умѣлая и просвѣщенная опека необходима для преуспѣянія сельскаго населенія.

Было около семи часовъ вечера, когда мы пустились въ обратный путь. Солнце уже садилось, и въ воздухѣ чуялась вечерняя сырость. Изъ далекаго селенья Александровскаго доносился по водѣ слабый звукъ благовѣста.

У бѣлыхъ каменныхъ заборовъ чинно возсѣдали старики-нѣмцы. Бритые, всѣ на одно лицо, всѣ въ одинаковой одеждѣ— широкій пиджакъ, отложные воротники рубашки и высокіе сапоги. Не слышно ни пѣсенъ, ни веселаго говора. Все тихо, методично и спокойно. Даже встрѣтившаяся намъ пара—молодой нѣмецъ съ нѣмкой, вѣроятно Verlobte—казалось, точно по заранѣе установленному образцу шли въ ногу.

Не то было въ Хортицѣ лѣтъ сто тому назадъ. Эти вѣковыя скалы и деревья могли бы много разсказать, какъ постепенно и упорно насаживались здѣсь нѣмецкіе элементы и какъ шагъ за шагомъ они вытѣсняли все русское.

Въ теченіе вѣковъ здѣсь былъ главный центръ борьбы за православіе и за русскую народность. Въ теченіе вѣковъ окрестное населеніе привыкло взирать на этотъ островокъ, какъ на оплотъ и на защиту противъ гнета иноземщины. Но безповоротно прошло это время. Въ ночь 4 іюля 1775 г., на островъ Хортицу явился генералъ-поручикъ Текеллій «съ вѣренными ему на сей предметъ войсками», окружилъ Запорожскую Сѣчь, арестовалъ войсковаго старшину вмѣстѣ съ послѣднимъ кошевымъ атаманомъ, Петромъ Колнышевскимъ, разрушилъ всѣ

селенія запорожцевъ и—не стало больше Сѣчи «въ ея политическомъ уродствѣ, слѣдовательно же—и казаковъ сего имени, какъ сказано въ манифестѣ 3-го августа 1775 г. И теперь тамъ, гдѣ собирался войсковой кругъ, методическіе нѣмцы обсуждаютъ, что сдѣлать, чтобы прочнѣе насадить сѣмя германизма на этой обагренной русской кровью почвѣ...

Мы достигли перевоза. Здѣсь раздавались какіе-то сердитые, визгливые крики. При подъемѣ на берегъ русскій батракъ-кучеръ, неловко повернувши, накренилъ бричку. Нѣмка-хозяйка съ дочерью яростно накинулись на него, крича злобно и властно. Звонкая нѣмецкая брань такъ и сыпалась въ тихомъ вечернемъ воздухѣ—a, du bestie! a du russisches Schwein!—визжала нѣмка. Батракъ-хохолъ, могучій и громадный, смиренно стоялъ передъ нею, снявъ шапку и покорно выпося барскіе окрики разсвирѣпѣвшей нѣмки.

Мы были уже на паромѣ, а брань все не переставала. На томъ берегу, въ послѣдній разъ оглянулся я на островъ. Вечернія сумерки сгущались; сумрачно глядѣли съ противуположнаго берега темныя скалы; островъ постепенно скрывался въ туманной мглѣ. И послѣдній звукъ, который донесся до насъ съ Хортицы, послѣднимъ привѣтомъ этой исторической святыни юга Россіи – былъ злобный крикъ: «A du russisches Schwein!»

Эта картина нѣмецкихъ колоній на островѣ Хортицѣ врѣзалась мнѣ въ память какъ-то особенно рѣзко; кромѣ того, эта маленькая иллюстрація внѣшней стороны жизни колоній представляетъ прототипъ образа жизни всѣхъ нѣмецкихъ колоній на югѣ вообще.

Главное, что́ поражаетъ среди здѣшнихъ нѣмцевъ, это удивительное однообразіе. Всѣ видѣнныя мною колоніи расположены какъ части войскъ по одному плану и слажены по одному образцу.

По обѣимъ сторонамъ широкой улицы ровными линіями тянутся прямые каменные заборчики съ однообразными фронтонами у воротъ; за ними зеленѣютъ сады, и во дворѣ углублены дома колонистовъ. Всѣ дома каменные, крытые черепицей или желѣзомъ, смотря по мѣстности. Архитектура ихъ также однообразная, двухъ типовъ. Одни въ видѣ англійскихъ коттеджей; довольно высокіе въ шесть оконъ по фасаду, съ низ-

кой пологой крышей; другіе дома, наоборотъ, сами низкіе, за то крыша непомѣрной вышины; въ послѣднемъ типѣ построекъ есть еще одна своеобразная особенность: конюшни и хлѣва подведены подъ одну крышу съ жилымъ помѣщеніемъ. Такимъ образомъ колонистъ, зимой, пройдя лишь небольшія сѣни, прямо въ туфляхъ, не выходя на воздухъ, можетъ идти по утру убирать скотину; въ нѣкоторыхъ домахъ случалось даже видѣть, что въ самомъ концѣ зданія устроенъ и колодезь.

Внутреннее убранство также большею частью совершенно одинаково. Незатѣйливая, но мягкая мебель, стѣнное зеркало, громадная кровать съ горой подушекъ и жидкихъ перинъ и неизмѣнные портреты Бисмарка и Вильгельма на стѣнѣ.

Хозяйство ведется повсюду многопольное, лошадьми и при помощи новыхъ усовершенствованныхъ машинъ и орудій.

Благосостояніе и даже богатство проглядываетъ во всѣхъ отрясляхъ и проявленіяхъ колоніальной жизни. Южный колонистъ-нѣмецъ, у котораго кромѣ своей надѣльной—есть еще тысяча десятинъ на сторонѣ, явленіе заурядное. Есть колонисты, какъ напримѣръ, Фейнъ и Люстигъ, которые владѣютъ количествомъ до 300.000 десятинъ земли. Такіе колонисты ѣздятъ уже не иначе, какъ въ рессорныхъ экипажахъ и зачастую посылаютъ своихъ дѣтей воспитываться въ Германію. Во всякой колоніи помѣстительный домъ отведенъ подъ школу, и на каждыя двѣ-три колоніи приходится кирка или молитвенный домъ (у менонитовъ). Есть волостные писаря, которые получаютъ по 3.800 рублей содержанія, при готовой квартирѣ.

Но какъ ни однообразна внѣшняя сторона колоній, внутренній строй ихъ жизни еще единообразнѣе. Повсюду однѣ и тѣ же характерныя черты. Во всѣхъ колоніяхъ прежде всего поражаетъ полная ихъ обособленность и отчужденность отъ русскаго населенія. При посѣщеніи колоніи сразу вступаешь въ какой-то своеобразный, ничего общаго съ Россіей не имѣющій, міръ. Другой типъ людей, иная одежда, чуждый языкъ. Но разница эта между нѣмецкими колонистами и окрестнымъ русскимъ населеніемъ еще рельефнѣе выступаетъ при болѣе близкомъ знакомствѣ съ колоніальной жизнью. Нѣмцы еле понимаютъ и совсѣмъ не говорятъ по-русски да и не выказываютъ никакого желанія изучить рѣчь страны, которая ихъ пріютила и кормитъ. За послѣднее десятилѣтіе, подъ вліяніемъ льготъ, предоставляемыхъ при отбываніи воинской повинности, въ ко-

лонистахъ невольно зародилась мысль о необходимости, съ этой точки зрѣнія, изученія русскаго языка, выразившаяся тѣмъ, что они ввели преподаваніе русскаго языка въ своихъ приходскихъ школахъ; но при болѣе чѣмъ неудовлетворительномъ составѣ преподавателей, результаты такого изученія въ большинствѣ случаевъ сводятся къ нулю. Мало того, въ нѣмецкихъ колонистахъ явно проглядываетъ пренебрежительное отношеніе ко всему русскому—die Kerls, die russischen Schweine, говоритъ колонистъ про своихъ русскихъ рабочихъ и то же, разумѣется, высказываютъ они, гдѣ могутъ и смѣютъ, по отношенію и къ русскимъ властямъ. Каждый мѣстный административный дѣятель можетъ разсказать цѣлый рядъ возмутительныхъ проявленій этого враждебнаго духа. Это проглядываетъ всюду, даже въ мелочахъ. Такъ, въ рѣдкой школѣ мнѣ могли назвать правильно имя Государя. Въ одной даже школѣ на поставленный мною на нѣмецкомъ языкѣ вопросъ—«Wie heiszt unser Kaiser» ребенокъ отвѣтилъ—«Вильгельмъ!»—Въ одной колоніи самъ школьный учитель не зналъ титула «Императорскаго Величества», замѣнивъ его словомъ «Его Высокоблагородіе». Были случаи что на богослуженіи въ колоніяхъ на ряду съ царской фамиліей произносились молитвы за германскаго императора Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, несмотря на формальныя запрещенія, книги сельскихъ правленій ведутся на нѣмецкомъ языкѣ и т. п. Не ограничиваясь тѣмъ, что не считаютъ себя русскими, наши нѣмцы-колонисты, послѣ вѣковаго пребыванія у насъ, продолжаютъ дѣятельно поддерживать связь съ Германіей, неизмѣнно держа знамя нѣмецкой національности. Они выписываютъ массу иностранныхъ газетъ и журналовъ. Вотъ напримѣръ списокъ періодическихъ изданій, выписываемыхъ однимъ колоніальнымъ волостнымъ правленіемъ. Русскія обязательныя: «Губернскія Вѣдомости», «Сельскій Вѣстникъ». Нѣмецкія: «Одесскій Вѣстникъ», «С.-Петербургскій Герольдъ», «Рижскій Вѣстникъ, «Христіанскій Вѣстникъ», «Дагеймъ», «Національная Газета», «Эхо» (газета, спеціально издающаяся въ Германіи для колонистовъ), «Берлинскій Листокъ», «Гартенлаубе», «Евангелическій воскресный листокъ» и проч. Это выписывается черезъ волостное правленіе. Кромѣ того, отдѣльные колонисты получаютъ очень много заграничныхъ политическихъ газетъ. Они весьма дѣятельно слѣдятъ за ходомъ международной политики, и, конечно, не трудно угадать, чьи инте-

ресы имъ всего дороже и гдѣ всѣ ихъ симпатіи. Безчисленные портреты Бисмарка, вывѣшенные даже во въѣзжихъ почтовыхъ избахъ, въ глуши Екатеринославской и Херсонской губерній, яснѣе всякихъ словъ доказываютъ, что у желѣзнаго канцлера и здѣсь, въ центрѣ Россіи, есть вѣрные, преданные ему слуги, которыхъ разселеніе здѣсь—само собою разумѣется—нисколько не противъ его плановъ.

У насъ найдутся мудрецы и философы, которые будутъ недоумѣвать, какъ можно возмущаться и негодовать на нѣмцевъ за то, что они въ душѣ всегда остаются нѣмцами. Вслѣдствіе этого, становятся ли они измѣнниками? Развѣ это вліяетъ на исправность платимыхъ ими государственныхъ и земскихъ повинностей? Вѣдь не возбуждаете же вы, скажутъ они намъ, вопроса о колонистахъ-сербахъ, грекахъ и болгарахъ, а между тѣмъ и они до сихъ поръ остаются такими же чуждыми Россіи, какъ и нѣмцы? Такія возраженія намъ случалось слышать по поводу даже нашихъ историческихъ очерковъ иностранной колонизаціи въ Россіи. Еще съ большей настойчивостью они, вѣроятно, возникнутъ въ настоящее время. Поэтому мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Не всякій, аккуратно платящій повинности и принесшій присягу, можетъ назвать себя русскимъ.

Для этого нужны не одни только пассивныя качества; необходима дѣятельная любовь къ Россіи и сердечное единеніе съ коренными началами и духовными основами, на которыхъ держится и которыми стоитъ наша страна. Если же такой «русскій подданный» не понимаетъ, да и не хочетъ понять основъ жизни этой, по его мнѣнію, «inferiorer russischer Rasse», мало того, если онъ неустанно взираетъ на Германію, только оттуда ожидая и культуры, и прогресса, и свѣта духовной истины, неужели мы можемъ считать такого человѣка своимъ согражданиномъ?

Гдѣ горячее чувство, тамъ и ревность, и страданіе за то, что любишь, поэтому больно становится, видя, какъ нѣмцы, удостоившіеся права именоваться русскими подданными, попираютъ это право ногами, и невольно, изъ глубины сердца, подымается вопросъ: «чего же они сидятъ здѣсь, если сердце ихъ въ Берлинѣ, зачѣмъ втираются они въ нашу среду?» Не нужны намъ ни они, ни ихъ «букеры и молотилки», пусть идутъ-себѣ, откуда пришли!.. Отчужденность болгаръ и сербовъ далеко не

представляетъ того серьезнаго для насъ значенія и враждебнаго смысла, какъ замкнутость и обособленность жизни нѣмецкихъ колонистовъ, уже по одному тому, что первые близки къ намъ по своимъ племеннымъ свойствамъ; кромѣ того, ни за болгарами, ни за сербами, ни за греками не стоитъ, какъ за этими нѣмцами-колонистами, такого грознаго, вооруженнаго народа, располагающаго милліонами штыковъ.

Но есть еще одинъ угрожающій фактъ въ нѣмецкой колонизаціи въ Россіи, который, помимо всякихъ иныхъ соображеній, сразу кладетъ рѣзкую грань между нѣмецкими колоніями юга и всѣми другими иноплеменными элементами имперіи. Мы говоримъ о систематической скупкѣ земель нѣмцами-колонистами на югѣ Россіи. Интересно прослѣдить этотъ фактъ въ его историческомъ развитіи. Ростъ землевладѣнія колоній до семидесятыхъ годовъ *шелъ съ помощью казны* отводомъ имъ подъ новыя поселенія казенныхъ земель. Такимъ образомъ, въ 1864 году, т. е. черезъ сто лѣтъ послѣ перваго ихъ водворенія, во владѣніи колоній вообще состояло до $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ земли, изъ которыхъ больше половины приходилось на южныя губерніи Россіи [1]).

Но уже въ то время начинается ростъ *частнаго* землевладѣнія колонистовъ, которое безостановочно продолжается, все въ возрастающихъ размѣрахъ, до самаго послѣдняго времени. Колонистскія общества и отдѣльные колонисты десятками тысячъ десятинъ скупаютъ земли русскихъ частныхъ владѣльцевъ. Для примѣра приведемъ таблицу, наглядно рисующую движеніе частной земельной собственности по Екатеринославскому уѣзду [2]). (Таблица помѣщена на слѣдующей страницѣ).

Изъ приведенной таблицы видно, что частное землевладѣніе систематически росло изъ года въ годъ и съ 5.133 десятинъ возросло до 51.402, т. е. увеличилось въ десять разъ; крестьянское землевладѣніе также возросло, но съ большими колебаніями и въ несравненно меньшей степени; между тѣмъ, какъ дворянское землевладѣніе также систематически уменьшается съ каждымъ годомъ и въ настоящее время съ $399.269^3/_4$ дес. спустилось до $231.169^1/_2$ десятинъ.

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ будутъ помѣщены ниже.

[2]) Какъ настоящія, такъ и всѣ послѣдующія цифровыя данныя, приводимыя въ этой статьѣ, добыты нами изъ отчетовъ уѣздныхъ земскихъ управъ за 1888 и предъидущіе годы.

Въ какомъ году.	Дворянъ.		Крестьянъ.		Колонистовъ-нѣмцевъ.	
	Состояло владѣльцевъ.	Въ обладаніи ихъ находилось десятинъ земли.	Состояло владѣльцевъ.	Въ обладаніи ихъ находилось десятинъ земли.	Состояло владѣльцевъ.	Въ обладаніи ихъ находилось десятинъ земли.
1861	231	339.269 3/4	1	400	2	5.133
1862	231	367.485 1/4	1	400	3	5.839
1863	227	364.619 3/4	4	1.215	5	6.825 1/2
1864	233	359.405 3/4	4	1.215	7	11.961 1/2
1865	232	357.693 3/4	5	2.327	8	12.561 1/2
1866	231	352.610 1/4	6	2.414 1/2	8	13.189 1/2
1867	223	340.184 1/4	9	2.730 1/2	8	15.234 1/2
1868	209	316.860 1/4	10	2.730 1/2	18	22.506 1/2
1869	197	303.441 1/2	13	4.509 1/2	20	23.589
1870	189	301.066 1/4	13	4.509 1/2	22	24.561 1/4
1871	193	295.972 1/4	13	3 618 1/2	39	27.016 1/4
1872	191	292.018 1/4	14	3.619 1/2	39	27.010 1/4
1873	186	289.168 1/4	13	3.419 1/2	42	27.560 1/4
1874	187	289.468 1/4	13	3.119 1/2	42	28.218
1875	183	287.733	14	3.350 1/2	49	29.704 1/4
1876	178	288.224 1/2	14	3.350 1/2	48	29.212 3/4
1877	176	287.222 1/2	31	3.485 1/2	48	29.237 3/4
1878	173	284.702 1/2	31	3.485 1/2	49	30.493 3/4
1879	169	282.712 1/2	31	3.485 1/2	51	31.076 3/4
1880	168	280.775 1/2	33	4.132 1/2	58	32.893 3/4
1881	168	280.707 1/4	32	4.126 1/3	64	33.986
1882	169	272.399	49	7.141 1/4	66	35.680
1883	167	267.682 1/4	57	8.558 1/2	67	36.348
1884	163	256.388	69	10.645 1/4	68	42.047 1/4
1885	160	245.481	81	13.673 3/4	72	45.775 1/2
1886	167	243.719 3/4	85	13.968 1/2	72	45.950 1/4
1887	163	237.546 1/4	129	18.267 3/4	72	47.706 3/4
1888	163	231.169 1/2	134	20.010 3/4	73	51.182

Высчитано, что ежегодно дворяне теряютъ 1% своей земли, причемъ процентъ этотъ распредѣляется между другими сословіями слѣдующимъ образомъ: мѣщане пріобрѣтаютъ 0,03%, купцы 0,18%; крестьяне 0,20% и нѣмцы-колонисты 0,59%., т. е. больше половины всего количества. Если же прибавить къ

частной собственности нѣмцевъ-колонистовъ ихъ общественную землю въ Екатеринославскомъ уѣздѣ—получится, что въ рукахъ ихъ сосредоточено 109.186 дес. земли.

Тотъ же фактъ повторяется и въ другихъ уѣздахъ нашего юга, гдѣ только есть нѣмецкіе колонисты, а они теперь расплодились почти повсюду. Вездѣ колонистское землевладѣніе ростетъ въ ущербъ и на счетъ землевладѣнія дворянскаго и крестьянскаго.

Въ настоящее время количество земли, состоящей во владѣніи колонистскихъ обществъ (надѣльной и пріобрѣтенной цѣлыми обществами)—можетъ выразиться слѣдующими валовыми цифрами: въ Самарской губерніи 900 т. десятинъ; въ Саратовской 470 т. десятинъ; въ Бессарабской 300 т. десятинъ; въ Таврической 500 т. десятинъ; въ Екатеринославской 600 т. десятинъ; въ Херсонской 650 т. въ Кіевской, Волынской и Подольской до 600 т. десятинъ; въ области войска Донскаго 52 т.; въ Ставропольской губ. 20 т. и въ Кубанской области 40 т. десятинъ.

Всего во владѣніи колонистскихъ обществъ состоитъ въ перечисленныхъ 10 губерніяхъ и 2 областяхъ *до четырехъ съ половиною милліоновъ десятинъ земли.* Если прибавить еще сюда частное землевладѣніе колонистовъ, преимущественно распространенное въ губерніяхъ Екатеринославской, Таврической и Херсонской и достигающее въ этихъ губерніяхъ до двухъ милліоновъ, получится, что въ рукахъ нѣмцевъ въ настоящее время находится *до семи милліоновъ десятинъ русской земли.*

Насколько въ общемъ сильно это движеніе скупки земель, видно изъ того, что во время моего пребыванія въ колоніяхъ были частью закончены, частью начаты слѣдующія сдѣлки по покупкѣ земель: у князей Урусовыхъ 17 т. десятинъ въ Харьковской губерніи; Илляшевича 16 т. десятинъ тамъ же; у наслѣдниковъ Борисовскихъ 22 т. десятинъ; у г. Выметнева 18 т. десятинъ; у графини Игнатьевой 17 т. десятинъ; у Милорадовича въ разныхъ мѣстахъ до 20 т. десятинъ и у ген. Орлова вышеупомянутыя 5 т. десятинъ. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ на моихъ глазахъ въ руки нѣмцевъ перешло 115 т. десятинъ лучшей земли на нашемъ югѣ.

Но что-за причина и какой источникъ такихъ огромныхъ распродажъ и торопливыхъ и щедрыхъ покупокъ, гдѣ начало

этого явленія, принимающаго въ наши дни такое грозное значеніе?

Первою побудительною причиною скупки земель нѣмцами на югѣ Россіи была особенная форма ихъ землевладѣнія, созданная нашимъ же правительствомъ.

У насъ существуютъ двѣ формы землевладѣнія: общинная,—съ періодическими передѣлами земли на наличныя души, и подворная—съ правами каждаго владѣльца дробить свой участокъ и распоряжаться имъ вполнѣ безконтрольно. Нѣмцы не приняли ни той, ни другой формы. При своемъ водвореніи они выговорили себѣ нѣкоторыя особыя земельныя права, которыя, будучи подтверждаемы и развиваемы послѣдующими правительственными распоряженіями, получили окончательную санкцію въ Уставѣ о колоніяхъ иностранныхъ въ Имперіи, т. XII, ч. II, изд. 1857 г.

Сущность этой формы землевладѣнія, неизвѣстной нашимъ гражданскимъ законамъ и которую всего точнѣе назвать лично-общинной, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ:

1) Всѣ отведенныя подъ поселенія колонистовъ земли присвоены имъ въ вѣчно-потомственное владѣніе, но не въ личную кого-либо, а въ общественную каждой колоніи собственность, безъ права отчуждать эту собственность въ постороннія руки (ст. 159, 160, 248—251 Уст. о колоніяхъ).

2) При самомъ основаніи колоніи поселянское общество отведенную ему землю распредѣляетъ по угодьямъ, частью въ общее (выпасъ, лѣсъ, воды), частью же въ лично-потомственное пользованіе (усадьба, поля, сѣнокосъ) своихъ членовъ уравнительно, но не по числу душъ, а подворно или посемейно (ст. 155, 156, 170 Уст. о кол.), причемъ такіе подворные и ли посемейные надѣлы никогда *уменьшаемы быть не могутъ* ни количественно, ни качественно (ст. 173 Уст. о кол.).

3) Первоначальный участковый надѣлъ остается изъ рода въ родъ въ исключительномъ лично-потомственномъ пользованіи одного хозяина (ст. 172), причемъ, однако, въ подворныхъ участкахъ устраняется всякій личный произволъ колониста-владѣльца. Такой участокъ можетъ переходить только къ однообщественнику, и въ порядкѣ наслѣдованія установлены особыя правила.

Легко оцѣнить все экономическое значеніе указанной формы

землевладѣнія. Не будучи ни общинной, ни подворной, она является комбинаціей обоихъ этихъ началъ собственности и безусловно можетъ быть признана самымъ лучшимъ и цѣлесообразнымъ условіемъ для поднятія благосостоянія сельскаго населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, эта форма землевладѣнія вызываетъ значительныя послѣдствія. И прежде всего въ области правовой — въ порядкѣ наслѣдованія колонистовъ.

Какъ мы видѣли, базисомъ ихъ формы землевладѣнія является недробимость первоначальныхъ надѣловъ (60—65 дес.). Такимъ образомъ, отцу наслѣдуетъ всегда только одинъ сынъ, и нашъ законъ (ст. 170) устанавливаетъ въ этомъ отношеніи минoратство, т. е. наслѣдованіе меньшаго сына; но колонисты, отступивъ отъ этого положенія, обычаемъ усвоили себѣ слѣдующій порядокъ наслѣдованія:

Послѣ смерти отца прямые наслѣдники собираются и производятъ между собою аукціонную продажу двора-хозяйства со всѣми недвижимостями, но безъ инвентаря. Дворъ остается за тѣмъ изъ сыновей, который дастъ наибольшую сумму, — обыкновенно 6—10 тысячъ рублей. Сумма эта поступаетъ въ общую массу движимаго имущества, которое дѣлится между всѣми наслѣдниками поровну, причемъ получаетъ свою долю и тотъ братъ, который выкупилъ за себя дворъ-хозяйство. Затѣмъ въ практическомъ примѣненіи такой порядокъ дѣлаетъ то, что послѣ смерти каждаго колониста остается три, четыре, а иногда и больше, сыновей, которые не получаютъ земельнаго надѣла. Образуется классъ безземельныхъ — родъ сельскаго пролетаріата; обязанность пріискать землю для нихъ всецѣло падаетъ на общество, къ коему они принадлежатъ, и усиленно толкаетъ такимъ образомъ колонистскія общества къ покупкѣ земельнаго имущества.

Объяснимъ нашу мысль примѣромъ.

Возьмемъ колонію, имѣвшую при своемъ водвореніи 40 дворохозяевъ, и, предполагая по четыре сына въ семьѣ, получится, что 40 изъ нихъ унаслѣдуетъ дворы отцовъ, для 120 же общество должно озаботиться пріобрѣтеніемъ по 50 десятинъ на каждаго (по обычаю колонисты не могутъ вести хозяйство на меньшемъ количествѣ земли),—т. е. 6.000 десятинъ; у всѣхъ этихъ сыновей, т. е. 160, въ свою очередь, также будутъ дѣти, изъ которыхъ, принимая нашъ прежній разсчетъ, — по четыре сына на семью, три четверти, т. е. 480 человѣкъ потребуютъ

каждый по 50 десятинъ, и только 120 сядутъ на надѣлъ отцовъ. Въ третьемъ уже поколѣніи число всѣхъ сыновей будетъ 640×4=2.560, изъ нихъ 640 получатъ надѣлы отцовъ, а для 1.920 человѣкъ общество станетъ покупать новую землю въ количествѣ уже 96.000 десятинъ.

Приведенный разсчетъ, конечно, приблизителенъ; можетъ случиться, что приростъ населенія будетъ значительно меньше, что многіе безземельные, отказавшись отъ земли, займутся торговлей или ремеслами—такихъ впрочемъ немного — но во всякомъ случаѣ въ общихъ чертахъ онъ рисуетъ вѣрную причину ежегоднаго увеличенія скупки земель нѣмцами на нашемъ югѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на количество земли, ежегодно покупаемой нѣмцами, на то, сколько они ежегодно водворяютъ своихъ безземельныхъ, и какъ число этихъ безземельныхъ не уменьшается, а напротивъ, все ростетъ, требуя отъ своихъ обществъ и отъ своихъ болѣе счастливыхъ братьевъ новыхъ денежныхъ затратъ, новыхъ покупокъ земли.

При всемъ серьезномъ и угрожающемъ въ будущемъ значеніи такого порядка вещей, мы, разумѣется, не думаемъ всецѣло пріурочить явленіе систематической скупки земель лишь къ тѣмъ или инымъ обычаямъ землепользованія.

Само собою разумѣется, далеко не одна только форма землевладѣнія толкаетъ такъ сильно нѣмцевъ къ скупкѣ земель; значительную роль играетъ въ данномъ случаѣ и врожденное всѣмъ земледѣльцамъ стремленіе къ землѣ, а также и скрытый, но несомнѣнно существующій глубокій антагонизмъ между нѣмцами-колонистами и сосѣднимъ русскимъ населеніемъ.

Чрезвычайно важный вопросъ является здѣсь самъ собою: откуда берутъ нѣмцы средства для покупки такой массы земли? Этотъ вопросъ невольно приходитъ на мысль при знакомствѣ съ удивительнымъ систематическимъ ростомъ колонистскаго землевладѣнія.

Прежде всего въ распоряженіи ихъ находятся громадные общественные капиталы. Какъ ни странно, но своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ капиталы эти, которые въ настоящее время являются средствомъ борьбы противъ всего русскаго, обязаны заботамъ нашего же управленія колоній. Въ заботливости своей устранить явленіе безземельности среди нѣмцевъ, управленіе отвело колоніямъ значительные участки земли подъ

названіемъ «овчаренныхъ», чтобы на доходы съ нихъ были постепенно пріобрѣтаемы земли для безземельныхъ нѣмцевъ. Поистинѣ примѣровъ такой заботливости напрасно стали бы мы искать относительно русскихъ землевладѣльцевъ! Доходы съ этихъ участковъ благодаря цѣлому ряду недоразумѣній—о которыхъ мы скажемъ далѣе подробно, *образовали въ настоящее время общественные капиталы*, достигшіе размѣровъ, возбуждающихъ недоумѣніе. Такъ общественный капиталъ Хортицкой волости доходитъ до *1.200.000 рублей*. Вообще же въ распоряженіи нѣмецкихъ волостей находятся сотни тысячъ для покупки новыхъ земель.

Такая систематическая скупка земель, въ связи съ обособленностью и враждебностью къ окрестному коренному населенію нѣмецкихъ колонистовъ, неизбѣжно приводитъ насъ къ вопросу о томъ, какое же вліяніе оказываетъ нѣмецкая колонизація на эти коренные элементы нашего отечества?

Въ этомъ отношеніи, какъ изъ личнаго своего наблюденія, такъ и изъ мнѣній лицъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу, я не могъ не вынести убѣжденія, что вліяніе нѣмцевъ на окрестное русское населеніе только отрицательное, мало того, прямо и безусловно вредное.

Защитники нѣмецкой колонизаціи указываютъ на господствующій у нихъ порядокъ, на ихъ благосостояніе, на то, что они подняли вообще уровень хозяйства. Но вѣдь они все это сдѣлали для себя, всѣ выгоды и улучшенія никогда не выходили изъ рамокъ ихъ замкнутой и обособленной жизни. Не нужно забывать, что не для собственнаго ихъ благосостоянія были вызваны и поселены съ такими льготами колонисты, не для этого же были затрачены на нихъ милліоны русскихъ трудовыхъ денегъ и отводились имъ сотни тысячъ десятинъ лучшей земли на нашемъ югѣ. Имѣлась въ виду, разумѣется, польза русскому населенію, поданіе ему образцовъ и примѣровъ лучшаго хозяйства. Насколько же они исполнили это свое назначеніе?

Намъ скажутъ, что нѣмецъ-колонистъ научилъ напр. малоросса пахать «букеромъ», ѣздить въ дышло и обработывать землю лошадьми. — Но неужели ради подобныхъ жалкихъ результатовъ стоило тратить такую массу денежныхъ и матеріальныхъ силъ? Между тѣмъ ни одинъ нѣмцефилъ не можетъ указать никакой другой пользы отъ нѣмецкой колонизаціи, если только не считать поль-

зой страшное поднятіе имп цѣнъ на земли на югѣ. Нѣмцы дѣйствительно такъ сильно поднимаютъ цѣны на землю, что конкуррировать съ ними въ покупкѣ и арендѣ земель не можетъ никто. Тамъ, гдѣ появляется нѣмецъ, цѣны на землю немедленно чуть не учетверяются. Тамъ въ Перекопскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, десять лѣтъ тому назадъ, цѣна земли была 8 рублей десятина, а аренда подъ распашку 1 р. 20 к. Явились туда нѣмцы, и цѣны съ 8 рублей поднялись до 60 рублей, а арендная плата возросла до 7 р. 50 к. Въ виду этого и понятны становятся лирическіе вопли земскихъ дѣятелей,—о которыхъ писали въ газетахъ, изъ Екатеринославля—«дайте намъ нѣмцевъ», взываютъ они. Для желающихъ ликвидировать свои дѣла нѣмцы, конечно—сущій кладъ. Но можно ли возводить себялюбивое стремленіе такихъ ликвидаторовъ къ лишнему рублю въ общій принципъ государственной политики? Поэтому, признавая фактъ поднятія нѣмцами цѣнъ на землю, мы склонны придать однако этому факту совершенно противуположное и также достойное пристальнаго вниманія значеніе.

Скупка земель нѣмцами есть явленіе ненормальное; отсюда и самый фактъ увеличенія цѣнъ на землю есть явленіе, совсѣмъ не вытекающее изъ условій сельскаго хозяйства, въ правильномъ его теченіи. Какія гибельныя послѣдствія можетъ повлечь за собой это форсированное поднятіе цѣнъ на землю, видно изъ слѣдующаго. Въ началѣ 70 годовъ въ Ананьевскомъ уѣздѣ, за Херсонскимъ земельнымъ банкомъ осталось имѣніе г-на М.—Оцѣнено оно было въ 30 рублей за десятину, и ссуда была выдана, въ половинномъ размѣрѣ; т. е. 15 рублей. Несмотря на такую осторожную ссуду, банку удалось продать это имѣніе лишь съ убыткомъ 6 рублей на десятину, т. е. по 9 рублей десятину. Прошло 12 лѣтъ, условія хозяйства въ этомъ имѣніи и вообще въ Ананьевскомъ уѣздѣ измѣнились очень мало; но въ уѣздѣ появились нѣмцы, и цѣны сразу удвоились, такъ что въ настоящее время Херсонскій банкъ выдалъ подъ то же имѣніе ссуду въ 30 рублей, оцѣнивъ десятину въ 65 рублей!

И въ такомъ же положеніи находятся дѣла всѣхъ другихъ кредитныхъ учрежденій, оперирующихъ землею.

Нѣмцы, такимъ образомъ, неразрывно связали свои интересы съ интересами этихъ кредитныхъ учрежденій, имѣющихъ несомнѣнно громадное значеніе для юга, и поэтому не удиви-

тельно, что приходится слышать: «что съ нами будетъ, если они перестанутъ покупать землю. Это повлечетъ за собой экономическій кризисъ для всего юга!»

Можно ли считать полезнымъ и желательнымъ такой порядокъ вещей? Форсированное поднятіе цѣнъ на землю является фактомъ прямо нежелательнымъ и вреднымъ въ экономической жизни такого земледѣльческаго государства, какъ Россія. Но не только для всего государства вредна въ настоящемъ своемъ положеніи нѣмецкая колонизація; она гибельно отражается и на благосостояніи окрестнаго населенія. Чтобы не заслужить упрека въ голословности, спѣшимъ привести выписку изъ журнала Екатеринославскаго уѣзднаго земскаго собранія 11 октября 1888 года: «Въ нашемъ уѣздѣ,—сказано тамъ,—нѣмецкіе колонисты съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе скупаютъ помѣщичьи земли и, окружая своими владѣніями русскія села, ставятъ послѣднія часто въ истинно безвыходное положеніе. Нѣмцы не только мелкіе, но и самые крупные собственники въ 4—5 т. десятинъ, не сдаютъ своихъ земель въ аренду русскому населенію ни съ копны, ни за деньги, почему крестьянамъ, окруженнымъ нѣмецкою землею, остается одно: или искать переселенія или изъ самостоятельныхъ хозяевъ сдѣлаться бездомными батраками у тѣхъ же нѣмцевъ».

«Случаи эти не рѣдки и повторяются сплошь и рядомъ огульно; изъ 39 тысячъ десятинъ, принадлежавшихъ нѣмцамъ въ 1861 г. къ 1 января 1888 г., ихъ владѣнія достигли 105 т. десятинъ или $^1/_6$ всей территоріи уѣзда, въ началѣ нынѣшняго года колонистами вновь куплено слишкомъ 3.000 десятинъ, такъ что лѣтъ черезъ 30 — 40 *уѣзду грозитъ полная германизація*».

«Крестьянамъ конкуррировать съ нѣмцами невозможно даже при помощи крестьянскаго банка; ссуды банка ограничены нормами, не превышающими $^1/_3$ настоящей стоимости десятины; своихъ же средствъ у крестьянъ немного. Бывали случаи, что при помощи банка крестьяне приторговывали землю у помѣщика; но колонисты, *пользовавшіеся долгое время большими льготами и составившіе черезъ то значительные капиталы*, прибавляли по 10 или 15 рублей на десятину; крестьянская сдѣлка разстраивалась, и земля оставалась за нѣмцами».

«Поэтому собраніе полагало бы необходимымъ возбудить ходатайство о воспрещеніи колонистамъ дальнѣйшихъ поку-

покъ земель въ нашемъ уѣздѣ, какъ это сдѣлано въ отношеніи русскихъ подданныхъ-евреевъ или по крайней мѣрѣ объ ограниченіи такихъ покупокъ извѣстнымъ размѣромъ». По выслушаніи этого заявленія, поддержаннаго гласными: Н. Ф. Ольшевскимъ, А. А. Савицкимъ, К. И. Трипольскимъ, Д. П. Шишкинымъ, А. Я. Толстиковымъ и многими другими, собраніе опредѣлило: ходатайствовать чрезъ губернское земское собраніе, чтобы дальнѣйшее пріобрѣтеніе частныхъ земель колонистами, поселенными въ нашемъ уѣздѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, по распоряженію правительства, было ограничено размѣромъ; колонистамъ же, переходящимъ изъ другихъ губерній и уѣздовъ—таковое было воспрещено вовсе, какъ гибельное для жизни мѣстнаго населенія.

Подлинный журналъ за подписью предсѣдателя собранія и присутствовавшихъ гласныхъ. Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого ходатайства, но изложенное заявленіе гласныхъ даетъ точное представленіе о положеніи дѣла. Стоитъ только расширить схему и распространить сказанное въ этомъ журналѣ на весь нашъ югъ, и мы получимъ полное представленіе о качествѣ вліянія, которое оказываютъ нѣмцы на окрестное русское населеніе.

Вездѣ, гдѣ появляются нѣмцы, крестьяне немедленно начинаютъ бѣднѣть. Ихъ продукты, собранные съ 3-хъ или 4-хъ десятинъ, не могутъ выдержать конкурренціи лучшаго качества производствъ, добываемыхъ богатымъ нѣмцемъ при усовершенствованныхъ орудіяхъ и при хозяйствѣ, поставленномъ минимумъ на 65 десятинахъ. Русское населеніе немедленно изгоняется изъ купленныхъ и заарендованныхъ земель и подъ давленіемъ тяжкаго гнета принуждено *научиться говорить по-нѣмецки*, чтобы поневолѣ имѣть дѣло съ своими новыми сосѣдями.

Многоразличны и многообразны частные случаи эксплоатаціи нѣмцами русскаго населенія; ихъ вдругъ не перечислишь, но они хорошо извѣстны каждому мѣстному дѣятелю, и въ нашихъ рукахъ въ этомъ отношеніи находится рядъ самыхъ возмутительныхъ фактовъ. Сюда входятъ и ростовщичество, и притѣсненіе русскаго рабочаго, неплатежъ ему денегъ за работу и т. п. Для иллюстраціи же безвыходнаго положенія, въ которое нѣмцы ставятъ подчасъ русскія села, мы приведемъ только выдержку изъ подлиннаго прошенія, подписаннаго 58 крестьянами и поданнаго ими недавно одному изъ начальствующихъ лицъ въ одной изъ южныхъ губерній.

«Нѣмцы окружили насъ со всѣхъ сторонъ, забрали наши сѣнокосы и пастбища, стѣснили насъ и всѣхъ жителей до крайности; скотъ нашъ не имѣетъ выпаса, и мы сами, коренные жители, не имѣемъ свободнаго проѣзда и прохода, ибо всѣ старыя дороги перегорожены нѣмцами, а если кто проходитъ черезъ ихъ землю, то нѣмцы бьютъ и убиваютъ даже до смерти. Такъ они перебили массу скота (приведены цифры), а также убили одного нашего односельчанина (приведено имя)—кромѣ сего почти ежедневно нападаютъ на насъ толпой и наносятъ личныя обиды, калѣчатъ скотъ и угнетаютъ и всячески разоряютъ насъ. Что намъ дѣлать, гдѣ искать защиты и справедливости, мы ужъ не знаемъ».

Не только, однако, въ области экономической проявляется вредное вліяніе нѣмецкой колонизаціи, еще гибельнѣе и тлетворнѣе оно въ области религіозно-нравственной и политической.

На югѣ народилось въ настоящее время очень грустное для Россіи явленіе, съ которымъ придется считаться очень серьезно и которое всецѣло является дѣломъ нѣмецкихъ поселенцевъ. Мы говоримъ о штундѣ.

О штундѣ столько было говорено и писано, и за и противъ, что прежде чѣмъ обрисовывать ея положеніе въ настоящемъ, необходимо дать хотя бы бѣглый очеркъ ея историческаго развитія и сущности этой секты, о которой такъ разнорѣчиво судятъ разные поверхностные наблюдатели.

Братство штунды началось не въ Россіи, а въ Германіи. Основателемъ его слѣдуетъ считать Филиппа-Якова Шполера, умершаго въ 1705 г. въ Берлинѣ пробстомъ (благочиннымъ). Онъ первый нашелъ полезнымъ сблизить тѣхъ христіанъ его прихода, которые болѣе другихъ алчутъ духовной пищи и проникновенія въ разъясненія христіанской истины.

Мало-по-малу стали возникать въ приходахъ тѣсные кружки «братьевъ о Христѣ» и распространяться по всей протестантской Германіи, особенно же въ Виртембергѣ, гдѣ и получили названіе Stunde (часъ), потому что «братья» собирались въ извѣстные часы для молитвъ и духовныхъ бесѣдъ.

Въ 1817 году первые братья-штунде переселились изъ Виртемберга въ Россію и здѣсь, на берегахъ Чернаго моря, впервые насадили штундизмъ въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Нѣкоторое время штундизмъ оставался только въ ихъ кругу, не проникая въ среду кореннаго православнаго населенія.

Такъ дѣло шло до 1867 г., когда въ колоніи Рорбахъ по-

явился молодой пасторъ Бонекемпферъ, горячій пропагандистъ штундовыхъ собраній. У него были два русскихъ работника, батраки, которые зачастую слушали его проповѣди, и вотъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1867 года, эти два батрака — сами жители деревни Основы, въ 7-ми верстахъ отъ Рорбаха — въ одинъ прекрасный день сняли со стѣны образа и принесли ихъ своему священнику, заявивъ ему, что они имъ уже не нужны, такъ какъ они познали свѣтъ истинной вѣры.

Такъ начался штундизмъ среди православнаго населенія, и въ настоящее время — распространившись съ необычайной быстротой — въ рядахъ его числится уже нѣсколько тысячъ послѣдователей. Очень долго считали штундизмъ явленіемъ далеко не вредоноснымъ, и даже теперь есть люди, которые склонны въ немъ видѣть невинное стремленіе къ познанію истины. Въ печати, въ особенности въ концѣ семидесятыхъ годовъ, нерѣдко раздавались горячіе панегирики въ пользу этого «русскаго раціонализма», при наклонности осуждать все русское и православное. Такъ, въ «Голосѣ», напр., въ 1878 г., по поводу дѣла о штундистахъ, разбиравшагося въ Одесскомъ окружномъ судѣ, писали: «просматривая напечатанный въ газетахъ процессъ штундистовъ, можно подумать, что мы переносимся въ первыя времена христіанства или въ мрачное инквизиціонное время и время религіозныхъ костровъ! Люди, читающіе евангеліе, стремящіеся жить по евангельскому слову, вести себя, какъ истинные христіане; люди, ищущіе нравственной истины, но *не находящіе ея въ формальной сторонѣ религіозныхъ обрядовъ* (!); люди честные, трудящіеся, выполняющіе свои обязанности въ отношеніи государства и общества — эти люди привлечены на скамью подсудимыхъ!» («Голосъ», № 109).

Дѣйствительно ли это такъ? Дѣйствительно ли штундисты стараются вести себя, какъ истинные христіане, и выполнять свои обязанности передъ государствомъ и обществомъ?

Въ 1891 году по этому вопросу появился прекрасный трудъ священника А. Рождественскаго: «Южно-русскій штундизмъ». Заимствуемъ изъ этого добросовѣстнаго изслѣдованія сущность догматовъ штундизма, а затѣмъ уже перейдемъ къ нашимъ личнымъ наблюденіямъ надъ этимъ явленіемъ [1]).

---

[1]) Объ этой книгѣ мы будемъ имѣть случай говорить подробнѣе въ главѣ о духовной жизни въ нашихъ колоніяхъ.

Признавая руководствомъ въ дѣлѣ спасенія священное писаніе и внушеніе духа Божія, штундисты отвергаютъ священное преданіе. «Въ словѣ Божіемъ,—говорилъ одинъ изъ сектантовъ, я нахожу все нужное для спасенія... Духъ Святой насъ наставляетъ». Точно также не признаютъ сектанты и православной церкви въ смыслѣ богоучрежденнаго общества вѣрующихъ, соединенныхъ между собой единствомъ вѣры и закона, управляемыхъ священной іерархіей и получающихъ благодать Св. Духа черезъ таинства,

«Церковь — по словамъ одного изъ вожаковъ штундизма, Рябошапки — есть блудница. . дочь Вавилона, а православный священникъ — это жрецъ и самый ненавистный обманщикъ, который принадлежитъ къ числу тѣхъ самыхъ архіереевъ и священниковъ, что̀ распяли Христа» (!).

Отвергая церковь земную, штундисты отрицательно относятся и къ достоинствамъ представителей церкви небесной: они хулятъ Пресвятую Богородицу — называя ее именами, глубоко возмущающими душу всякаго вѣрующаго — не почитаютъ ангеловъ и угодниковъ Божіихъ, отвергаютъ мощи святыхъ и не признаютъ молитвы церкви за живыхъ и усопшихъ. Штундисты не вѣрятъ ни въ какія таинства и крестное знаменіе называютъ «печатью антихриста». Кромѣ того, они не признаютъ семьи въ христіанскомъ смыслѣ: «Какая тамъ мать, говорятъ они. Мать одна у всѣхъ — земля, и отецъ одинъ — Богъ». Поэтому у нихъ родители дѣтямъ и обратно, говорятъ: «братъ» и «сестра».

Также отрицательно они относятся и къ власти. Власти православныя, носящія на себѣ награды въ видѣ крестовъ, по ученію штундистовъ, «прокляты; они живые идолы, а почитающій ихъ—идолопоклонникъ».

Крестьянинъ села Троицкаго, Щербатовской волости, Елизаветградскаго уѣзда, Никита Пуховой, совращая православныхъ, выражался о придержащихъ властяхъ слѣдующимъ образомъ: «Всего этого скоро не будетъ, а будутъ по выбору; на кого упадетъ жребій, тотъ и будетъ, и все золото, которое идетъ на это, будетъ у *насъ въ рукахъ*».

По свидѣтельству другаго миссіонера, котораго цитируетъ о. Рождественскій,—штундисты называютъ всѣхъ начальниковъ «куцохвостыми когтятыми ангелами», и проповѣдники ихъ возвѣщаютъ, «что уже наступаетъ время, когда съ православ-

ныхъ упадетъ съ головы вѣнецъ славы ихъ, и они уже смирятся и сядутъ пониже, т. е. вовсе уничтожится и самое званіе... и вотъ эти только южныя селенія, которыя познаютъ свѣтъ анабаптизма (штундизма—тожъ) заперты будутъ, т. е. уцѣлѣютъ, а вся Россія отведется въ плѣнъ, и всѣхъ этихъ православныхъ начальниковъ схватятъ боли и такъ даже, что они этого даже не ожидаютъ и не полагаютъ». Такимъ образомъ кромѣ религіозной стороны въ штундизмѣ есть еще и сторона соціально-политическая, которую штундисты однако тщательно скрываютъ. Вотъ что мы читаемъ по этому поводу у одного изъ главарей этого движенія: «апостолъ о почитаніи властей (1—5 ст. 13 гл. посл. къ римлянамъ) писалъ къ римлянамъ, а римляне были святые штундисты—анабаптисты нѣмцы, и Христосъ велѣлъ давать подати Кесарю, а *Кесарь этотъ былъ штундовой нѣмецъ.* И вотъ изъ всего этого очень ясно видно, что все это слово Божіе относится къ тому, *чтобы мы почитали штундовыхъ царей и начальниковъ*, а также штундовскимъ анабаптистскимъ кесарямъ, т. е. царямъ, давали подати. Но такъ какъ теперь ихъ (т. е. православныхъ) еще година и область темная, а штундовой братіи малая сила противъ православія, то необходимо стараться какъ можно исправнѣе, противъ православныхъ, платить подати и выполнять всѣ казенныя повинности, для того, чтобы они не могли замѣтить, что всѣ мы отступившіе отъ православія подѣлались невѣрными и чтобы они, видя наше таковое исправное исполненіе казенныхъ повинностей, не воспрещали бы отступать отъ православія и умножаться нашей штундовой братіи» [1]). Кромѣ того, въ названной книгѣ Рождественскаго мы находимъ цѣлый рядъ указаній на безпутную жизнь сектантовъ, на ихъ возмутительное богохульство—такъ они выковыриваютъ глаза у иконъ и дѣлаютъ изъ нихъ лопаты, и на дикое отношеніе къ служителямъ православія: священникамъ они въ лицо угрожаютъ «выпускать внутренность и изрѣзать на куски!»

Нужно полагать, что патетическій авторъ приведенной статьи «Голоса» не зналъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, иначе, при всемъ своемъ свободомысліи, онъ врядъ-ли бы рѣшился назвать людей, исповѣдующихъ такія доктрины—истинными христіанами! И вотъ какимъ зельемъ, вотъ какой отравой, внесен-

---

[1]) Рождественскій, стр. 207.

ной въ нашу народную жизнь, обязаны мы нашимъ нѣмцамъ-колонистамъ.

Но, мало того, они не ограничиваются тѣмъ, что отрываютъ народъ отъ православія и отъ Россіи; изъ проповѣди штунды они прямо и нагло дѣлаютъ орудіе германизаціи русскаго населенія. Штундистъ не только перестаетъ быть русскимъ—онъ становится нѣмцемъ Прежде всего онъ выноситъ изъ избы образа и портреты Государя и на ихъ мѣсто вѣшаетъ штундоваго царя Вильгельма и ставитъ бюстъ штундоваго апостола—Бисмарка. Затѣмъ онъ одѣвается по нѣмецкому образцу, начинаетъ курить коротенькую нѣмецкую трубку и самъ учится и свою семью старается выучить говорить по-нѣмецки, и ошибутся тѣ, которые считаютъ обращеніе въ штундизмъ послѣдствіемъ религіознаго неудовлетворенія. Не духовныхъ истинъ ищетъ въ немъ такой крестьянинъ, а матеріальной поддержки. Видя свою бѣдноту и рядомъ съ этимъ благосостояніе нѣмца и оказываемую послѣднему правительствомъ поддержку, въ его умѣ слагается убѣжденіе, что для того, чтобы достигнуть такого богатства, необходимо сдѣлаться нѣмцемъ. И нѣмцы отлично эксплоатируютъ это настроеніе. Они оказываютъ широкую матеріальную помощь обратившимся изъ православія. Кромѣ того, играя на этомъ стремленіи къ наживѣ, они позволяютъ себѣ прямо грубыя выходки. Такъ, напримѣръ, у нихъ есть пріемъ, который мнѣ лично случалось наблюдать и который подтверждается и о. Рождественскимъ. Нѣмецъ говоритъ русскому: «положи подъ деревомъ рубль, затѣмъ иди, запрись у себя и молись по-штундистски, т. е. спиной къ образу или какъ-нибудь иначе, предварительно оскорбивши его, и ты увидишь, что Богъ сдѣлаетъ чудо—вмѣсто рубля ты найдешь пять!» Крестьянинъ идетъ и запирается; нѣмецъ тѣмъ временемъ вмѣсто рубля кладетъ пять; черезъ четверть часа крестьянинъ возвращается и забираетъ эти пять рублей. Осквернилъ ли онъ на самомъ дѣлѣ образъ или просто проспалъ эти четверть часа—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ онъ громко заявляетъ, что молился по-штундистски. и Богъ послалъ ему чудо, и въ самомъ фактѣ такого заявленія уже заключается начало его нравственнаго развращенія,—первый шагъ его къ отпаденію отъ церкви.

Указанный пріемъ нагляднѣе всего иллюстрируетъ и характеризуетъ тѣ низкіе инстинкты, которымъ служитъ штундизмъ и которымъ онъ обязанъ своимъ широкимъ распространеніемъ.

Дѣйствуя съ одной стороны страхомъ германскаго нашествія, съ другой стороны потакая корыстолюбивымъ стремленіямъ, всегда такъ сильнымъ въ массѣ, штундизмъ успѣлъ уже создать себѣ твердую почву на нашемъ югѣ. Проповѣдники его ходятъ по селеніямъ и открыто возвѣщаютъ, что «скоро придетъ нѣмецкій царь и завоюетъ весь югъ, и тогда всѣхъ русскихъ выгонятъ вонъ, а нѣмцамъ будетъ хорошо. Если же вы не хотите потерять своего добра, увѣщеваютъ они, скорѣе поступайте въ штунду, отказывайтесь отъ своей вѣры и своего царя, и сливайтесь съ нами!..» Недавно еще на нашемъ югѣ возбуждено было дѣло противъ прусскихъ подданныхъ, подъ видомъ рабочихъ, ходившихъ по колоніямъ и въ самыхъ возмутительныхъ выраженіяхъ отзывавшихся о нашихъ законахъ, о существующемъ нашемъ строѣ и восхвалявшихъ строй жизни и порядки въ Германіи.

И эти піонеры германскаго дѣла дѣйствительно не такъ далеки отъ истины, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ.

Что нѣмцы-колонисты хотя быть можетъ не вполнѣ сознательно живутъ одними идеалами германизма и что ихъ за границей считаютъ культуртрегерами, апостолами германизма въ Россіи—тому разительнымъ доказательствомъ служитъ недавно (1889 г.) вышедшая книжка нѣкоего г-на Ретвиша: Rethwisch —Die Deutschen im Auslande—получившая значительное распространеніе на нашемъ югѣ. Въ ней авторъ въ высокопарныхъ выраженіяхъ, намекая по преимуществу на колонистовъ въ Россіи (стр. 9), возвѣщаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ установленіе всемірнаго владычества германской имперіи—die Weltmachtstellung des deutschen Reichs.

Поэтому онъ увѣщеваетъ всѣхъ нѣмцевъ за границей высоко держать знамя германской національности и приводитъ цѣлую систему дѣйствій для того, чтобы достигнуть этой цѣли (отдѣлъ подъ заглавіемъ: Was ist zu thun um das Deutschtum im Auslande zu erhalten und zu fördern). Таковы: направленіе новыхъ переселенцевъ изъ Германіи въ колоніи, поддержаніе живой связи между колоніей и Vaterland'омъ, поддержка денежная всѣхъ тѣхъ учрежденій въ колоніи, которыя препятствуютъ колонистамъ отстать отъ Германіи и слиться съ пріютившей ихъ національностью, и наконецъ поднятіе у нихъ всякими путями чувства національнаго самосознанія. Интересно, что въ числѣ

мѣръ поддержанія живой связи онъ указываетъ, что люди, посылаемые изъ Германіи, могли бы систематически посѣщать колоніи подъ видомъ гербаристовъ или охотниковъ и путемъ личныхъ бесѣдъ подымать національный духъ колонистовъ (стр. 148 и слѣд.). Затѣмъ онъ перечисляетъ тѣ ферейны, которые готовы оказать денежную и всяческую поддержку такимъ начинаніямъ. Первое мѣсто здѣсь занимаетъ *Allgemeiner deutscher Schulverein*, находящійся въ Берлинѣ и въ ст. 1-й устава котораго сказано, что «цѣль ферейна сохранять Германіи ея сыновъ за границей и всѣми силами помогать нѣмцамъ оставаться нѣмцами, или, если они уже отчасти утратили свой національный характеръ, помочь имъ его вернуть».

Ст. 2 гласитъ: «средствомъ къ достиженію этой цѣли служитъ основаніе нѣмецкихъ школъ, распространеніе въ колоніяхъ книгъ и брошюръ соотвѣтственнаго содержанія и всякіе иные способы».

Второе мѣсто занимаетъ «Deutsche kolonial-geseltschaft», образовавшаяся въ 1888 году изъ «Deutscher-kolonial-verein'a», и *предсѣдателемъ* котораго въ настоящее время *состоитъ князь Гогенлоэ-Лангенбургъ*.

Цѣль этого общества также «поддерживать и укрѣплять духовную и экономическую связь колоній съ Германіей, и образовать центръ, около котораго группировались бы всѣ начинанія, клонящіяся къ этой великой цѣли.

Затѣмъ слѣдуетъ «Central-verein für Handelsgeographie» и многіе другіе.

Г. Ретвишъ указываетъ также на кредитныя учрежденія, какъ напримѣръ «Dautscher Exportbank», которыя ставятъ себѣ спеціальною цѣлью *оказывать матеріальную поддержку дѣлу распространенія германизма заграницей*. Въ заключеніе г, Ретвишъ откровенно разъяснилъ, что «распространеніе германскаго владычества должно произойти вытѣсненіемъ сосѣдней (русской) національности изъ занимаемыхъ ею земель, будь то силой, будь то путемъ хитрости и лукавства (sei es mit Gewalt, sei es mit List)!

Въ своей наглой откровенности эта брюшюра проливаетъ окончательный свѣтъ на явленіе нѣмецкой колонизаціи въ Россіи, одухотворяя и придавая внутренній смыслъ отдѣльнымъ проявленіемъ колоніальной жизни.

Но что же дѣлать, какія мѣры предпринять лицомъ къ лицу съ такимъ грознымъ явленіемъ?

Мы имѣли случай по этому поводу говорить съ цѣлымъ рядомъ лицъ, близко стоящихъ къ вопросу иностранной колонизаціи на мѣстѣ. Крайне разнорѣчивы были ихъ предложенія касательно урегулированія положенія нѣмецкихъ колоній, но, по нашему убѣжденію *единственнымъ цѣлесообразнымъ мѣропріятіемъ было бы полное или хотя бы временное запрещеніе нѣмцамъ покупки земель на нашемъ югѣ.*

Мы не отрицаемъ полезности и другихъ мѣръ, каковы: реформа школьнаго дѣла, перемѣна состава волостей и т. п. Но всѣ эти мѣры, такъ-сказать, суть средство къ воздѣйствію въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Предлагаемая же нами мѣра является энергическимъ воздѣйствіемъ въ настоящемъ и, какъ намъ представляется, одна только и можетъ положить предѣлъ дальнѣйшему захвату русскихъ земель нѣмцами и во всякомъ случаѣ дастъ въ руки администраціи орудіе борьбы съ этимъ явленіемъ. Намъ случалось слышать много возраженій на это предложеніе. Такъ, говорили, что мѣра эта могла бы повлечь политическія усложненія, обостривъ до крайности отношенія наши съ Германіей, что эта мѣра недостойна правительства, доказывая его страхъ передъ нѣмцами-колонистами. При этомъ преимущественно указывали на то, что какъ можетъ поднятся рука на людей за то только, что они слишкомъ богаты и слишкомъ хорошіе хозяева.

Но развѣ на войнѣ спрашиваютъ, какой семьянинъ тотъ врагъ, въ котораго мы стрѣляемъ, и который въ свою очередь цѣлитъ въ насъ? Быть можетъ, онъ въ частной жизни заслуживаетъ нашего глубочайшаго уваженія, но это не препятствуетъ намъ въ бою прилагать всѣ старанія дѣйствовать противъ него.

Но то война! скажутъ намъ.

А развѣ картина, только-что въ общихъ чертахъ набросанная нами — не война!

Развѣ не война то, что мы видимъ въ настоящее время на нашемъ югѣ. Сплоченная идеей германизма, враждебная ко всему русскому и стремящаяся всячески установить свое владычество надъ нами, тихо, но неуклонно надвигается на насъ масса нѣмецкой національности. Правда, здѣсь еще не гремятъ пушки и не льется кровь, но развѣ эти внѣшніе аттрибуты такъ ужь существенно необходимы для завоеванія. Было время, когда споры частныхъ лицъ рѣшались кулакомъ и открытымъ

боемъ; но это время прошло, и врагъ вашъ можетъ васъ убить и уничтожить нравственно гораздо вѣрнѣе и мучительнѣе, чѣмъ простымъ ударомъ меча.

То же самое и съ отдѣльными національностями. Конечно, въ международныхъ отношеніяхъ и теперь еще «ultima ratio» есть физическая сила, но уже и въ настоящее время выработался и все болѣе и болѣе совершенствуется способъ войны, неизвѣстной прежнимъ вѣкамъ — войны экономической. Три капитальныхъ сраженія не истощатъ такъ силъ враждебной страны, какъ систематическое, въ теченіе десятилѣтій, эксплоатированіе ея лучшихъ силъ, выжиманіе изъ нея соковъ. Если же этотъ процессъ можетъ быть соединенъ съ послѣдовательной германизаціей лучшихъ частей ея территоріи — то чего же лучше желать. Безъ крови и безъ шума нѣмцы завладѣютъ нашимъ югомъ, и въ одинъ прекрасный день мы увидимъ, что граница наша неожиданно вернулась къ прежнимъ окраинамъ московскаго княжества!... Необходимо прямо взглянуть на вопросъ и имѣть смѣлость назвать явленіе собственнымъ его именемъ.

Недоразумѣнія тутъ могутъ быть гибельны. То, что происходитъ на югѣ, есть форменное завоеваніе со всѣми его характеристическими свойствами. Поэтому и въ борьбѣ съ ними неумѣстны никакія соображенія, кромѣ самозащиты. На нападеніе нужно отвѣчать отпоромъ столь же энергичнымъ, на иноплеменное нашествіе нужно отвѣчать рядомъ мѣръ, которыя могли бы положить ему дѣйствительный, не фиктивный только предѣлъ.

Какъ бы тамъ ни было, можно, конечно, говорить и за и противъ предложенной нами мѣры, но нельзя отрицать того, что нѣмецкій вопросъ на югѣ требуетъ энергическаго, а главное, возможно скораго разрѣшенія. Нѣмцы не дремлютъ, они точно почуяли, что можетъ наступить конецъ ихъ безцеремонному хозяйничанью, и они съ удвоенной энергіей бросились скупать землю. Каждый мѣсяцъ промедленія стоитъ Россіи десятковъ тысячъ десятинъ.

Мнѣ пришлось какъ-то говорить съ однимъ нѣмцемъ-колонистомъ, случайно знавшимъ русскій языкъ.

— Если вы будете продолжать такъ скупать землю, какъ теперь, сказалъ я ему, вамъ скоро не хватитъ всего уѣзда (Екатеринославскаго).

— Та-а, отвѣтилъ онъ протяжно и при этомъ сладко улыбнулся — та-а, намъ черезъ двадцеть лiета нэ хватитъ и всiй Катеринославской губернiй! [1]).

Мы же прибавимъ отъ себя, что не только имъ не хватитъ Екатеринославской губернiи, но если дѣло будетъ идти такъ, какъ теперь, имъ скоро не хватитъ *всего* нашего юга.

Пора намъ наконецъ встряхнуться; нельзя дольше закрывать глаза на завоеванiе нѣмцами житницы Россiи, нашихъ южныхъ черноземныхъ губернiй. Иначе можетъ случиться, что когда мы наконецъ откроемъ глаза, мы неожиданно увидимъ вмѣсто Новороссiи вновь народившуюся Ново-Германiю...

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ мы возбудили вопросъ о нѣмецкихъ колонiяхъ. Въ теченiе этого времени было предпринято и закончено оффицiальное изслѣдованiе нашихъ нѣмецкихъ колонiй, масса было напечатано въ газетахъ по этому вопросу еще большая масса въ мелкихъ газетахъ было перепечатано изъ нашихъ статей — безъ указанiя, конечно, источника — но во всѣхъ этихъ и офицiальныхъ и частныхъ свѣдѣнiяхъ не были опровергнуты выставленныя нами цифровыя данныя. Что же касается до значенiя нѣмецкой колонизацiи, то имѣющiяся свѣдѣнiя, помѣщавшiяся недавно даже въ «Новомъ Времени» только подтверждаютъ справедливость нашей исходной точки зрѣнiя.

По поводу послѣдующаго изложенiя намъ остается сказать лишь еще нѣсколько словъ.

Очень многiе, люди почтенные и знающiе, серьезно ставили намъ на видъ излишнюю страстность нашего изложенiя, которая по ихъ мнѣнiю отнимаетъ у работы ея научный объективный характеръ, подрываетъ довѣрiе къ ней и придаетъ ей характеръ какой-то личной непрiязни.

Что сказать на это?

Мы писали подъ впечатлѣнiемъ того, что видѣли; мы говорили то, что было передумано и перечувствовано нами во время нашего пребыванiя въ колонiяхъ. Будь нашъ трудъ плодомъ кабинетнаго умствованiя, результатомъ разработ-

---

1) Подтвержденiемъ вѣрности нашего предсказанiя, высказаннаго въ 1891 г., является поданное нынѣ заявленiе Екатеринославскаго дворянства, возбудившее столько толковъ въ печати.

ки однихъ только историческихъ матеріаловъ, въ которыхъ изъ-за пыли вѣковъ не слышны ни человѣческія радости, ни страданія, такой горячій тонъ естественно явился бы неумѣстнымъ. Но здѣсь, когда мы сами видѣли властное хозяйничанье нѣмца-колониста на нашей родной землѣ, когда мы сами слышали стонъ русскаго населенія, закабаленнаго экономически и находящагося подъ духовнымъ гнетомъ пришлыхъ иноплеменниковъ, какъ могли бы мы спокойно писать про такой порядокъ вещей? Да и не только мы, но кто изъ живыхъ русскихъ людей могъ бы не возмущаясь и съ научной объективностью излагать въ стройной системѣ: какъ эксплоатируется его отечество, какъ терпитъ родной ему народъ!

Быть можетъ, мы ошибаемся, быть можетъ и нашлись бы у насъ такіе безпристрастные изслѣдователи, но во всякомъ случаѣ мы на это неспособны. Есть вопросы, которые рѣшаются не умомъ, а сердцемъ, не логикой, а чувствомъ, и къ числу ихъ относится и вопросъ національный.

Мы, конечно, далеки отъ мысли считать вопросъ колонистскій вопросомъ жизни и смерти для Россіи. Но есть въ немъ одна сторона, которой никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и которая придаетъ ему очень серьезное, скажемъ, даже обще-государственное значеніе. Вопросъ о нѣмцахъ-колонистахъ *можетъ быть возбужденъ и разрѣшенъ только на національной почвѣ*, и въ этомъ, по нашему глубокому убѣжденію, заключается все его значеніе для настоящаго и для будущаго. Онъ является пробнымъ камнемъ, на которомъ каждый испытываетъ свое національное чувство, и сообразно принимаемой имъ точки зрѣнія на этотъ вопросъ, или вступаетъ въ ряды истинныхъ сыновъ Россіи, всѣмъ сердцемъ привязанныхъ къ своей родинѣ, или же отходитъ въ группу тѣхъ европействующихъ либераловъ, для которыхъ слова «*любовь къ отчизнѣ*» «*поклоненіе и служеніе идеѣ русской національности*» являются пустымъ и безсодержательнымъ наборомъ словъ... Большую слабость и немощь нашего духа получили мы въ наслѣдіе отъ 60-хъ годовъ, и совершенно справедлива мысль Н. Я. Данилевскаго, что «такое оскудѣніе духа можетъ излѣчиться только поднятіемъ и возбужденіемъ его, которое заставило бы встрепенуться всѣ слои русскаго общества и привело бы ихъ въ живое общеніе» [1]).

---

[1]) „Россія и Европа“ стр. 323.

Одинъ изъ вопросовъ, который могъ бы это сдѣлать и на почвѣ котораго всѣ истинно русскіе люди, какихъ бы то ни было направленій, могли бы протянуть другъ другу руку, для одного общаго дѣла — это, по нашему убѣжденію, вопросъ объ уничтоженіи ненормальнаго, господствующаго сравнительно съ сосѣднимъ русскимъ, положенія нѣмецкаго колонистскаго населенія въ нашемъ государствѣ.

Издавая нынѣ сборникъ нашихъ статей, мы въ концѣ этихъ вступительныхъ словъ повторимъ лишь то, что̀ неоднократно говорили уже и раньше. Трудъ нашъ, являясь результатомъ работы одного человѣка, конечно, можетъ лишь въ нѣкоторой части освѣтить вопросъ, но по мѣрѣ нашихъ силъ мы старались отмѣтить своеобразныя и характерныя особенности въ изслѣдуемомъ нами явленіи, а главное *установить ту принципіальную точку зрѣнія*, съ которой надлежало, по нашему убѣжденію, смотрѣть на него.

Поэтому если у насъ найдутся и ошибки и пробѣлы, то мы заранѣе просимъ снисхожденія во имя того принципа горячей любви къ Россіи и къ русскому народу, которымъ мы были одушевлены при нашемъ посильномъ трудѣ.

А. Велицынъ.

Петербургъ. Мартъ 1893 года.

---

*

Часть I.

Историческій обзоръ нѣмецкой колонизаціи въ Россіи.

ГЛАВА I.

Историческій очеркъ движенія иностранной колонизаціи въ Россіи.

Иностранными колонистами, по силѣ ст. 110 т. XII, ч. II Свода законовъ, изд. 1857 г. (Уставъ о колоніяхъ иностранныхъ въ Имперіи), признаются тѣ только изъ иностранцевъ, «кои водворены или на казенныхъ, или частныхъ, или пріобрѣтенныхъ ими покупкою земляхъ въ видѣ земледѣльцевъ или ремесленниковъ въ земледѣльческомъ состояніи нужныхъ: отнюдь не причисляются къ нимъ иностранцы, приходящіе поодиночкѣ или семьями для торговли и промысловъ, или для приписки въ какое-либо званіе по городамъ».

Придерживаясь этого, установленнаго закономъ, опредѣленія, намъ слѣдовало бы начать нашъ историческій очеркъ съ царствованія Императрицы Екатерины II, когда впервые дѣло иностранной колонизаціи утратило свой частный, случайный характеръ и получило правильную систематическую организацію.

Но для полноты изложенія, мы приведемъ примѣры земледѣльческаго водворенія иностранцевъ, которые еще раньше встрѣчаются въ нашей исторіи.

Первый такой фактъ мы встрѣчаемъ въ царствованіе Петра I. Именно въ Сенатскомъ указѣ отъ 23 ноября 1719 г. мы читаемъ слѣдующее:

«Его Императорскому Величеству въ присутствіи въ Се-

натѣ сего ноября 13 дня докладывано, что грузинцы выходятъ къ крѣпости Св. Креста непрестанно человѣкъ по 7 и по 10, о чемъ писалъ генералъ-маіоръ Кропотовъ въ кабинетъ Его Величества, которымъ отъ Сената опредѣлено на первое пропитаніе давать по указу денегъ и провіанта по разсмотрѣнію генералъ-лейтенанта Матюшкина, а въ небытность его генералъ-маіора Кропотова, изъ тѣхъ денегъ, которыя велѣно изъ Астрахани отправить на удовольствованіе грузинскаго принца и то опредѣленіе Его Величество аппробовать соизволилъ. При томъ же докладывано, гдѣ имъ жить будетъ повелѣно? На что Его Величество указалъ онымъ грузинцамъ *для поселенія мѣста отводить* около крѣпости Святаго Креста въ пристойныхъ и безопасныхъ мѣстахъ, *чтобы не было помѣшанія забороны крѣпости пушечною стрѣльбою;* и по тому Его Величества указу Правительствующій Сенатъ *приказали*: послать указъ къ генералъ-лейтенанту Матюшкину велѣть вышедшимъ къ крѣпости Св. Креста грузинцамъ для поселенія мѣста отвесть въ вышеписанныхъ мѣстахъ и которые впредь приходить будутъ, тѣмъ, *давъ на первое пропитаніе денегъ и хлѣба по разсмотрѣнію, сколько кому надлежитъ селить въ тѣхъ же мѣстахъ* и больше того жалованья имъ впредь не давать; а довольствоваться съ вышеписанной земли, которая имъ отведена будетъ, а сколько тѣхъ грузинцевъ и какихъ чиновъ военныхъ и шляхетскихъ фамилій, также купецкихъ и *пахатныхъ* въ пріѣздѣ будетъ: о томъ по прежде посланному къ нему указу рапортовать».

Здѣсь мы имѣемъ какъ бы прототипъ нашего послѣдующаго отношенія къ иностраннымъ колонистамъ, а именно; надѣленіе ихъ землею и выдача имъ денегъ на первоначальное обзаведеніе, но, какъ видно изъ мотивовъ этого указа, движеніе грузинъ имѣло именно тотъ случайный, единичный характеръ, о которомъ сдѣлана оговорка въ ст. 110 нашего XII тома.

Съ болѣе правильно организованнымъ типомъ иностраннаго земледѣльческаго поселенія мы встрѣчаемся въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Именно 4 іюля 1738 года [1]) послѣдовала резолюція кабинетъ-министровъ на сообщеніе Сената по вопросу о поселеніи грузинцевъ на Украйнѣ.

Дѣло шло о значительномъ количествѣ армянъ и грузинъ,

---

[1]) Полное Собр. Законовъ № 7614.

вышедшихъ въ Россію и участвовавшихъ въ войнахъ нашихъ съ Персіей.

Въ этомъ указѣ говорится, что «вышеписанныхъ грузинцовъ, которые въ службу Ея Императорскаго Величества приняты, а мѣстъ офицерскихъ въ грузинской гусарской ротѣ не имѣется и которые впредь изъ того народа въ службѣ быть пожелаютъ, для лучшаго ихъ удовольствія селить на Украинѣ и отвесть имъ тамо къ поселенію удобныя мѣста и учинить вспоможеніе въ строеніи; и для лучшей пользы интересовъ Ея Императорскаго Величества *повелѣть имъ писать къ своимъ родственникамъ*, дабы въ службу Ея Императорскаго Величества для поселенія въ тѣхъ же мѣстахъ выходили, въ чемъ не безуповательно, что видя такое тѣмъ поселившимся награжденіе не токмо изъ другихъ, но и изъ армянъ, называемыхъ Сангацкими, многія тысячи для поселенія при тамошнихъ мѣстахъ выйтить могутъ, отъ котораго ихъ поселенія можетъ быть государственная не малая польза, ибо они тамо могутъ служить для охраненія границъ отъ набѣговъ горскихъ народовъ».

Такимъ образомъ, здѣсь ближайшею цѣлью основанія колоній было огражденіе окраинъ Имперіи отъ набѣговъ горцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣль эта должна была быть достигнута иниціативой самихъ поселенцевъ. Они сами должны были писать письма къ своимъ роднымъ, соблазняя ихъ къ пріѣзду описаніями своего благосостоянія.

Признавая такимъ образомъ пользу военныхъ поселеній на окраинѣ, наше правительство не хотѣло еще въ то время взять на себя фактическую иниціативу по привлеченію иностранныхъ поселенцевъ въ Россію.

То, чего не было сдѣлано при Аннѣ Іоанновнѣ, было совершено при Елизаветѣ Петровнѣ.

Потребность въ подкрѣпленіи нашихъ окраинъ на югозападѣ и невозможность при тогдашнемъ состояніи Россіи достигнуть этого переселеніемъ изъ коренныхъ губерній нашего отечества побудили императрицу въ 1751 году поручить полковнику австрійской службы Хорвату навербовать заграницею полки «изъ сербовъ». Онъ дѣйствительно незамедлилъ привести въ Россію два полка: гусарскій и пандурскій, состоявшіе изъ сербовъ, грековъ, венгерцевъ, черногорцевъ, болгаръ, молдаванъ и валаховъ. Ихъ поселили на Украйнѣ за Днѣпромъ, около бывшей польской границы особыми округами, называвшимися

«ротами». Самая мѣстность, занятая ими, часть нынѣшней Екатеринославкой губерніи, получила наименованіе «Новой Сербіи». Людей другихъ націй и невоеннаго званія строго запрещалось селить между ними. Впослѣдствіи сформировалось такихъ полковъ четыре: два гусарскихъ и два пандурскихъ, каждый изъ 20 ротъ, а каждая рота въ 200 человѣкъ рядовыхъ. Земли были имъ надѣлены поротно: на капитана по 100, на поручика по 80, на подпоручика по 70, на прапорщика по 50 и на рядовыхъ отъ 20 до 30 четвертей (четверть=$1^1/_2$ десятинѣ) на каждаго.

Поселенія эти назывались «шанцами» и жители каждой шанцы раздѣлялись на три категоріи: одни, служилые, защищали границы Имперіи; другіе составляли резервъ, отправлявшій мѣстную службу, въ случаѣ выступленія первыхъ въ дальній походъ; наконецъ, третьи, такъ называемые «фамиліаты», обработывали какъ свои земли, такъ и поля первыхъ двухъ разрядовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе были отвлечены отъ домовъ военною службою.

Въ 1764 году, по изданіи новаго штата для этихъ поселеній, они изъ «Новой Сербіи» переименованы были въ Новороссійскую губернію; изъ нѣсколькихъ полковыхъ мѣстечекъ образованы были города, а шанцы названы военными поселеніями.

Въ 1783 г. полки эти обращены въ легко-конные, а въ 1798 году они окончательно были преобразованы въ регулярлярное войско.

Такова была первая колонія иностранцевъ въ Россіи, основанная по иниціативѣ самого правительства. Затѣмъ послѣдующія наши завоеванія, направляясь все болѣе и болѣе на югъ и на юго-востокъ и доведя, наконецъ, нашу границу до Дуная (Букарештскій миръ 1812 г.), доставили намъ обладаніе громадными пространствами земли отъ Яика или Урала съ одной стороны,—до Кавказа, Чернаго моря, Прута и Дуная съ другой. Богатыя эти пространства лежали дикими и необработанными. Въ государственномъ хозяйствѣ Россіи не доставало ни силъ, ни средствъ для культуры этихъ земель, а между тѣмъ культура эта была необходима; надлежало сдѣлать эти пустынныя земли населенными, водворить въ нихъ начала осѣдлой жизни и прочныя основы гражданственности, иначе, эти новопріобрѣтенія, купленныя цѣною русской крови,

вмѣсто выгоды грозили принести одни внѣшнія затрудненія и внутреннюю неурядицу. Въ такомъ критическомъ положеніи императрица Екатерина II рѣшила призвать въ Россію чужихъ работниковъ, рѣшила обратиться къ помощи иностранной колонизаціи.

Манифестомъ 4 декабря 1762 г. императрица призывала изъ Европы всѣхъ желающихъ, *исключая евреевъ*, свободно поселяться въ нашихъ новыхъ степныхъ владѣніяхъ. Но призывъ этотъ не оказалъ ожидаемаго дѣйствія. Оно, впрочемъ, и понятно: манифестъ, кромѣ призыва къ поселенію, не заключалъ въ себѣ никакихъ положительныхъ гарантій въ пользу будущаго гражданскаго положенія новыхъ поселенцевъ. Съ другой стороны, Европа смотрѣла на Россію почти тѣми же глазами, какъ древніе греки и римляне—на Скиѳію. Нужно было дѣйствовать противъ предубѣжденія Европы, необходимо было пополнить пробѣлы и недостатки перваго манифеста. Тогда появился знаменитый манифестъ 22 іюля 1763 года.

«Мы, вѣдая пространство земель нашей имперіи, между прочаго усматриваемъ наивыгоднѣйшихъ къ населенію и обитанію рода человѣческаго полезнѣйшихъ мѣстъ, до сего еще праздно остающихся не малое число, изъ которыхъ многія въ нѣдрахъ своихъ скрываютъ неисчерпаемое богатство разныхъ металловъ, а какъ лѣсовъ, рѣкъ, озеръ и къ коммерціи подлежащихъ морей довольно, то и къ размноженію многихъ мануфактуръ фабрикъ и прочихъ заводовъ способность великая». Такъ начинается этотъ знаменательный памятникъ нашей исторіи. «Сіе подало намъ причину, гласитъ онъ далѣе, въ пользу всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ издать манифестъ 1762 г. декабря 4 дня; но какъ въ ономъ мы о желающихъ изъ иностранныхъ въ имперіи нашей селиться, соизволеніе наше вкратцѣ объявили, то въ пополненіе онаго повелѣваемъ всѣмъ объявить слѣдующее учрежденіе, которое мы наиторжественнѣйше утверждаемъ и исполнять повелѣваемъ: «1) Всѣмъ иностраннымъ дозволяемъ въ имперію нашу въѣзжать и селиться, гдѣ только пожелаютъ, во всѣхъ нашихъ губерніяхъ»... Указавъ затѣмъ на мѣста и учрежденія, къ которымъ иностранцы могутъ обращаться, обезпечивъ иностранцамъ путевыя издержки въ случаѣ ихъ недостаточности и опредѣливъ порядокъ причисленія ихъ къ тому или иному сословію нашего государства, манифестъ гласитъ далѣе... «6) Но чтобъ всѣ желающіе въ нашей имперіи поселиться иностранные

видѣли, сколь велико есть для пользы и выгодностей ихъ наше благоволеніе, то мы соизволяемъ: а) всѣмъ прибывшимъ въ имперію нашу на поселеніе, имѣть свободное отправленіе вѣры по ихъ уставамъ и обрядамъ безпрепятственно, а желающимъ не въ городахъ, но особыми на порожнихъ земляхъ поселиться колоніями и мѣстечками, строить церкви и колокольни, имѣя потребное при томъ число пасторовъ и прочихъ церковно-служителей, исключая одно построеніе монастырей: напоминая однако жъ при семъ, чтобъ изъ живущихъ въ Россіи въ христіанскихъ законахъ, никто и никого въ согласіе своей вѣры или сообщества ни подъ какимъ видомъ не склонялъ и не привлекалъ подъ страхомъ всей строгости нашихъ законовъ, изъемля изъ сего разнаго званія, находящихся въ магометанскомъ законѣ, прилежащихъ къ границамъ нашей имперіи, народовъ, коихъ не только благопристойнымъ образомъ склонять въ христіанскіе законы, но и всякому крѣпостными себѣ учинить позволяемъ; б) не должны таковые прибывшіе изъ иностранныхъ на поселеніе въ Россію никакихъ въ казну нашу податей не платить, и никакихъ обыкновенныхъ ниже чрезвычайныхъ службъ служить, равно постоевъ содержать, и словомъ заключить, отъ всякихъ налоговъ и тягостей свободны слѣдующимъ образомъ, а именно: поселившіеся многими фамиліями и цѣлыми колоніями на праздныхъ мѣстахъ тридцать лѣтъ, а желающіе жительствовать въ резиденціи нашей С.-Петербургѣ или близь оной лежащихъ мѣстахъ... а также въ столичномъ г. Москвѣ—пять лѣтъ; въ прочихъ губернскихъ, провинціальныхъ и другихъ городахъ—десять лѣтъ, но сверхъ того, еще каждому прибывшему въ Россію не для временнаго пребыванія, но и на поселеніе, свободную квартиру на полгода; в) всѣмъ иностраннымъ, прибывшимъ на поселеніе въ Россію, учинено будетъ всякое вспоможеніе и удовольствіе; склоннымъ къ хлѣбопашеству или другому какому рукодѣлію и къ заведенію мануфактуръ фабрикъ и заводовъ не только достаточное число отведено способныхъ и выгодныхъ къ тому земель, но и всякое потребное сдѣлано будетъ вспоможеніе по мѣрѣ каждаго состоянія... г) на построеніе домовъ, на заведеніе къ домостроительству разнаго скота, на потребные къ хлѣбопашеству и къ рукодѣлію всякіе инструменты припасы и матеріалы, выдаваемо будетъ изъ казны нашей потребное число денегъ *безъ всякихъ процентовъ*, но съ единою заплатою и то по прошествіи десяти лѣтъ въ три года

по равнымъ частямъ; д) поселившимся особыми колоніями и мѣстечками внутреннюю ихъ юрисдикцію оставляемъ въ ихъ благоучрежденіе съ тѣмъ, что наши начальники во внутреннихъ ихъ распорядкахъ никакого участія имѣть не будутъ, а впрочемъ обязаны они повиноваться нашему праву гражданскому. Если же иногда сами пожелаютъ отъ насъ имѣть особую персону для опекунства и для безопасности своей и охраненія, пока съ сосѣдственными жителями спознаются, съ доброю дисциплиною воинской сальвогардіи, то имъ дано будетъ; е) всякому желающему иностранному въ Россію на поселеніе позволяемъ имѣніе свое ввозить, въ чемъ бы оное ни состояло, безъ всякаго платежа пошлинъ, съ тѣмъ однако жъ, что оное для собственнаго его употребленія и надобности, а не на продажу. А если жъ кто сверхъ своего употребленія привезетъ что-либо въ товарахъ и на продажу, то не болѣе безпошлинно ввезть позволяемъ, какъ по цѣнѣ до трехъ сотъ рублей каждой фамиліи... ж) поселившіеся въ Россіи иностранные во все время пребыванія своего, ни въ военную, нижѐ гражданскую службу, противу воли ихъ опредѣлены не будутъ, кромѣ обыкновенной земской и то по прошествіи предписанныхъ льготныхъ лѣтъ; а буде кто пожелаетъ самоизвольно вступить въ военную службу, въ солдаты, такому дается при опредѣленіи въ полкъ тридцать рублевъ въ вознагражденіе, сверхъ обыкновеннаго жалованья».

Установивъ, затѣмъ, чрезвычайно большія льготы для иностранныхъ поселенцевъ, намѣревающихся заняться фабричной и заводской промышленностью, при чемъ имъ разрѣшено было даже покупать съ этой цѣлью крѣпостныхъ людей, манифестъ заключаетъ вышеприведенное исчисленіе льготъ, даруемыхъ иностраннымъ поселенцамъ, слѣдующимъ образомъ... «7) Всѣми предписанными выгодами и учрежденіемъ пользоваться имѣютъ не только пріѣхавшіе въ имперію нашу на поселеніе, но и оставшіеся дѣти и потомки ихъ, хотя бъ оные и въ Россіи рождены были, считая число лѣтъ со дня пріѣзда ихъ предковъ въ Россію»...[1]).

Этотъ манифестъ, послужившій краеугольнымъ камнемъ всего колонизаціоннаго дѣла въ Россіи, сообщенъ былъ всѣмъ нашимъ «резидентамъ» заграницей и не замедлилъ оказать желаемое дѣйствіе, особенно въ Германіи, куда, сверхъ того, пра-

---

[1]) Полное Собр. Зак., т. XVI, № 11880.

вительствомъ были отправлены особые коммисары для пріема переселенцевъ, для составленія изъ нихъ партій и для снабженія ихъ «кормовыми деньгами».

Начиная съ 1764 г. вплоть до 1770 года явились изъ разныхъ мѣстъ Германіи партія за партіей, которыя водворялись преимущественно въ низовомъ Поволжьѣ и частью въ губерніяхъ: Слободо-Украинской (нынѣ Воронежской), Черниговской и С.-Петербургской. Приведенный манифестъ указывалъ мѣстности, открытыя для колонизаціи въ общихъ чертахъ «во всѣхъ нашихъ губерніяхъ», но, въ виду «той пользы, которая умноженіемъ выхода въ Россію иностранныхъ народовъ государству пріобрѣтена будетъ», было признано необходимымъ, въ дальнѣйшее развитіе манифеста 22 іюля 1763 г., установить для прибывшихъ уже иностранцевъ «такія узаконенія, которыя, будучи вездѣ извѣстны, могли бы служить возбужденіемъ въ другихъ лучшей охоты къ выходу въ Россію и къ поселенію въ оной». Такимъ образомъ, 19 марта 1764 года было постановлено [1]):

1) Обратить подъ поселеніе иностранцевъ всю мѣстность, начиная: «отъ острова Чердынскаго до г. Царицына; отъ Царицына до крѣпостцы Донской и далѣе до Безъимянной рѣки, впадающей въ Донъ; потомъ до р. Медвѣдицы и далѣе до Хопра; а отъ Хопра вверхъ Дономъ до р. Битюга и вверхъ оною рѣкою до самой ея вершины; а отъ вершины до Новохоперской; и оттуда вверхъ по Хопру до селъ Знаменскаго и Долгорукова; а потомъ подлѣ земель Пензенской провинціи до Саратовскаго уѣзда и чрезъ оный по малымъ рѣкамъ до Безъимянной рѣки, впадающей въ Волгу противъ острова Гордынскаго, а тою рѣкою внизъ до помянутаго (Чердынскаго) острова».

2) Переселенцевъ водворять округами «прежде подлѣ обитаемыхъ мѣстъ, простирая потомъ къ центрамъ». Округи занимать «на прдобіе циркуля» такимъ образомъ, чтобы, для примѣра, окружность округа составляла не менѣе 60 и не болѣе 70 верстъ и заключала въ себѣ достаточно удобныхъ угодій для надѣла до 1.000 семействъ, по тому уваженію, что «по округамъ можно будетъ впредь по умноженіи поселянъ способнѣе сдѣлать всякое потребное по обстоятельствамъ учрежденіе, а въ разсужденіи различныхъ вѣръ, населяя каждой религіи

---

[1]) Полное Собр. Зак., т. XVI, № 12095.

людей въ особый округъ, отвратить всякую вражду и ненависть, и что, сверхъ того, по округамъ способнѣе располагать всякаго званія селенія и сдѣлать въ угодьяхъ такое уравненіе, чтобы не оставалось въ оныхъ праздныхъ мѣстъ и селенія одной округи имѣли другъ отъ друга взаимную нужду».

3) Въ случаѣ колонизаціи другихъ мѣстностей «занятіе округи производить на томъ же основаніи».

4) Дать земли «каждой семьѣ особо, независимо отъ числа состоящихъ въ ней душъ, по 30 десятинъ, полагая 15 десятинъ пашенной, 5 десятинъ сѣнокосной, 5 десятинъ лѣсныхъ угодій и 5 десятинъ усадебной, огуменной, огородной и выгонной».

5) Избранныя въ округахъ удобныя къ поселенію мѣста располагать такъ, «чтобы нѣкоторую часть, какъ изъ пашенной земли, такъ и изъ прочихъ угодій, оставлять впустѣ для будущихъ дѣтей, дабы оныя, пришедши въ возрастъ и женясь, сами хозяевами быть могли»; сверхъ того, «при всякомъ селеніи оставлять пустыхъ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ для рукомесленниковъ шестую часть противъ общаго числа всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, да такую же часть съ пашенною землею и прочими угодьями для размножающихся впредь жителей того же селенія»...

6) Отдавать земельные участки семьямъ съ условіемъ соблюденія слѣдующихъ установленій: а) наслѣдуютъ меньшіе сыновья (миноратство) «въ такомъ разсужденіи, что каждый отецъ, зная сіе узаконеніе, принужденъ будетъ стараться дѣтей своихъ, съ самаго ихъ малолѣтства, учить разнымъ рукодѣліямъ»; б) «если братья или родственники сами согласятся жить въ одномъ домѣ, то сего не воспрещать, только бы одинъ изъ нихъ хозяиномъ слылъ, а не всѣ»; в) распоряженіе движимымъ имуществомъ предоставить на волю родителей, но наслѣдники участка должны «содержать и кормить мать по смерть, а сестеръ — до замужества»; если же послѣ колониста останется только вдова съ дочерьми, то «владѣть имъ тѣмъ участкомъ вообще до тѣхъ поръ, пока сама мать или которая-либо изъ дочерей выдутъ замужъ, и первый мужчина, вошедшій посредствомъ брака въ такой домъ, имѣетъ право владѣть онымъ участкомъ навсегда»; г) «ни сами хозяева, ни наслѣдники ихъ, тѣхъ своихъ участковъ ни продать, ни заложить, ниже въ дробныя части раздѣлить не имѣютъ власти, а остаются оные

нераздѣльно во владѣніи жителей той деревни, на томъ же основаніи, т. е. во владѣніи всей колоніи отводить и земли подъ церкви, фабрики, заводы, виноградные сады и т. п.

7) «Заблаговременно сочинить нѣсколько различныхъ учрежденій по внутренней юрисдикціи и на которыя изъ оныхъ выѣхавшіе уже, или впредь выѣзжающіе согласятся, или отъ нихъ предложенныя приняты быть могутъ, тѣ, утвердивъ письменно, учинить всегдашнимъ той колоніи и всѣхъ поселянъ одной округи закономъ, а объ исполненіи сего узаконенія, при вступленіи во владѣніе землей, обязывать каждаго поселянина подпискою».

Несмотря однако на такое заботливое отношеніе правительства, дѣло иностранной колонизаціи на первыхъ порахъ подвигалось очень слабо. Съ одной стороны препятствіемъ являлось полное отсутствіе какихъ-либо плановъ относительно поступающихъ нашихъ земель, съ другой стороны и контингентъ поселенцевъ, набираемый нашими коммисарами, былъ очень низкопробный.

Stadt Lübeck war der Ort,
Wo man that engagiren;
Da konnte *wer da wollt*
Jung, Alt ja Gross und Klein
Zu diesem *Gastgebot*
Bald eingeladen sein.

Такъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ—поэтъ-колонистъ, Plahten. Можно себѣ представить, какой народъ шелъ къ намъ, если тотъ же Plahten, который говоритъ, что онъ—«ein officier, auch gut von Adel wär»—признается, что

Mundirung, Geld und Gut
Thät mir nun gänzlich fehlen;
Kurz meien ganze Sach'
War herzlich schlecht bestellt
Ich kont'es ohne klag'
Vor Leuten nicht verhehlen:
Ich musste barfuss gehen,
Kein Schnapps war nicht zu wählen!..
Drauf resolvirt ich mich
Auch mit dahin zu gehen;
Ob ich mein Glück nicht könnt
In Russland blühen sehen!

И таково было положеніе большинства.

Только крайняя нужда заставляла ихъ искать счастья въ Россіи.

Естественно, что не съ такими элементами возможно было положить начало прочному гражданскому общежитію.

Вслѣдствіе этого, а также въ виду польскихъ и турецкихъ войнъ, съ 1770 г. вызовъ и пріемъ переселенцевъ изъ-за границы былъ пріостановленъ.

Несмотря однако на всѣ неблагопріятныя условія, въ Россіи къ этому времени существовало уже болѣе 100 иностранныхъ колоній.

Только 12 лѣтъ спустя мы видимъ новыя колонизаціонныя попытки, вызванныя нашими побѣдами надъ Турціей и Польшей, но на этотъ разъ колонизація была направлена почти исключительно въ Новороссійскій край, Крымъ и Бессарабію.

Еще въ 1764 г. былъ составленъ и Высочайше утвержденъ общій «планъ о заселеніи Новороссійскаго края». На основаніи его, частнымъ лицамъ раздавались земли «для заселенія, скотоводства и насажденій» въ нынѣшнихъ губерніяхъ Екатеринославской, Херсонской и въ уѣздахъ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ Таврической губерніи. Срокъ для заселенія былъ назначенъ десятилѣтній, по истеченіи котораго взыскивалось: а) за земли, оставшіяся незаселенными сверхъ 30 десятинъ на ревизскую душу мужскаго пола—ежегодно по $^3/_4$ коп. за десятину; б) за участки, на которыхъ разведено скотоводство, полагая на голову рогатаго скота и лошадей по двѣ десятины и на овцу по одной,—также по $^3/_4$ к. съ десятины; в) за земли пустопорожнія по 3 к. съ десятины; г) за земли нагорной части Крыма отъ $^3/_4$ до $7^1/_2$ к. съ дес.; д) за земли, розданныя для заселенія и скотоводства въ Херсонской губ. между Бугомъ и Днѣпромъ, не требовалось никакой подати, если впрочемъ поселенные на нихъ жители были надѣлены «не сверхъ 30-ти дес. на душу». По мѣрѣ заселенія земель взиманіе земельной подати предполагалось замѣнить подушными окладами.

При такихъ условіяхъ, князь Потемкинъ въ 1782 году водворилъ въ Херсонской губерніи партію шведовъ съ острова Даго. Затѣмъ съ 1787 года начинается переселеніе менонитовъ изъ окрестностей Данцига, продолжавшееся безостановочно въ теченіе 30 лѣтъ, а также другихъ нѣмецкихъ колонистовъ изъ-за границы и частью изъ С.-Петербургской губерніи.

Въ 1784 и 1787 годахъ были направлены въ Крымъ партіи выходцевъ изъ Корсики, Ливорно, Пизы, всего въ числѣ 160 чел.; но люди эти разбрелись безслѣдно.

Таковъ былъ ходъ иностранной колонизаціи при Екатеринѣ.

Короткое царствованіе Павла I въ отношеніи колоній прошло въ подробнѣйшемъ изслѣдованіи мѣстныхъ условій колоній и средствъ къ улучшенію ихъ быта.

Затѣмъ правительство, занявшись, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, гражданскою организаціей Новороссійскаго края, снова обратилось къ помощи иностранной колонизаціи. Причемъ мы видимъ, что опытъ прошлаго не пропалъ даромъ: «Вызовъ колонистовъ—докладывалъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1804 году[1])—былъ и продолжается понынѣ на основаніи манифеста 1763 года. Какихъ именно людей принимать, не ограничено, но распространено то вообще на всякое званіе и состояніе; оттого первоначально и вышло много дурныхъ хозяевъ и бо̀льшею частью самыхъ бѣдныхъ, кои мало по сіе время принесли пользы государству. Саратовскія и нѣкоторыя новороссійскія колоніи доказываютъ сію истину. Сколько судить можно, то и нынѣшніе вызовы Циглеромъ и Ешеромъ также безъ разбора произведены были. По описаніямъ о приведенныхъ первыхъ колонистахъ видно, что есть между ними много ненужныхъ ремесленниковъ, дряхлыхъ, слабыхъ, одинокихъ и даже съ застарѣлыми болѣзнями, къ чему присоединить должно, что большая часть изъ нихъ крайне бѣдны. Императрица Екатерина II рѣшила на вызовъ иностранцевъ, *желая населять пустыя земли. Но когда размноженіе во внутреннихъ губерніяхъ народа и тѣснота могутъ требовать разселенія собственныхъ подданныхъ, а земель, удобныхъ къ водворенію въ полуденномъ краю, остается не такъ изобильно, то и должно уже искать менѣе заселенія оныхъ иностранцами, нежели водворенія на нихъ развѣ ограниченнаго числа таковыхъ пришельцевъ, кои бы въ крестьянскихъ упражненіяхъ или рукодѣліяхъ примѣромъ служить могли, а потому нужно ограничить принятіе изъ чужихъ краевъ людей на самой необходимости и единственно на хорошихъ и достаточныхъ хозяевъ»*.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXVIII, №№ 21163 и 21177.

Сообразно этой новой точкѣ зрѣнія были установлены новыя правила для иностранныхъ выходцевъ, въ основаніи которыхъ были положены слѣдующія положенія:

1) Допускать къ переселенію въ Россію и къ водворенію на казенныхъ земляхъ исключительно хорошихъ землевладѣльцевъ и людей, пріобрѣвшихъ навыкъ къ воздѣлыванію винограда, въ разведеніи шелковичныхъ деревъ и другихъ полезныхъ растеній, а также свѣдущихъ въ скотоводствѣ, особенно въ содержаніи и разведеніи лучшихъ породъ овецъ; также допускать мастеровыхъ, полезныхъ собственно въ сельскомъ быту.

2) Къ переселенію въ Россію никого не подговаривать и не склонять, а также не назначать для того, какъ прежде, особыхъ коммисаровъ; напротивъ, предоставить желающимъ изъ иностранцевъ являться въ наши миссіи и агентства заграницей, съ *достаточными* удостовѣреніями о томъ, что они добрые хозяева и что каждый изъ нихъ можетъ вывезти съ собой въ наличномъ капиталѣ или товарѣ не менѣе 300 гульденовъ; изъ сихъ желающихъ образуются партіи отъ 20—30 семействъ, назначая изъ своей среды старшину на время переѣзда, причемъ миссіямъ было предписано выдавать не болѣе 200 паспортовъ въ годъ и, не дѣлая переселенцамъ никакихъ ссудъ, платить только за суда или за подводы, на которыхъ они будутъ доставлены.

3) Всѣхъ прибывающихъ на этихъ основаніяхъ иностранцевъ направлять къ поселенію въ Новороссійскій край, располагая ихъ колоніи по возможности ближе къ портовымъ городамъ—Одессѣ и Ѳеодосіи; по мѣрѣ же увеличенія числа колоній, вдаваться во внутрь страны.

4) Даровать льготу въ податяхъ и всѣхъ повинностяхъ только на 10 лѣтъ; по прошествіи же сего срока облагать поселенцевъ поземельною податью на дальнѣйшія 10 лѣтъ отъ 15—20 коп. за десятину, а затѣмъ уравнять съ тою, какую вообще на томъ мѣстѣ платятъ поселяне; повинности же земскія обязать ихъ нести тотчасъ по истеченіи льготы наравнѣ съ тѣми россійскими подданными, между коими они поселены, исключая повинности рекрутской и воинскихъ постоевъ, отъ которыхъ они свободны по манифесту 1763 г.

5) Производить переселенцамъ *кормовыхъ* со дня прибытія на границу по 10 коп. взрослой и по 6 к. малолѣтней душѣ,

со дня же прибытія на мѣсто до перваго урожая на ихъ землѣ отъ 5—10 к. на каждую душу; на постройку домовъ, покупку скота и вообще хозяйственное обзаведеніе выдавать до 300 р. на семью; уплату же этихъ «ссудныхъ отъ казны денегъ» по прошествіи льготныхъ лѣтъ, располагать на послѣдующія 10 лѣтъ.

6) Для водворенія прибывавшихъ и ожидаемыхъ изъ-за границы переселенцевъ были переданы въ распоряженіе колоніальнаго начальства, сплошными участками въ губерніяхъ: Екатеринославской 52.000, Херсонской 263.000 и Таврической 214.000 дес.

Эти пространства распредѣлялись согласно указаніямъ закона 1764 г. на округи и т. д., а доходы съ нихъ обращались исключительно на издержки по колонизаціи. Въ надѣлъ эти земли поступали также на основаніи закона 1764 г., но уже въ размѣрѣ 50, 60 и 65 дес. на семейство.

Такимъ образомъ, въ этихъ новыхъ законопріятіяхъ были устранены оба обстоятельства, тормозившія успѣхъ колонизаціи 1764—1770 гг. Съ одной стороны была приведена въ точную извѣстность земля, отдаваемая подъ колонизацію; съ другой же стороны—сами колонисты подвергались возможно тщательному, качественному, такъ сказать, фильтрированію.

Въ результатѣ не замедлилъ оказаться блестящій результатъ колонизаціи нашего Юга, успѣхъ, идущій, по нашему мнѣнію, далѣе самыхъ смѣлыхъ ожиданій людей, насаждавшихъ юное деревцо колонизаціи въ нашу родную почву.

Съ 1810 года прекращены со стороны миссій всякія пособія на переселеніе, а съ 1819 года и самый вызовъ иностранцевъ былъ, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, прекращенъ, и миссіямъ было запрещено выдавать паспорты желавшимъ поселиться въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, колонизація иностранцевъ въ Россіи безостановочно двигается впередъ, своими собственными силами.

Для характеристики количественнаго роста нашихъ колоній, мы подведемъ имъ итоги съ 1764 по 1864 г., т. е. за сто лѣтъ ихъ существованія, перечисляя и группируя ихъ по времени ихъ основанія.

Съ 1764 по 1770 г.

Всего было основано колоній: — 117.

Изъ нихъ: 1) Въ Саратовской губерніи—46 колоній, а именно: въ *Царицынскомъ уѣздѣ*—Сарепта; въ *Саратовскомъ*—Ягодная-Полянка; въ *Камышинскомъ*—Сосновка, Таловка, Бальцеръ, Севастьяновка, Ключи, Устьзолиха, Пфафенъ-Хуторъ, Денгофъ, Лѣсной-Карамышъ, Карамышевка, Макаровка, Починная, Каменный-оврагъ, Каменка, Россоши, Грязоватка; Копенка, Елшанка, Гнилушка, Пановка, Караульный-Буеракъ, Илавла, Усть-Грязнуха, Семеновка, Усть-Кулалинка, Гольштейнъ, Верхняя-Добринка, Нижняя-Добринка, Вуйдаковъ-Буеракъ, Крестовый-Буеракъ, Верхняя-Грязнуха, Водяной-Буеракъ, Щербаковка, Норка, Сплавнуха, Гуссенбахъ, Олешна, Вершинка, Зевальдъ, Ротгаммель; въ *Аткарскомъ уѣздѣ*: Медвѣдицкой, Крестовской-Буеракъ, Гречиная-лука, Писковятка.

2) Въ Самарской губерніи—56 колоній, а именно: въ *Николаевскомъ уѣздѣ*—Шафгаузенъ, Гларусъ, Баратаевка, Базель, Цюрихъ, Золотурнъ, Панинская, Цугъ, Люцернъ, Унтервальденъ, Сусаненталь, Баскаковка, Резановка, Брокгаузенъ, Гокербергъ, Екатерништадъ, Обермонжу, Орловская, Боаро, Эрнестинендорфъ, Фименсфельдъ, Кано. Паульская, Борегардъ; въ *Новоузенскомъ уѣздѣ*—Красный-яръ, Подстенная, Усть-караманъ, Тяляуза, Нидермонжу, Звонаревъ-Кутъ, Луговая, Грязнуха, Старица, Звонаревка, Отроговка, Тонкотуровка, Суслы, Крутояровка, Раскаты, Липовка, Липовъ-Кутъ, Осиновка, Казицкая, Березовка, Зауморье, Степная, Вольская, Яблоновка, Поповкина, Тарлыкъ, Харлыковка, Скатовка, Привальная, Краснополье, Кочётная, Ровная.

3) Въ Воронежской губ.—1 колонія, а именно: въ *Острогожскомъ уѣздѣ*—Рибенсдорфъ.

4) Черниговской губерніи—6 колоній, а именно: въ *Борзенскомъ уѣздѣ*—Кальчиновка, Рундевизе, Бѣлыя-Вѣжи, Городокъ, Великій-Вердеръ, Малый-Вердеръ.

5) Въ Лифляндской губерніи—2 колоніи, а именно: въ *Венденскомъ уѣздѣ*—Гиршенгофъ, Гельфрейсгофъ.

6) Въ С.-Петербургской губ.—6 колоній, а именно: въ *С.-Петербургскомъ уѣздѣ*—Средняя-Рогатка, Ново-Саратовская; въ *Ямбургскомъ*—Луцкая, Порховская, Франкфуртская; въ *Царскосельскомъ* уѣздѣ—Ижорская.

Съ 1770—1800 г.

Всего основано колоній 18-ть.

Изъ нихъ:

1) Въ Саратовской губерніи—1 колонія, а именно: въ *Саратовскомъ уѣздѣ*—Побочная.

2) въ Самарской губерніи—1 колонія, а именно: въ *Новоузенскомъ* уѣздѣ—Новый-Колонокъ.

3) въ Полтавской губерніи—1 колонія, а именно: въ *Роменскомъ уѣздѣ*—Крещатикъ.

4) въ Херсонской губерніи—2 колоніи, а именно: *въ Херсонскомъ уѣздѣ*—Альтъ-Шведендорфъ; въ *Елисавтградскомъ уѣздѣ*—Альтъ-Данцигъ.

5) въ Екатеринославской губ.—13 колоній, а именно: въ *Новомосковскомъ уѣздѣ*—Іозефсталь, Рыбальскъ, Кронсгартенъ; въ *Екатеринославскомъ уѣздѣ*—Янбургъ, Хортицъ, Розенталь, Островъ-Хортицъ, Эйнлаге, Кронсвейде, Нейенбургъ, Нейендорфъ, Шенгорстъ; въ *Александровскомъ уѣздѣ*—Шенвизе.

Съ 1800—1850 г.

Всего основано колоній—272.

Изъ нихъ:

1) въ Саратовской губерніи—1 колонія, а именно: *въ Саратовскомъ уѣздѣ*—Новая-Скатовка.

2) Самарской губерніи—7 колоній, а именно: *въ Новоузенскомъ уѣздѣ*—Розенталь, Лиліенфельдъ, Ней-Боаро, Фрезенталь, Вейценфельдъ, Зихельбергъ, Розендамъ.

3) въ Петербугской губ.—6 колоній, а именно: *въ Петергофскомъ уѣздѣ*—Стрѣльнинская, Кронштадская, Ораніенбаумская, Петергофская, Знаменская, Кипеньская.

4) въ Новгородской губ.—3 колоніи, а именно: *въ Новгородскомъ уѣздѣ*—Александровская, Николаевская, Горѣлая.

5) въ Бессарабской губ.—70 колоній, а именно: *Аккерманскомъ уѣздѣ*—Сарата, Гнаденталь, Лихтенталь, Шаба, Тараклія, Татаръ-Копчикъ, Новотрояны, Чійтія, Кубей, Иванова, Дмитріева, Дюльменъ, Девлетъ-Агачъ, Пандаклія, Гассанъ-Батырь, Задунаевка, Саталыкъ, Хаджи, Главаны, Кодкитай, Голица, Чумлекіой, Кунораны, Дельжелере, Бургуджи, Капчикъ, Селіогло, Исерлія, Кулевчи; *въ Бендерскомъ уѣздѣ:* Камратъ,

*

Кирсовъ, Бешалма, Бадрчи, Казаяклія, Кирьютне, Гайдаръ, Чадыръ-лунга, Валепержи, Твардица, Кирiетъ-лунга, Бешгiозъ, Джолгай, Томай, Ферапотьевка, Авдарма, Башкалія, Чокмайданъ, Дезгинже, Малоярославецъ 1, Малоярославецъ 2, Кульмъ, Тарутино, Красное, Кацбахъ, Фершампенаузъ 1, Фершампенаузъ 2, Тейлицъ, Дешевицъ, Плоцкъ, Клястицъ, Лейпцигъ, Березина, Бородино, Парижъ, Альтъ-Арцизъ, Ней-Арцизъ, Брiенъ, Фриденсталь, Гофнунгсталь.

6) Въ Херсонской губ.—46 колонiй, а именно: *въ Одесскомъ уѣздѣ* — Гросъ-Либенталь, Клейнъ-Либенталь, Александергильфъ, Нейбургъ, Марiенталь, Iозефсталь, Петерсталь, Фрейденталь, Францфельдъ, Люстдорфъ, Гильдендорфъ, Зельцъ, Штрасбургъ, Кандель, Баденъ, Мангеймъ, Эльзасъ, Большой-Буялыкъ, Малый-Буялыкъ, Кубанка, Ландау, Шпейеръ, Катаринсталь, Карлсруэ, Зульцъ, Рорбахъ, Вормсъ, Iоганнесталь, Ватерло, Нейфрейденталь, Гелененталь; *въ Ананьевскомъ уѣздѣ*—Раштадъ, Мюнхенъ; *въ Тираспольскомъ уѣздѣ*—Глюксталь, Нейдорфъ, Бергдорфъ, Кассель, Катаржина, Парканы, Гофнунгсталь; *въ Херсонскомъ уѣздѣ* —Клостердорфъ, Мюльгаузендорфъ, Шлангендорфъ, Ней-Данцигъ, Терновка.

7) Въ Екатеринославской губ.– 40 колонiй, а именно: въ *Екатеринославскомъ уѣздѣ* Розенгартъ, Бурвальде, Блюменгартъ, Нидеръ, Хортицъ, Нейгорстъ, Кронсталь, Нейстервикъ, Шенебергъ; *въ Александровскомъ уѣздѣ*—Бергталь, Шенфельдъ, Шенталь, Гейбуденъ, Киршвальдъ, Титенгофъ, Розенгартъ, Шенбаумъ, Кронсдорфъ, Розенбергъ, Грунау, Викерау, Рейхенбергъ, Кампенау, Миррау, Кейзердорфъ, Гетландъ, Нейгофъ, Эйхвальдъ, Тигенортъ, Тиргатъ, Людвигсталь, Елизаветдорфъ, Бѣлыя Вѣжи, Кальчиновка, Руднервизе, Клейнвердеръ, Гросвердеръ, Марiенфельдъ, Гармштадтъ, Ней Ямбургъ.

8) Въ Таврической губернiи—89 колонiй, а именно: *въ Бердянскомъ уѣздѣ*—Нейгофнунгъ, Гозенфельдъ, Нейгофнунгсталь, Ней-Штутгардъ, Гальбштадтъ 1, Гальбштадтъ 2, Мунтау, Шенау, Фишау, Линденау, Лихтенау, Блюмштейнъ, Мюнстербергъ, Альтонау, Тиленгагенъ, Тиле, Орловъ, Блюменортъ, Розенортъ, Тигервейде, Рюкенау, Лихтфельдъ, Нейкирхъ, Прангенау, Елизабетталь, Александерталь, Шардау, Порденау, Марiенталь, Рундервейде, Францталь, Паства, Гросвейде, Шнаррау, Контенiусфельдъ, Гнаденфельдъ, Паульгеймъ, Николайдорфъ, Моргенау, Фюрстенвердеръ, Александерволь, Гнаденгеймъ,

Фриденсдорфъ, Ландскроне, Гиршау, Вальдгеймъ, Вернерсдорфъ, Либенау, Шензе, Фюрстенау, Ладекопъ, Петерсгагенъ; *въ Мелитопольскомъ уѣздѣ* — Гуттерталь, Іоганесру, Молочна, Гоффенталь, Альтъ-Нассау, Вейнау, Дурлахъ, Карлсруэ, Кронсфельдъ, Рейхенфельдъ, Костгеймъ, Лейтерсгаузенъ, Вассерау, Ней-Нассау, Гофштедъ, Фридрихсфельдъ, Грюнталь, Розенталь, Ней-Монталь, Гейдельбергъ, Блюменталь, Тифенбрюнъ, Вальддорфъ, Аль-Монталь, Дармштадтъ, Кайзерталь, Эйгенфельдъ, Гохгеймъ; *въ Симферопольскомъ уѣздѣ*—Нейзацъ, Фриденталь, Розенталь, Кроненталь, Бальточокракъ; *въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ* — Цюрихсталь, Гейльбрюнъ, Судакъ, Герценбергъ, Кишлавъ, Старый Крымъ.

Съ 1850—1864 г.

Всего основано колоній—152.

Изъ нихъ:

1) Въ Саратовской губерніи—11 колоній, а именно: *въ Камышинскомъ уѣздѣ*—Розенбергъ, Унтердорфъ, Маріенфельдъ, Іозефсталь, Эрленбахъ, Обердорфъ, Ней-Норка, Александерталь, Ней-Денгофъ, Лизандердорфъ, Ней-Бальцеръ.

2) Въ Самарской губерніи—67 колоній, а именно: *въ Новоузенскомъ уѣздѣ*—Ягодная, Шенталь, Шенфельдъ, Шендорфъ, Гофенталь, Катариненталь, Константиновка, Лангенфельдъ, Розенфельдъ, Экгеймъ, Ней Бауеръ, Фриденфельдъ, Эренфельдъ, Бейдекъ, Гуссенбахъ, Бруненталь, Гнаденфельдъ, Маріенбергъ, Штрекеръ-Ау, Гансъ-Ау, Кеннеталь, Линденау, Фрезенгеймъ, Гогендорфъ, Лизандергее, Визенмиллеръ, Фриденбергъ, Гнаденгау, Ней-Кано, Блюменфельдъ, Моргенау, Штрасбургъ, Франарейхъ, Альтъ-Веймаръ, Ней-Веймаръ, Ней-Галка, Ней-Обермонжу, Ней-Урбахъ, Либенталь, Ней-Маріенталь, Александерге, Гнадендорфъ, Розенфельдъ, Ней-Тарлыкъ, Визенгеймъ, Гнаденфлуръ, Мангеймъ, Маріенбургъ, Лизандровка; *въ Самарскомъ уѣздѣ*—Кейзергнаде, Штасбургъ, Гоффенталь, Константиновъ, Петергофъ, Романовъ, Николаевъ, Бергталь, Рейнишфельдъ, Розенталь, Клейнъ-Константиновъ, Александерталь, Нейгофнунгъ, Маріенталь, Гротсфельдъ, Муравьевка, Орлау, Маріенау.

3) Въ Бессарабской губ.—1 колонія, а именно: *въ Аккерманскомъ уѣздѣ*—Кельчева-Кайраклія.

4) Въ Екатеринославской губ.—1 колонія, а именно: *въ Александровскомъ уѣздѣ*—Фридрихсталь.

5) Въ Таврической губерніи — 72 колоніи, а именно: *въ Бердянскомъ уѣздѣ* — Преславъ, Діяновка, Цареводаревка, Строгоновка, Царицына, Гамовка, Георгіевка, Девненская, Дунаевка, Гирсовка, Нельгавка, Надежная, Раинова, Инсовка, Степановка, Богдановка, Ѳедоровка. Еленовка, Варваровка, Марьино. Ановка, Манойловка, Николаевка, Петровская, Зеленая, Михайловка, Радуловка, Вячеславовка, Романовка, Елизаветовка, Гюневка, Бановка, Лозановка, Троянъ, Николаевка 2, Андреевка, Палаузовка, Софіевка, Владиміровка, Димитріевка, Марьянская, Константиновка, Александеркроне, Фриденсру, Штейнфельдъ, Маріаволь, Гамбергъ, Клиппенфельдъ, Гнаденталь, *въ Мелитопольскомъ уѣздѣ* — Александергеймъ, Александерфельдъ, Маріафельдъ, Николайфельдъ, Маріагеймъ, Андребургъ, Покровка, Второконстантиновка, Дмитровка, Александровка, Волканешты, Болградъ, Терновка; *въ Днѣпровскомъ уѣздѣ* — Вознесенка, Первоконстантиновка, Строгоновка, Ивановка, Второалександровка, Алексѣевка, Николаевка; *въ Перекопскомъ уѣздѣ* — Таборъ, Богемка, Цареквичъ, Александровка 3.

Итакъ черезъ 100 лѣтъ послѣ знаменитаго манифеста Екатерины II, призывавшаго иностранныхъ колонистовъ заселить — «не малое число праздноостающихся, наивыгоднѣйшихъ къ населенію и обитанію рода человѣческаго, полезнѣйшихъ мѣстъ» на этихъ полезнѣйшихъ мѣстахъ мы видимъ 559 иностранныхъ колоній, состоящихъ изъ 225.694 муж. пола душъ и во владѣніи которыхъ находилось еще въ 1864 году ни болѣе, ни менѣе какъ 2.104.032 десятины земли.

Ниже мы будемъ имѣть случай еще разъ останавливаться на вопросѣ о численномъ составѣ населенія и матеріальномъ благосостояніи колоній въ настоящее время.

Теперь же мы, для иллюстраціи географическаго, такъ сказать, положенія колоній приведемъ данныя о количествѣ земли, находящейся въ ихъ обладаніи, причемъ мы сопоставимъ эти данныя съ количествомъ земли, находящейся вообще въ уѣздѣ. Выведя затѣмъ процентное отношеніе между двумя этими величинами и составивъ «рядъ», мы получимъ картину заселенія нашихъ южныхъ пространствъ нѣмецкими колонистами. Включивъ засимъ въ наше исчисленіе землевладѣніе лицъ иностраннаго подданства, мы получимъ размѣры иностраннаго землевладѣнія въ нашихъ южныхъ и Юго-Западныхъ губерніяхъ.

Прежде всего въ таблицѣ № 1 покажемъ общую картину распредѣленія по губерніямъ земель, принадлежащихъ поселянамъ бывшимъ колонистамъ.

ТАБЛИЦА I.

Общее количество земель (въ десятинахъ), принадлежащее поселянамъ собственникамъ бывшимъ колонистамъ, съ распредѣленіемъ по губерніямъ и съ показаніемъ процентнаго отношенія сихъ земель къ общему количеству земли въ цѣлой губерніи (губерніи расположены въ нисходящемъ рядѣ сообразно высотѣ этого процентнаго отношенія).

№№	Наименованіе губерніи.	Общее количество земли въ цѣлой губерніи (въ десятинахъ).	Количество земли, принадлежащей поселянамъ б. колонистамъ (тоже).	Процентное отношеніе этихъ двухъ величинъ.	№№
1	Таврическая. . . .	5.225.610	921.648	17,44	1
2	Херсонская	6.235.344	865.734	13,91	2
3	Бессарабская . . .	3.064.013	309.374	10,09	3
4	Екатеринославская .	5.800.962	542.860	9,40	4
5	Самарская	12.617.775	992.519	8,26	5
6	Саратовская. . . .	6.957.888	468.695	6,85	6
7	Волынская	5.480.129	162.870	2,99	7
8	Новгородская . . .	8.805.060	51.031	0,58	8
9	Псковская	3.452.081	14.657	0,40	9
10	С.-Петербургская . .	3.644.649	7.115	0,19	10
11	Лифляндская . . .	3.711.909	5.350	0,14	11
12	Черниговская . . .	3.805.434	4.937	0,13	12
13	Астраханская . . .	3.422.172	2.736	0,08	13
14	Воронежская . . .	5.630.368	3.420	0,06	14
15	Подольская	3.625.069	931	0,03	15
16	Полтавская	4.052.814	827	0,02	16
17	Кіевская	4.329.671	806	0,01	17
	Итого въ перечисленныхъ 17-ти губерніяхъ.	**89 860.978**	**4 355.510**	**4,82**	

Изъ приведенной таблицы видно, что общее количество земель, принадлежащихъ иностраннымъ колонистамъ, равняется 3.782.104 десятинамъ и составляетъ такимъ образомъ 4,82% всего количества земли перечисленныхъ 17-ти губерній. Изъ этой цифры 2.418.059 десятинъ или 63% общаго количества землевладѣнія колонистовъ приходится на наши четыре южныя губерніи, именно на губ. Бессарабскую, Херсонскую, Тавриче-

ческую и Екатеринославскую. Во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ, исключая Волынской—(162.870 дес.) количество землевладѣнія колонистовъ выразилось относительно незначительными цифрами.

Затѣмъ мы представимъ въ таблицѣ № 2-й количество иностраго землевладѣнія въ тѣхъ 17 губерніяхъ, въ которыхъ, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, только и существуютъ въ Россіи такъ называемыя «колоніи». Но здѣсь намъ прежде всего нужно пойти на встрѣчу одному недоумѣнію, которое невольно возникаетъ въ умѣ читателя. На какомъ основаніи, въ силу какихъ данныхъ, сопоставляемъ мы факты землевладѣнія колонистовъ съ землевладѣніемъ иностранныхъ подданныхъ въ Россіи? «Поселяне-собственники бывшіе колонисты» суть, по буквѣ закона, русскіе подданные, подчиняющіеся, съ нѣкоторыми, правда, изъятіями, органическимъ законамъ нашего государства. Что могутъ они имѣть общаго съ иностранными подданными, удостоивающими своимъ пребываніемъ наше отечество?

Необходимо остановиться на этомъ невольно-рождающемся вопросѣ.—Да, несомнѣнно «поселяне-собственники бывшіе колонисты» суть русскіе подданные по буквѣ закона. Наравнѣ съ другими приносятъ они вѣрноподданническую присягу и несутъ, если и не наравнѣ съ другими, то все-таки нѣкоторыя государственныя повинности. Но развѣ этихъ внѣшнихъ символовъ достаточно, чтобы считать ихъ коренными нашими согражданами?

Чужой человѣкъ приходитъ въ вашу родную, дорогую для васъ семью. Онъ исполняетъ возложенныя на него немноготрудныя обязанности. Станете ли вы считать однако только поэтому такого человѣка своимъ? Допустите ли вы его въ святая святыхъ вашей семейной жизни, въ силу того только, что онъ аккуратенъ? Нѣтъ. Вы невольно потребуете инаго. Пусть этотъ чужой человѣкъ всей душой полюбитъ вашу семью, и вы не замедлите почувствовать эту любовь, и сердце ваше откликнется на зарождающееся дружелюбное чувство. Любовью и одной только любовью къ принявшей его семьѣ, участіемъ во всѣхъ ея радостяхъ и невзгодахъ, чужой человѣкъ перестанетъ быть для васъ чужимъ, безъ того же никакими внѣшними пріемами не удастся разрушить стоящей между вами нравственной преграды.

То же самое и съ вопросомъ національнымъ. Пока человѣкъ не полюбитъ своего новаго отечества, не полюбитъ его беззавѣтно и всею душой, онъ никогда не сольется духовно съ кореннымъ населеніемъ этой страны. Отношенія отдѣльной личности къ своему отечеству не ограничиваются, безъ сомнѣнія, однимъ только исполненіемъ своихъ обязанностей, не исчерпываются утилитарной формулой — «do ut des». Узы, связывающія насъ съ родной страной, выше и святѣе, и невозможно поставить ихъ въ зависимость отъ случайнаго колебанія прибылей и убытковъ. Сегодня мнѣ хорошо въ Россіи, но завтра я узнаю, что въ Англіи, съ гораздо меньшими затратами съ моей стороны, выгоды мои личныя обезпечены гораздо лучше. И что же? Руководствуясь этимъ мѣриломъ, человѣку слѣдовало бы, забравъ свои пожитки, съ покойной душою, безъ сожалѣнія и колебанія, покинуть Россію и ѣхать туда, гдѣ на его «do» дается больше и лучше.

Придерживаясь той точки зрѣнія, что принадлежность къ данной національности прежде всего опредѣляется любовью къ ней, мы, говоря о нашихъ колонистахъ, прямо ставимъ вопросъ: можно ли считать своими такихъ людей, которые, какъ говорится, изъ дому въ лѣсъ глядятъ?

Мы и не думаемъ ожидать отъ нѣмцевъ-колонистовъ какихъ-либо особыхъ актовъ геройскаго патріотизма. То, о чемъ мы говоримъ, не есть чувство, поддающееся какой-либо опредѣленной регламентовкѣ, и поэтому сердечная связь съ отечествомъ выражается въ каждомъ данномъ субъектѣ сообразно степени его нравственнаго и умственнаго развитія; у простаго, темнаго мужика она выражается инстинктивной, животной почти привязанностью къ родному, насиженному мѣсту, у человѣка болѣе развитаго она выражается сознательнымъ духовнымъ единеніемъ съ основами народной жизни; но и здѣсь, и тамъ прежде всего существуетъ любовь къ своей родинѣ. Они издали узнáютъ и поймутъ другъ друга.

Существуетъ ли эта связь у нашихъ «поселянъ-собственниковъ, бывшихъ колонистовъ»? Можемъ ли мы на нихъ надѣяться въ моменты напряженія силъ народныхъ, народныхъ бѣдствій или нашествій ихъ единоплеменниковъ? Если да, то мы не въ правѣ были выдѣлять ихъ изъ общей массы нашего населенія. Но всякій побывавшій въ колоніяхъ и хотя бы мелькомъ познакомившійся съ міросозерцаніемъ нашего нѣмца-колониста знаетъ, что этого нѣтъ, что вмѣсто того питаютъ одно

только снисходительное пренебреженіе ко всему, что съ русской точки зрѣнія есть лучшаго и самаго святаго въ нашемъ народѣ.

И вотъ, на основаніи такого отношенія ко всему русскому, мы и пріурочиваемъ и соединяемъ во-едино фактъ землевладѣнія иностраннаго съ землевладѣніемъ нашихъ *иностранныхъ* колонистовъ.

Мы отвлеклись отъ хода нашего изложенія, но сочли необходимымъ сказать эти нѣсколько словъ для того, чтобы, разъяснить нашу основную точку зрѣнія на весь этотъ вопросъ, устранить тѣ недоумѣнія, которыя могло вызвать сопоставленіе этихъ двухъ, на первый взглядъ, различныхъ явленій.

И такъ, обратимся къ таблицѣ № 2-й.

ТАБЛИЦА II.

Количество земли (въ десятинахъ), принадлежащей иностраннымъ подданнымъ въ означенныхъ (таблица I-я) губерніяхъ, съ распредѣленіемъ по губерніямъ и съ показаніемъ процентнаго отношенія сихъ земель къ общему количеству земли въ цѣлой губерніи—(губерніи расположены въ нисходящемъ рядѣ, сообразно высотѣ этого процентнаго отношенія).

№№	Наименованіе губерніи.	Общее количество земли въ цѣлой губерніи (въ десятинахъ).	Количество земли, принадлежащей иностранн. подданнымъ. (тоже).	Процентное отношеніе этихъ двухъ величинъ.	№№
1	Волынская	5.480.129	239.954	4,36	1
2	Подольская	3.625.069	96.847	2,61	2
3	Бессарабская . . .	3.064.013	51.192	1,34	3
4	Кіевская	4.329.671	55.917	1,28	4
5	Херсонская	6.235.344	74.783	1,20	5
6	Таврическая . . .	5.225.640	50.015	0,95	6
7	С.-Петербургская . .	3.644.649	29.084	0,81	7
8	Екатеринославская .	5.800.962	12.815	0,22	8
9	Лифляндская . . .	3.711.909	5.735	0,15	9
10	Черниговская . . .	3.805.434	4.645	0,12	10
11	Полтавская	4.052.814	4.283	0,10	11
12	Самарская	12.617.775	7.129	0,06	12
13	Саратовская. . . .	6.957.888	2.449	0,03	13
14	Воронежская . . .	5.630.368	1.242	0,02	14
15	Новгородская . . .	8.805.060	—	—	15
16	Псковская	3.452.081	—	—	16
17	Астраханская . . .	3.422.172	—	—	17
	Итого въ перечисленныхъ 17-ти губ. . .	**89.860.978**	**636.100**	**0,71**	

Общее количество земли въ иностранномъ владѣніи выразилось несравненно меньшей цифрой, чѣмъ землевладѣніе колонистовъ, и распредѣленіе его по губерніямъ существенно иное. Хотя и здѣсь мы видимъ значительное иностранное землевладѣніе въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, тѣмъ не менѣе онѣ уступаютъ въ этомъ отношеніи губерніямъ югозападнаго края въ особенности Волынской, въ которой количество иностраннаго землевладѣнія равняется 239.954 десятинамъ.—Въ губерніяхъ Новгородской, Псковской и Астраханской совершенно нѣтъ иностраннаго землевладѣнія.

Познакомившись изъ приведенныхъ двухъ таблицъ съ землевладѣніемъ иностраннымъ и съ пространствомъ земли, принадлежащей поселянамъ бывшимъ колонистамъ, мы позволимъ себѣ, основаясь на только-что высказанной нами точкѣ зрѣнія, соединить данныя этихъ двухъ таблицъ и составить изъ нихъ одну (Ш-ю) сводную таблицу, въ которой мы будемъ имѣть данныя о количествѣ *нерусскаго* землевладѣнія въ означенныхъ 17 губерніяхъ.

Терминъ «нерусскій», конечно, можетъ вызвать нѣкоторыя совершенно справедливыя нареканія, но, послѣ всего сказаннаго, мы все-таки считаемъ его наиболѣе подходящимъ.

Иностранное землевладѣніе, очевидно, не русское. Точно также не русское, по нашему взгляду, и землевладѣніе колонистовъ. Нельзя безповоротно, не идя въ разрѣзъ съ существующими законоположеніями, назвать земли, принадлежащія имъ,—иностраннымъ владѣніемъ, но столь же противорѣчиво и здравому смыслу, и фактическому положенію дѣла—было бы назвать эти земли русскими.

Поэтому, чтобы не идти въ разрѣзъ ни съ буквой закона, ни съ дѣйствительной жизнью, мы и приняли это отрицательное обозначеніе. Посмотримъ, какіе же получаются результаты этого сопоставленія.

Какъ мы видимъ, таблица № 1-й отъ включенія въ нее таблицы № 2-й измѣнилась относительно немного. Процентное отношеніе естественно возрасло, но взаимное отношеніе губерній въ порядкѣ ихъ расположенія осталось почти тѣмъ же, исключая только губерній Волынской, Кіевской и Подольской, которыя всѣ, а въ особенности первая, сильно двинулись вверхъ.

Итакъ, всего въ *нерусскомъ* владѣніи въ означенныхъ 17-ти

губерніяхъ находится 4.428.204 десятины. Изъ нихъ 2.606.714 дес. приходится на четыре южныя губерніи и 557.325 дес. на три губерніи юго-западнаго края.

ТАБЛИЦА III (сводная).

Общее количество земли (въ десятинахъ) въ нерусскомъ владѣніи съ распредѣленіемъ по губерніямъ и съ показаніемъ процентнаго отношенія сихъ земель къ общему количеству земли въ цѣлой губерніи (губерніи расположены въ нисходящемъ рядѣ, сообразно высотѣ этого процентнаго отношенія).

№№	Наименованіе губернія.	Общее количество земли въ цѣлой губ. (въ десятинахъ).	Количество земли въ *нерусскомъ* владѣніи (тоже).	Процентное отношеніе этихъ двухъ величинъ.	№
1	Таврическая. . . .	5.225.640	971.653	18,65	1
2	Херсонская	6.235.344	940.517	15,08	2
3	Бессарабская . . .	3.064.013	360.566	11,63	3
4	Екатеринославская .	5.800.962	555.675	9,56	4
5	Самарская	12.617.775	999.648	8,39	5
6	Волынская	5.480.129	402.824	7,35	6
7	Саратовская. . . .	6.957.888	471.144	6,87	7
8	Подольская	3.625.069	97.778	2,64	8
9	Кіевская	4.329.671	56.723	1,28	9
10	С.-Петербургская . .	3.644.649	36.199	1,00	10
11	Новгородская . . .	8.805.060	51.031	0,58	11
12	Псковская	3.452.081	14.657	0,40	12
13	Лифляндская . . .	4.711.909	10.885	0,29	13
14	Черниговская . . .	3.805.434	9.582	0,25	14
15	Полтавская	4.052.814	5.130	0,12	15
16	Воронежская . . .	5.630.368	4.662	0,08	16
17	Астраханская . . .	3.422.172	2.736	0,08	17
	Итого въ перечисленныхъ 17-ти губ. . . .	**89.860.978**	**4.991.610**	**5,63**	

Изъ приведенныхъ таблицъ мы уже можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о разсматриваемомъ нами явленіи; но представленіе это смутно и нерельефно. Для того чтобы составить себѣ о немъ болѣе полное и опредѣленное понятіе, мы войдемъ въ болѣе подробное изслѣдованіе его.

Для этого исключивъ изъ нашего разсмотрѣнія губерніи С.-Петербургскую, Новгородскую, Псковскую и Лифляндскую, въ виду ихъ отдаленности отъ главнаго центра иностранной

колонизаціи, мы, въ остальныхъ 13-ти губерніяхъ познакомимся съ изслѣдуемымъ нами явленіемъ *по уѣздамъ*. Найдемъ количество земель, принадлежащихъ колонистамъ въ каждомъ уѣздѣ, выведемъ процентное отношеніе сихъ земель къ общему количеству земли всего уѣзда и затѣмъ полученныя данныя расположимъ въ нисходящемъ рядѣ, сообразно высотѣ этого процентнаго отношенія.

ТАБЛИЦА № IV.

Распредѣленіе по уѣздамъ общаго количества земель, принадлежащихъ бывшимъ колонистамъ, съ показаніемъ процентнаго отношенія сихъ земель въ каждомъ уѣздѣ къ общему количеству земли въ данномъ уѣздѣ (въ десятинахъ). Уѣзды расположены въ нисходящемъ порядкѣ, соразмѣрно высотѣ указаннаго процентнаго отношенія.

№№	Наименованіе уѣздовъ	Какой губерніи.	Количество земли въ уѣздѣ.	Количество земли, принадлежащей крестьянамъ, бывшимъ колонистамъ.	Процентное отношеніе сихъ двухъ величинъ.
1	Камышинскій	Саратовской	931.565	404.804	40,38
2	Аккерманскій.....	Бессарабской	686.385	260.876	38,00
3	Одесскій	Херсонской	889.244	327.861	36,94
4	Перекопскій.....	Таврической.....	545.040	178.727	32,9
5	Маріупольскій	Екатеринослав.....	762.142	231.289	31,03
6	Тираспольскій	Херсонской.....	639 647	163.982	25,80
7	Новоузенскій	Самарской	2.943.003	643.658	21,18
8	Днѣпровскій.....	Таврической.....	1.023.546	203.404	19,87
9	Бердянскій	Таврической.....	764.365	149.331	19,51
10	Екатеринослав.....	Екатеринослав.....	651.760	112.320	17,21
11	Ѳеодосійскій.....	Таврической.....	609.696	99.299	16,33
12	Евпаторійскій	Таврической.....	449.594	71.696	15,92
13	Александрійскій....	Екатеринослав.....	872.755	128.940	15,00
14	Херсонскій.....	Херсонской.....	1.688.116	247.053	14,66
15	Симферопольскій...	Таврической.....	482.851	65.900	13,64

№№	Наименованіе уѣзда.	Какой губерніи.	Количество всей земли въ уѣздѣ.	Количество земли, принадлежащей крестьянамъ, бывшимъ колонистамъ.	Процентное отношеніе сихъ двухъ величинъ.
16	Мелитопольскій....	Таврической.....	1.151.922	153.264	13,35
17	Николаевскій.....	Самарской.....	2.539.416	318.826	11,19
18	Житомірскій.....	Волынской.....	656.802	53.573	9,19
19	Бендерскій.....	Бессарабской.....	510.649	40.719	7,97
20	Новоградъ-Волын...	Волынской.....	479.962	36.342	7,57
21	Ананьевскій.....	Херсонской.....	797.144	59.976	7,52
22	Ростовскій.....	Екатеринослав.....	324.999	21.861	6,07
23	Елизаветградск.....	Херсонской.....	1.382.384	60.843	4,41
24	Дубенскій.....	Волынской.....	326.215	13.664	4,24
25	Луцкій.....	Волынской.....	527.737	21.994	4,09
26	Саратовскій.....	Саратовской.....	696.099	24.089	3,47
27	Верхнеднѣпров.....	Екатеринослав.....	615.512	20.386	3,31
28	Аткарскій.....	Саратовской.....	1.095.529	34.613	3,17
29	Радомысльскій.....	Кіевской.....	781.011	20.195	2,58
30	Борзенскій.....	Черниговской.....	190.876	4.937	2,57
31	Самарскій.....	Самарской.....	1.249.050	30.035	2,46
32	Владимірскій.....	Волынской.....	524.525	12.125	2,30
33	Павлоградскій.....	Екатеринослав.....	772.823	18.892	2,04
34	Липовецкій.....	Кіевской.....	246.442	4.107	1,70
35	Новомосковскій....	Екатеринослав.....	563.759	8.182	1,65
36	Царицынскій.....	Саратовской.....	507.246	5.189	1,20
37	Сорокскій.....	Бессарабской.....	700.311	4.715	1,17
38	Ковельскій.....	Волынской.....	505.603	5.788	1,14
39	Острогскій.....	Волынской.....	234.896	4.519	1,09
40	Сквирскій.....	Кіевской.....	330.423	3.311	1,00

№№	Наименованіе уѣздовъ.	Какой губерніи.	Количество земли въ уѣздѣ.	Количество земли, принадлежащей крестьянамъ, бывшимъ колонистамъ.	Процентное отношеніе сихъ двухъ величинъ.
41	Ровенскій.	Волынской.....	677.802	6.103	0,92
42	Овручскій.....	Волынской.....	772.370	7.085	0,90
43	Уманьскій.....	Кіевской	392.045	3.273	0,84
44	Александровскій....	Херсонской.....	343.809	6.019	0,71
45	Бердичевскій.....	Кіевской.....	290.404	1.875	0,64
46	Ясскій.....	Бессарабской.....	469.566	2.739	0,60
47	Заславскій	Волынской.....	294.255	1.672	0,56
48	Острогожскій	Воронежской	716.242	3.420	0,47
49	Роменскій.....	Полтавской.....	214.381	827	0,38
50	Кіевскій.....	Кіевской.....	479.729	1.125	0,23
51	Ямпольскій.....	Подольской.....	312.706	361	0,12
52	Царевскій.....	Астраханской.....	1.536.069	2.736	0,10
53	Оргѣевскій.....	Бессарабской	321.276	325	0,10
54	Ольгопольскій.....	Подольской...	338.686	570	0,01
55	Ялтинскій.....	Таврической.....	148.626	27	0,01
	Итого въ 55 уѣздахъ означенныхъ 13 губерній находится.....		39.135.010	4.277.357	10,93

Невеселое впечатлѣніе производитъ на русскаго человѣка разсмотрѣніе этой таблицы. Густой каймой охватываютъ владѣнія колонистовъ берега нашего Чернаго моря. Цѣлый систематическій поясъ отъ запада на востокъ, пролегающій по самымъ нашимъ лучшимъ мѣстамъ, находится во владѣніи лицъ, вполнѣ чуждыхъ нашей національности.

Наиболѣе сильно землевладѣніе колонистовъ въ уѣздахъ: Камышинскомъ, Саратовской губерніи, и Аккерманскомъ, Бес-

сарабской. Въ первомъ изъ 931.565 дес. всей земли 404.804, т. е. больше половины, принадлежитъ поселянамъ-собственникамъ, бывшимъ колонистамъ; во второмъ въ ихъ владѣніи находится 260.876 десят. изъ 686.585 дес. общаго количества земли; затѣмъ слѣдуютъ уѣзды: Одесскій и Тираспольскій—Херсонской губ., Новоузенскій—Самарской и др.

Глядя на эту таблицу, въ умѣ неизбѣжно возникаетъ представленіе о систематическомъ оттѣсненіи насъ, русскихъ, коренныхъ хозяевъ этихъ странъ, куда-то на сѣверо-востокъ, туда, гдѣ холодно и безпріютно; между тѣмъ какъ иноземные званные и незванные гости плотно усаживаются вокругъ всего Чернаго моря въ богатыхъ нашихъ южныхъ губерніяхъ.

Дерево иностранной колонизаціи дѣйствительно разрослось широко и оно продолжаетъ рости, продолжаетъ пускать все новые корни, новые отростки. Вдумавшись въ эти цифры, никто, мы полагаемъ, не усумнится въ серьезномъ значеніи сообщаемыхъ нами свѣдѣній. Правда, остается еще нерѣшеннымъ вопросъ о томъ: каково дѣйствительное его значеніе, но мы надѣемся, что въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи рѣшится и онъ.

На этой картинѣ мы заканчиваемъ нашъ предварительный очеркъ движенія иностранной колонизаціи въ Россіи.

Мы заранѣе говоримъ, что въ приведенномъ исчисленіи могутъ встрѣтиться нѣкоторыя неточности. Вопросъ объ иностранной колонизаціи такъ обширенъ и такъ мало разработанъ, что очень легко было впасть въ ошибку.

Но мы утверждаемъ безусловно одно: если эти неточности и найдутся, то только въ одномъ направленіи.

Приведенныя нами цифры могутъ быть *много меньше* настоящихъ. Стремясь къ возможной достовѣрности при возбужденіи столь важнаго вопроса, мы каждую цифровую данную принимали лишь по тщательной повѣркѣ, склоняясь даже всегда на сторону меньшей цифровой величины. Поэтому, если у насъ и можетъ оказаться неточность, она будетъ состоять въ *умаленіи*, а никакъ не въ *преувеличеніи* разсматриваемаго явленія.

Въ слѣдующей главѣ мы перейдемъ къ изложенію мѣропріятій нашего правительства, относительно колонизаціи, и къ подведенію небольшаго итога тѣмъ надеждамъ и ожиданіямъ, которыя возлагались на наши иностранныя колоніи, и разсмотрѣнію того, по скольку они оправдались.

ГЛАВА II.

Историческій очеркъ мѣропріятій правительства по колонизаціи.

Въ настоящей главѣ мы переходимъ, такъ сказать, къ жизненному нерву всей нашей работы. Нельзя говорить объ исполненныхъ или обманутыхъ ожиданіяхъ и надеждахъ, не зная этихъ ожиданій и этихъ надеждъ. Нельзя требовать «ut des», не зная того, что было дано.

Всѣмъ этимъ надеждамъ и ожиданіямъ, всему тому, что было сдѣлано нашимъ правительствомъ для своихъ пріемныхъ подданныхъ, мы хотимъ подвести небольшой итогъ въ настоящей главѣ.

Мы будемъ излагать эти мѣропріятія по отдѣльнымъ царствованіямъ, потому что каждое изъ нихъ клало свой отличительный своеобразный отпечатокъ на всѣ законодательные акты своего времени.

Въ общемъ же теченіи этихъ правительственныхъ мѣръ мы можемъ отмѣтить два главныя господствующія направленія: одно состояло въ чрезмѣрномъ увлеченіи идеей спасительности колонизаціи для Россіи, готово было жертвовать всѣмъ для ихъ блага и благосостоянія, другое, напротивъ, — проникнуто было настоящимъ здравымъ патріотизмомъ и, основываясь на немъ, смотрѣло на колонистовъ только какъ на слугъ Россіи и поэтому, даруя имъ льготы, твердо настаивало на томъ, чтобы за это Россія получила въ отвѣтъ возможно большую пользу.

Къ сожалѣнію, это послѣднее направленіе только въ рѣдкихъ случаяхъ пробивалось наружу, хотя мы и старались въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи возможно рельефно оттѣнить ихъ. Но они все-таки тонутъ, исчезаютъ въ массѣ законодательныхъ актовъ противуположнаго направленія. Перечитывая эти послѣдніе, нельзя не подивиться тому увлеченію, съ которымъ правительство наше относилось подчасъ къ колонизаціи. Не будь это оффиціально удостовѣренные акты, исключающіе всякое сомнѣніе въ своей достовѣрности, *невѣроятнымъ* вымысломъ показались бы всѣ эти чрезвычайныя льготы!

Эти дома, выстроенные въ Петербургѣ для временнаго жительства пріѣзжающихъ по дѣлу колонистовъ, пока на мѣстѣ *русскіе* крестьяне строили для нихъ дома «о четырехъ свѣтли-

цахъ и кухнѣ»! Эти сотни тысячъ рублей, безъ колебанія отдаваемыя на это дѣло, безъ гарантій, безъ обезпеченія, почти безъ надежды возврата! Наконецъ, эта любовь, это родственное горячее отношеніе къ этимъ пришлымъ нѣмцамъ! Откуда все это? за что? Неужели за то только, что они пришли изъ Германіи, откуда и по сіе время многіе еще ждутъ всякихъ грядущихъ благъ для Россіи! Мы не хотимъ этого думать. Мы склоняемся скорѣе къ той мысли, что здѣсь было лишь страстное увлеченіе идеей пользы колонизаціи. Но все-таки какое несчастное, какое фатальное увлеченіе!

Переходимъ однако къ послѣдовательному изложенію всѣхъ этихъ мѣропріятій. Мы начнемъ съ царствованія Екатерины II, когда впервые явленіе иностранной колонизаціи было пріурочено къ органическимъ фактамъ нашей государственной жизни.

Мы не будемъ давать полной исторической картины прошлаго быта колоній. Мы займемся только изслѣдованіемъ актовъ правительственной власти касательно ихъ, говоря о бытѣ и состояніи колоній лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти внѣшнія условія жизни являлись, такъ сказать, первыми причинами возникновенія того или инаго мѣропріятія.

А. Царствованіе Императрицы Екатерины II.

Взглядъ Императрицы Екатерины II на иностранныхъ колонистовъ вполнѣ ясно выразился во вступительныхъ словахъ именнаго указа отъ 8 декабря 1765 г. объ отмежеваніи земель подъ населеніе иностранныхъ колонистовъ [1]). «Имѣя наше намѣреніе въ обширной нашей Имперіи, при недостаткѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ природныхъ поселянъ, пусто и безплодно лежащія земли и дикія поля населять иностранными людьми для *единой общей, совершенной пользы* Богомъ врученной намъ Имперіи и нашихъ вѣрноподданныхъ, дабы вырабатываніемъ тѣхъ пустолежащихъ земель и доставленіемъ торговъ, чрезъ получаемыя произращенія руками иностранныхъ умножились пользы и выгоды какъ всего вообще государства, такъ и каждаго особь нашего подданнаго, пріобрѣтающаго изъ того себѣ разные прибытки; по которому нашему основанію желаемъ и

[1]) Полное Собр. Зак. № 12.519.

всемилостивѣйше повелѣваемъ симъ иностранныхъ людей населеніямъ въ тѣхъ окрестностяхъ, гдѣ оныя производятся и впредь производиться имѣютъ, *природно нашимъ любезно вѣрноподданнымъ поселянамъ не толико никакого предосужденія не наноситъ, но паче еще доставлять имъ всѣ удобь возможныя выгоды»*...

Такъ начинается этотъ указъ. Въ этихъ словахъ Императрицы заключается вся программа дѣйствій ея относительно колонистовъ. Ожидая отъ нихъ громадную пользу государству въ экономическомъ отношеніи, великая государыня не опускала, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ виду главной и единственной своей цѣли, именно блага своихъ *природно-вѣрноподданныхъ*, которымъ, по ея словамъ, эта колонизація должна была принести «всѣ удобь *возможныя выгоды*». Сообразно этому, и всѣ ея мѣропріятія касательно колонистовъ можно разбить на двѣ главныя группы. Въ однихъ она даруетъ имъ громадныя льготы, затрачиваетъ большія суммы на ихъ водвореніе и устройство, въ другихъ пробивается, наоборотъ, идея, какъ бы всѣми этими льготами не было нанесено какого-либо предосужденія любезнымъ природно-вѣрноподданнымъ ея.

Во главѣ мѣръ перваго рода, конечно, стоитъ знаменитый манифестъ 22 іюля 1763 г., съ которымъ мы имѣли уже случай познакомиться въ предъидущей главѣ, въ виду того, что онъ былъ, такъ сказать, магическимъ ключемъ, открывшимъ доступъ въ нашу страну потоку чуждыхъ, не свойственныхъ ей, элементовъ.

Одновременно съ симъ именнымъ указомъ, даннымъ Сенату [1]), была учреждена канцелярія опекунства иностранныхъ колонистовъ, «дабы приходящіе на поселеніе въ Россію иностранные не могли долговременно быть безъ опредѣленія по ихъ желанію, и въ прочемъ, что до нихъ порядочнаго пребыванія принадлежитъ, единственно бъ зависимы были отъ особливо опредѣленнаго мѣста».

Въ высшей степени интересна инструкція, данная сему новому установленію [2]), приравненному по предѣламъ власти и правамъ къ остальнымъ государственнымъ коллегіямъ.

«Почему имѣетъ та канцелярія (опекунства)—говорится въ этой инструкціи—во всемъ поступать по пунктамъ издан-

[1]) Полное Собр. Зак., № 11.879.
[2]) Полное Собр. Зак., № 11.881.

*

наго сего 22 іюля отъ 22 дня манифеста и сверхъ того исполнять слѣдующее:

1) Главнымъ предметомъ къ исполненію должна имѣть канцелярія опекунства, чтобъ всѣ иностранные, при самомъ началѣ ихъ въ Россію прихода, никакому изнуренію или тягости подвергнуты не были, но каждый, по содержанію сего 1763 г. іюля 22 дня манифеста, по желанію своему скорое опредѣленіе и удовольствіе получалъ и тѣмъ прочіе поощрены, а не отвращены были.

2) Сколь скоро кто изъ таковыхъ *иностранныхъ явится* въ канцелярію опекунства, *того же часа на первый случай отвесть имъ одну или нѣсколько комнатъ, смотря по числу людей, и въ тѣхъ покояхъ жительствовать имъ, пока каждый по желанію своему опредѣленъ будетъ*, особливо уговаривать, но безъ принужденія, къ поселенію на праздныхъ мѣстахъ. Къ засѣданію же оной канцеляріи и для постою иностранныхъ на первый случай опредѣляется домъ сенатскій, что на Мойкѣ, купленный у Черкасовыхъ и что канцелярія въ ономъ домѣ присутствіе имѣетъ, для вѣдома объявить въ здѣшнихъ иностранныхъ вѣдомостяхъ. *Впредь же стараться какъ для канцеляріи, такъ ради квартиръ купить или вновь построить* съ пристойнымъ къ тому расположеніемъ, дабы тѣ иностранные всегда по близости отъ канцеляріи вмѣщаемы, а тѣмъ наискорѣе распредѣляемы быть могли...

4) Какъ нынѣ предвидѣть не можно, сколь велико число тѣхъ иностранныхъ ежегодно выходить будетъ, то для вспоможенія онымъ точной суммы денегъ не опредѣляется, но на первой случай, *пока больше потребно будетъ*, повелѣваемъ получать изъ доходовъ камеръ коллегіи *по двѣсти тысячъ на годъ*, которыя употребить на покупку или строеніе дома для канцеляріи и довольствованія квартирами выѣзжающихъ въ Россію иностранныхъ; тожъ на вспоможеніе онымъ, кои потребуютъ изъ желающихъ къ поселенію, на покупку сѣменнаго и ячменнаго хлѣба, скота рогатаго и лошадей, тако жъ земледѣлію потребныхъ инструментовъ, а потомъ на заведеніе нужныхъ и полезныхъ Имперіи нашей фабрикъ съ прочими заводами, а паче жъ на таковые, какихъ до сего въ Россіи еще не было... что единственно предаемъ на благоизобрѣтеніе полезное всему обществу—оной канцеляріи опекунства; ибо кому какую ссуду и помочь сдѣлать будетъ надобно, того предузнать и слѣ-

довательно точности предписать не можно, а послѣдующія обстоятельства довольные подадутъ тому способы».

Далѣе въ этой инструкціи говорится, чтобы канцелярія опекунства дала «губернаторамъ и прочимъ, до кого слѣдуетъ, начальникамъ достаточное наставленіе, чтобъ всѣ вспоможенія иностранцамъ чинены были на такомъ же основаніи, какъ и въ Санктпетербургѣ».

Упомянувъ затѣмъ о томъ, что канцелярія опекунства должна имѣть точныя свѣдѣнія о томъ, сколько каждымъ иностранцемъ ввезено будетъ съ собой имущества для того, чтобы имъ въ таможняхъ не было отягощенія, и «чтобъ можно было вѣдать, сколько кѣмъ присовокуплено будетъ въ Россіи имѣнія, еслибъ кто пожелалъ выѣхать, чтобъ вѣрно изъ того присовокупленнаго и благонажитаго имѣнія въ казну нашу взята была опредѣленная часть», инструкція указываетъ на необходимость имѣть при канцеляріи опекунства особаго секретаря, «знающаго достаточно иностранные языки» для сношеній съ иностранными государствами.

Кромѣ этой должности штатъ канцеляріи опекунства по своему составу и по окладу жалованья былъ приравненъ къ прочимъ коллегіямъ такъ, что въ ней полагалось содержаніе [1]) статскому совѣтнику 1.500 р., коллежскому совѣтнику 1.200 руб., секретарю 600 руб., казначею, бухгалтеру и переводчику, каждому по 400 р., канцеляристамъ по 250 р., а знающему по-нѣмецки 300 р., подканцеляристамъ и копіистамъ по 120 р., а знающимъ по-нѣмецки 130 руб.

О громадномъ значеніи, придаваемомъ этому учрежденію правительствомъ, можно судить потому, что деньги, потребныя канцеляріи опекунства, предписано было выдавать «тотчасъ, *сколько когда требовано будетъ* изъ *всякихъ* сборовъ, какіе бы на лицо ни случались» [2]).

Затѣмъ въ апрѣлѣ 1766 г., въ виду все увеличивающагося наплыва иностранныхъ колонистовъ, въ помощь канцеляріи опекунства, была учреждена въ Саратовѣ особая контора канцеляріи опекунства иностранныхъ «съ равнымъ преимуществомъ противъ прочихъ коллежскихъ конторъ, а случающіяся между россійскими и чужестранцами ссоры и происходящія

---

[1]) Полное Собр. Зак., т. XVI № 11.890.
[2]) Полн. Собр. Зак., т. XVII, № 12.763.

отъ нихъ жалобы разсматривать ей обще съ тамошнею воеводскою канцеляріею» [1]).

Но и этого оказалось недостаточно для упорядоченія управленія колоніями, и поэтому въ 1775 году были учреждены должности коммиссаровъ, по одному въ каждомъ, изъ существовавшихъ въ то время 13 округовъ, «для лучшаго наблюденія общественнаго порядка для разбирательства, случающихся отъ поселенцевъ просьбъ и для рѣшенія принадлежащихъ сельскимъ начальникамъ дѣлъ» [2]). Назначались они изъ отставныхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ. Имъ давалось казенное помѣщеніе, отводилось 60 десятинъ земли и выдавалось жалованья по 250 р. въ годъ, причемъ цифра эта могла варіироваться по желанію канцеляріи опекунства сообразно способностямъ и стараніямъ отдѣльнаго лица. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли свѣдѣнія о дѣятельности этихъ коммиссаровъ.

Въ 1782 г. канцелярія и контора опекунства иностранныхъ, а вмѣстѣ съ ними и коммиссары изъ отставныхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ были упразднены въ виду установленія губерній. Вотъ что мы читаемъ въ Именномъ указѣ, данномъ Сенату 20 апрѣля 1782 года [3]).

«По устроеніи губерній на основаніи учрежденій нашихъ отъ 7 ноября 1775 года, находя оную канцелярію и ея контору въ Саратовѣ учрежденную ненужною, повелѣваемъ онымъ *болѣе не быть* и вслѣдствіе того... о слѣдующихъ ко взысканію казенныхъ денегъ и о возвращеніи выданныхъ изъ суммы канцеляріи опекунства представить Сенату нашему вѣдомости съ нужными объясненіями, дабы Сенатъ могъ поручить мѣстамъ, до коихъ подобныя дѣла по учрежденіямъ относятся, взыскать должное и прямо доставить куда слѣдуетъ... возложить на попеченіе Саратовскаго Генералъ-Губернатора и Губернскаго Правленія, дабы должныя колонистами въ казну суммы взысканы были съ такимъ распоряженіемъ, чтобъ во-первыхъ *изъ оныхъ вычтены и безъ всякаго взысканія оставлены были* употребленныя на построеніе домовъ тѣмъ, кои на неспособныхъ и къ хлѣбопашеству неудобныхъ мѣстахъ поселены и коихъ перевесть на другія удобнѣйшія земли необходимо нужно— *1-025.403 рубли 79½ коп.*; затѣмъ же къ уплатѣ осталь-

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XX, № 12.630.
[2]) Полн. Собр. Зак., т. XX, № 14.702.
[3]) Полн. Собр. Зак., т. XXI, № 13.383.

ныхъ долговъ назначить срокъ въ теченіе пожалованныхъ конистамъ льготныхъ лѣтъ *начиная* сей платежъ по истеченіи двухъ лѣтъ отъ сего времени»...

«...Само собой разумѣется, что находящіяся въ вѣдомствѣ Саратовской опекунской конторы селенія со всѣми производившимися въ нихъ дѣлами принадлежатъ вѣдомству Директора домоводства тамошняго, а по суднымъ дѣламъ Нижнимъ и Верхнимъ расправамъ».

Такъ закончило свое существованіе первое *спеціальное* установленіе по дѣламъ колонизаціоннымъ съ дефицитомъ въ 1.025.403 р. 79½, который правительство, въ виду безнадежности его уплаты, *должно было подарить колонистамъ.*

Бросимъ же теперь взглядъ на тѣ льготы, которыя по ходатайству этого установленія были дарованы правительствомъ иностраннымъ пришельцамъ. Прежде всего упомянемъ о тѣхъ, которыя касались всѣхъ колонистовъ безъ исключенія.

Таково было установленіе общей единообразной формы договора, вызываемыхъ колонистовъ съ вызывающими ихъ лицами, коммиссарами и проч., въ которой еще разъ подтверждаются всѣ дарованныя имъ льготы по манифесту 22 іюля [1]).

Затѣмъ въ развитіе того пункта манифеста, въ которомъ говорится, что иностранцамъ предоставлено будетъ нужное пропитаніе и потребное по состоянію каждаго вспоможеніе и удовольствіе, въ 1766 году [2]) была опредѣлена норма выдачи кормовыхъ денегъ «мужчинамъ и женщинамъ равно по 10 к., а дѣтямъ ихъ обоего пола, считая оныхъ отъ 17 до 10 лѣтъ, по 6 коп., а отъ 10 до 2-лѣтнихъ по 4 коп., 2-хъ-лѣтнимъ же и груднымъ по 2 копѣйки въ сутки».

Эту норму канцелярія опекунства считала вполнѣ достаточной, такъ какъ было замѣчено, что «колонисты употребляютъ кормовыя деньги не взирая на знатную здѣсь противъ Гамбурга въ съѣстныхъ припасахъ дешевизну, по большой части не съ такою бережливостью, какой бы собственная ихъ польза требовала, но *больше на вино и на другія излишества проматываютъ*».

Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ заботъ правительства о возможно лучшемъ и удобнѣйшемъ для колонистовъ размежеваніи земель.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 12.283.
[2]) Полн. Собр. Зак., т. XVII, № 12.651.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ указовъ [1]) по сему предмету между прочимъ впервые была установлена неотчуждаемость и нераздробляемость участковъ земли, отводимыхъ подъ селенія колонистовъ, «а остались бы оныя земли нераздѣльно во владѣніи жителей той деревни, дабы никогда и ни подъ какимъ видомъ земли сихъ новыхъ селеній въ постороннія руки достаться не могли» (Высочайше утвержденный докладъ Сената отъ 19 марта 1764 г.). Точно также слишкомъ долго было бы останавливаться на неоднократныхъ подтвержденіяхъ о *невзысканіи съ колонистовъ пошлинъ* (указы отъ 28 сентября 1764 г.; 5 маія 1765 г.) на льготахъ, даруемыхъ имъ относительно рубки лѣса (указъ 31 генваря 1767 г.), о *награжденіи* изъ суммъ канцеляріи опекунства тѣхъ *колонистовъ*, которые добровольно поступятъ на *военную службу* (указъ 21 сентября 1764 г.) и объ установленіи при колоніяхъ лѣкарей и аптекъ *съ жалованіемъ и субсидіями отъ казны* (указъ 29 ноября 1763 г.).

Скажемъ только, что попеченія канцеляріи опекунства надъ ввѣренными ей новыми обывателями Россійской Имперіи простирались до того, что по ея ходатайству на казенный счетъ были выстроены въ каждомъ округѣ по киркѣ «снабдѣвая оную всѣми нужными утварьми и пристойный домъ для пастора» [2]), причемъ послѣднему было еще положено *жалованья отъ правительства* по 180 р. въ годъ. Въ концѣ же 1766 года было даже предписано *заранѣе* строить дома для пріѣзжающихъ въ Россію иностранныхъ колонистовъ, дабы «пріѣзжающіе впредь поселенцы на мѣсто будущаго ихъ жилища если не полное число для всѣхъ, то по меньшей мѣрѣ столько готовыхъ домовъ найдутъ, что всѣмъ имъ въ оныхъ до выстройки послѣднихъ не только свободно помѣститься и свободно жить, но и хлѣбопашество и иныя домовыя работы исправлять будетъ можно» [3]).

Кромѣ этихъ льготныхъ мѣропріятій, распространявшихся на всѣхъ колонистовъ вообще, нашимъ правительствомъ, по представленію канцеляріи опекунства, были заключаемы съ отдѣльными группами колонистовъ особые договоры, во мно-

---

[1]) Указы отъ 19 марта 1762 г., 28 марта 1762 г., 22 марта 1765 г., 8 декабря 1765 г., 21 августа 1766 г.

[2]) Полное Собр. Зак., т. XVII, № 12.322.

[3]) А. Клаусъ. «Наши колоніи», стр. 67

гомъ подчасъ, превосходившіе по даруемымъ привилегіямъ постановленія манифеста 22 іюля.

Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ условіе, заключенное правительствомъ съ обществомъ братства Евангелическаго августинскаго исповѣданія.

По своему духовному исповѣданію братство это было частью религіозной ассоціаціи «общества Евангелическихъ братьевъ» Bruderunität. Корень этой ассоціаціи находился въ Гернгутѣ—въ верхней саксонской Лузаціи, подъ непосредственнымъ покровительствомъ графа Цинцендорфа—поселенія же братства раскинулись по всей сѣверной и средней Германіи, во многихъ столичныхъ и другихъ городахъ континентальной Европы.

Изъ нихъ въ особенности замѣчательны колоніи братства въ Англіи (Фульнекъ, Ферфильдъ, Окброкъ и др.), въ Ирландіи (Грацечиль) и въ сѣверной Америкѣ (Виѳлеемъ, Назаретъ, Литицъ, Салемъ и др.). Въ 1850 году въ составѣ братства насчитывалось 11.000 чел. въ Европѣ и 7.000 ч. въ С.-А.-С. Штатахъ [1]).

Въ февралѣ 1764 года уполномоченными общества, Павломъ Лайрисомъ и Иваномъ Лоренцомъ, были начаты съ нашимъ правительствомъ переговоры о филіальномъ поселеніи помянутаго братства въ Россіи.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, тянувшихся до половины 1765 года, 7-го іюня сего года состоялось соглашеніе между нашимъ правительствомъ и дѣйствовавшимъ отъ имени общества Петромъ-Кондратомъ Фризомъ. Въ виду большаго интереса, представляемаго этимъ памятникомъ старины, мы приведемъ параллельно какъ прошенія этого Фриза, такъ и резолюцію по отдѣльнымъ пунктамъ нашего правительства [2]).

Пункты прошенія, поданнаго присланнымъ отъ братства Евангелическаго общества, Аугсбургскаго исповѣданія агентомъ Петромъ-Кондратомъ Фризомъ.	Примѣрное, положеніе конфирмаціи по мнѣнію канцеляріи опекунства. На семъ положена была резолюція «*Быть по сему*».

[1]) Полное Собр. Зак., т. XVII, № 12.793.
[2]) Полное Собр. Зак., т. XVII, № 12.411.

Пунктъ. 1.

Чтобъ всѣмъ вышеписанной колоніи поселянамъ пользоваться всѣми правами, вольностями и преимуществами въ равномъ совершенствѣ, какъ пользуются другіе свободные владѣльцы своими землями въ областяхъ Вашего Императорскаго Величества, и быть имъ во владѣніи своемъ всегда подъ Всемилостивѣйшимъ Ваш. И. В. Покровительствомъ.

Изъясненіе сего. Подъ совершенною властью надъ дачною Евангелическаго братства землею разумѣется раздѣленіе оной по собственному ихъ учрежденію только между Евангелическими братьями, которые приняты будутъ въ ихъ колонію, съ тѣмъ, что когда кто изъ нихъ выѣдетъ, то могли бъ свои земляные участки отдавать другимъ братьямъ Евангелическаго общества, а не постороннимъ, обязуясь платить поземельныя или поголовныя деньги.

Тою землею, которая братьямъ Евангелическаго общества Аугсбургскаго исповѣданія для поселенія ихъ отведена и на оную дача учинена будетъ, владѣть имъ позволяется съ совершенною въ томъ вольностью изъемля одну только ту свободу, чтобъ никому изъ постороннихъ и не принадлежащихъ къ ихъ колоніи и обществу людямъ ни малѣйшей части изъ той дачной ихъ земли не продавать и ни подъ какимъ видомъ не уступать.

Пунктъ 2.

Чтобы имѣть имъ вольность и дозволеніе строить на своей землѣ *города, села и деревни* (!), какъ они сами для наилучшей себѣ пользы заблагоразсудятъ, равнымъ образомъ и церкви съ колокольнями и

Все просимое позволяется, но на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Чтобъ не только *о построеніи города* (!), но и каждаго селенія увѣдомлять канцелярію опекунства иностранныхъ и о названіяхъ оныхъ,

колоколами для надлежащаго употребленія, а также публичныя училища и такіе домы, гдѣ по духовному ихъ обряду чинить имъ пристойныя распоряженія и содержать не только молодыхъ людей, но и взрослыхъ мужеска и женска пола мѣщанъ каждый полъ особо въ общемъ домостроительствѣ до времени вступленія ихъ въ бракъ, сверхъ того имѣть имъ свободу прокладывать дороги чрезъ смежныя съ ихъ землею ненаселенныя мѣста, для проѣзда въ сосѣдственныя жительства и къ близъ текущимъ рѣкамъ, какъ они, смотря по надобности своей и способности, сами заблагоразсудятъ.

Изъясненіе къ сему. Не зная, будутъ ли въ состояніи строить города и обѣщать того не могутъ, однако для избѣжанія впредь затрудненія *просятъ сего позволенія теперь же*, равно какъ и дозволенія производить мѣщанскіе промыслы и пользоваться всѣми гражданскими правами, обязуясь платить всѣ по справедливости налагаемыя подати, *только бъ оныя назначены были нынѣ*, ибо ни на что неизвѣстное они поступить не намѣрены.

прилагая притомъ планы съ подробнымъ описаніемъ расположенія какъ самого селенія, такъ и прилежащихъ къ оному полевой земли и прочихъ угодій.

2) Съ распоряженіемъ училищныхъ и тѣхъ домовъ, въ коихъ и взрослые до брачнаго сочетанія въ общемъ домостроительствѣ содержаны будутъ, присылать по построеніи оныхъ въ канцелярію опекунства одни только списки.

3) Совершенная воля прокладывать дороги чрезъ смежныя съ ихъ землею ненаселенныя мѣста дается, разумѣя государственныя въ пустѣ лежащія земли, а о неповрежденіи проложенныхъ дорогъ изъ канцеляріи опекунства иностранстранныхъ въ надлежащія мѣста указами подтверждено будетъ; чрезъ принадлежащія же партикулярнымъ владѣльцамъ земли проложеніе дорогъ будетъ зависѣть отъ воли и согласія того сосѣдственнаго владѣльца, кому та пустая земля принадлежитъ; что же касается до подати за мѣщанское право, о томъ изображено въ надлежащемъ мѣстѣ.

Пунктъ 3.

Чтобы каждому *городу*, селу или деревнѣ, кои въ оной коло-

Сей артикулъ апробованъ быть можетъ съ тѣмъ, чтобъ о

ніи будутъ учреждать внутреннюю свою *полицію и правленіе* по ихъ благоизобрѣтенію, съ тѣмъ чтобы воинскимъ и гражданскимъ Вашего Императорскаго Величества управителямъ *отнюдь не вступаться ни въ какія ихъ распоряженія*, договоры, наслѣдства, завѣщанія, опекунства и прочія тому подобныя дѣла, но они сами имѣютъ избирать между собою такихъ людей, которымъ поручено будетъ учредить полицію, содержать добрый порядокъ и чинить судъ и расправу по гражданскимъ Россійскаго государства законамъ подъ единственнымъ надзираніемъ тамошняго губернатора.

всѣхъ ихъ распоряженіяхъ, касающихся внутренней ихъ юрисдикціи, съ описаніемъ всѣхъ подробностей, напередъ было дано знать канцеляріи опекунства иностранныхъ, которая и Астраханскому губернатору, какъ избранному ихъ особому опекуну, сообщить не преминетъ.

Пунктъ 4.

Чтобъ каждому мѣсту пользоваться безъ всякаго изъятія всѣми правами гражданскими, имѣя полную свободу торговать, всякое ремесло и художество отправлять, фабрики и мануфактуры заводить по своей волѣ, также и всякій торгъ отправлять, какой пожелаютъ, варить пиво для своего употребленія и сидѣть вино про свою нужду, строить всякія мельницы на своихъ земляхъ, рыбныя ловли производить, пользоваться большими рѣками и малыми источниками, протекающими черезъ ихъ земли;

Пользоваться всѣми гражданскими правами, торговать всякими дозволенными, а не запрещенными товарами и производить всякаго рода ремесло, художество и промыслы, заводить фабрики и мануфактуры и строить всякія мельницы, также курить вино и варить пиво для собственной нужды и употребленія... позволяется съ тѣмъ, чтобы платить за то подати, изображенныя напослѣди въ особомъ артикулѣ, употребляя хлѣбное вино единственно въ своихъ селеніяхъ, не вывозя ничего и ни подъ какимъ

звѣриныя ловли имѣть въ своей власти и лѣсъ рубить невозбранно по своей же волѣ (!!).

видомъ изъ-за границъ дачной земли своей;.... рыбными же ловлями въ такихъ водахъ, которыя не на оброкѣ, также и звѣриными ловлями въ ихъ же дачной землѣ пользоваться могутъ по своей волѣ и безъ всякаго въ казну платежа, а годнаго и весьма нужнаго для корабельнаго строенія лѣса и въ дачу имъ произведено не будетъ...., а въ прочемъ съ другими единожды въ дачу произведенными лѣсами поступать могутъ по своей волѣ.

Пунктъ 5.

Чтобы всѣмъ другимъ было учинено запрещеніе въ ихъ дачахъ строить какое-либо строеніе, не исключая ни харчевенъ, ни кабаковъ, ни соленыхъ амбаровъ и ничего не заводить, ниже селиться тамо и жительствовать, а чтобъ только колонія имѣнія имѣла власть принимать къ себѣ, кого похотятъ и отпускать отъ себя, кого заблагоразсудятъ, *не давая въ томъ отчета* никому: всѣмъ же поселянамъ наслѣдникамъ и дальнему ихъ потомству имѣть всегда свободу и власть имѣніе свое употреблять по своей волѣ и *выѣзжать изъ областей Россійскихъ, когда пожелаютъ* и брать съ собою, куда бы они ни поѣхали, все свое имущество, отдавая изъ онаго въ казну, тотъ кто жилъ въ

Кромѣ собственнаго согласія начальниковъ колоніи, никому на дачной ихъ землѣ селиться и никакого строенія строить позволено не будетъ, равнымъ образомъ и все прочее подтверждается точно по разъясненію агента Фриза.

Россіи до пяти лѣтъ 5-тую, а кто жилъ до 10 лѣтъ—10-тую часть нажитаго имъ въ Россіи имущества.

Пунктъ 6.

Чтобы всѣмъ поселянамъ Евангелическаго братства получать потребные пашпорты изъ губерній или государственной колоніи иностранныхъ дѣлъ безпрепятственно.

Пашпорты въ *Азію* давать велѣно Астраханскому губернатору, а когда поѣдутъ черезъ Петербургъ въ прочія чужестранныя европейскія государства, то даваны будутъ пашпорты безостановочно изъ иностранной коллегіи чрезъ канцелярію опекунства иностранныхъ; внутрь же государства начальники колоній имѣютъ отъѣзжающихъ пашпортами снабдѣвать отъ себя.

Пунктъ 7.

Чтобъ никто изъ помянутаго братства, кои поселятся нынѣ и впредь въ областяхъ Вашего Императорскаго Величества, ниже дѣтей ихъ, ни потомковъ не брать никогда противъ воли ихъ ни въ военную, ни въ гражданскую службу, также отъ городовъ ихъ, отъ селъ и отъ деревень и отъ всякаго ихъ жительства никогда не требовать ни квартиръ для солдатъ, ни рекрутъ, ни подводъ, ниже иной какой поставки.

Все просимое позволяется кромѣ того, что посылаемымъ иногда изъ канцеляріи опекунства и отъ Астраханскаго губернатора нарочнымъ въ ихъ колоніяхъ свободныя квартиры, во время ихъ тамъ пребыванія, отъ начальниковъ колоніи необходимо даны быть должны.

Пунктъ 8.

Чтобъ каждому той колоніи поселянину позволено было,

Какъ агентъ именемъ братства Евангелическаго общества

считая со дня прибытія его на мѣсто поселенія, *пользоваться чрезъ цѣлыя 30 лѣтъ совершенною свободою отъ всѣхъ налоговъ, какого бы званія они ни были, не платить никакихъ податей въ казну* и не отправлять никакой ни обыкновенной, ни чрезвычайной службы; но по прошествіи льготныхъ тридцати лѣтъ вмѣсто всѣхъ податей и службъ, какіе отъ прочихъ Вашего Императорскаго Величества подданныхъ платятся и исправляются, каждому изъ Евангелическаго братства мужчинѣ отъ 20 лѣтняго возраста платить на годъ, исключая лишь престарѣлыхъ больныхъ и кои на общественныхъ должностяхъ въ колоніи состоять будутъ; а притомъ не требовать *ничего и ни отъ кого изъ* братьевъ ихъ общества *особо*, а единственно отъ всегдашнихъ начальниковъ ихъ, а они уже будутъ всѣ подати платить въ свое время и гдѣ надлежитъ.

Изъясненіе къ сему. Какимъ бы порядкомъ подати ни расположены были, по людямъ, по землѣ или по торгамъ и промысламъ, только бъ *то нынѣ же учинено было.*

просить для всѣхъ будущихъ своихъ поселянъ не только гражданскаго права, но сверхъ того еще такихъ выгодъ и преимуществъ, съ которыхъ сбираемые государственные доходы въ число податей не включаются: то въ разсужденіи сего освобождаются они на 30 лѣтъ *единственно отъ податей, а не отъ платежа акцизовъ и пошлинъ*; слѣдоватетельно позволяется всѣми просимыми вольностями и преимуществами пользоваться на такомъ основаніи, какъ о томъ въ пунктахъ особаго послѣдняго артикула показано.

Пунктъ 9.

Чтобъ ко основанію и производству сего селенія даны

Къ основанію ихъ селенія не токмо опускаемы будутъ на-

были не только потребные матеріалы, всякіе мастеровые люди изъ Россійскихъ подданныхъ для построенія домовъ, но чтобы дано имъ было отъ казны и потребное число денегъ въ ссуду безъ процентовъ со взятьемъ обязательства отъ начальниковъ ихъ, съ платою тѣхъ капитальныхъ денегъ по прошествіи 10 лѣтъ въ 3 года по равнымъ частямъ со дня полученія оныхъ.

чальникамъ ихъ селеній столько матеріаловъ по построенію домовъ, но и по пропорціи онаго строенія, денегъ подъ заплату работникамъ подъ ихъ росписки, сколько требовано будетъ; прочія ссуды производиться будутъ смотря по числу выѣхавшихъ и поселившихся дѣйствительно людей и заводимыхъ мануфактуръ.... по требованіямъ же начальника колоніи, взыскивая капиталъ чрезъ десять лѣтъ въ три года со дня выдачи; причемъ чрезъ сіе знать дается, когда учинена будетъ ссуда на произведеніе мануфактуръ или промысловъ, которые въ состояніе приведены не будутъ, то начальникъ колоніи обязанъ данныя въ ссуду деньги возвратить въ казну, не дожидаясь десятилѣтняго срока, но какъ скоро обѣщанія своего не произведетъ въ дѣйство.

Въ артикулѣ 12-мъ, о которомъ было упомянуто выше, содержится опредѣленіе податей и пошлинъ, которыя должны быть платимы поселенцами по прошествіи льготныхъ лѣтъ, причемъ было установлено, что всего поселенцы по прошествіи 30-ти льготныхъ лѣтъ должны были уплачивать по 7 руб. 50 коп. за каждыя 30 десятинъ удобной земли или же по 25 коп. съ десятины: что же касается куренія вина, то въ этомъ отношеніи установлена была для колонистовъ льгота «посредственная между дворянствомъ и прочими нижняго состоянія людьми, а именно: кубовъ имъ имѣть сколько захотятъ, но дѣлать ихъ одинаково мѣрою въ 6 ведеръ, а казаны въ 12 ведеръ, которые черезъ 2 года клеймить въ Астраханской губернской канцеляріи, а въ казну... платить за сію при-

вилегію... каждый годъ на кубъ по 75, а за казанъ по 170 рублей».

Всего на этихъ условіяхъ Евангелическому братству, при впаденіи въ Волгу рѣки Сарпы или Сарефы, въ 28 верстахъ ниже Царицына, была нарѣзана дача колоніи Серепты въ количествѣ 4.443 дес. удобной и 11.378 дес. неудобной земли.

Мы изложили параллельно вышеприведенное соглашеніе нашего правительства съ Евангелическимъ братствомъ въ виду того, что оно наиболѣе рельефно рисуетъ съ одной стороны отношенія колонистовъ къ Россіи, съ другой стороны—взгляды правительства на этихъ пришельцевъ. Читая то домогательство колонистовъ, то даруемыя имъ нашимъ правительствомъ льготы, въ умѣ невольно возникаетъ представленіе о какомъ-то діалогѣ, который ведется между двумя совершенно противуположными индивидуумами. Въ нашемъ введеніи мы говорили о сельскомъ хозяинѣ, находящемся въ критическомъ положеніи, и о пришлой рабочей силѣ, призванной имъ извнѣ. Сравненіе это еще больше подтверждается при чтеніи помянутаго параллельнаго изложенія. Но здѣсь, какъ говорится, «ситуація», взаимное положеніе договаривающихся сторонъ выступаетъ еще рельефнѣе. Пришлый работникъ, уразумѣвъ расположеніе къ себѣ хозяина, перестаетъ довольствоваться тѣми преимуществами, которыя тотъ самъ хотѣлъ ему дать. Онъ требуетъ большаго и когда хозяинъ начинаетъ колебаться, онъ рисуетъ передъ нимъ яркія картины той пользы, которую его трудъ принесетъ хозяйству. Что дѣйствительно дѣло было такъ, что дѣйствительно Евангелическое братство сознательно пользовалось тѣмъ, что на нихъ возложили какія-то преувеличенныя надежды, усматривается съ одной стороны въ томъ, что они требовали *немедленнаго* опредѣленія количества податей, которыя имъ придется уплачивать впослѣдствіи, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, ясно сознавая, что пошлины, опредѣляемыя *теперь* въ счетъ будущаго, естественно не будутъ большими, съ другой стороны, желаніе отуманить наше правительство самыми утопическими надеждами видно изъ того, что они брали на себя платоническія обязательства строить города (!) и села и даже завести торговлю съ Персіей! Вотъ подлинныя слова, которыми канцелярія опекунства начинаетъ свой вышеприведенный проектъ конфирмаціи:

«Пріемля во уваженіе будущую для государства отъ ма-

нуфактуръ и фабрикъ пользу, которыя братское Евангелическое общество завесть *намѣрено*, не меньше того и *чаемое* отъ сихъ искусныхъ людей *поправленіе коммерціи чрезъ Каспійское море* по той причинѣ, что избираютъ они для поселенія своего способное къ тому мѣсто, упоминая въ одномъ мѣстѣ *о поѣздкахъ въ Персію*... Канцелярія опекунства не находитъ по разсужденію своему ничего для прочихъ Россійскихъ подданныхъ предосудительнаго, есть ли просимыя агентомъ Фризомъ для братьевъ Евангелическаго общества привилегіи даны имъ будутъ»....

Примѣръ Евангелическаго братства далеко не былъ единичнымъ. На такихъ же почти основаніяхъ въ 1789 году начали селиться менониты въ Новороссіи. Не довольствуясь также, какъ и первое, правами, дарованными манифестомъ 1763 г. всѣмъ иностраннымъ колонистамъ, Маріенвердерское менонитское братство получило разрѣшеніе селиться къ намъ въ неограниченномъ числѣ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) имъ отводится земля близъ Берислава въ Новороссійской (нынѣ Херсонской) губерніи по 65 дес. на семейство, независимо отъ числа душъ въ семьѣ; 2) принявъ подданство Россіи, они и ихъ потомство пользуются свободой вѣроисповѣданія и правомъ приносить присягу «по ихъ правиламъ» изустнымъ «да»; они навсегда свободны отъ воинской и гражданской службы, отъ подводъ, работъ и постоевъ; 3) имъ предоставляется льгота отъ всякихъ податей на 10 лѣтъ и право заводить фабрики и заводы, торговать и записываться въ гильдіи и цехи; 4) на переѣздъ и первоначальное обзаведеніе имъ даются: подводы отъ границы до Берислава, кормовыя деньги посуточно: во время пути отъ 12—25 к., а затѣмъ до перваго урожая по 10 к. на душу обоего пола, сѣмянной хлѣбъ «съ возвращеніемъ его по времени; ссуда въ количествѣ по 500 рублей на каждое семейство и по 120 четырехсаженныхъ бревенъ... кромѣ того «*нынѣ же*» былъ опредѣленъ размѣръ подати, которую они должны были уплачивать впослѣдствіи по прошествіи льготныхъ лѣтъ: именно они обязаны были уплачивать по 15 коп. съ десятины удобной земли».

Тѣмъ же безмѣрнымъ увлеченіемъ идеей иностранной колонизаціи и полной готовностью даровать колонистамъ всякія льготы, оказывать всевозможныя снисхожденія, проникнуты указы:

— 28 февраля и 17 ноября 1767 года о правилахъ для поселенія, вызываемыхъ полковникомъ Филипповичемъ и собою выходящихъ чрезъ Кіевъ иностранцевъ и о тѣхъ суммахъ, которыя было предписано выдавать на это дѣло (42.228 рубл.).

— 23 іюля 1769 года о поселеніи Петербургскихъ колонистовъ и о даруемыхъ имъ льготахъ.

— 14 ноября 1783 г. и 23 генваря 1785 г. о поселеніи Рижскихъ колонистовъ.

— Жалованная грамота отъ 14 ноября 1779 года, данная армянамъ, выходящимъ изъ Крыма и поселившимся въ Азовской губерніи; причемъ земля имъ была дана «вѣчно безъ всякихъ въ казну податей» (въ количествѣ 3.000 дес.).

— Манифестъ 14 іюля 1785 г. о приглашеніи иностранцевъ селиться по городамъ и уѣздамъ Кавказской губерніи и о льготахъ, предоставляемыхъ такимъ поселенцамъ.

— Указъ 5 генваря 1786 года о льготахъ грузинамъ, грекамъ, армянамъ и волохамъ, поселившимся въ Екатеринославской губерніи.

— 27 апрѣля 1792 года о льготахъ туркамъ, желающимъ поселиться въ той же губерніи.

— 25 марта 1794 года о разрѣшеніи грекамъ переселиться съ острова Занта въ Таврическую область, объ отводѣ имъ земли и даруемыхъ льготахъ.

— 19 апрѣля 1795 года объ устройствѣ селеній единовѣрныхъ народовъ въ окрестностяхъ Одессы съ правилами для водворенія вызываемыхъ изъ Архипелага и изъ другихъ заграничныхъ мѣстъ поселенцевъ и о даруемыхъ имъ льготахъ.

— 24 ноября 1775 года о сложеніи съ Саратовскихъ колонистовъ 3.474 рублей, затраченныхъ ими на возведеніе землянаго вала вокругъ ихъ селенія.

— 27 октября 1778 года о переселеніи части колонистовъ съ луговой стороны Волги на линію, заводимую между Моздокомъ и Азовомъ, въ виду малой плодородности отведенной имъ подъ поселеніе земли.

— 17 августа 1793 года о переселеніи 270 душъ колонистовъ изъ Ямбургскаго уѣзда Петербургской губерніи въ Екатеринославскую губернію въ виду малой плодородности отведенной имъ подъ поселеніе земли, о прибавкѣ пашенной земли остающимся въ Ямбургскомъ уѣздѣ колонистамъ и о дарованіи имъ льготъ въ платежѣ податей.

*

— 12 марта 1779 года о пониженіи платежа податей поселившимся въ Саратовкѣ и при царскосельской дорогѣ колонистамъ въ половину, а ижорскимъ въ четверть противъ положеннаго въ заключенномъ съ ними договорѣ.

— 10 іюля 1785 года о разныхъ мѣрахъ къ лучшему устройству Саратовскихъ колонистовъ.

Но какъ мы имѣли уже случай говорить, Екатерина Вторая, даруя всѣ эти льготы и преимущества, имѣла въ виду, что колонизація иностранцевъ принесетъ великую пользу и выгоду «какъ всего вообще государства, такъ и каждаго особь нашего подданнаго». Эта основная идея, что всѣ преимущества даруются иностранцамъ не для нихъ, не ради ихъ выгоды и удобства, а для того, чтобы, поставивъ ихъ въ наивыгоднѣйшія условія, имѣть возможность воспользоваться maximum'омъ той пользы, которую они только въ состояніи принести Россіи, проглядываетъ даже во всѣхъ приведенныхъ нами законоположеніяхъ, но кромѣ нихъ существуютъ узаконенія, въ которыхъ высказанная нами точка зрѣнія выражается еще рѣзче и сильнѣе.

Такъ, когда, въ 1764 году, грекъ папа Димитрій ходатайствовалъ чрезъ канцелярію опекунства о позволеніи поселиться въ Россію и разводить скотъ для дѣланія сальныхъ свѣчей и разныхъ молочныхъ съѣстныхъ припасовъ, требуя себѣ за это чрезвычайныхъ льготъ и пятилѣтней привилегіи, и когда канцелярія опекунства хотѣла уже было согласиться и представила докладъ объ этомъ Императрицѣ, послѣдняя 13 генваря 1764 г. положила на этотъ докладъ слѣдующую оригинальную резолюцію: «Быть по сему, токмо не инако, какъ за границы прилежащія къ Россійской Имперіи въ Азіи» [1]).

Нужно при этомъ прибавить, что этотъ папа Димитрій ходатайствовалъ объ открытіи завода въ Кіевской или Воронежской губерніяхъ.

Такого же рода резолюція была положена государыней по дѣлу француза Докурта и его товарищей. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что французъ этотъ предложилъ свои услуги нашему правительству въ качествѣ коммиссіонера или посредника, обѣщаясь привести съ собой много искусныхъ и трудолюбивыхъ поселенцевъ, причемъ онъ предлагалъ слѣдую-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 12.010.

щія условія: отвести тѣмъ иностранцамъ, которыхъ онъ пригласитъ, земли для поселенія «противъ прочихъ собою выѣзжающихъ—положенное число» между Самарою и Астраханью; ему же, Докурту, и двумъ его товарищамъ, берущимъ на себя трудъ пріисканія поселенцевъ, отвести этой земли въ утроенномъ размѣрѣ, въ наслѣдственное владѣніе, и выдать каждому изъ нихъ безпроцентной ссудой по 4.000 рублей, а всего 12.000 р. Кромѣ того, въ шестимѣсячный ихъ отъѣздъ для приглашенія колонистовъ, выдавать каждому изъ нихъ суточно по 6 рублей безъ возврата и отпускать изъ нашихъ заграничныхъ миссій *сколько* бы имъ ни понадобилось денегъ. Когда же приглашенныхъ ими колонистовъ явится на мѣстѣ не менѣе 100 семей, «то построить имъ для каждаго, въ награжденіе за ихъ стараніе, изъ казны, деревянные домы, безъ взысканія за оные денегъ, всякой о четырехъ свѣтлицахъ и одной кухнѣ, съ принадлежащими къ тому конюшнями, всякая на четыре лошади, съ сараями и погребами».

Несмотря на эти беззастѣнчивыя требованія и полное отсутствіе какихъ-либо гарантій, такъ какъ французы эти только ручались другъ за друга, предлагая, что если двое поѣдутъ, одинъ останется въ видѣ залога, канцелярія опекунства склонялась къ удовлетворенію ихъ ходатайства и намѣрена была предписать нашимъ миссіямъ о выдачѣ имъ напередъ денегъ въ Вѣнѣ, Гагѣ и Гамбургѣ 6.000 рублей, а въ Петербургѣ при отъѣздѣ 3.160 рублей, всего же 9.160 р., хотя, какъ говорится въ этомъ докладѣ, что эти французы «находятся состоянія и поведенія невоздержаннаго, почему къ домостроительству и доброму хозяйству являются быть безнадежными»... Императрица 30 октября 1764 г. положила резолюцію слѣдующаго содержанія:

«Безъ поручительства деньги не давать, ежели нѣтъ залогу такого, въ случаѣ нужды съ котораго издержанныя деньги взыскать можно» [1]).

Такъ какъ этого залога естественно не нашлось, то и затѣя предпріимчивыхъ французовъ потерпѣла неудачу.

Такое же попеченіе о благѣ и пользѣ *казны* видно изъ указа 1765 года. Именно среди льготъ, предоставленныхъ иностранцамъ, было, между прочимъ, право ввозить безпошлинно съ со-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 12.255.

бой товаровъ каждой семьѣ до 300 рублей. Въ виду возникшихъ по сему случаю злоупотребленій и происходящаго отъ сего убытка казнѣ, 11 октября 1765 г. былъ изданъ указъ, подробно опредѣляющій эти права [1]), въ которомъ однако обѣщано строгое взысканіе тому, кто, «какого бы онъ званія ни былъ, покусится выѣзжающихъ на поселеніе въ Россію иностранцевъ склонять къ принятію, на какихъ бы то ни было кондиціяхъ, своихъ товаровъ для провоза оныхъ безпошлинно въ Россію подъ именами тѣхъ желателей на поселеніе», причемъ тутъ же было объявлено, что всѣ учиненныя поселянами на родинѣ обязательства уничтожаются, ибо если колонисты будутъ привозить съ собою не товары, а долги, то отъ сего «вмѣсто чаемой выгоды казнѣ кромѣ убытка ничего добраго ожидать не можно».

Предназначая затѣмъ приглашаемыхъ на поселеніе иностранцевъ къ занятію земледѣліемъ, правительство относительно очень немилостиво обходилось съ тѣми, которые по прибытіи на мѣсто оказывались неспособными къ хлѣбопашеству. Это мы видимъ въ правилахъ паспортныхъ, изданныхъ въ 1776 г., въ которыхъ эти колонисты были поставлены въ довольно стѣснительныя условія; причитающіяся съ нихъ въ казну деньги они должны были уплачивать изъ своихъ заработковъ, причемъ на паспортѣ ихъ дѣлалась отмѣтка о количествѣ причитающагося съ нихъ долга. Паспортъ они должны были ежегодно мѣнять въ канцеляріи опекунства, безъ этого же паспорта было строго запрещено нанимать ихъ на работу или въ служеніе [2]).

Наконецъ, постоянная забота о благѣ и пользѣ Россіи, по нашему убѣжденію, видна изъ того, что Императрица приглашала къ поселенію всѣхъ безъ изъятія иностранныхъ, кромѣ евреевъ; эти послѣдніе совершенно не были допускаемы къ поселенію. Единственное исключеніе было сдѣлано для евреевъ, присланныхъ изъ дѣйствующей арміи въ 1769 году, которыхъ повелѣно было селить въ одной только Новороссійской губерніи (Именной указъ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, 16 ноября 1769 г.).

Но это одно исключеніе только подтверждаетъ общее правило, только еще сильнѣе выставляетъ взглядъ на эту расу великой государыни.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVII, № 12.491.
[2]) Полн. Собр. Зак., т. XX, № 14.432.

Такимъ образомъ, мы привели двѣ группы мѣропріятій нашего правительства въ царствованіе Императрицы Екатерины II касательно нашихъ иностранныхъ колонистовъ. И, несмотря на то, что, въ силу новизны самаго дѣла, вслѣдствіе увлеченія идеей пользы для Россіи иностранной колонизаціи, тѣ или иныя мѣры нашего правительства могутъ показаться слишкомъ уже льготными, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ этихъ указахъ, въ большей или меньшей степени, пробивается ясное и опредѣленное сознаніе, что всѣ эти мѣры клонятся только «къ единой общей совершенной пользѣ Богомъ врученной намъ Имперіи и нашихъ природно-вѣрноподданныхъ», а не къ выгодѣ и удобству этихъ пришлыхъ людей. Великая хозяйка Русской земли ясно понимала, что не для этихъ пришлыхъ работниковъ существуетъ ея хозяйство, что оно должно служить инымъ цѣлямъ, удовлетворять инымъ потребностямъ!

Б. ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Если мы отмѣтили два теченія въ мѣропріятіяхъ Екатерины II касательно колонистовъ, то время Павла I можно въ этомъ отношеніи назвать, по преимуществу, одностороннимъ. Царствованіе Императора Павла отличалось, если такъ можно выразиться, исключительно родительскимъ попеченіемъ о колонистахъ. Такой отеческой, родственной нѣжностью проникнуты всѣ мѣропріятія нашего правительства этого времени.

Прежде всего, управленіе иностранными колонистами, включенное Императрицею Екатериною въ 1782 году въ общую систему управленія, было выдѣлено въ нѣчто особое и самостоятельное, какъ дѣло, отличное отъ общаго строя нашего внутренняго государственнаго быта.

Именнымъ указомъ Сенату, отъ 4 марта 1797 года, была учреждена при Сенатѣ особая Экспедиція Государственнаго хозяйства, Опекунства Иностранныхъ и Сельскаго Домоводства[1]).

Она была учреждена «для общаго наблюденія за всѣми частями къ пользѣ государства относящимися и особенно за прочнымъ обзаведеніемъ иностранныхъ подъ покровительство наше

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17.865.

приходящихъ и къ поселенію вызываемыхъ, а частію уже въ разныхъ мѣстахъ Имперіи поселившихся».

Затѣмъ, 30 іюня того же года, была учреждена въ Саратовѣ Контора Опекунства Иностранныхъ «для ближайшаго и успѣшнѣйшаго попеченія и присмотра надъ всѣми колоніями иностранныхъ, въ Саратовской губерніи нынѣ находящихся и впредь поселяемыхъ» [1]).

Въ Высочайше утвержденной инструкціи этой конторы между прочимъ стоитъ слѣдующее:

Контора эта должна была: 1) имѣть надлежащее по опекѣ попеченіе и присмотръ и заниматься хозяйственными распоряженіями къ ихъ настоящей пользѣ и къ сельскому домоводству относящимися... наблюдать, чтобъ не токмо нынѣшнія земли, къ колоніямъ принадлежащія, охранены были отъ всякихъ незаконныхъ притязаній, но чтобъ на каждую душу до послѣдней переписи отмежевано по 20 десятинъ, дополняя недостатокъ изъ пустопорожнихъ казенныхъ земель для тѣхъ колоній способнѣйшихъ; 2)... производя по законамъ судъ и расправу между иностранными въ колоніяхъ нынѣшнихъ и впредь заводимыхъ, всякія случающіяся дѣла между сими чужестранцами и Россійскими разнаго званія подданными разсматривать и рѣшать обще съ присутственными мѣстами, въ губернскомъ городѣ установленными, отряжая по существу дѣла въ уѣздный судъ или въ городовой магистратъ одного изъ своихъ присутствующихъ; но когда поступитъ дѣло по порядку или по апелляціи въ Палату Суда и Расправы, то составлять той конторѣ обще съ Палатой присутствіе и на такія рѣшенія можетъ брать апелляцію одна сторона въ Сенатъ, а *иностранцы* въ экспедицію государственнаго хозяйства опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства [2]).

Съ такими же полномочіями и обязанностями была учреждена 26 іюля 1800 года контора опекунства новороссійскихъ иностранныхъ колонистовъ, которая должна была управлять «всѣми колоніями иностранныхъ въ Новороссійской губерніи состоящихъ» [3]).

Кромѣ такого полнаго и послѣдовательнаго выдѣленія дѣлъ иностранныхъ колонистовъ изъ общей массы дѣлъ внутрен-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 18.021.
[2]) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 18.022.
[3]) Полн. Собр. Зак., т. XXVI, № 19.492.

няго управленія въ этихъ двухъ инструкціяхъ было предписано: сношенія и приказанія, посылаемыя отъ конторы колоніи, *писать на нѣмецкомъ языкѣ* «для вящаго вразумленія иностранныхъ поселянъ».

Такимъ образомъ, здѣсь впервые *нѣмецкій языкъ получилъ оффиціальную санкцію* въ сношеніяхъ и дѣлахъ нашего внутренняго управленія. Въ русскомъ государствѣ нашлись новые подданные, которые затруднялись понимать государственный языкъ ихъ новаго отечества, и наше правительство съ полной готовностью предписываетъ своимъ органамъ употреблять въ сношеніяхъ съ этими чужеземцами языкъ ихъ роднаго фатерланда.

Слѣдующей заботой правительства было — познакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ иностранныхъ колоній.

Несмотря на всѣ льготы, ссуды и прочія ублаготворенія, *хозяйство въ колоніяхъ шло неудовлетворительно*, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія правительства, которое никакъ не могло получить обратно выданныя имъ колонистамъ ссуды. Чѣмъ обусловливался этотъ неплатежъ, отчего не преуспѣвало въ желаемой степени хозяйство поселенцевъ и что можно было сдѣлать, чтобы улучшить этотъ порядокъ вещей, таковы были самые существенные вопросы, занимавшіе наше правительство. Для выясненія ихъ и для всесторонняго ознакомленія съ бытомъ и состояніемъ иностранныхъ колонистовъ, двое сановниковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хитрово и совѣтникъ географическаго департамента, надворный совѣтникъ Коптеніусъ, были командированы для того, чтобы «сдѣлать самоличный осмотръ, войти въ подробности ихъ (колонистовъ) хозяйства, разобрать ихъ недостатки и составить обстоятельное всего сего описаніе». Первый долженъ былъ обслѣдовать колоніи Петербургской губерніи, второму была поручена гораздо болѣе сложная задача — изслѣдовать колоніи Новороссійскія. Какую же картину даютъ намъ эти два «обстоятельныя описанія» [1]).

«Въ оной (Санктпетербургской) губерніи находится четыре колоніи, доноситъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Хитрово. Первая, въ уѣздѣ Софійскомъ, на большой Царскосельской дорогѣ, основана въ 1765 году; при поселеніи ея *употреблено 19.335 р. 14 к.*; въ ней 22 двора, въ коихъ нынѣ мужескаго

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, №18.006 и т. XXVI, № 19.372.

пола 86, женскаго — 93 души; во владѣніи ихъ состоитъ 524 десятины, изъ коихъ распахано на каждый дворъ въ полѣ по одной съ половиною десятинѣ и столько же позади дворовъ подъ картофель, а прочая земля подъ небольшимъ выгономъ, лѣсомъ и лугами. По договору обязаны они были платить, по прошествіи 10 лѣтъ, по 1 р. $22^1/_2$ коп. съ каждой десятины, долгъ же заплатить по прошествіи 15 льготныхъ въ послѣдующія пять лѣтъ; но по *несостоянію* ихъ Именнымъ указомъ 1793 года повелѣно съ нихъ взыскивать за всякую десятину удобную поземельныхъ по 61 коп., да въ уплату долга по 10 руб. съ двора... И по сему разсчету съ колониста сходитъ въ годъ по 6 руб. 30 коп. *Вторая* колонія, Ижорская, поселена въ двухъ деревняхъ въ 1765 году, въ первой 12, во второй 16 дворовъ, и въ обѣихъ нынѣ мужескаго пола 106, женскаго 108 душъ. На обзаведеніе ихъ употреблено *25.234 р. $91^1/_4$ к.*— земли имъ отмежевано 1.340 десятинъ; на каждый дворъ въ полѣ, за выдѣломъ подъ сѣяніе картофеля, доводится до $1^1/_2$ десятины. Договоромъ они обязаны были платить поземельную подать и возвращать долгъ на томъ же основаніи, какъ и царскосельскіе и *по равному съ ними несостоянію*, тѣмъ же указомъ 1793 года предписано взыскать съ нихъ за каждую десятину по $30^3/_4$ коп. поземельныхъ, да по 5 руб. съ двора въ уплату ссудныхъ;... слѣдовательно съ каждаго колониста причитается въ годъ по 3 руб. 75 коп. *Третья* колонія подъ названіемъ Саратовки находится съ 1765 г. на берегу рѣки Невы; въ ней 60 дворовъ, въ коихъ мужескаго пола 227, а женскаго 231 душа. На поселеніе *употреблено 78.297 руб. $86^1/_2$ к.;* во владѣніе получили 1.656 дес. удобной земли, изъ коей распахано на каждый дворъ по $1^1/_2$ десятины въ полѣ, да толикое же число подъ картофель. По условію обязались они платить по прошествіи 10 льготныхъ лѣтъ поземельныхъ денегъ по 1 р. $22^1/_2$ коп. съ десятины въ годъ; выданныя же въ ссуду—по прошествіи тѣхъ же 10-ти въ послѣдующія 6 лѣтъ: однако *по ихъ неимуществу и накопленію недоимки*, въ 1793 году въ августѣ 17 дня Именнымъ указомъ утверждено, чтобы имъ платить поземельныхъ денегъ за 1.500 десятинъ, почитаемыхъ истинно удобными, — по $61^1/_4$ коп. да въ уплату ссудныхъ денегъ и прежней недоимки по 5 рублей со двора, что составляетъ въ годъ 5 рублей 37 коп. безъ малыхъ долей съ души. *Четвертая* колонія Ямбург-

ская, основана въ 1767 году въ трехъ деревняхъ, въ которыхъ было $92^1|_2$ семейства; *издержано изъ казны* на привозъ и обзаведеніе сихъ поселянъ *81.970 руб. $38^3|_4$ копѣйки;* земли имъ отведено разнаго свойства 2.927 дес. Сіи колонисты по договору обязаны были платить по прошествіи 13 льготныхъ лѣтъ по 1 руб. $22^1|_2$ коп. съ десятины и деньги, на нихъ употребленныя, возвратить въ три года по прошествіи 10 льготныхъ; однако же *совершенная по состоянію ихъ къ тому неспособность* побудила правительство въ 1793 году переселить часть изъ нихъ въ Екатеринославскую губ., 272 души оставшихся же удовольствовать землею, дать имъ льготы на 5 лѣтъ, по прошествіи коихъ платить равную съ Ижорскими колонистами подать по $30^3|_4$ к. съ десятины *и казенный долгъ, обще съ недоимкою составившій 137.493 руб. 85 коп., съ нихъ не взыскивать.*

И такъ съ каждаго колониста приходится теперь въ годъ по 1 рублю $93^1|_4$ копѣйки.

Лѣсу при сихъ колоніяхъ, исключая Ямбургской, гдѣ онъ почти весь истребленъ, по свидѣтельству дѣйствительнаго ст. сов. Хитрово, находится вполнѣ довольное количество.

Таково было «обстоятельное описаніе» Петербургскихъ колоній. Обратимся же теперь къ результатамъ изслѣдованія надв. сов. Контеніуса.

«Поселеніе иностранцевъ въ Новороссійской губерніи началось съ 1787 года. По мѣрѣ пріѣзда ихъ въ Россію и по роду исповѣданій и образа жизни они устроили и жилища свои заведеніемъ особыхъ колоній. Нѣкоторые изъ нихъ выѣхали на предварительно заключенныхъ съ казною условіяхъ, другіе же сравнены съ прочими Новороссійской губерніи выходцами. Расположены они въ разныхъ мѣстахъ и извѣстны теперь подъ названіемъ менонитовъ вообще и колонистовъ Іозефстальскихъ, Данцигскихъ, Шведскихъ и Ямбургскихъ»,—такъ начинаетъ свой докладъ надв. совѣтникъ Контеніусъ. Упомянувъ затѣмъ объ историческомъ ходѣ колонизаціи менонитовъ, о чемъ мы имѣли уже случай говорить выше, онъ, описывая настоящее положеніе ихъ, удостовѣряетъ, «что менониты почти всѣ вообще въ домашней жизни порядочны и опрятны, въ нравственной —трезвы и честны, а въ домоводствѣ прилежны и старательны», причиною же найденнаго имъ бѣдственнаго состоянія онъ считаетъ «тѣсноту населенія и со стороны казны чрезвычайно

медленное удовлетвореніе ихъ кондицій и привилегій». Казеннаго долга по ихъ пріѣзду и первоначальному водворенію числилось на нихъ 380.975 р. 11 коп.

I. Колонисты Іозефстальскіе выѣхали въ 1789 г. вмѣстѣ съ менонитами перваго выхода въ числѣ 90 семействъ, лютеранскаго исповѣданія. Поселены они въ Новомосковскомъ уѣздѣ особою колоніею подъ именемъ Іозефсталь, мѣстоположеніе которой прекрасно, земля плодороднѣйшая и пастбища тучныя; «словомъ колонія сія», — говорится въ отчетѣ, — такъ расположена, что колонисты имѣютъ всѣ средства быть въ избыткѣ, но, къ сожалѣнію, часть изъ нихъ только въ хорошемъ или посредственномъ состояніи, прочіе же остаются въ бѣдности и дурно устроенными. Казеннаго долга за ними числилось 53.808 руб. $88^{3}/_{4}$ коп.

II. Колонисты Данцигскіе вызваны были коллежскимъ совѣтникомъ Траппе въ 1787 и 1788 годахъ въ числѣ 514 мужскаго и 400 женскаго пола душъ. Изъ нихъ надворнымъ совѣтникомъ Контеніусомъ найдено лишь разсѣянныхъ въ шведской и нѣмецкой колоніяхъ въ Крыму и Херсонѣ 111 мужскаго и 97 женскаго пола душъ, прочіе же или померли или самовольно разошлись. Оставшіеся находятся въ крайне бѣдственномъ состояніи, но (что заслуживаетъ особеннаго вниманія) «всѣ сіи колонисты подъ названіемъ Данцигскихъ обложены податью наравнѣ со всѣми государственными крестьянами Новороссійской губерніи». На ихъ водвореніе казною было истрачено 53.201 р. $98^{1}/_{2}$ коп.

III. Шведскіе колонисты переведены въ 1787 г. съ острова Даго въ числѣ 940 душъ обоего пола и поселены въ Херсонскомъ уѣздѣ. «Всѣ они, — какъ говорится въ отчетѣ, — къ хозяйству прилежны и рачительны, притомъ они съ успѣхомъ упражняются въ рыбной ловлѣ, отъ чего получаютъ посредственный доходъ... обложены они податью такъ же, какъ и Данцигскіе наравнѣ со всѣми въ той губерніи казенными крестьянами». Съ Шведскихъ колонистовъ причиталось за ихъ водвореніе 19.622 р. $69^{3}/_{4}$ коп.

IV. Колонисты Ямбургскіе переселены въ 1793 году изъ находившихся въ Ямбургѣ въ 57 семействахъ и поселены въ 17 верстахъ отъ Новороссійска. Льготы имъ положены на 10 лѣтъ, послѣ коихъ съ каждой десятины велѣно брать въ годъ по 5 коп.; уплата же ссуды разложена на 30 лѣтъ. На

это переселеніе Ямбургскихъ колонистовъ было израсходовано 19.795 рублей.

Таковы были результаты «самоличныхъ осмотровъ» Хитрово и Контеніуса. Общее состояніе колоній, по ихъ словамъ, было печальное. Всего на водвореніе Петербургскихъ и Новороссійскихъ колонистовъ правительствомъ было истрачено 741.242 р. 98$^{3}|_{4}$ коп., не говоря уже о громадныхъ пространствахъ земли, отведенныхъ имъ, и значительныхъ пособіяхъ натурою, лѣсомъ и т. п. Несмотря на все это, въ отчетахъ названныхъ двухъ лицъ только и попадаются выраженія: «полное ихъ несостояніе, накопленіе недоимокъ» и т. п. Чему же приписали эти лица такое ненормальное положеніе колоній, несогласное съ тѣми затратами, какія на нихъ сдѣланы были правительствомъ, и какія мѣры экспедиціей домоводства, на основаніи ихъ доклада, были предложены для поправленія ихъ несчастнаго состоянія.

«Ежели и донынѣ сіи колоніи,—доноситъ очевидно пристрастная экспедиція,—не приносятъ государству пользы, каковой при ихъ заведеніи надѣялись, то сіе произошло главнѣйше отъ тогдашняго неразсмотрѣнія въ надлежащей подробности какъ дѣйствительныхъ надобностей, такъ и средствъ къ тому употребленныхъ»... «*Неспособность и недостатокъ земель, имъ отведенныхъ — причиною невозврата казенныхъ денегъ безъ должнаго разбирательства издержанныхъ*». Виноваты, слѣдовательно, не колонисты, а правительство, отводившее имъ десятки тысячъ десятинъ лучшей своей земли, и выдавшее имъ сотни тысячъ казенныхъ денегъ. Таково было тогдашнее разсужденіе экспедиціи. Въ виду сего, она всеподданнѣйше предложила слѣдующія мѣры для поправленія состоянія «сихъ невинныхъ поселянъ», какъ она называетъ нѣмецкихъ колонистовъ. Относительно колоній С.-Петербургскихъ было предложено прежде всего значительно увеличить дачи земли такъ, чтобы на каждое тягло приходилось не менѣе 30 десятинъ, причемъ экспедиція выражала надежду, что «таковое обильное количество земли, если за недостаткомъ рукъ въ колоніи не можетъ быть обработано самими колонистами, то можетъ представить удобность къ заведенію практическаго для поселянъ ученія земледѣлія». Затѣмъ «освободя Санктпетербургскія колоніи отъ разныхъ нынѣшнихъ вѣдомствъ, для ближайшаго и удобнѣйшаго надъ ними надзиранія и соотвѣтственнаго дѣйствительной ихъ пользѣ управленія, опредѣлить къ

нимъ единственно отъ экспедиціи зависящаго смотрителя и управителя, который бы, наблюдая земскую полицію, внутреннее благоустройство и вѣрный отчетъ въ податяхъ государственныхъ, могъ преподавать практическія наставленія въ земледѣліи, скотоводствѣ и сельскомъ хозяйствѣ, къ обогащенію поселянъ способствующія и дѣйствительными опытами доказанныя». Такимъ образомъ, увеличеніе земли и еще большее выдѣленіе колоніальной администраціи изъ общей системы управленія, по мнѣнію экспедиціи, являлись необходимыми мѣрами къ улучшенію благосостоянія С.-Петербургскихъ колоній.

Нѣсколько иной, хотя и не менѣе благопріятный для колонистовъ, характеръ носятъ мѣропріятія, предложенныя надв. сов. Контеніусомъ для колонистовъ Новороссійскихъ. Прежде всего, имъ было предложено даровать общія всѣмъ колонистамъ льготы, Данцигскимъ и Шведскимъ колонистамъ, которые до этого времени, какъ мы имѣли уже случай указать, были обложены податью наравнѣ со всѣми государственными крестьянами Новороссійской губерніи. Затѣмъ для облегченія несостоятельности всѣхъ Новороссійскихъ колоній, кромѣ увеличенія имъ дачи земли и продленія имъ срока льготныхъ лѣтъ, надв. сов. Контеніусомъ была предложена мѣра, гораздо болѣе радикальная, именно прощеніе Новороссійскимъ колонистамъ части лежащаго на нихъ казеннаго долга, именно въ размѣрѣ около 50 тысячъ рублей!

Санкціонируя всѣ эти предложенія и вполнѣ присоединяясь къ нимъ, экспедиція, представляя о семъ на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, въ концѣ своего доклада говоритъ: «Единый взглядъ Вашего Императорскаго Величества, яко отца отечества, оживотворитъ сихъ труждающихся!» Этотъ «единый взглядъ», о которомъ съ такимъ паѳосомъ молила экспедиція, послѣдовалъ; всѣ предложенія ея касательно колонистовъ были утверждены.

Но, несмотря на всѣ свои крайности, приведенныя законоположенія не являются еще конечной ступенью мѣропріятій правительства того времени касательно блага иностранныхъ колонистовъ. Разъ вступивъ на путь отеческаго о нихъ попеченія, оно естественно не могло остановиться на увеличеніи дачъ земли и прощеніи причитающихся въ казну суммъ, это все были мѣры, такъ сказать, палліативныя, отеческое же

благорасположеніе, которымъ проникнуты были правящія сферы, требовало созданія чего-нибудь положительнаго для блага и пользы нѣмецкихъ колонистовъ. Такими актами явились: «Инструкція внутренняго распорядка и управленія въ Саратовскихъ колоніяхъ» «отъ 17 сентября 1800 года и такая же «Инструкція для Новороссійскихъ иностранныхъ колонистовъ, данная 16 мая 1801 года» [1]). Трудно найти въ законодательныхъ памятникахъ прошлаго актъ правительственной власти, проникнутый большей любовью, болѣе гуманными идеями, въ которомъ чувству было бы отведено столь значительное мѣсто, какъ въ этихъ двухъ инструкціяхъ:

«Главнѣйшая должность всѣхъ поселянъ повиноваться закону своей церкви: для чего должно, чтобы каждый изъ нихъ въ воскресеніе и праздничные отъ пасторовъ назначенные дни, приходилъ въ храмъ, со всякимъ благоговѣніемъ молился, прилежно слушалъ слово Божіе и по удостоенію пріобщался Святыхъ Тайнъ». Такъ начинается инструкція внутренняго распорядка и управленія въ Саратовскихъ колоніяхъ. Затѣмъ въ прочувствованныхъ словахъ слѣдуютъ предписанія колонистамъ о ихъ обязанностяхъ по отношенію къ церкви и пасторамъ, и наставленіе симъ послѣднимъ съ подробнымъ перечисленіемъ ихъ правъ, преимуществъ и обязанностей. Послѣ этого религіознаго, такъ сказать, abhortatio, начинается собственно изложеніе внутренняго распорядка въ колоніяхъ. Въ колоніяхъ были учреждены особые приказы; во всякомъ таковомъ приказѣ опредѣленъ былъ приказный выборный или голова, коему въ помощь выбирались отъ цѣлаго приказа по два бейзицера и одному писарю; въ томъ селеніи, гдѣ находился голова, назначалась ежегодно по очереди одна изъ обывательскихъ избъ, для его пребыванія, или устанавливалось оное въ одномъ и непремѣнномъ мѣстѣ съ добровольнаго согласія и вспоможенія деньгами отъ всѣхъ селеній, тотъ приказъ составляющихъ; въ прочихъ же колоніяхъ, гдѣ не было головы, избирались по одному форштегеру или шульцу, да въ помощь ему также по два бейзицера, ежегодно подъ особымъ присмотромъ головъ отъ общества каждой колоніи изъ колонистовъ добрыхъ поведеніемъ, примѣрныхъ въ хозяйствѣ, а паче въ земледѣліи и скотоводствѣ искусныхъ, дабы собою другимъ

---

[1]) Пол. Собр. Зак., т. XXVI, №№ 19.562 и 19.873.

подавали примѣръ...; для судопроизводства было предписано собираться имъ одинъ или два раза въ недѣлю, смотря по надобности и приглашенію форштегера; отъ каждыхъ же 10 дворовъ выбирался одинъ десятскій, которые смѣнялись ежемѣсячно. Всѣ эти лица выбираемы были по большинству голосовъ, при чемъ окружному головѣ назначено было жалованье по 20 рублей, бейзицерамъ и писарю по 15 рублей, а форштегеру или шульцу по 10 руб. въ годъ.

«Окружному головѣ во всякомъ приказѣ при мірскомъ собраніи, а частному колонистскому форштегеру или шульцу въ колоніи, было вмѣнено въ обязанность:

1) Обнародывать всѣ издаваемыя узаконенія: толковать, вразумлять и научать, что до добронравія и пользы въ общежитіи поселянъ могло относиться, вразумлять о благочиніи церковномъ и о долгѣ каждаго въ посвященіи праздничныхъ дней на службу Божію.

2) Имѣть предосторожности отъ прилипчивыхъ болѣзней, скотскаго падежа и огня, и въ томъ наставлять подчиненныхъ имъ сельскихъ начальниковъ; смотрѣть, чтобы повсюду вѣсы и мѣры были указные, а злочиніе и подозрительные люди терпимы не были.

3) Имѣть попеченіе, дабы долговыя деньги, положенныя на работника, и казенныя подати съ земли, какія установлены будутъ отъ всѣхъ колоній, вносимы были исправно, но и безъ малѣйшаго поселянамъ отягощенія.

4) Наблюдать за неприкосновенностью межевыхъ знаковъ и исправнымъ состояніемъ мостовъ и дорогъ; въ маловажныхъ между поселянами спорахъ и искахъ расправу чинить, надъ вдовами и сиротами имѣть надлежащую опеку.

5) Для лучшаго исполненія сихъ обязанностей дано имъ было право штрафовать работою и денежнымъ вычетомъ.

Кромѣ этихъ общихъ обязанностей, на этихъ выборныхъ должностныхъ лицъ былъ возложенъ и надзоръ за исполненіемъ поселянами слѣдующихъ чрезвычайныхъ предписаній правительства.

Прежде всего запрещалось колонистамъ входить между собой въ какія бы то ни было письменныя обязательства безъ свѣдѣнія и дозволенія начальства, а также наистрожайше запрещалось, дабы никто хозяйства своего никому и ни подъ какимъ предлогомъ не сдавалъ и не продавалъ.

Затѣмъ всякая вражда между жителями, частныя ссоры и поклепныя укоризны должны были быть пресѣкаемы всякими мѣрами со стороны начальства; такъ же точно сіи начальники всею силою должны были истреблять между колонистами *роскошь, а наипаче мотовство.*

Интересно обратить вниманіе, что подразумѣвало правительство подъ этими словами. Приводимъ подлинное толкованіе ихъ, какъ оно помѣщено въ инструкціи: «Роскошь разумѣется то, если кто неумѣренные имѣетъ расходы въ своемъ домѣ, частыя сборища гостей и сему подобное подающее поводъ къ расточенію имѣнія; мотовство же есть картежная и прочія на деньги и вещи игры, продажа собственнаго скота или какого другаго имѣнія на пьянство или ко удовлетворенію другихъ страстей».

Въ заключеніе этой инструкціи въ отдѣлѣ «о сельской экономіи» слѣдуетъ подробнѣйшій перечень лучшихъ способовъ обработки земель, устройства запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, времени запашекъ, посѣвовъ, сѣнокосовъ и уборокъ хлѣба, предписанія о лѣсномъ хозяйствѣ и проч. Не желая утомлять вниманія читателя, мы не будемъ вдаваться въ массу мелочныхъ подробностей, предусматриваемыхъ этимъ законодательнымъ актомъ, замѣчательнымъ по идеѣ, положенной въ его основаніи—ибо не трудно замѣтить, что онъ построенъ на началахъ, на которыхъ построено Общее Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 г.—этотъ актъ поражаетъ еще своимъ страстнымъ желаніемъ предугадать и предрѣшить ко благу колонистовъ всѣ могущія возникнуть случайности. Такого же точно содержанія была дана инструкція и Новороссійскимъ колоніямъ.

Остальныя мѣропріятія царствованія Императора Павла, проникнутыя тѣмъ же чрезвычайнымъ и даже трудно объяснимымъ пристрастіемъ къ интересамъ колонистовъ,—представляютъ сравнительно незначительный интересъ. Какъ мы уже сказали, самымъ замѣчательнымъ фактомъ являются эти двѣ вышеупомянутыя инструкціи. По нимъ можно судить, что въ царствованіе Павла правительство сошло съ той основной точки зрѣнія, которой держалась Екатерина Вторая. Интересы природно вѣрноподданныхъ отступили совершенно на задній планъ, и вмѣсто роднаго дѣтища правительство изливало всю свою любовь, всѣ свои заботы на чуждое по крови, пріемное созданіе.

Укажемъ еще только на одинъ характерный фактъ. Царствованіе Павла было періодомъ господства казенной продажи вина. Доходъ отъ этой продажи былъ однимъ изъ главныхъ источниковъ бюджета и, несмотря на такое положеніе вещей, правительство не задумывается жертвовать своимъ интересомъ, разъ этотъ интересъ сталкивается съ интересами любезныхъ его сердцу колонистовъ. Въ колоніяхъ предписано закрыть всѣ казенныя питейныя заведенія, потому что было замѣчено, что тамъ, гдѣ они существовали, «колонисты становятся менѣе домовиты, и дворы ихъ хуже устроены»! *Кабаки же было рѣшено переносить въ русскія селенія.* За обитателей этихъ селеній, очевидно, не опасались ни въ смыслѣ уменьшенія ихъ домовитости, ни въ смыслѣ ухудшенія ихъ хозяйства. Заботы о ихъ благѣ, очевидно, въ данномъ случаѣ не руководили правительствомъ.

Фактъ перевода казенныхъ питейныхъ заведеній изъ нѣмецкихъ колоній въ русскія деревни, самъ по себѣ, является такой яркой, жизненной иллюстраціей сравнительнаго отношенія къ нѣмецкимъ колонистамъ и къ коренному русскому населенію, что не требуетъ комментарій.

В. Царствованіе Александра I-го.

Первыя сомнѣнія въ пользѣ колоній.—Колонисты празднолюбцы.—Пресѣченіе дальнѣйшаго вызова колонистовъ.—Мѣры къ взысканію съ нихъ казеннаго долга.—Колонисты и отечественная война 1812 года.

Въ царствованіе Императора Александра I было издано всего 123 Высочайшихъ указа относительно иностранныхъ колонистовъ. Сравнивая цифру эту съ числомъ лѣтъ, которое продолжалось царствованіе (съ 12 марта 1801 г. по 19 ноября 1825 г.) и принявъ главнымъ образомъ во вниманіе, что, благодаря выдѣленію изъ общей системы управленія дѣлъ, касающихся иностранныхъ колонистовъ, всѣ эти указы носятъ совершенно спеціальный характеръ,—нельзя не признать, что и при Александрѣ I правительство наше не оставляло своимъ вниманіемъ и своими заботами чужеземныя колоніи въ Россіи.

Но обратившись затѣмъ къ содержанію этихъ многочисленныхъ правительственныхъ распоряженій, мы встрѣчаемся съ фактомъ несравненно болѣе отраднымъ, чѣмъ въ прошломъ

разобранномъ нами періодѣ. Несомнѣнно, и здѣсь мы найдемъ и непонятное для насъ, съ нашей современной точки зрѣнія, увлеченіе колонистами, выразившееся въ цѣломъ рядѣ попеченій и заботъ о ихъ благосостояніи, и здѣсь лица, состоявшія во главѣ колонизаціоннаго дѣла, съ безмѣрнымъ рвеніемъ, доходящимъ до забвенія коренныхъ интересовъ отечества, ходатайствовали о самыхъ невозможныхъ льготахъ для своихъ опекаемыхъ; но отношеніе верховной власти къ этимъ подчасъ наивнымъ, подчасъ даже прямо возмутительнымъ, притязаніямъ стало совершенно иное. Слабое, еле замѣтное сомнѣніе въ пользѣ, приносимой колонистами, какъ будто чудится въ нѣкоторыхъ законодательныхъ актахъ того времени. Сомнѣніе это выразилось прежде всего въ томъ, что, переставъ слѣпо бросать на иностранную колонизацію громадныя по тогдашнему времени средства, правительство какъ бы начинаетъ подводить итоги и стремится такъ или иначе вернуть себѣ затраченныя на колонистовъ деньги. Конечно, нельзя считать этого факта рѣшительнымъ поворотомъ въ воззрѣніяхъ правительства на колонизацію вообще, но уже и эта тѣнь сомнѣнія представляется отраднымъ явленіемъ, сравнительно съ тѣмъ отношеніемъ правительства къ иностранной колонизаціи, съ которымъ мы имѣли случай познакомиться въ царствованіе Павла I. Сознаніе того, что «что-то» неладно въ этой колонизаціи, еле проскальзывающее въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и недомолвкахъ оффиціальныхъ актовъ, прежде всего заставило, не посягая на критику самой идеи колонизаціи, искать этого «чего-то» въ практическомъ осуществленіи ея, и вотъ мы видимъ рядъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью упорядочить взаимныя отношенія колонистовъ и нашего правительства, при уплатѣ первыми затраченныхъ на нихъ казною громадныхъ суммъ. Въ настоящее время можно судить о томъ, насколько поверхностно и невѣрно направлено было это исканіе дѣйствительно существующаго недостатка въ явленіи нашей иностранной колонизаціи. Недостатокъ этотъ существовалъ съ самаго начала ея, но не мѣрами упорядоченія явленія иностранной колонизаціи въ Россіи можно было его исправить. Ключъ къ разрѣшенію задачи лежалъ въ коренной перемѣнѣ точки зрѣнія на самое явленіе, а не на внѣшнія проявленія его. Усумниться въ самой пользѣ этой колонизаціи для нашего отечества — вотъ съ чего слѣдовало исходить нашему правительству для

того, чтобы добиться коренныхъ мѣръ, могущихъ имѣть дѣйствительное вліяніе на теченіе государственной жизни. Но много еще времени прошло, прежде чѣмъ это сомнѣніе зародилось въ Россіи, хотя, къ счастію, это время и настало. Во всякомъ же случаѣ нельзя не привѣтствовать даже тѣни сомнѣній, которыя, по нашему убѣжденію, слышатся въ нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ правительства въ царствованіе Александра I. Сомнѣніе вызываетъ критическое отношеніе къ тому или иному явленію. Разъ же началась критика, она рано или поздно, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго колебанія, несомнѣнно нападетъ въ концѣ концовъ на дѣйствительно слабую сторону критикуемаго явленія, если только сомнѣніе не было ошибочно, а вызывалось дѣйствительнымъ ненормальнымъ сплетеніемъ тѣхъ или иныхъ условій жизни.

Обратимся однако къ болѣе подробному изслѣдованію имѣющагося у насъ матеріала.

Прежде всего остановимся на актахъ попеченія нашего правительства объ иностранныхъ колонистахъ, на той сторонѣ его дѣятельности, которая является, такъ сказать, продолженіемъ мѣропріятій минувшаго царствованія. Прежде всего было закончено знакомство при посредствѣ личныхъ осмотровъ съ состояніемъ иностранныхъ колоній. С.-Петербургскія осмотрѣлъ Хитрово; Новороссійскія—Контеніусъ; оставались необслѣдованными колоніи Саратовскія, и вотъ, въ 1802 году, туда былъ съ этой цѣлью посланъ тайный совѣтникъ Габлицъ. Донесенія его не отличаются такой полнотой и обстоятельностью, какъ донесенія Хитрово и Контеніуса, но и изъ нихъ видно, что «колоніи сіи по стеченію разныхъ обстоятельствъ, при самомъ водвореніи ихъ допущенныхъ, по несовершенству мѣстнаго ихъ управленія, а наипаче по недостаточному количеству и неудобности земли, имъ отведенной, *не достигли еще того состоянія, въ какомъ бы онѣ быть долженствовали*, какъ по начальному о нихъ положенію, такъ и по великимъ суммамъ, на обзаведеніе ихъ опредѣленнымъ». Сообразно этому, предположено было [1]), главнымъ образомъ, надѣлить ихъ въ большемъ противъ прежняго количествѣ землею, исключивъ изъ нея всѣ неудобныя къ обработкѣ мѣста, и отдать весь находящійся въ ихъ пользованіи лѣсъ въ полное владѣніе колоній. Не оста-

---

[1]) Полное Собр. Законовъ № 20.556.

влено было безъ вниманія и указанное въ донесеніи тайнаго совѣтника Габлица «несовершенство мѣстнаго ихъ управленія». За сіе несовершенство пострадали переводчикъ конторы, коллежскій секретарь Гримъ и секретарь этой конторы, коллежскій ассесоръ Боженовъ — оба они были преданы суду за «причиненіе многихъ безпорядковъ по колоніямъ и въ ложныхъ (ошибочныхъ?) переводахъ на россійскій языкъ бумагъ». Титулярный же совѣтникъ Квѣтковскій, бугхалтеръ Михаелисъ и почтмейстерскій помощникъ Есиповъ были отставлены отъ службы за «неисправное поведеніе (?)» Нужно прибавить, что всѣ они были подвергнуты наказанію на основаніи показаній самихъ колонистовъ.

Затѣмъ, 16 іюня 1803 г., была издана инструкція для внутренняго распорядка и управленія въ С.-Петербургскихъ колоніяхъ [1]), такого же содержанія, какъ подобныя ей инструкціи для колоній Саратовскихъ и Новороссійскихъ.

Въ іюлѣ же мѣсяцѣ того же года было издано чрезвычайно интересное дополненіе къ инструкціи внутренняго распорядка и управленія Новороссійскихъ иностранныхъ колоній [2]). Оно раздѣляется на пять отдѣленій. Въ первомъ изъ нихъ говорится о наказаніяхъ для провинившихся колонистовъ. Упомянувъ о случаяхъ назначенія такихъ лицъ на общественныя работы и указавъ размѣры и роды ихъ, инструкція опредѣляетъ, что если колонистъ провинится неоднократно, и никакихъ общественныхъ работъ для него не будетъ имѣться въ виду, въ такомъ случаѣ долженъ онъ быть подверженъ тѣлесному наказанію «съ общаго согласія нѣсколькихъ добраго поведенія хозяевъ и съ утвержденія конторы». Отдѣленіе II озаглавлено: «объ отвращеніи нерадѣнія къ хлѣбопашеству и садоводству, какъ оное производить съ большимъ прилежаніемъ; также заниматься всякой годъ разными нужными и полезными насажденіями и какъ съ оными обходиться». Своеобразную картину отношенія къ сельскому хозяйству иностранныхъ колонистовъ, вызванныхъ для земледѣлія и обработки почвы, находимъ мы въ этомъ второмъ отдѣленіи дополненія къ инструкціи.

«Несмотря на то, что тамошній край изобилуетъ многоразличными источниками, всякому дѣятельному жителю онаго къ улучшенію его споспѣшествовать могущими; мало однако

[1]) Полное Собр. Зак., № 20.798.
[2]) Полное Собр. Зак., № 20.841.

таковыхъ изъ колонистовъ, которые бы сверхъ сельскаго хозяйства занимались еще другимъ какимъ-либо полезнымъ промысломъ или ремесломъ»—такъ гласитъ дополненіе. «Самое даже земледѣліе въ такихъ колоніяхъ въ такомъ небреженіи, что въ оныхъ, по причинѣ малаго посѣва и въ плодороднѣйшіе годы не бываетъ обильной жатвы, а потому и не можетъ быть никогда тамъ въ запасѣ хлѣба, который бы предохранилъ отъ недостатка въ случаѣ неурожая; *если жъ взять въ разсужденіе, что большая часть колонистовъ мало занимается хлѣбопашествомъ и опричь онаго ничѣмъ другимъ не промышляютъ*, къ тому же, какъ извѣстно, въ Новороссійской губерніи земледѣліе несравненно легче, нежели въ другихъ мѣстахъ, потому что тамошнія поля, по свойству земли и климата, надлежитъ только однажды вспахать, *то изъ сего ясно видѣть можно, что они большую половину года провождаютъ въ праздности*. При случаѣ же—чего Боже сохрани—скотскаго падежа или недорода въ хлѣбѣ *сіи празднолюбцы* должны непремѣнно терпѣть голодъ: они въ семъ случаѣ надѣются на помощь отъ «Короны», но», какъ совершенно резонно замѣчаетъ дополненіе къ инструкціи: «Корона хотя и снисходитъ на вспоможеніе въ нуждѣ, но только къ тѣмъ, кои отъ неминуемыхъ несчастныхъ случаевъ и не по своей винѣ вошли въ оную; *навлекшимъ же на себя своею непростительною лѣностію крайность и недостатокъ и бремя оныхъ на себѣ несущимъ на такую помощь надѣяться вовсе не слѣдуетъ*».

Такимъ образомъ, «сіи невинные труженики» временъ Павла I превратились уже при его преемникѣ въ «крайне лѣнивыхъ празднолюбцевъ».

Въ другомъ мѣстѣ дополненія мы находимъ указанія на то, что колонисты «нарочно повреждали, вырывали и выбрасывали, данныя имъ отъ казны, виноградныя лозы», не желая заниматься разведеніемъ винограда; что у многихъ изъ нихъ не было собственнаго плуга и другихъ необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ орудій; что колонисты отказываются разсаживать деревья... Для отвращенія таковаго нерадѣнія къ хлѣбопашеству, дополненіе установило рядъ наказаній для колонистовъ, которые не обработывали и не засѣвали, по меньшей мѣрѣ, 3-хъ десятинъ озими и 2-хъ десятинъ яроваго хлѣба и вообще невнимательно относились къ хозяйству, надѣясь на помощь отъ казны. Насколько серьезны и упорны были эти «нерадѣнія» колонистовъ,

можно судить потому, что правительство, не ограничиваясь тѣлеснымъ наказаніемъ, должно было пригрозить «симъ праздно-любцамъ»—смирительнымъ домомъ.

Въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ дополненія говорится «о сельской полиціи», «объ употребленіи общественныхъ въ колоніяхъ доходовъ на полезныя хозяйственныя заведенія, на произведеніе выгодныхъ ремеслъ и учрежденіе фабрикъ» и, наконецъ, «о внутреннемъ въ колоніяхъ управленіи».

Въ нихъ особенно останавливаетъ вниманіе предписаніе, «чтобы всякій хозяинъ содержалъ свой домъ, гумно, конюшни, хлѣвы, огорожи въ надлежащей исправности и чистотѣ, въ противномъ же случаѣ взыскивать съ нихъ по 20 к. штрафу; но поелику на дѣлѣ оказывается, что *нерадивые, лѣнивые и упрямые хозяева въ состояніи охотнѣе платить по 20 коп., нежели чтобы приступить имъ къ такой починкѣ*, то *дополненіе* и здѣсь грозитъ имъ тѣлеснымъ наказаніемъ».

И такъ, та опрятность и порядокъ, тѣ зеленыя рощицы, которыми такъ восхищаются проѣзжающіе туристы, дались колонистамъ не сразу,—никакъ не являются онѣ доказательствомъ высшей ихъ культуры, невольнымъ проявленіемъ ихъ нравственнаго превосходства надъ темнымъ русскимъ народомъ, ютящимся по сосѣдству, о коемъ никто столько не заботился.

Напротивъ, всѣ эти качества, очевидно, далеко не были свойственны первоначальнымъ выходцамъ изъ Германіи; во многихъ же случаяхъ они были просто «*выбиты*» изъ ихъ тевтонской натуры, въ прямомъ, непосредственномъ смыслѣ этого слова.

Изъ общихъ мѣръ, касающихся всѣхъ колонистовъ, слѣдуетъ отмѣтить еще данное имъ 1-го марта 1804 года[1]) разрѣшеніе увеличивать отведенные имъ отъ казны участки покупкою земель у частныхъ владѣльцевъ на свой собственный счетъ, «для распространенія и улучшенія своихъ заведеній». Впрочемъ, здѣсь была сдѣлана одна существенная оговорка: если кто изъ купившихъ такимъ образомъ землю уѣзжалъ заграницу, онъ долженъ былъ продавать свою землю непремѣнно кому-либо изъ живущихъ въ Россіи, «иначе она поступала въ казну безденежно».

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 21.192.

Остальныя мѣры попеченія касались спеціально или саратовскихъ или новороссійскихъ колонистовъ.

Къ первой группѣ относятся указы:

— 15 сентября 1801 г.—которымъ подтверждались права, данныя Сарептскому обществу, Евангелическаго исповѣданія, Императрицею Екатериною II и Императоромъ Павломъ I—права эти намъ уже извѣстны[1]).

— 27 іюля 1802 г.—о пожалованіи земли при цѣлительномъ колодезѣ Сарептскому обществу на правахъ и привилегіяхъ, которыми пользуется сіе общество, и о свободномъ пользованіи водою—съ однимъ условіемъ, чтобы общество не брало плату за самую воду, а ограничивалось бы «поборами за житье въ выстроенныхъ зданіяхъ, за разные припасы и за труды (?) при согрѣваніи воды».—Одно время эта цѣлебная вода пользовалась громкой славой, и не мало денегъ перешло изъ кармановъ лицъ, жаждущихъ исцѣленія, въ карманы колонистовъ, за ихъ «труды при согрѣваніи воды»[2]).

— 26 октября 1807 г.—объ отпускѣ Евангелическому обществу дровъ ежегодно по 400 кубич. саженъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ[3]).

— 30 декабря 1822 г.—о дарованіи членамъ Сарептскаго общества права, не будучи записанными въ гильдіи, имѣть коммерческія шнуровыя книги и производить по нимъ безпрепятственно всѣ торговые обороты[4]).

— 4 сентября 1802 г.—объ удовлетвореніи колонистовъ Саратовской губ. землями, замѣнивъ имъ всю отведенную имъ неудобную землю удобной[5]).

— 26 ноября 1808 г.—о предоставленіи всѣхъ водяныхъ мельницъ, состоящихъ на земляхъ Саратовскихъ колоній—въ полную собственность этихъ колоній, произведя *принудительную*, по оцѣнкѣ колонистовъ, экспропріацію такихъ мельницъ, если онѣ находились въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ — не колонистовъ[6]).

Гораздо большее число распоряженій касается колоній Новороссійскихъ; сюда относятся указы:

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 20.013.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 20.342.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 22.661.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 29.250.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 20.403.
[6]) Полн. Собр. Зак. № 23.371.

— 16 іюня, 24 іюля 1802 г. и 30 іюня 1803 г.—относительно водворенія съ возможными удобствами и льготами выходящихъ изъ Ромеліи болгаръ и грековъ и объ отпускѣ на этотъ предметъ, кромѣ 50.000 р., ежегодно расходуемыхъ изъ ординарныхъ суммъ Новороссійской опекунской конторы, еще 20.000 рублей изъ Екатеринославской и Херсонской казенныхъ палатъ съ тѣмъ, чтобы, «когда вся сія сумма израсходуется и потребуется новое назначеніе», министръ внутреннихъ дѣлъ испрашивалъ бы на сіе Высочайшихъ повелѣній [1]).

— Февраля 1803 г.—о дозволеніи католическому обществу—les frères de la Redemption—водвориться въ Крымскомъ полуостровѣ. Разрѣшеніе это послѣдовало по ходатайствамъ повѣреннаго этого общества, графа Ланскаронскаго, и кромѣ обыкновенныхъ правъ, предоставленныхъ иностраннымъ колонистамъ вообще, заключало въ себѣ еще предписаніе отвести этому обществу 10.000 десятинъ «удобнѣйшей земли» въ мѣстности, именуемой «старый Крымъ» [2]).

— 28 марта и 10 апрѣля 1803 года—о дозволеніи менонитамъ изъ окружностей Эльбинга и Маріенбурга водвориться въ Россіи. Въ этихъ указахъ было предписано, чтобы сіи колонисты приняты были на русской границѣ со знаками попеченія о нихъ и доброжелательства, для каковой цѣли были приставлены къ нимъ два чиновника; обезпечивъ ихъ затѣмъ денежнымъ довольствіемъ на общемъ основаніи, относительно надѣленія ихъ землею, въ указахъ этихъ сказано: «поелику изъ свѣдѣній въ экспедиціи государственнаго хозяйства открывается, что праздныхъ казенныхъ земель, удобныхъ къ водворенію сихъ колонистовъ въ Новороссійскомъ краѣ, *уже больше нѣтъ*, то и нужно, чтобы вы (николаевскій военный губернаторъ Беклешовъ) въ особенное ваше попеченіе приняли *приторговывать у помѣщиковъ въ тѣхъ губерніяхъ земли*, удобныя для поселенія колонистовъ». На первое обзаведеніе 150 семействъ менонитовъ было отпущено изъ суммъ казначейства 15.000 рублей [3]).

— Именной 17 октября 1803 г., данный одесскому градоначальнику Дюку де-Ришелье относительно поселенія въ окрест-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 20.293, 20.343, 20.827.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 20.646.
[3]) Полн. Собр. Зак. №№ 20.690, 20.691, 20.705.

ностяхъ Одессы колонистовъ, изъ Германіи выходящихъ[1]).— По тону, въ которомъ написанъ этотъ указъ, его можно принять за изданный при Императорѣ Павлѣ. «Одобряя и пріемля съ особливымъ удовольствіемъ всѣ распоряженія касательно принятія колонистовъ, изъ Германіи выходящихъ, вами учиненныя и ваши о нихъ попеченія, я не только даю полное мое на нихъ согласіе, но ставлю ихъ въ личную мнѣ услугу: столько желаю я, чтобы *бѣдные сіи люди*, перемѣнивъ отечество, нашли всевозможныя пособія и не подвергались тѣмъ тяжкимъ испытаніямъ (?), кои ощутили первые наши колонисты»—такъ начинается этотъ указъ. Перечисливъ же мѣры, клонящіяся къ тому, чтобы «сіи колонисты возможно лучше призрѣны были», онъ кончается слѣдующей фразой: «ибо по мѣрѣ успѣховъ въ первыхъ основаніяхъ колоній сихъ *можно ожидать и распространенія оныхъ*, еслибъ то за благо признано было».— Какъ мы видѣли, въ своемъ мѣстѣ, *это ожиданіе* оправдалось блестящимъ образомъ, хотя остается еще открытымъ вопросъ, насколько это распространеніе почиталось «за благо», поскольку оно было извѣстно и въ какой мѣрѣ оно явилось для Россіи непріятной неожиданностью, внезапно всплывшей изъ области мало извѣстнаго прошлаго.

— Положеніе комитета министровъ отъ 28 августа 1817 г.— о поселеніи вновь выходящихъ въ Бессарабію колонистовъ. Въ положеніи этомъ упоминается, что генералъ-лейтенантомъ Бахметевымъ, намѣстникомъ Бессарабской области, ассигновано на водвореніе вновь прибывающихъ иностранныхъ поселенцевъ изъ областныхъ доходовъ до *двухъ сотъ десяти тысячъ двухъ сотъ левъ*, причемъ, кромѣ общихъ, даруемыхъ всѣмъ колонистамъ, привилегій, имъ назначено было по триста семидесяти рублей первоначальной ссуды на семью и по *20 к.* въ сутки кормовыхъ денегъ на душу вплоть до первой жатвы[2]).

Указъ 29 декабря 1819 г.—о поселеніи въ Бессарабской области болгаръ и другихъ задунайскихъ переселенцевъ.

Этотъ указъ, положившій прочное основаніе дѣлу колонизаціи въ Бессарабіи, былъ изданъ въ развитіе началъ, изложенныхъ въ Высочайше утвержденной 21 мая 1816 года запискѣ, приложенной къ Высочайшему рескрипту Его Императорскаго Величества и служащей полномочному намѣстнику руковод-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 20.988.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 27.029.

ствомъ къ образованію правленія Бессарабской области. Въ части первой, въ отдѣлѣ «Поселенія» этой записки, было изложено:

« . . . Такъ какъ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ попечительнаго правительства должно быть привлеченіе чужеземныхъ переселенцевъ (?!), то, въ особенности, поручается водворять ихъ на земляхъ казенныхъ и доставлять имъ всякія выгоды, могущія и во многихъ другихъ семействахъ поселять охоту примѣру ихъ послѣдовать.

«1) На сей конецъ опредѣлена будетъ особая сумма для употребленія единственно на издержки, нужныя для поселенія чужеземныхъ выходцевъ.

«2) Для доставленія сей суммы, которая сначала будетъ не весьма значительна, имѣетъ быть назначенъ ежегодный доходъ съ одной изъ существующихъ нынѣ побочныхъ податей, какъ-то: подати съ барановъ, пчелъ или виноградниковъ. Одинъ изъ сихъ источниковъ дохода будетъ исключительно опредѣленъ на водвореніе иностранныхъ поселенцевъ.

«3) Собираемыя съ вышесказанныхъ податей суммы будутъ храниться въ особой казнѣ, ввѣренной управленію трехъ членовъ областнаго совѣта, и не могутъ подлежать никакому иному употребленію.

«Относительно выбора новыхъ мѣстъ для поселенія новыхъ переселенцевъ, должно имѣть въ виду:

«1) Близость воды, которая въ сихъ странахъ рѣдка.

«2) Систему сельской экономіи, которая, имѣя главнымъ основаніемъ скотоводство, требуетъ бо́льшаго пространства земли, нежели тамъ, гдѣ хлѣбопашество есть господствующій промыселъ.

«Надлежитъ сообразоваться съ общими постановленіями Россійской имперіи для предоставленія Бессарабскимъ колоніямъ равныхъ выгодъ и преимуществъ».

Вышеупомянутый указъ 29 декабря 1819 г., даруя этимъ переселенцамъ, по представленію главнаго попечителя о колонистахъ того края и энергическаго дѣятеля по колонизаціи Бессарабіи, генералъ-лейтенанта Іоганна Никитича Инзова, всѣ права и преимущества, «которыя были пожалованы иностранцамъ, подъ наименованіемъ колонистовъ, въ Новороссійскихъ губерніяхъ поселенныхъ», не упоминаетъ, однако, *ни о какихъ* денежныхъ пособіяхъ и ссудахъ, которыя имѣли бы быть вы-

даваемы задунайскимъ переселенцамъ. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ нѣмцы-колонисты съумѣли устроиться и практичнѣе, и гораздо выгоднѣе колонистовъ-славянъ.

Впрочемъ, такимъ безкорыстіемъ отличались лишь первые поселенцы-болгары. Послѣдующіе уже получали ссуды отъ правительства, хотя все-таки не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ выходцы изъ Германіи.

Мы не будемъ останавливаться на мелкихъ указахъ, не имѣющихъ особеннаго интереса, каковы, напримѣръ, указы: 9 іюля 1818 г. — о командировкѣ землемѣровъ для произведенія точнаго размежеванія колонистскихъ земель; 14 генваря 1819 г.—объ оставленіи доходовъ съ виннаго откупа въ Новороссійскихъ колоніяхъ, собираемаго въ пользу тѣхъ колоній; 8 декабря 1808 г. — о прирѣзкѣ земель Херсонскимъ колонистамъ; 6 февраля 1803 г. — объ освобожденіи водворенныхъ въ Новороссійскомъ краѣ колонистовъ отъ общей почтовой повинности и о содержаніи ими дорогъ, мостовъ и переправъ въ ихъ селеніяхъ въ исправности и т. п.

Также точно мы не войдемъ въ разсмотрѣніе цѣлаго ряда указовъ, касающихся устройства религіознаго дѣла въ колоніяхъ, и ограничимся только перечисленіемъ наиболѣе выдающихся изъ сихъ указовъ, наглядно свидѣтельствующихъ, что наше правительство простирало свою заботливость не на одну только матеріальную сторону жизни своихъ новопріобрѣтенныхъ сыновъ, но блюло также и за ихъ духовно-нравственнымъ воспитаніемъ. Указы эти слѣдующіе:

— 11 декабря 1802 г.—объ опредѣленіи священниковъ въ Саратовскія колоніи изъ монаховъ іезуитскаго ордена.

— 12 октября 1806 г.—о кассѣ на содержаніе вдовъ и сиротъ пасторовъ Саратовскихъ колоній.

— 25 августа 1809 и 23 марта 1810 г.—о выдачѣ денегъ въ ссуду опредѣляемымъ къ колоніямъ священникамъ и объ отводѣ имъ участковъ земли.

— 31 декабря 1821 г.—о порядкѣ назначенія священниковъ на вакантныя мѣста въ иностранныхъ колоніяхъ.

Какъ на послѣднюю иллюстрацію мѣропріятій правительства, клонящихся къ выгодѣ и пользѣ иностранныхъ колонистовъ, мы укажемъ на Высочайше утвержденный 17 апрѣля 1821 г. докладъ извѣстнаго въ исторіи «главнаго надъ военными поселеніями начальника». Озабочиваясь тѣмъ, что зем-

ледѣліе въ военныхъ поселеніяхъ Новгородской губерніи находится въ крайне печальномъ состояніи, онъ предложилъ поселить между округами военнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи иностранныхъ колонистовъ, причемъ смѣта водворенія двухъ семействъ была разсчитана слѣдующимъ образомъ:

На постройку имъ двухъ домовъ по плану, ими самими же проектированному	5.252 р. 34 к.
На перевозъ колонистовъ.	100 » — »
На снабженіе ихъ скотомъ и другими хозяйственными потребностями.	1.959 » — »
На сѣмянной хлѣбъ и картофель. . . .	400 » — »
На прокормленіе въ первый годъ. . . .	600 » — »
На удобреніе полей.	1.800 » — »
Всего на двѣ семьи.	9.391 р. 34 к.

Изъ этой суммы употребить безвозвратно 5.252 р. 34 к., остальные же 4.139 р. колонисты обязаны были возвратить на общихъ льготныхъ условіяхъ.

Взявъ двѣ семьи хлѣбопашцевъ, затратить на ихъ водвореніе 9.391 руб. 34 к., отвести имъ по 60 дес. удобной земли, окружить всяческими заботами и ежечаснымъ попеченіемъ, устранить отъ нихъ всякіе соблазны, и послѣ всего этого приходить въ умиленіе, если они при наличности всѣхъ этихъ условій достигли извѣстной степени благосостоянія! Что можетъ быть страннѣе этого, а между тѣмъ такое отношеніе къ нѣмцамъ-колонистамъ господствовало у насъ до самого послѣдняго времени. Всѣ считали долгомъ восторгаться благосостояніемъ нѣмецкихъ колонистовъ, забывая, что это благосостояніе куплено на силы и средства русскаго крестьянина, на котораго этотъ отъѣвшійся на чужихъ хлѣбахъ колонистъ пренебрежительно смотритъ съ высоты своего тевтонскаго величія!

Настоящій указъ 15 апрѣля, съ своимъ увлеченіемъ колонистами, «сими лучшими въ семъ родѣ хозяевами, могущими служить полезными примѣрами», является какъ бы послѣдней тучей разсѣявающейся бури, послѣднимъ отголоскомъ родственно-любовнаго отношенія нашего правительства къ иностраннымъ колонистамъ.

Начало болѣе трезваго отношенія къ этому явленію положено было въ царствованіе Александра I, указомъ отъ 20 февраля 1804 г., съ содержаніемъ котораго мы имѣли уже случай

познакомиться въ своемъ мѣстѣ. Высказавъ убѣжденіе, что размноженіе во внутреннихъ губерніяхъ и тѣснота могутъ требовать разселенія собственныхъ подданныхъ, а земель, удобныхъ къ водворенію, въ полуденномъ краю остается не такъ изобильно, въ указѣ этомъ проводится теорія, что впредь надлежитъ принимать лишь самое незначительное число иностранныхъ колонистовъ, ограничивая выборы ихъ только такими, кои бы въ крестьянскихъ упражненіяхъ или въ рукодѣліяхъ примѣрами служить могли.

Та же мысль, но еще яснѣе выразилась въ указѣ 25 февраля 1810 г. Въ немъ прямо сказано, «*что колонистская семья*, при своемъ водвореніи, стоитъ казнѣ слишкомъ *5.000 рублей, тогда какъ крестьяне, природные подданные*, переселяясь изъ губерній многолюдныхъ въ мѣста незаселенныя и составляя полезнѣйшія для государства колоніи, *никакой почти ссуды не имѣютъ, такъ что пособіе нѣмецкой семьѣ, свободной отъ рекрутской службы и другихъ повинностей даваемое, могло бы съ вѣроятностью обращено быть на переселеніе 50 семей россійскихъ крестьянъ къ существенной пользѣ самихъ ихъ и государства*».

Какъ практическое выраженіе этой же спасительной идеи, возникновеніе которой не можетъ не привѣтствовать самымъ горячимъ образомъ всякое истинно-русское сердце, служатъ указы 5 августа и 25 октября 1819 г. [1]) —о *немедленномъ* пресѣченіи дальнѣйшаго переселенія въ Россію иностранныхъ выходцевъ и о запрещеніи россійскимъ миссіямъ давать паспорты переселяющимся въ Россію и Царство Польское иностранцамъ. Оградивъ себя, такимъ образомъ, отъ излишняго притока этихъ чужеземныхъ элементовъ, правительство наше съ тѣмъ большимъ вниманіемъ стало приглядываться къ иностраннымъ колонистамъ, оставшимся въ предѣлахъ Россіи.

Здѣсь одинъ существенный фактъ не замедлилъ выясниться самымъ нагляднымъ образомъ. Колонисты богатѣли быстро и безспорно; долга же своего казнѣ они, однако, и не думали платить. Такъ, въ указѣ 18 декабря 1808 г. [2]) говорится: «...распространенное въ колоніяхъ хлѣбопашество поправило состояніе колонистовъ и умножило избытки ихъ, чему доказа-

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 27.912,27.954.
[2]) Пол. Собр. Зак. № 23 408.

тельствомъ служить можетъ, что въ колоніяхъ мало осталось казенныхъ старыхъ домовъ; большая же часть оныхъ перестроена вновь и стоятъ отъ 700 до 1.000 руб. каждый». Несмотря, однако, на таковое очевидное благосостояніе, колонисты, подъ видомъ разныхъ недостатковъ, не могли быть доведены не только до уплаты *всего, но и ни малѣйшей части числящагося на ни нихъ долга.*

Въ результатѣ такого порядка вещей мы видимъ цѣлый рядъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ въ взысканію этого казеннаго долга. Прежде всего было обращено вниманіе на С.-Петербургскія колоніи. Указъ 15 іюля 1805 года [1]), перечисливъ всѣ льготы, дарованныя этимъ колонистамъ нашимъ правительствомъ, а также тѣ обязательства, которыя были приняты иностранными колоніями, гласитъ: «условія сіи со стороны правительства *во всей точности исполнены*, но когда, въ опредѣленное время, потребовано было того же и отъ колонистовъ, то они, представляя, иные неудобность земли, а другіе—бѣдность свою, отъ *всякаго платежа уклонились*». Вмѣстѣ съ тѣмъ, была приложена вѣдомость о долгахъ и землѣ С.-Петербургскихъ колоній. Чрезвычайно интересно познакомиться съ этой вѣдомостью, и мы поэтому приводимъ ее цѣликомъ. (См. стр. 112).

Изъ вѣдомости этой видно, что, не говоря уже о совершенно ничтожной уплатѣ казеннаго долга, и поземельный сборъ вносился колонистами крайне не аккуратно. Несмотря на незначительную подать съ десятины, колонисты, вопреки обязательству, уплачивали ее далеко не со всѣхъ десятинъ удобной земли. Такъ, всего удобной земли въ колоніяхъ С.-Петербургскихъ числилось 4.682 дес., уплачивался же поземельный сборъ всего съ 3.495 дес. Кромѣ того, выяснился слѣдующій оригинальный фактъ. «При сихъ уваженіяхъ, говорится въ указѣ, и, взявъ въ соображеніе, что состояніе здѣшнихъ колоній, несмотря на превосходныя передъ другими дарованныя выгоды и оказанныя снисхожденія, *примѣтно поправляться начало съ того времени только, какъ правительство начало дѣлать съ нихъ взысканія податей*, и что тѣ изъ нихъ, кои должны, для удовлетворенія обязанностей своихъ противу казны, *болѣе трудиться, находятся въ лучшемъ положеніи*,

[1]) Полн. Собр. Зак. № 21.837.

Вѣдомость о долгахъ и землѣ С.-Петербургскихъ колоній (1805 годъ).

Названіе колоній.	Число нынѣ состоящихъ.				Земли по послѣднему обмежеванію 1801 г. десятинъ.		Употреблено на поселеніе отъ казны.		Недоимки поземельнаго оброка.		Всего на нихъ долга.		Изъ сего уплачено къ 1 января 1805 года.		Остается на нихъ долга.		Поземельную подать платятъ съ десятины		Число десятинъ, съ которыхъ платятъ.
	домовъ.	семей.	душъ.																
			муж.	жен.	удобн.	неудоб.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к	руб	к.	руб.	к.	руб.	к.	
Среднерогатская, основана въ 1765 г.....	26	36	106	115	728	98	19.335	14	19.335	14	19.335	14	2.860 начали платить 1795	— пласъ г.	16.475	14	1	23	646 начали платить съ 1795 г.
Ижорская, основана въ 1765 г.	28	33	134	110	841	1.728	25.234	91¼	—	—	25.234	91¼	1.810 начали платить 1795	— пласъ г.	23.414	91¼	—	30¼	840 начали платить съ 1795 г.
Новосаратовская, основана въ 1765 г.....	60	88	309	294	1.735	407	78.282	86½	11.843	2½	90.125	98½	3.000 начали платить 1795	— пласъ г.	87.125	88½	—	61¾	1.500 начали платить съ 1795 г.
Ямбургская, основ. въ 1767 г.	22	37	106	82	1.378	1.801	81.970	38	55.523	12	137.493 кон указом авг. 1795 г. совершенно щены	50 ъ 17 совпро-	—	—	—	—	—	30¾	509 начали платить съ 1798 г.

нужно принять мѣры, посредствомъ коихъ колоніи сіи, не обременяясь податьми, побуждены бы были къ большему трудолюбію и доставили бы правительству наибольше въ возвратъ употребленныхъ имъ издержекъ„.

Сообразно этой новой точкѣ зрѣнія, посредствомъ которой выгоды правительства пріурочены были къ благосостоянію колоній и, въ свою очередь, трудолюбіе колонистовъ было поставлено въ тѣсную связь съ наибольшей уплатой ими казеннаго долга, вышеупомянутымъ указомъ 18 іюля 1805 г. было опредѣлено:

1) Въ колоніи Среднерогатской, оставивъ поземельную подать въ 1 р. 23 коп. съ десятины, увеличить уплату казеннаго долга до 20 руб. въ годъ съ каждаго дома.

2) Въ колоніи Новосаратовской земельную подать съ $61^3|_4$ коп. возвысить до 1 р. 23 коп. и въ уплату казеннаго долга взыскивать по 10 руб. въ годъ съ дома.

3) Въ колоніи Ижорской, вмѣсто $30^1|_4$ коп., уплачивать по $60^1|_2$ коп. поземельнаго сбора съ десятины удобной земли.

4) Въ Ямбургской колоніи, оставивъ прежній поземельный сборъ, предписано было слѣдить, чтобы они уплачивали его со *всего* количества десятинъ удобной земли.

Прошло 17 лѣтъ. За это время, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 12 марта 1812 г., колонисты эти обязаны были уплачивать возвышенную поземельную плату въ слѣдующемъ размѣрѣ: 1) Среднерогатскіе по 2 р. 50 к., 2) Новосаратовскіе по 2 р., 3) Ижорскіе по 1 руб. 50 коп., 4) Ямбургскіе по 1 р. 25 к. Положеніе ихъ къ 1823 г. выразилось слѣдующими цифрами:

колоніи.	число домовъ.	мужчинъ.	удобной земли.	казеннаго долга.
Сроднерогатская	26	136	750	16.890 р. 14 к.
Новосаратовская	60	411	1.735	76.323 » 89 »
Ижорская. . .	29	191	841	20.894 » $91^1|_4$ »
Ямбургская. .	32	136	1.378	прощенъ.

Сравнивъ эти цифры съ вѣдомостью 1805 г., мы увидимъ какъ значительный приростъ населенія, такъ и увеличеніе числа домовъ въ колоніи. Что же касается уплаты казеннаго долга, то погашеніе его по-прежнему подвигалось крайне медленно.

Въ тотъ же періодъ времени (1810 г.) были поселены новые колонисты, обложенные несравненно высшимъ размѣромъ въ смыслѣ уплаты казеннаго долга, а именно: 1) Стрѣльнинскіе по 40 р. въ годъ съ каждаго хозяйства; 2) Кипеньскіе—40 р.; 3) Петергофскіе—45 р.; 4) Ораніенбаумскіе—30 р.; 5) Кронштадтскіе по 35 р. Кромѣ того, они должны были отбывать всѣ земскія повинности по раскладкѣ губернскаго начальства, что̀, вмѣстѣ съ перечисленными повинностями, составляетъ отъ 70—120 руб. казенныхъ взысканій въ годъ съ семьи.

Исходя все изъ того же спасительнаго убѣжденія, что чѣмъ больше взыскивать съ колонистовъ въ казну, тѣмъ болѣе улучшается ихъ благосостояніе, правительство въ 1823 г. указомъ 13 іюля [1]) постановило уравнять и старыя колоніи въ платежѣ повинностей съ колоніями новыми (1810 г.), тѣмъ болѣе, что по доставленнымъ свѣдѣніямъ «всѣ сіи колоніи находятся *въ весьма избыточномъ* положеніи и безъ малѣйшаго стѣсненія могутъ быть уравнены съ прочими колонистами».

Такимъ образомъ, съ Среднерогатскихъ стали взыскивать по 40 р.; съ Новосаратовскихъ вмѣсто 10 р. по 30 руб. и съ Ижорскихъ вмѣсто 5 р. по 20 руб. Таковое взысканіе начато было съ 1 января 1824 г.

Затѣмъ было обращено вниманіе на Саратовскихъ колонистовъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ въ 1808 г. оказалось, что число ихъ было 19.785 и они обработывали 8.776 плугами 87.457 десятинъ. Казеннаго долга на нихъ числилось къ этому времени *3.547.097 р. 96¾ к.* Что же касается повинностей, то они уплачивали съ каждаго работника по 3 р., причемъ 2 р. засчитывались въ подать и 1 руб. въ уплату долга. Что же касается до поземельныхъ повинностей, то, несмотря на все свое благосостояніе, Саратовскіе колонисты, какъ живущіе на луговой, такъ и на нагорной сторонѣ, не платили ихъ вовсе, подъ предлогомъ неоконченныхъ еще межеваній (съ 1763—1808 г.) и неприведенія въ ясность количества десятинъ удобной земли, съ которой слѣдовало бы ее платить. По замѣчанію, однако, главнаго судьи конторы, статскаго совѣтника Рогенбука, «сами колонисты затрудняютъ межеваніе и *умышленно* мѣшаютъ скорому теченію онаго, дабы сколь можно долѣе остаться въ настоящемъ положеніи свободными отъ податей».

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 29.541.

«При сравненіи состоянія колонистовъ, говорится далѣе въ томъ же указѣ 18 декабря 1808 г. [1]), съ состояніемъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и несомой послѣдними подати, выходитъ, что государственные и удѣльные крестьяне платятъ въ казну, кромѣ земскихъ внутреннихъ повинностей:

Подушныхъ	1 р.	— к.
Оброчныхъ	5 »	— »
Накладныхъ	— »	2 »
На подъемныхъ лошадей для воинскихъ командъ .	— »	26 »
Всего съ ревизской души. .	6 р.	28 к.

Слѣдовательно, Саратовскіе колонисты съ 19.785 душъ *обязаны бы были* вносить каждый годъ:

Подушныхъ	19.785 р.	— к.
Оброчныхъ	98.925 »	— »
Накладныхъ по 2 к. съ рубля. .	395 »	70 »
На лошадей по 26 коп. . . .	5.144 »	10 »
Всего . .	124.249 р.	80 к.

Они же въ настоящее время (1808 г.) платятъ:

по 2 р. въ подать ежегодно до . .	22.922 р.
и въ уплату долга по 1 р. . .	11.042 »
	33.964 р.

Вслѣдствіе этого министръ внутреннихъ дѣлъ, по докладу котораго и состоялся настоящій указъ, предполагалъ причитающіеся съ колонистовъ 124.249 р. 80 к. разверстать между колонистами праваго и лѣваго берега Волги, такимъ образомъ, чтобы луговые вносили 74.549 р. 88 к., а нагорные — 49.699 р. 92 к.

«Подать таковая, продолжаетъ докладъ, хотя и равна платимой казенными крестьянами, *но все еще колонисты много предъ ними преимущества имѣть будутъ*, не поставляя рекрутовъ ни натурою, ни деньгами, *пользуясь лучшимъ объ нихъ призрѣніемъ и получивъ еще право дѣлать преимущественно при межеваніи разборы въ земляхъ удобныхъ*».

[1]) Полн. Собр. Зак. № 23.408.

*

Что касается до казеннаго долга, то первоначально предположено было взыскивать съ каждаго работника отъ 16 до 60 лѣтъ въ уплату долга на луговой сторонѣ по 5 р., а на нагорной—по 3 р.

Затѣмъ, по представленію главнаго судьи Рогенбука о томъ, что такое единовременное взысканіе земельныхъ повинностей и казеннаго долга можетъ гибельно отозваться на благосостояніи колоній—хотя въ другомъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ, «что *много* есть колонистовъ, кои въ состояніи возвратить *все*, что должны»,—рѣшено было оставить съ каждаго работника взысканіе по 1 рублю.

Такимъ образомъ, вмѣсто 33.964 р., Саратовскіе колонисты съ 1 января 1809 г. стали платить:

поземельной подати	124.249 р.	80 к.
и уплатою долга до	11.042 »	— »
Всего же . .	135.291 р.	80 к.

Наконецъ указами 9 сентября 1805 г., 19 ноября 1817 г. и 9 марта 1825 года [1]) былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ для взысканія казеннаго долга съ Новороссійскихъ колонистовъ. Въ указахъ этихъ повторяются тѣ же жалобы, что̀ и въ только-что изложенныхъ. Колонисты богатѣютъ, благосостояніе ихъ растетъ чрезвычайно, платить же въ казну долга они и не думаютъ; мало того, всѣми возможными способами стараются помѣшать урегулированію ихъ положенія въ этомъ отношеніи, такъ какъ неопредѣленность ихъ положенія приноситъ лишь пользу и выгоды. Послѣднимъ указомъ 9 марта 1825 года, положеніе ихъ было опредѣлено слѣдующимъ образомъ. Всего долгу на нихъ числилось *5.076.746 р. 18½ к.* и *10.400* червонцевъ.

Взысканіе же этого долга распредѣлено было слѣдующимъ образомъ:

Было имъ прощено (подарено?) *1.160.812 р. 52 к.* и *10.400* червонцевъ; остальные же *3.915.933 р. 66¼ к.* было рѣшено взыскивать:

По Екатеринославскому водворенію.

1) *Съ менонитовъ*, составляющихъ 422 семейства, на ко-

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXVIII, № 21.909; т. XXXIV, № 27.149; т. L, № 30.281.

ихъ долгу *174.356 р. 83¾ к.*, съ каждаго семейства, ежегодно *по 35 рублей.*

2) Съ колонистовъ, извѣстныхъ подъ именемъ молочанскихъ, крымскихъ, данцигскихъ и шведскихъ и составляющихъ 1.265 с., на коихъ долгу *715.928 р. 77 к.,—по 20 рублей.*

3) Съ болгаръ и грековъ, составляющихъ 196 семействъ и на коихъ долгу *45.630 р. 32⅓* к.,—*по 30 рублей.*

По Одесскому водворенію.

1) Съ болгарскихъ колонистовъ, составляющихъ 761 семейство, на коихъ долгу, *228.206 р. 16 к.* съ каждаго семейства отъ *12 до 40 р. ежегодно.*

2) Съ нѣмецкихъ колонистовъ, составляющихъ всѣхъ семействъ 2.228, на коихъ долгу числится *2.344.211 р. 2 к.—по 45 рублей.*

3) Съ старыхъ колонистовъ хортицкихъ, ямбургскихъ и іозефтальскихъ, составляющихъ всего 560 семействъ, на коихъ долгу числится *387.019 р.—отъ 47 до 53 рублей* съ каждой семьи въ годъ.

Таковы были тѣ мѣры, которыми наше правительство въ началѣ текущаго столѣтія стремилось хотя бы отчасти вернуть затраченныя на иностранныхъ поселенцевъ казенныя деньги, тѣ мѣры, въ которыхъ мы усматриваемъ первый проблескъ трезваго отношенія къ явленію иностранной колонизаціи въ Россіи, первый шагъ на пути сравненія этихъ пришлыхъ работниковъ въ отношеніи платимыхъ ими повинностей съ кореннымъ населеніемъ Россіи.

Послѣдующимъ указомъ 23 декабря 1824 г. «о податяхъ и повинностяхъ иностранныхъ выходцевъ, принадлежащихъ къ состоянію крестьянъ» прямо было установлено, что всѣ безъ исключенія колонисты въ уплатѣ податей должны быть приравнены къ прочему сельскому населенію губерніи [1]). Не давая никакихъ особенно интересныхъ или новыхъ данныхъ по этому вопросу, вышеупомянутый указъ содержитъ въ себѣ тѣмъ не менѣе слѣдующее оригинальное предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Говоря о повинностяхъ, платимыхъ вообще колонистами, министръ внутреннихъ дѣлъ возбудилъ общій вопросъ о томъ,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 30.172.

избавлены ли они отъ *уплаты* рекрутской повинности. «Какъ существующими узаконеніями дарована колонистамъ только свобода отъ военной и гражданской службы»,—доноситъ онъ,—«а чтобы они вовсе не подлежали рекрутской повинности, выполняемой въ Россіи всѣми податными состояніями натурою или деньгами, о семъ нигдѣ не упомянуто и при томъ совершенное изъятіе колонистовъ отъ рекрутской повинности на будущее время обратилось бы къ напрасному отягощенію прочихъ жителей Россіи,—то онъ и предлагалъ—распространить и на колонистовъ обязанность платить въ казну рекрутскія складочныя деньги по 500 р. вмѣсто рекрута, начавъ сіе съ будущихъ рекрутскихъ наборовъ».

Съ мнѣніемъ его согласился и министръ финансовъ. Комитетъ министровъ въ засѣданіи 3-го ноября отклонилъ однако это предложеніе, усмотрѣвъ въ немъ нарушеніе дарованныхъ иностраннымъ колонистамъ правъ и преимуществъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о воинской повинности колонистовъ, надѣлавшій столько шуму впослѣдствіи, возникалъ уже и раньше, и при томъ въ постановкѣ далеко для колонистовъ неблагопріятной.

Таковы въ общихъ чертахъ главные моменты дѣятельности нашего правительства относительно колонистовъ въ царствованіе Императора Александра I. Общій тонъ и направленіе ихъ было уже нами очерчено въ началѣ настоящаго бѣглаго очерка. Теперь же мы позволимъ себѣ остановиться на одномъ характерномъ явленіи этой эпохи. Въ царствованіе Александра I имѣлъ мѣсто фактъ, единственный въ своемъ родѣ въ нашей исторіи. Мы говоримъ о войнѣ 1812 года и о томъ подъемѣ народнаго духа, котораго она была нагляднымъ доказательствомъ.

«Отрадно приступить къ изображенію, какъ возстала Россія при обнародованіи манифеста 6 іюля 1812 года, призывавшаго всѣхъ и каждаго на оборону отечества», пишетъ талантливый и патріотическій историкъ этой войны[1]... «Не осталось города и селенія, гдѣ не воскипали бы любовью къ отечеству. Всѣ племена неизмѣримой Россійской имперіи слились въ одну душу и, не взирая на различіе нравовъ, обычаевъ, нарѣчія и

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій. «Описаніе Отечественной войны 1812 г.» т. II, стр. 1—61.

вѣры, доказали, что всѣ они по чувствамъ родные между собой... Мысли всѣхъ соединились въ одномъ общемъ порядкѣ, —отстоять цѣлость государства».

Что же сдѣлали колонисты въ это горячее время, чѣмъ заявили они свою любовь къ отечеству, чѣмъ доказали свое родство съ нами? Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о принесенныхъ ими пожертвованіяхъ; принять же личное участіе въ оборонѣ новаго ихъ отечества изъявили желаніе: 50 грековъ Херсонской губерніи и 271 колонистъ Саратовской губерніи! Кромѣ этихъ 321 человѣка, изъ которыхъ 271 находились за тридевять земель отъ раіона военныхъ дѣйствій, никто больше изъ колонистовъ не откликнулся на призывъ «всѣхъ и каждаго къ оборонѣ Россіи». Мало того. Въ іюлѣ 1812 г. изъ Москвы послѣдовало Высочайшее повелѣніе о принятіи мѣръ для подкрѣпленія государственнаго казначейства, сокращеніемъ нѣкоторыхъ расходовъ. Вслѣдствіе этого между прочимъ было предписано:

1) Остановить всѣ гражданскія строенія какого бы они вѣдомства ни были.

2) *Остановить всѣ выдачи ссудъ частнымъ лицамъ* изъ мѣстъ казенныхъ, обращая въ государственное казначейство всѣ суммы, которыя отъ должниковъ по ихъ займамъ въ уплату капиталовъ поступать будутъ. Въ то же самое почти время экспедиція государственнаго хозяйства — учрежденіе, по преимуществу опекающее колонистовъ, — представила смѣту въ 2.500.000 руб. на нужды колонизаціи и, лишь по дѣятельномъ и энергическомъ противодѣйствіи министра внутреннихъ дѣлъ, согласилась понизить ее на *2.000.000* рублей! [1]). Утвердивъ эту сумму, Комитетъ министровъ въ журналѣ своемъ отъ 29 декабря изъяснилъ, «что по стѣснительному положенію казначейства не предусматривается впредь никакой возможности удовлетворить издержкамъ столь значащимъ и впрочемъ никакой настоятельной нужды за собою не влекущимъ».

Фактовъ этихъ достаточно для того, чтобы выяснить, насколько въ сторонѣ отъ общаго строя жизни нашего отечества стояли колонисты и всѣ вопросы, къ нимъ относящіеся. Не говоримъ уже о самихъ колонистахъ. Чужими они пришли, чужими они жили, чужими они и останутся для русскаго народа,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 24.131.

для его радостей и печалей. Въ данномъ случаѣ вниманіе останавливаетъ то обстоятельство, что учрежденіе государственное, во главѣ котораго стояли люди, служащіе Россіи, беззастѣнчиво выступаетъ съ своими требованіями чрезвычайныхъ кредитовъ въ то время, когда государство, истощенное непрерывными войнами, стояло на краю экономическаго кризиса! Очевидно, вопросы о томъ, «кто для кого существуетъ—колоніи для пользы Россіи или Россія для пользы колоніи?» «чему они служатъ—интересамъ ли хортицкихъ, іозефстальскихъ, сарептскихъ и иныхъ колонистовъ или же великому Россійскому государству?»—совершенно спутались или по меньшей мѣрѣ сильно затемнились въ экспедиціи государственнаго хозяйства.

Г. Царствованіе Императора Николая I.

Общій характеръ законодательныхъ мѣръ.—Прекращеніе всякихъ льготъ колонистамъ.—Обзоръ хозяйственнаго и экономическаго положенія колоній въ 1841 г.—Крымская кампанія и колонисты.

Среди кипучей дѣятельности нашего правительства въ области внутренняго управленія при Николаѣ Павловичѣ, невольно обращаетъ на себя вниманіе замѣтное охлажденіе къ иностраннымъ колонистамъ. Призывъ новыхъ колонистовъ изъ-за границы былъ прекращенъ; что же касается до колонистовъ, водворенныхъ уже въ Россіи, то правительство какъ бы не раздѣляло тѣхъ радужныхъ надеждъ, которыя, еще такъ недавно, связаны были съ водвореніемъ въ Россіи «сихъ невинныхъ тружениковъ». Не много вышло указовъ при Николаѣ I касательно колоній, но тѣ немногіе, которые были изданы, отличаются уже оффиціальнымъ, чисто дѣловымъ тономъ. Мы не найдемъ въ нихъ лиризма и сантиментальныхъ фразъ, которыми наполнены указы Екатерины и въ особенности Павла. Стремленіемъ свести весь вопросъ на почву практической жизни, идей законодательнаго опредѣленія правъ и обязанностей колонистовъ исключеніемъ всякаго чувства пристрастія при рѣшеніи этого вопроса—проникнуты законодательныя мѣры Императора Николая Павловича. Очевидно, здѣсь явленію иностранной колонизаціи отводится надлежащее мѣсто въ ряду другихъ явленій нашей государственной жизни. На нихъ казною не тратится больше ни копѣйки; мало того, бытъ ихъ, ихъ благосостояніе перестаютъ быть для правительства предметомъ особыхъ спеціальныхъ за-

ботъ. Вопросы эти интересуютъ правительство лишь постольку, поскольку они касаются интересовъ Россіи, на первый разъ напр. уплаты колонистами казеннаго ихъ долга.

Въ самой незначительности и сухости отношенія въ этотъ періодъ къ колоніямъ мы склонны видѣть правильный и согласный съ интересами Россіи взглядъ правительства на явленіе иностранной колонизаціи. Въ ряду массы вопросовъ, зарождавшихся во внутренней жизни Россіи, вопросовъ существенныхъ, тѣсно связанныхъ съ самыми жизненными основами нашей народной жизни — вопросъ о колонистахъ естественно долженъ былъ казаться ничтожнымъ и заслуживающимъ вниманія, лишь какъ третьестепенный факторъ внутренней жизни Россіи. Такова была правильная точка зрѣнія на вопросъ, и этой правильной исходной точки зрѣнія крѣпко держалось наше правительство при Николаѣ Павловичѣ.

1-го іюля 1833 г., т. е. 9 лѣтъ послѣ своего вступленія на престолъ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта Николай Павловичъ положилъ новое основаніе въ управленіи колоній [1]).

«Поселенные съ давнихъ лѣтъ въ Россіи колонисты, пользуясь дарованными имъ преимуществами, достигли уже нѣкоторой степени устройства въ своемъ водвореніи, состоящіе на нихъ казенные долги большею частью приведены въ извѣстность,—говорится въ этомъ указѣ,—посему дальнѣйшее о нихъ распоряженіе не требуетъ такихъ усилій со стороны хозяйственнаго управленія, какія нужны были въ началѣ сей колонизаціи; новое же переселеніе изъ-за границы должно быть рѣшительно прекращено. При таковомъ положеніи, представлялось необходимымъ существующія по сей части управленія соразмѣрить съ настоящею надобностью». Исходя изъ этого основанія, указомъ этимъ было опредѣлено:

1) Существующія нынѣ колонистскія конторы Екатеринославскую, Одесскую, Бессарабскую и Грузинскую упразднить; а для управленія всѣми поселеніями южнаго края составить одинъ попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ въ Россіи, подъ предсѣдательствомъ генерала-отъ-инфантеріи Низова, съ перемѣщеніемъ его въ Одессу.

2) Завѣдываніе Грузинскими переселенцами возложить на тамошняго гражданскаго губернатора.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. 1833 г. № 6.298.

3) Водворенныхъ въ Саратовской губ. иностранныхъ поселенцевъ оставить по-прежнему въ завѣдываніи тамошней конторы, присоединивъ къ оной и Воронежскихъ колонистовъ.

4) Надъ новыми поселеніями румелійцевъ и болгаръ въ Бессарабской области временно оставить управленіе Задунайскихъ переселенцевъ, съ подчиненіемъ онаго попечительному комитету.

5) Должность инспектора С.-Петербургскихъ колоній упразднить и вмѣсто двухъ назначить одного смотрителя съ помощникомъ.

6) Всѣ прочія иностранныя колоніи въ губерніяхъ Лифляндской, Черниговской и области Кавказской оставить при настоящемъ порядкѣ управленія ими въ завѣдываніи мѣстныхъ начальствъ.

Весь штатъ этого сокращеннаго до минимума управленія колоній долженъ былъ стоить 62.700 рублей ассигнаціями въ годъ, каковую суммую рѣшено было отнести—«на самыхъ тѣхъ поселенцевъ, расположивъ оную на общее всѣхъ въ Россіи колонистовъ число ревизскихъ душъ, сколько на каждую по раскладкѣ придется и отсылая сборъ сей въ уѣзныя казначейства въ установленные для платежа податей сроки».

Той же мыслью, что «дальнѣйшее о колоніяхъ распоряженіе не требуетъ такихъ усилій со стороны хозяйственнаго управленія, какія дѣлались въ началахъ сей колонизаціи», проникнуты и многія другія правительственныя мѣропріятія, имѣвшія цѣлью свести вопросъ о колоніяхъ съ того исключительнаго положенія, въ которомъ онъ находился,—на почву закона; вмѣсто произвола частныхъ увлеченій установить одинъ общій, единообразный порядокъ управленія колоній.

Не утруждая читателей перечнемъ отдѣльныхъ частныхъ мѣропріятій правительства, мы приведемъ лишь одинъ обращикъ, чрезвычайно рельефно характеризующій отношеніе его ко всему разсматриваемому нами явленію.—Это «*условія на учрежденіе въ Таврической губ. колоній Ангальтинскихъ поселенцевъ*». Какъ мы уже выше сказали, доступъ иностранныхъ поселенцевъ изъ-за границы былъ совершенно прекращенъ. При Николаѣ Павловичѣ было сдѣлано, однако, два исключенія въ этомъ отношеніи. Именно въ 1851 году министръ Государственныхъ Имуществъ разрѣшилъ 100 семействамъ менонитовъ поселиться въ Новоузенскомъ уѣздѣ, причемъ имъ было поставлено въ

условіе внести, въ обезпеченіе водворенія, на каждое семейство по 350 талеровъ; второй случай, о которомъ мы намѣрены говорить подробнѣе, имѣлъ мѣсто гораздо раньше.

Въ концѣ 1827 года, владѣтельный герцогъ Ангальтъ-Кетенскій ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему образовать въ Таврической губерніи колоніи изъ своихъ подданныхъ. Предложеніе это было принято, и въ результатѣ взаимнаго соглашенія явились вышеозначенныя «условія». Не безъинтересно будетъ познакомиться съ содержаніемъ этихъ условій и затѣмъ сопоставить ихъ съ тѣми условіями, которыя заключались съ отдѣльными партіями колонистовъ при Екатеринѣ.

«Цѣль этого поселенія состоитъ въ томъ, чтобы оно служило образцомъ большаго благоустроеннаго сельскаго хозяйства, соединеннаго съ фабричной промышленностью», — говорится въ статьѣ 1-й указа 3 марта 1828 г.[1]). Перечисливъ затѣмъ съ полной подробностью, что собственно должно разумѣть подъ «образцомъ благоустроеннаго хозяйства», указъ гласитъ дальше.

2) Подъ эту колонію отводится въ вѣчное потомственное владѣніе его свѣтлости герцога Ангальтъ-Кетенскаго 48.345 десятинъ земли (!) въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи.

3) По истеченіи десяти льготныхъ лѣтъ, начиная оные съ 1 генваря 1830 года, платить казнѣ ежегодной повинности съ 42.345 десятинъ по 8 коп. серебромъ съ каждой десятины, а съ 6.000 дес. приморской полосы по 15 коп. Кромѣ того, по истеченіи означенныхъ лѣтъ будутъ взиматься и земскія повинности отъ $1^1|_2$ до 3 коп. съ десятины. Поселенцы обязаны также содержать въ исправности дороги и мосты въ своей колоніи.

4) *Всѣ издержки на сіе поселеніе его свѣтлость дѣлаетъ на свой собственный счетъ.* Кромѣ того, на счетъ же его свѣтлости должны быть устроены церкви и школы въ означенной колоніи; но высшій надзоръ по сей части принадлежитъ россійскому правительству.

5) Въ заключеніе слѣдуетъ одна существенная оговорка: «*поселеніе сіе возвращается въ собственность казны*, если въ ономъ, *по истеченіи 10 лѣтъ*, не будетъ находиться, по меньшей мѣрѣ, 20.000 овецъ улучшенной породы, съ потреб-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. 1828 г. № 1.841.

нымъ числомъ овцеводовъ, и не менѣе ста семействъ для содержанія сихъ овецъ и для землепашества и фабричныхъ занятій. Возвращеніе въ казну отмѣняется, если доказано будетъ, что стада истреблены особыми несчастными случаями, и тогда дается вновь льгота отъ 5—10 лѣтъ. Если же, напротивъ, до истеченія 10 лѣтъ доказано будетъ, что всѣ сіи условія выполнены, то право вѣчнаго владѣнія вышеозначенными участками земли утверждается съ того самаго времени».

Вспомнимъ наглыя требованія агента братства Евангелическаго общества Петра Конрада Фриза и уступчивыя, мягкія условія нашего правительства въ 1764 году. Какая разница между ними и только-что изложенными твердыми и исполненными сознанія собственной пользы требованіями. Тамъ чувствуется шаткость мысли, увлеченіе идеей колонизаціи и чрезмѣрное значеніе, придаваемое этому явленію, здѣсь, напротивъ, мы видимъ уже спокойное и трезвое отношеніе къ вопросу. Явленію колонизаціи, очевидно, отведено надлежащее мѣсто въ ряду другихъ вопросовъ нашей государственной жизни.

Правительство прониклось, повидимому, сознаніемъ, что нечего расточать излишнія заботы, тратить казенныя деньги на колоніи, когда онѣ уже и безъ того «достигли нѣкоторой степени устройства въ своемъ водвореніи».

Но право ли было правительство, разсматривая такимъ образомъ колоніи; имѣло ли оно достаточныя основанія для того, чтобы считать ихъ «въ нѣкоторой степени устроившимися».

Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ цифрамъ.

Возьмемъ для примѣра 1841 годъ и въ рядѣ таблицъ познакомимся съ состояніемъ нашихъ южныхъ колоній за этотъ годъ [1]).

Прежде всего, въ таблицѣ I познакомимся съ числовымъ составомъ населенія колоній и съ количествомъ отведенной имъ отъ казны земли.

Такимъ образомъ, въ 1841 г. состояло колоній 286; земли отъ казны имъ было отведено 1.053.478 дес. Считая въ этихъ колоніяхъ 20.489 семействъ, приходится среднимъ числомъ по 50 дес. на семью, причемъ цифра эта варіировала отъ 15 до 98 десятинъ на семью.

Познакомимся же теперь въ вѣдомости II съ количествомъ скота, овецъ и состояніемъ садоводства и лѣсоводства въ колоніяхъ.

---

[1]) Цифровыя данныя составлены на основаніи данныхъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

ВѢДОМОСТЬ I.

Количество народонаселенія и земли, отведенной отъ казны въ южныхъ колоніяхъ, въ 1841 году.

Наименованіе губерній и округовъ.	Количество удобной земли у поселенцевъ, надѣленныхъ отъ казны. (десятинъ.)	Число колоній.	НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ. пынѣ состоитъ на лицо (въ 1841 .). Семействъ. Получивш. въ надѣленіе землю.	Безземельныхъ.	Мастеровыхъ разнаго рода.	Душъ. Мужскихъ.	Женскихъ.	Итого.	На надѣленное число семей землею причитается на каждое. (десятинъ.)
Таврической губ.									
Молочанскій менонитскій	72.727	44	1.033	1.350	368	6.185	5.936	12.121	70
Молочанскій колонистскій	63.445	23	840	205	281	4.551	4.232	8.783	75
Бердянскій колонистскій	8.596	4	123	12	63	619	683	1.302	69
Крымскій колонистскій (нѣм. и болг.)	12.723	11	483	137	42	2.079	1.890	3.963	29
Екатеринославской губерніи.									
Хортицкій мононитскій	32.789	17	445	363	250	2.993	3.036	6.029	73
Іозефтальскій (колонисты)	6.379	4	150	72	62	881	883	1.764	42
Маріупольскій (колонисты)	49.110	28	760	102	269	3.795	3.572	7.367	64
Херсонской губ.									
Шведскій (колонисты)	10.614	5	222	15	66	873	818	1.691	47
Либентальскій (колонисты)	39.376	12	763	410	257	4.116	4.033	8.149	51
Кучурганскій (колонисты)	26.647	6	441	83	72	2.430	2.274	4.704	60
Березанскій (колонисты)	66.933	12	1.215	417	55	4.568	4.290	8.858	55
Глюкстальскій (колонисты)	28.560	5	471	101	169	2.704	2.552	5.256	60
Парканскій (болгаро-греки)	20.940	2	278	—	—	1.308	1.241	2.549	76
Терновскій (болгаро-греки)	7.120	1	171	—	—	619	606	1.225	41
Буялыкскій (болгаро-греки)	34.296	3	562	7	63	2.378	2.156	4 534	60
Черниговской губ.									
Радичевскій менонитскій	774	2	50	19	69	194	217	411	15
Бессарабской обл.									
Малоярославецкій (колонисты)	50.400	10	957	—	109	3.463	3.305	6.768	52
Клястицкій (колонисты)	57.303	10	1.111	—	141	3.554	3.364	6.918	51
Саратскій (колонисты)	15.606	3	225	15	14	658	663	1.321	69
Шаба, швейцарцы.	3.926	1	40	—	—	82	68	150	98
Измаильскій (болгары)	112.715	16	2.679	—	1.714	10.038	9.117	19.155	42
Верхнебуджакск. (болгары)	124.308	20	2.755	—	1.755	9.606	8.399	18.005	45
Нижнебуджакск. (болгары)	111.210	28	2.279	—	1.436	7.404	6.436	13.840	48
Кагуло-Прутскій (болгары)	96.922	19	2.436	—	1.151	7.069	9.390	13.459	39
Итого	1.053.478	286	20.489	3.308	8.407	82.167	76.161	158.238	50

ВѢДОМОСТЬ II.

Наименованіе губерній и округовъ.	Скотоводство.		Овцеводство.			Садоводство и лѣсоводство въ плантаціяхъ хозяевъ.			
	Лошадей.	Рогатаго скота.	Улучшенныхъ.	Простыхъ.	Итого овецъ.	Фруктов. деревьевъ.	Тутовыхъ	Лѣсныхъ.	Итого деревьевъ.
Таврической губ.									
Молочанскій менонитскій	8.688	10.431	104.875	—	104.875	105.394	80.760	116.787	302.941
„ колонистскій	5.934	6.186	93.677	—	93.677	182.422	39.072	152.619	374.113
Бердянскій колонистскій	862	1.229	8.405	1.176	9.581	22 880	3.224	17.016	33.120
Крымскій колон. (нѣмц. и болг.)	1.473	5.596	6.360	20.722	27.082	59.208	3.788	10.004	73.000
Екатеринославской губ.									
Хортицкій менонитскій	3.769	5.215	65.095	—	65.095	40.930	24.724	41.322	106.996
Іозефтальскій (колонисты)	615	1.029	7.612	—	7 612	4 722	7.902	1.546	14.170
Маріупольскій (колонисты)	4.551	5.892	36.931	—	36.931	71.576	893	11 699	84.168
Херсонской губ.									
Шведскій (колонисты)	555	2.130	2.158	1.085	3 243	4.003	750	2.021	6.774
Либентальскій (колонисты)	4.423	8.198	4 528	1.875	6 403	117 137	18.341	81.029	216.507
Кучурганскій (колонисты)	3.019	4.563	4.432	—	4.432	35.337	3.714	12.082	51.133
Березанскій (колонисты)	7.088	9.899	36.816	—	36.816	76.207	148	17.029	93 384
Глюкстальскій (колонисты)	3.179	7.267	10.409	1.293	11.702	96.177	1.639	3.231	101.039
Парканскій (болгары-греки)	1.390	4.089	—	12.453	44 259	13.705	12.039	12 039	70.003
Терновскій (болгары-греки)	840	2.715	—	7.490	7.490	4.854	3.162	1.124	9.140
Буялыкскій (болгары-греки)	1.886	8.363	—	23.632	23.632	33.215	369	9.163	42.747
Черниговской губ.									
Радичевскій менонитскій	19	137	—	137	137	927	1.017	56	2.000
Бессарабской области.									
Малоярославецкій (колонисты)	3 310	11.205	988	20.000	20.988	79.229	144	10.635	90.008
Клястицкій (колонисты)	3.266	9.899	426	18.054	18.480	30.066	150	5.602	35.818
Саратскій (колонисты)	892	2.264	2.458	—	2.458	23.424	96	867	24.387
Шаба, швейцарцы	120	500	500	350	850	12.500	200	930	13.630
Измаильскій (болгары)	10.702	25.403	167.382	19.716	187.098	173.020	125.763	165.760	464.543
Верхнебуджакскій (болгары)	8.125	27.112	105.446	38.214	143.860	287.600	16.077	73 449	377.150
Нижнебуджакскій (болгары)	7.125	21.099	93.102	7.009	100 111	202.794	12.773	61.583	277.150
Кагуло-Прутскій (болгары)	5.743	19.069	34.394	24.454	58.848	134.232	22.038	54.473	210 743
Итого	87.374	199.496	786.194	197.660	983.854	1.842.113	380.441	862.086	3.084.640

Принимая за исходную точку все тѣ же 20.489 семей, мы получимъ, что на каждое хозяйство при 50 дес. земли приходилось среднимъ числомъ по 4 лошади, по 9 штукъ рогатаго скота и по 48 овецъ, изъ которыхъ большая часть улучшенныхъ породъ — степень благосостоянія, о которой не смѣетъ мечтать въ своихъ самыхъ утопическихъ надеждахъ нашъ русскій земледѣлецъ.

Въ вѣдомости Ш познакомимся съ нѣкоторыми спеціальными отраслями производства, а также съ количествомъ мельницъ и строеній.

ВѢДОМОСТЬ III.

Наименованіе губерній и округовъ.	Шелководство. Выдѣланнаго шелку. Пуды.	Шелководство. Выдѣланнаго шелку. Фунты.	Пчеловодство. Ульевъ пчелъ.	Винодѣліе. Виноградныхъ кустовъ	Винодѣліе. Выдѣланнаго вина ведеръ.	Мельницъ. Маслобоенъ.	Мельницъ. Водяныхъ, вѣтряныхъ и земляныхъ.	Мельницъ. Крупяныхъ.	Ткальныхъ станковъ	Жилыхъ домовъ.
Таврической губ.										
Молочанскій менонитскій	2	16	266	—	—	28	41	14	151	1.648
„ колонистскій	—	—	443	1.980	4	3	27	1	188	987
Бердянскій колонистскій	—	—	51	1.637	—	4	10	—	24	152
Крымскій колонистскій (нѣмцы и болг.)	2	20	625	650.630	15.858	—	8	—	184	559
Екатеринославской губ.										
Хортицкій менонитскій	1	24½	302	450	—	4	52	5	37	847
Іозефтальскій (колонисты)	1	½	111	7	—	—	18	2	17	197
Маріупольскій (колонисты)	—	—	89	423	—	2	23	5	50	840
Херсонской губ.										
Шведскій (колонисты)	—	—	206	550	—	—	15	—	30	198
Либентальскій (колонисты)	—	—	279	3.379.556	72.394	12	58	—	3	936
Кучурганскій (колонисты)	—	—	21	281 569	11.977	10	39	1	3	621
Березанскій (колонисты)	—	—	381	133.806	255	8	75	2	1	1.116
Глюкстальскій (колонисты)	—	—	772	1.194.788	46.007	—	35	—	30	688
Парканскій (болгаро-греки)	6	11	449	207.640	13.070	1	38	2	201	298
Терновскій (болгаро-греки)	—	3¾	—	7.700	265	—	24	—	173	173
Буялыкскій (болгаро-греки)	—	—	596	883.620	12.155	1	55	3	430	595
Черниговской губ.										
Радичевскій менонитскій	—	—	—	—	—	—	4	—	22	49
Бессарабской области.										
Малоярославецкій (колонисты)	—	—	2	445.320	18.694	3	67	6	401	887
Клястицкій (колонисты)	—	—	61	480.673	4.623	4	73	2	361	960
Саратскій (колонисты)	—	—	—	277.880	3.566	3	16	2	13	204
Шаба, швейцарцы	—	—	26	20[illegible].000	10.000	1	3	—	—	40
Измаильскій (болгары)	3	20	60	968.681	59 624	—	365	—	1.144	2.692
Верхнебуджакск. (болгары)	2	7	974	474 693	17.500	—	297	—	1.123	2.755
Нижнебуджакск. (болгары)	—	—	2	1.029.124	10.025	—	189	—	841	2.686
Кагуло-Прутскій (болгары)	—	2	296	1.118.284	78.252	—	281		1.028	2.471
Итого....	19	104¾	6.012	11.759.011	374.269	84	1.813	45	6.455	22.599

Здѣсь нѣтъ надобности выводить среднюю величину, цифры сами собой рельефнымъ образомъ рисуютъ положеніе этихъ отдѣльныхъ спеціальныхъ отраслей производства. Также точно не нуждается въ комментаріяхъ вѣдомость IV — о числѣ церквей, школъ и о количествѣ учащихся.

ВѢДОМОСТЬ IV.

Наименованіе губерній и округовъ.	Церквей и молитвенныхъ домовъ.	Школъ.	Дѣтей учащихся.		
			Мужскихъ.	Женскихъ.	Итого.
Таврической губ.					
Молочанскій менонитскій	8	44	1.402	1.327	2.729
„ колонистскій . . .	5	24	846	769	1.615
Бердянскій колонистскій	4	4	143	138	281
Крымскій колонистскій (нѣмцы и болгары)	10	7	302	260	562
Екатеринославской губ.					
Хортицкій менонитскій	5	17	569	496	1.065
Іозефтальскій } колонисты . .	3	4	165	158	323
Маріупольскій } колонисты . .	3	23	797	653	1 450
Херсонской губ.					
Шведскій .	5	1	93	95	188
Либентальскій } колонисты .	9	12	866	844	1.710
Кучурганскій } колонисты .	6	6	361	345	706
Березанскій } колонисты .	8	9	953	910	1.863
Глюкстальскій } колонисты .	3	5	679	581	1 260
Парканскій } болгаро-греки . .	2	—	—	—	—
Терновскій } болгаро-греки . .	1	1	23	—	23
Буялыкскій } болгаро-греки . .	3	2	92	—	92
Черниговской губ.					
Радичевскій менонитскій	1	2	17	17	34
Бессарабской области.					
Малоярославецкій } колонисты .	10	10	847	832	1.686
Клястицкій } колонисты	6	10	953	839	1.792
Саратскій } колонисты .	2	2	136	138	274
Шаба, швейцарцы	1	1	22	16	38
Измаильскій } болгары .	16	1	363	28	391
Верхнебуджакскій } болгары .	18	1	136	—	136
Нижнебуджакскій } болгары .	18	—	252	—	252
Кагуло-Прутскій } болгары .	18	3	123	—	123
Итого	169	189	10.140	8.453	18.593

Въ не менѣе блестящемъ состояніи находились хлѣбные запасные магазины и общественные капиталы, какъ мы это увидимъ изъ вѣдомости V.

ВѢДОМОСТЬ V.

Наименованіе губерній и округовъ.	Хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ.	Наличнаго хлѣба въ запасѣ.		Общественные капиталы.			
		Озимаго.	Яроваго.	На обезпеченіе народнаго продовольствія отъ общественной запашки.	Для благотворительныхъ заведеній.	Отъ овцеводства.	Отъ оброчныхъ статей.
		четверти.		рубли серебромъ.			
Таврической губ.							
Молочанскій менонитскій	40	4.551	726	—	142	—	—
„ колонистскій	23	2 869	725	—	1 840	9.750	11.012
Бердянскій колонистскій	4	337	273	—	21	237	26
Крымскій колонистск. (нѣм. и болг.)	7	399	4	—	356	—	303
Екатеринославской губ.							
Хортицкій менонитскій	17	4 026	497	—	47	9.846	—
Іозефтальскій (колонисты)	4	672	59	—	71	753	27 683
Маріупольскій (колонисты)	21	848	228	—	779	2.114	9 459
Херсонской губ.							
Шведскій (колонисты)	5	341	177	—	128	416	582
Либентальскій (колонисты)	9	205	264	1.837	1.645	20.905	755
Кучурганскій (колонисты)	1	362	112	1.514	792		424
Березанскій (колонисты)	9	295	528	—	1.410	15.339	2.000
Глюкстальскій (колонисты)	5	418	342	10	874	244	4.237
Парканскій (болгаро-греки)	2	871	380	32	408	312	2.578
Терновскій (болгаро-греки)	1	115	289	622	62	257	4 153
Буялыкскій (болгаро-греки)	3	353	1.202	—	820	371	220
Черниговской губ.							
Радичевскій менонитскій	1	171	—	—	—	—	136
Бессарабской области.							
Малоярославецкій (колонисты)	5	66	463	3 764	406	—	18.836
Клястицкій (колонисты)	8	82	273				
Саратскій (колонисты)	1	16	42	—	67	—	4.949
Шаба, швейцарцы	—	—	6	—	44	—	920
Измаильскій (болгары)	16	2.600	4 473	38.854	4 040	—	18.688
Верхнебуджакскій (болгары)	20	1.036	5.955				
Нижнебуджакскій (болгары)	23	780	4.525				
Кагуло-Прутскій (болгары)	19	1.146	5.634				
Итого	244	22.559	29.117	46.633	13.952	60.544	106.450

Изъ предъидущихъ таблицъ мы послѣдовательно познакомились съ состояніемъ хозяйства колоній. Эти данныя даютъ намъ основаніе предполагать значительную степень ихъ благосостоянія. Но дѣйствительность превзойдетъ наши самыя смѣлыя ожиданія. Стоитъ только для этого взглянуть въ вѣдомости VI на расходы и доходы колонистовъ въ 1841 г.

ВѢДОМОСТЬ VI.

Наименованіе губерній и округовъ.	Доходы колонистовъ за 1841 г.				Подлежитъ въ уплату податей и другихъ повинностей въ казну за 1841 г.	Затѣмъ чистаго въ 1841 г. получено колонистами дохода.	На каждую семью приходится.
	Отъ продажи хлѣба.	Отъ продажи скота, овецъ и волны.	Отъ продажи разныхъ продуктовъ.	Итого.			
	рубли серебромъ.				рубли серебромъ.		
Таврической губ.							
Молочанскій менонит. .	82.992	56.555	22.889	162.436	9.313	153.123	148,2
„ колонист. .	81.785	54.148	8.204	144.137	16.624	127.513	151,7
Бердянскій колонистск.	4.880	3.314	152	8.346	1.200	7.146	58,5
Крымскій колонистскій (нѣмцы и болг.) . .	7.235	2.755	4.887	14.877	8.007	6 870	14,0
Екатеринославской губ.							
Хортицкій менонитскій.	18.533	56.205	3.234	77.972	6.437	71.535	160,7
Іозефтальскій } колонисты.	1.890	3.841	379	6.110	3.241	2.869	21,6
Маріупольскій } колонисты.	27.851	22.129	6.797	56.777	9.439	47.338	62,3
Херсонской губ.							
Шведскій } колонисты.	650	7.950	1.152	9.752	2.697	7.055	31,8
Либентальскій } колонисты.	—	11.116	23.735	34.851	19.438	15.413	20,2
Кучурганскій } колонисты.	14.387	8.711	6.193	29.291	11.185	18.106	41,0
Березанскій } колонисты.	33.128	26.559	9.019	68.706	20.097	48.609	40,0
Глюкстальскій } колонисты.	5.683	8.674	3.472	17.829	11.396	6.433	13,6
Парканскій } болгаро-греки.	3.217	2.928	3.973	10.118	4.964	5.154	11,4
Терновскій } болгаро-греки.	2.360	2.836	6.498	11.694	2.011	9.683	56,6
Буялыкскій } болгаро-греки.	9.845	2.020	2.989	14.854	8.845	6.009	10,6
Черниговской губ.							
Радичевскій менонит. .	2.315	1.655	761	4.731	119	4.612	92,2
Бессарабской обл.							
Малоярославецкій } колонисты.	13.836	30.582	14.817	59.235	15.154	44.081	46,0
Клястицкій } колонисты.	—	16.932	4.975	21.907	17.036	4.871	4,4
Саратскій } колонисты.	11	1.650	1.313	2.974	1.949	1.025	4,5
Шаба, швейцарцы. . .	1.000	50	500	1.550	160	1.390	34,7
Измаильскій } болгары.	32.860	83.127	51.495	167.482	27.428	140.054	52,3
Верхнебуджакскій } болгары.	31.477	82.458	17.793	131.728	29.717	102.011	38,8
Нижнебуджакскій } болгары.	27.315	38.618	5.944	71.877	30.541	41.336	13,7
Кагуло-Прутскій } болгары.	2.287	13.185	28.808	44.280	22.132	22.148	9,0
Итого . .	405.537	537.998	229.979	1.173.514	279.130	894.384	43,5

Такимъ образомъ, всего колонистами чистаго доходу получено было въ 1841 г. 894.384 руб. Сравнивая эти цифровыя данныя съ вѣдомостью № 1-й, мы получимъ, что среднимъ числомъ каждая семья, получившая въ надѣленіе землю, имѣла 43 р. 50 к. сер. чистаго дохода въ годъ. Самымъ богатымъ оказался Хортицкій менонитскій округъ — 160 р. 70 к. на семью; затѣмъ слѣдуетъ округъ Молочанскій колонистскій — 151 р. 70 коп. и Молочанскій менонитскій — 148 р. 20 к.

Такое цвѣтущее состояніе колоній и столь значительное число очищающихся денегъ разъясняетъ намъ тотъ фактъ, что уже въ 1841 г. отдѣльные колонисты владѣли значительными частными имуществами.

Такъ, *Таврической губ. Молочанскаго менонитскаго округа*, Іоганъ Корнисъ владѣлъ 5.864 дес. земли; Мартенсъ— 33.691 дес.; Янсенъ — 3.318 дес.; Винцъ — 3.000 дес.; Шредеръ — 3.000 дес.; Петерсъ — 3.000 дес.; братья Классены — 1.300 дес.; Шмитъ — 362 дес.

Молочанскаго колонистскаго округа: Фейнъ—3.675 дес.; Денцеръ—3.000 дес ; Луковичъ—2.700 дес.; Шмитъ—1.000 десятинъ.

Крымскаго округа: Бицлеръ—340 дес.; Земенъ—353 дес.; Миллеръ — 353 дес.; Фаутъ — въ Судакской долинѣ — виноградный садъ.

Хортицкаго округа—менонитъ Классенъ — 500 дес.

Херсонской губерніи, Либентальскаго округа: Бритнеръ— 1.512 дес.; Березанскаго округа: Кернеръ — 1.000 дес.; Буялыкскаго округа: Камберъ — 333 дес.; Янчовъ — 1.000 дес.; Нестеровы—Степанъ, Нестеръ и Димо—450 дес.; Скарловъ— 150 дес.; Дмитрій Желечаки — 500 дес.; Иванъ Желечаки — 333 дес.; Скарло Дулокакій—333 дес.; Муякіевъ—1.000 дес.; Аргиръ Киріазовъ — 8.333 дес.; Петро Манжаръ — 83 дес.; Груль Ангелъ—500 дес.; Дмитрій-Иванъ — 348 дес.; Атаносовъ— 348 дес.; Ралевъ — 301 дес.; Михо Ралевъ—301 дес.

Бессарабской области, Верхнебуджакскаго округа, Іорданъ Койчо—1.500 дес.; Янакій Трубчо—2.000 дес. *Всего же вообще—77.933 десятины земли.*

Кромѣ того, имѣли къ тому времени въ Одессѣ собственные дома:

Вормскій колонистъ Шпрингеръ — въ 20 т. р.; гроссъ-ли-

*

бентальскіе колонисты: Зенценбахеръ — въ 22 т. р.; Зингейзенъ — въ 10 т. р.; Кехеле — въ 16 т. р.; Маухъ — въ 8 т. р.; Бартъ — въ 6 т. р. Клейнъ-либентальскіе колонисты: Крафтъ — въ 6 т. р.; Фулингеръ — въ 3 т. р.; люстдорфскій Кнапъ — въ 2 т. р.; ропбахскій Кнейзлеръ — въ 2 т. р.; нейбургскій Синнель — въ 40 т. р.; Фришъ — въ 5 т. р.; петерстальскій Шеленъ — въ 15 т. р.; кандельскій Андріанъ — въ 5 т. р.; маріентальскій Бахмаеръ — въ 8 т. р.; раштадскій Фридель — въ 12 т. р. *Всего 16 домовъ, цѣною въ 180 тысячъ рублей.*

Сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, насколько право было правительство, когда оно считало колонистовъ «до нѣкоторой степени устроившимися въ своемъ водвореніи». Имѣть 894.384 руб. чистаго дохода въ годъ, имѣть 190.946 р. общественнаго капитала и, кромѣ того, владѣть 77.933 десятинами земли въ частной собственности сверхъ отведенныхъ отъ казны 1.053.478 дес. и обладать въ Одессѣ недвижимыми имуществами на 180.000 руб. — все это, даже при средней разверсткѣ на 20.489 семействъ, даетъ весьма и весьма утѣшительную для *нѣмецкаго сердца* картину.

Мы взяли одинъ 1841 годъ; но мы не имѣемъ основанія предполагать, что онъ являлся бы счастливымъ исключеніемъ. Напротивъ, мы склонны думать, что благосостояніе колоній все возрастало.

Таково было положеніе колоній въ концѣ царствованія Императора Николая I. Не входя въ мелочи, мы познакомили читателя и съ общимъ характеромъ правительственныхъ мѣропріятій о колоніяхъ, вытекавшимъ изъ цвѣтущаго ихъ благосостоянія. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о явленіи, выходящемъ изъ ряда нормальныхъ фактовъ исторической жизни Россіи. Мы говоримъ о Крымской кампаніи.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы указывали на пассивную роль колонистовъ въ народной войнѣ 1812 года. Крымская кампанія, по своему экономическому значенію, едва-ли можетъ считаться меньшимъ бѣдствіемъ, чѣмъ нашествіе двунадесяти языковъ. Въ манифестѣ 29 января 1853 года о призваніи къ государственному ополченію говорится: «Призвавъ въ помощь Всевышняго, съ полнымъ упованіемъ на милость Его, съ полнымъ довѣріемъ къ любви нашихъ подданныхъ, единодушныхъ съ нами въ чувствѣ преданности къ вѣрѣ, къ церкви православной и къ любезному отечеству нашему, обращаемся

съ симъ новымъ воззваніемъ ко всѣмъ сословіямъ государства, повелѣвая приступить ко всеобщему государственному ополченію».

«Не разъ уже предстояли Россіи и постигали ее тягостныя, иногда жестокія, испытанія. Но ее спасали всегда смиренная вѣра въ Провидѣніе и тѣсная, ничѣмъ незыблемая, связь Царя съ его подданными. Да будетъ такъ и нынѣ: да поможетъ намъ читающій въ сердцахъ, благословляющій чистыя намѣренія, Богъ».

Какъ же откликнулись наши колонисты на этотъ возвышенный и умилительный въ своемъ смиреніи призывъ своего великаго Государя?

У насъ есть подъ руками перечень пожертвованій колонистовъ, столь обязанныхъ Россіи своей зажиточностью. Они далеко не служатъ краснорѣчивой страницей въ исторіи колоній. Отъ своихъ богатствъ они отдѣляли мало и по принужденію. И въ войнѣ еще не участвовали германскія войска. Стоитъ только себѣ представить, что бы въ такомъ случаѣ было...

Въ особенности значеніе ихъ пожертвованій выразится, если мы посмотримъ, что жертвовали бѣдные государственные крестьяне тѣхъ же губерній, т. е. Таврической, Херсонской, Бессарабской, Екатеринославской, Самарской и Саратовской.

Кромѣ того, крестьяне жертвовали жизнью, участвуя во всеобщемъ государственномъ ополченіи; колонисты же формально отказались отъ всякаго въ немъ участія[1]). Религія ихъ, говорили они, запрещала имъ состоять на военной службѣ. Но, во-первыхъ, не всѣмъ колонистамъ было это воспрещено ихъ религіей и, наконецъ, тѣ, кому это было запрещено, не могли развѣ поступать въ санитары, въ обозные, въ рабочіе при арміи? Религія не запрещала же имъ облегчать страданія тѣхъ, кто проливалъ свою кровь, защищая землю, на которой они жили, защищая ихъ дома и ихъ достояніе. Но они не сдѣлали ничего подобнаго; они дали ничтожнѣйшую часть своего годоваго дохода и затѣмъ сочли, что исполнили свой долгъ къ пріютившему ихъ отечеству.

Укажемъ еще на одно обстоятельство.

Крымская кампанія тяжелымъ бременемъ легла на экономическій строй нашего отечества, сильно истощены были фи-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 28.993.

нансовыя и производительныя силы Россіи. Но въ годину этого экономическаго бѣдствія богатѣли одни только колонисты, они строили свое настоящее благосостояніе, эксплоатируя въ свою пользу стѣсненное положеніе Россіи.

Однимъ изъ общепризнаваемыхъ бѣдствій Севастопольской войны считается неустройство продовольственной части арміи. Приходилось питаться на счетъ ближайшихъ окрестностей, причемъ цѣны на хлѣбъ, зелень и рогатый скотъ скоро достигли невозможныхъ, гигантскихъ размѣровъ. Кто же пожалъ плоды этого стѣснительнаго положенія русской арміи? Въ чьи карманы полились эти громадныя денежныя суммы? Можно смѣло сказать, что Крымская кампанія, поставивъ на край экономическаго банкротства всю Россію, оказалась выгодной колонистамъ, которые, не рискуя ни жизнью, ни имуществомъ, спокойно пожинали плоды того, чего не сѣяли.

Въ предъидущемъ изложеніи, приравнивая нашихъ колонистовъ къ иностранцамъ, мы поставили вопросъ: можемъ ли мы на нихъ надѣяться въ моменты напряженія силъ народныхъ и народныхъ бѣдствій? Теперь мы указали на два такіе момента нашей исторіи и надѣемся, что изложеннаго достаточно, чтобы доказать, какъ далеко стояли всегда наши колонисты отъ истинныхъ нуждъ Россіи, какъ равнодушно относились они къ тѣмъ народнымъ бѣдствіямъ, на которыя откликались и, какъ одинъ человѣкъ, подымались всѣ тѣ, кому дорога была Россія, въ чьемъ сердцѣ живымъ ключемъ била любовь къ ней. Но этой любви мы напрасно стали бы искать у поселянъ-собственниковъ бывшихъ колонистовъ. Они навсегда останутся чуждыми Россіи, и истинно-русское сердце не признаетъ ихъ своими, не допуститъ этихъ чужаковъ во святая святыхъ народной жизни.

Если—чего не дай Богъ—новыя усложненія событій приведутъ насъ въ столкновеніе съ ихъ соотечественниками, нельзя не усмотрѣть необходимости крайней осторожности отношенія къ нашимъ нѣмецкимъ колонистамъ.

Часть II.

Положеніе нѣмецкихъ колоній въ настоящее время.

ГЛАВА I.

Экономическія условія жизни, и права нашихъ южныхъ колонистовъ.

Въ настоящей главѣ мы постараемся дать цифровую картину экономическихъ условій жизни въ колоніяхъ юга и затѣмъ перейдемъ къ тѣмъ правамъ, которыми пользуются поселяне-собственники, бывшіе колонисты въ настоящее время.

Прежде всего сдѣлаемъ перечень существующихъ въ настоящее время нѣмецкихъ колоній въ четырехъ южныхъ губерніяхъ Россіи съ показаніемъ числа жителей и количества владѣемой ими земли [1]).

Въ Бессарабской губ.

Колоніи: Альтъ-Арцизъ, Ней-Арцизъ, Фриденсталь Бріенне, Шабагъ, Шабалатъ, хуторъ Шабалатъ-Кадаетшее, Ней-Сергіевка, Щебанбунахъ, Которша, Ейгенфельдтъ, Гнаденфельдтъ, Фриденсфельдтъ, Ейгенгеймъ, Сейменталь, Чемчелле, Даніелсфельдтъ, Клостицъ, Гофнунгсталь, Бородино, Лейпцигъ, Березина, Фриденсфельдтъ, Шага, Тамурка, Челегидеръ, Кантомиръ, Петерсталь, Якобсталь, Красна, Эмменталь, Кульмъ, Малоярославецъ 1-й, Малоярославецъ 2-й, Кацбахъ, Парижъ,

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія извлечены изъ данныхъ земской статистики, отчетовъ уѣздныхъ управъ, лично собранныхъ матеріаловъ и иныхъ безусловно достовѣрныхъ источниковъ.

Сарата-Гнаденталь, Лихтенталь, Тарутино, Постталь, Бенкендорфъ, Розенфельдъ, Мансбургъ, Софіенталь, Ней-Фаль, Теплицъ, Плоцкъ, Гофнунгсфельдтъ, Охгенталь, Маріенфельдъ, Фрейденфельдтъ, Іозефсдорфъ, Машильдендорфъ, Гофнунгсдорфъ, Ейнсбургсдорфъ, Персіановка, Алексѣевка, Ананіинская, Ней-Виттенбергъ, Албота, Ней-Тепмецъ, Марасліенфельдъ.

Итого шестьдесятъ семь нѣмецкихъ колоній.

Въ нихъ населенія 59.229 душъ.
Въ ихъ владѣніи земли 309.374 десятинъ.

Въ Херсонской губерніи.

Колоніи: Александерфельдтъ, Гофнунгсбургъ, Себастіансфельдъ, Красна, Вильгельмсталь, Альтъ-Шведендорфъ, Клостердорфъ, Мюльгаузендорфъ, Шлангендорфъ, Фрейденталь, Глюксталь, Нейдорфъ, Бергдорфъ, Клейнъ-Бергдорфъ, Кронталь, Кобюла, Краконатъ, Бриндза, Еленовка, Клейнъ-Нейдорфъ, Маріенбергъ, Софіенталь, Фриденсталь, Гроссъ-Либенталь, Клейнъ-Либенталь, Александергильфъ, Нейбургъ, Маріенталь, Іозефсталь, Петерсталь-Францфельдъ, Люстдорфъ, Гульдендорфъ, Гофнунгсталь, Гофнугсфельдъ, Ейгенфельдъ, Бердина, Адамовка, Махновка, Берлинъ, Ней-Березина, Ней-Глюксталь, Сельцъ, Кандель-Страсбургъ, Баденъ, Ландау, Шпейеръ, Катаринен таль, Карльсруэ, Сулцъ, Іоганнесталь, Ватерло, Фельзенбургъ, Каменка, Хрестина, Гальбштадтъ, Штейнбергъ, Шенфельдъ, Луизендорфъ, Леонополь, Рошковата, Ней-Карльсруэ, Ней-Ландау, Фридендорфъ, Ейгенгутъ, Александровка, Мангеймъ, Эльзасъ, Георгенталь, Іоганнесталь, Эксарова-Рудова, Кассель, Ней-Блументаль, Ней-Фрейденталь, Гелененталь, Ней-Баденъ, Александрополь, Гнаденфельдъ, Іоганнисфельдъ, Ней-Рорбахъ, Нейзацъ, Блуменфельдъ, Ейгенфельдъ, Ней-Лустдорфъ, Александерфельдъ, Ней-Шензэ, Фриденсфельдъ, Ней-Гальбштадтъ, Николайфельдъ, Орловъ, Блуменортъ, Тиге, Альтонау, Розенортъ, Мюнстербергъ, Гнаденфельдъ, Шёнау, Штейнъ-Фельдъ, Николайдорфъ, Рейнъ-фельдъ, Александеркроне, Раштадтъ, Мюнхенъ, Нейконстантиндорфъ, Розенфельдъ, Александерфельдъ, Ней-Кандель, Ней-Эльзасъ, Ней-Либенталь, Фриденфельдъ, Беллергаузенъ, Берхъ, Ротъ, Шенфельдъ, Ней-Кассель, Паульсталь, Рорбахъ, Вормсъ, Ней-Данцигъ, Гутъ-Стейнгутъ, Альтъ-Данцигъ, Кронау, Ейгенталь, Шёнталь,

Ейгенфельдъ, Мангеймъ, Ландау, Ебенфельдъ, Фюрстенталь, Фюрстенфельдъ, Николайталь, Катариненталь, Маріенгеймъ, Нейкроненталь, Клейнфельдъ, Маріенфельдъ, Николайталь.

Итого 139 нѣмецкихъ колоній.

Въ нихъ населенія—104.570 душъ.
Въ ихъ владѣніи земли—865.734 десятины.

Въ Таврической губерніи.

Колоніи: Эйгенфельдъ, Кайзерталь, Дармштадтъ, Маріенфельдъ, Александерфельдъ, Чехоградъ, Гнаденфельдъ, Контеніусфельдъ, Шпаррау, Руднервейде, Гросвейде, Францталь, Паства, Маріенталь, Порденау, Шпардау, Александерталь, Елизабетталь, Штейнфельдъ, Прангенау, Фринденсру, Паульсгеймъ, Маріаволь, Николайдорфъ, Гнаденталь, Маргенау, Фриденсдорфъ, Ландскроне, Гиршау, Вальдгеймъ, Гамбергъ, Клиппенфельдъ, Гальбштадтъ, Ней-Гальбштадтъ, Мунтау-Тигенгагенъ, Шёнау, Фишау, Линденау, Лихтенау, Блумстейнъ, Мюнстербергъ, Альтонау, Орловъ, Тиге, Блуменортъ, Розенортъ, Клеефельдъ, Александеркроне, Лихтфельдъ, Нейкирхе-Тигервейде, Рюкенау, Фюрстенвердеръ, Александерволь, Гнаденгеймъ, Вернерсдорфъ, Либенау, Шёнзэ, Фабрикервизе, Фюрстенау, Ладекопфъ, Петерсгагенъ, Кроненталь, Маріафельдъ, Ней-Кронъ, Ней-Карльсруэ, Ней-Гофнунгъ, Розенфельдъ, Ней-Гофнунгсталь, Ней-Штутгартъ, Нейзацъ, Фриденталь, Розенталь, Калмукарра, Алатаи, Кентугаи, Пришибъ, Гоффенталь, Альтъ-Нассау, Вейнау, Дурлахъ, Карльсруэ, Кронсфельдъ, Николайфельдъ, Маріагеймъ, Александергеймъ, Рейхенфельдъ, Костгеймъ, Лейтерсгаузенъ, Вассерау, Ней-Нассау, Гохштадтъ, Фридрихсфельдъ, Розенталь, Ней-Монталь, Грюнталь, Андребургъ, Гейдельбергъ, Гохгеймъ, Блументаль, Тифенбрунъ, Вальдорфъ, Альтъ-Монталь, Гернгильфъ, Цюрихталь, Гейльбрунъ, Фриденфельдъ, Нейдорфъ, Нейгофнунгъ, Аккобекъ, Конгратъ, Фрейденталь, Александерталь, Итшки, Ней-Гофнунгсталь, Розенфельдъ, Либенталь, Кенегесъ, Баракъ, Зибенбрунненъ, Семисотъ, Судакъ, Ейгенфельдъ, Грюненталь, Блументаль, Шенфельдъ, Анненфельдъ, Шенбрунъ, Гофнунгсталь, Людвигсталь, Гохгеймъ, Гебронъ, Нейфельдъ, Іоганесталь, Карльсруэ, Таршенъ-Зейтлеръ, Георгсталь, Ольгафельдъ, Михаельсбургъ, Розенбахъ, Александерталь, Сергѣевка.

Итого сто сорокъ нѣмецкихъ колоній.

Въ нихъ населенія 71.650 душъ.

Въ ихъ владѣніи земли 921.648 десятинъ.

Въ Екатеринославской губерніи.

Колоніи: Хортица, Розенталь, Розенгартъ, Бурвальде, Блуменгартъ, Нидеръ-Хортицъ, Инзель-Хортицъ, Ейнлаге, Кронсвейде, Нейенбургъ, Нейендорфъ, Нейгорстъ, Шенгорстъ, Кронсталь, Ней-Остервикъ, Шененбергъ, Штенау, Блуменфельдъ, Гофнунсортъ, Гергартсталь, Гнаденталь, Ней-Хортицъ, Грюнфельдъ, Штейнфельдъ, Катариновка, Милоградовка, Грюнфельдъ, Ебенфельдъ, Ней-Шенвизе, Грюнгофнунгсталь, Ейгенфельдъ, Андреасфельдъ, Шенвизе, Катариновка, Розенгофъ, Константиновка, Нью-Іоркъ, Кронштадтъ, Фриденфельдъ, Фриденталь, Зильберталь, Розенфельдъ, Георгсталь, Штейнбахъ, Ейгенталь, Фриденсру, Александеркронъ, Грунау, Кронсдорфъ, Тигенгофъ, Киршвальдъ, Розенгартъ, Шенгаумъ, Беллавежь, Кальчиновка, Ней-Ямбургъ, Гросвердеръ, Клейнвердеръ, Рундевизе, Розенбергъ, Викерау, Рейхенбергъ, Блуменфельдъ, Бергталь, Шенфельдъ, Шенталь, Гейбуденъ, Лунзенталь, Ямбургъ, Екатерингофъ, Маріенфельдъ Людвигсталь, Тигенортъ, Тиргартъ, Елизабетдорфъ, Дармштадтъ, Маріенфельдъ, Ейхвальдъ, Нейгофъ, Мирау, Кампенау, Готландъ, Кайзердорфъ, Рейнфельдъ, Ейгенфельдъ, Нейгеймъ, Александерфельдъ, Маріенталь, Николайфельдъ, Францфельдъ, Адельсгеймъ, Ейхенфельдъ, Ней-Гохфельдъ, Петерсдорфъ, Рейнфельдъ, Шенфельдъ, Блуменфельдъ, Розенгофъ, Зильберфельдъ, Блуменгеймъ, Кронбергъ, Іозефсталь, Рибальскъ, Биллерсфельдъ, Кронсгартенъ, Эттингерфельдъ, Николайталь, Шендорфъ, Гейбоденъ, Блуменгофъ, Ебенфельдъ, Розенфельдъ, Фельзенбахъ, Ейденгрундъ, Ней-Гохштадъ, Ней-Анлаге, Александерталь, Фриденсфельдъ, Визенфельдъ, Блуменгофъ, Клейнфельдъ, Маріенталь, Маріенфельдъ.

Итого сто тридцать четыре колоніи.

Въ нихъ населенія 64.354 души.

Во владѣніи у нихъ земли 542.860 десятинъ.

Въ области войска Донскаго.

Колоніи: Остгеймъ, Корнталь, Грюнталь, Маріенталь, Вассеррейхъ, Александерталь, Прицфельдъ, Ней-Корнталь, Сон-

сова (Александровской волости), Розенфельдъ (Канковской волости), Гнаденфельдъ, Гоффенталь (Өедоровской волости).

Итого 12 нѣмецкихъ колоній. Въ нихъ населенія 3.338 душъ. Въ ихъ владѣніи земли 52.454 десятины.

Въ Ставропольской губерніи.

Колоніи: Шагинско-Нѣмецкій, Шагинско-Эстонскій, Мартинсфельдъ, Темпельгофъ.

Итого четыре нѣмецкихъ колоніи. Въ нихъ населенія 2.458 душъ. Въ ихъ владѣніи земли 20.250 десятинъ.

Въ Кубанской области.

Колоніи: Ейгенфельдъ, Розенфельдъ, Александерфельдъ, Вольдемфюрстъ, Александерталь, Маркозофсталь, Наталино, Лиліенфельдъ, Ейгенгеймъ, Гнадау.

Итого 11 Нѣмецкихъ колоній.

Въ нихъ населенія 4.263 души.

Въ ихъ владѣніи земли до 40.000 десятинъ (точная цифра намъ неизвѣстна).

Въ Терской области.

Колоніи: Орбеліановка, Гнадерфельдъ. Въ нихъ населенія 480 душъ. Въ ихъ владѣніи земли до 3.000 десятинъ (точная цифра намъ неизвѣстна).

Сведемъ же теперь изложенныя данныя въ одну общую таблицу:

Наименованіе губерніи или области.	Число нѣмецкихъ колоній.	Число населенія въ этихъ колоніяхъ.	Въ ихъ владѣніи состоитъ въ настоящее время десятинъ земли.
Бессарабская губернія	67	59.229	309.374
Херсонская »	139	104.570	865.734
Таврическая »	144	71.650	921.648
Екатеринославская губернія .	134	64.354	542.860
Область войска Донскаго . .	12	3.338	52.454
Ставропольская губернія . . .	4	2.458	20.250
Кубанская область.	11	4.263	40.000
Терская »	2	480	3.000
Итого . . .	513	310.342	2.755.220

Такимъ образомъ, всего на нашемъ югѣ 513 Нѣмецкихъ колоній, съ населеніемъ въ 310.342 души, и онѣ владѣютъ 2.755.320 десятинами земли. Мы имѣли уже случай упоминать, какая внушительная цифра получается, если къ этимъ 3 милліонамъ десятинъ земли прибавить 1.300.000 десятинъ земли приволжскихъ колоній, 600 т. десятинъ колоній юго-западныхъ и 2 милліона десятинъ земли, владѣемой колонистами на правѣ частной собственности или долгосрочной аренды.

Зажиточность, мало того, богатство нашихъ южныхъ колоній, какъ класса земледѣльческаго, вырисовываются съ достаточною полнотой и изъ вышеизложенныхъ цифровыхъ данныхъ.

Но для того, чтобы дать нашимъ читателямъ еще болѣе полную картину ихъ благосостоянія, мы приведемъ цифровыя данныя, опредѣляющія, въ какой суммѣ застраховано движимое имущество колонистовъ.

Здѣсь необходимо, однако, сказать нѣсколько словъ относительно своеобразнаго способа страхованія, существующаго въ Нѣмецкихъ колоніяхъ.

Во всѣхъ Нѣмецкихъ колоніяхъ существуетъ взаимное отъ огня страхованіе, выработанное и санкціонированное министрами государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, 14 іюня 1867 г. Эти правила введены въ дѣйствіе въ южныхъ колоніяхъ съ 1 января 1868 года. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Каждая колонистская волость (для страхованія могутъ, по желанію, соединяться и нѣсколько волостей) составляетъ особое страховое отъ огня общество. Веденіе въ ней дѣла страхованія, подъ наблюденіемъ и руководствомъ волостнаго правленія, поручается двумъ волостнымъ пожарнымъ старшинамъ; въ каждомъ же селеніи назначается одинъ или болѣе пожарныхъ старостъ; всѣ эти старосты избираются на три года (§§ 1, 2, 9, 10, 11).

2) Страхованіе частныхъ строеній и общественныхъ зданій, состоящихъ въ предѣлахъ страховаго общества — обязательно; всѣ эти строенія вносятся съ обозначеніемъ стоимости по страховой оцѣнкѣ, которая производится по каждому сельскому обществу, подъ руководствомъ сельскаго старосты, мѣстными пожарными старостами и шестью выборными отъ общества цѣновщиками. Показанія ихъ, кратко, ясно и точно, съ обозначеніемъ оцѣночной суммы, записываются въ ипотечную книгу,

въ подлежащей статьѣ и скрѣпляются подписомъ цѣновщиковъ, владѣльца имущества, пожарнаго и сельскаго старосты. Выписка изъ ипотечной книги выдается каждому владѣльцу застрахованнаго имущества. Оцѣнка эта возобновляется каждыя пять или десять лѣтъ, по желанію общества, кромѣ того, владѣлецъ имущества имѣетъ право о желаемыхъ имъ перемѣнахъ въ цѣнности застрахованнаго имущества заявлять сельскому и пожарному старостамъ, которые, удостовѣрившись въ основательности его ходатайства, дѣлаютъ соотвѣтственное измѣненіе въ ипотечной книгѣ (§§ 4, 5, 6, 7, 13).

3) Немедленно послѣ каждаго пожара приводятся въ извѣстность причины его и происшедшій вредъ, и погорѣльцу, если только не было поджога, выплачивается, по распоряженію волостнаго правленія обще съ пожарными волостными старостами, полностью та сумма, въ которую было застраховано его имущество. Подлежащія къ выдачѣ суммы вознагражденія за пожарные убытки *взыскиваются по пропорціональной раскладкѣ ихъ на все не подвергшееся пожару страховое имущество общества* въ той стоимости, въ какой это имущество застраховано въ день пожара, по ипотечнымъ книгамъ (§§ 15, 17, 18, 19).

4) Всѣ, могущіе возникнуть между колонистами, по взаимному страхованію, споры и недоразумѣнія, для разрѣшенія которыхъ изложенныя правила окажутся недостаточными, разбираются и рѣшаются третейскимъ судомъ, по совѣсти и окончательно.

Такова сущность правилъ взаимнаго страхованія, и по настоящій день дѣйствующихъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Жизненный нервъ ихъ заключается, съ одной стороны, въ обязательности страхованія, съ другой же стороны—въ отсутствіи платежа какихъ бы то ни было ежегодныхъ страховыхъ премій. Такъ, напримѣръ, къ 14-му іюня, положимъ, все имущество колоній, составляющихъ одно взаимное страховое общество, оцѣнено по ипотечнымъ книгамъ въ 4.384.236 рублей; въ этомъ числѣ имущество колониста А. застраховано въ 2.125 р.; имущество колониста В. въ 1.780 р. и имущество колониста С. въ 3.100 руб. 14-го іюня случается пожаръ и погораетъ, предположимъ, колонистъ В.—посмотримъ теперь, какъ отзовется этотъ пожаръ на колонистахъ А. и С.

Все имущество общества застраховано въ 4.384.236 р.—

убытокъ равняется 1.780 рублямъ, такимъ образомъ, на *каждый рубль* непогорѣвшаго имущества, т. е. на 4.382.456 (4.384.236—1.780) падаетъ по 0,004 копѣйки, и такимъ образомъ колонистъ А. съ своихъ 2.125 р. долженъ будетъ заплатить—85 коп., а колонистъ С. съ 3.100 р.—1 р. 21 к.

Выгоды такого порядка вещей явствуютъ сами собой.

Съ одной стороны, при правильности расположенія колоній, каменныхъ постройкахъ, массѣ зелени и хорошихъ пожарныхъ инструментахъ, — пожары являются единичными случаями, и посему страховой процентъ, не составляя постояннаго сбора, опредѣляется и взыскивается только въ случаѣ и по мѣрѣ представившейся дѣйствительной потребности вознаградить погорѣльцевъ и, слѣдовательно, не является излишнимъ бременемъ для участниковъ страхованія, ни извлеченіемъ изъ населенія болѣе или менѣе непроизводительныхъ капиталовъ; въ то же время погорѣльцы получаютъ немедленную и полную помощь.

Мы остановились на этихъ правилахъ для того, чтобы еще разъ иллюстрировать всю заботу и попеченіе правительства о нашихъ нѣмцахъ-колонистахъ. Эти страховыя правила, разработанныя съ такимъ тщаніемъ совмѣстно министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, являются однимъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ институтовъ для сельскаго состоянія. Но, вѣроятно, въ силу именно своей крайней практичности ихъ нашли возможнымъ распространить только на нѣмецкія колоніи. Русское населеніе (казенные крестьяне) не были признаны достойными пользоваться ими. На нихъ были распространены другія правила, гораздо болѣе тяжелыя и несравненно менѣе практичныя. Обратимся же теперь къ этимъ ипотечнымъ книгамъ для того, чтобы выяснить все имущественное благосостояніе колонистовъ.

Возьмемъ для примѣра Екатеринославскую губернію, какъ наиболѣе типичную, и сдѣлаемъ маленькую сводную таблицу.

Наименованіе уѣзда.	Наименованіе волости.	Число колоній въ волости.	Въ какую сумму застраховано движимое имущество колоній (въ рубляхъ)
Екатеринославскій.	Хортицкая.	17	4.384.236
	Николайтальская. . . .	10	923.008
	Ямбургская	3	180.610
	Николайфельд кая . . .	5	952.143
	Лошкаревская	2	69.475

Наименованіе уѣзда.	Наименованіе волости.	Число колоній въ волости.	Въ какую сумму застраховано движимое имущество колоній (въ рубляхъ).
Верхнеднѣпровскій.	Тертовская.	2	195.082
	Марьяновская	2	148.995
	Гуляйпольская	2	75.000
Новомосковскій . .	Іозефстальская.	4	756.792
	Хорошевская.	1	131.109
Павлоградскій . .	Петропавловская	1	25.525
	Михайловская	8 (хутора)	35.850
	Булаховская	3	56.889
Бахмутскій	Голицыновская	10	176.836
Александровскій. .	Петровская	1	210.925
	Натальевская	12 (хутора)	367 964
	Бѣлогорьевская.	2	95.061
	Фриденфельдская	8	525.885
	Шенфельдская	7	1.232.775
	Заливнянская	7	515.777
	Екатериновская	3	281.209
	Григорьевская	1	146.203
	Михайловская	4	132.801
Маріупольскій. . .	Бергтальская	4	222.227
	Грунауская.	16	1.126.298
	Времьевская	1	85.956
	Людвигстальская	14	1.473.039
Итого по губерніи		126 колоній (20 хуторовъ)	14.617.670

Теперь, если мы раздѣлимъ полученную сумму на общее число хуторовъ и колоній, мы получимъ, что среднимъ числомъ на каждую придется по 97.450 рублей съ копѣйками. Если же полученную среднюю помножить на общее число колоній на нашемъ югѣ,—а это мы можемъ сдѣлать, потому что, при одинаковости внѣшнихъ условій жизни всѣхъ колоній юга, полученная для Екатеринославской губерніи средняя величина приложима и къ остальнымъ губерніямъ,—мы получимъ, что все движимое имущество южныхъ колоній можетъ быть оцѣнено въ 49.991.850 рублей. Принимая же цѣнность владѣемой ими земли по 126 рублей десятина (очень низкая оцѣнка, потому что всѣ колоніи расположены на глинистомъ или на чистомъ черноземѣ), мы получимъ, что имущественная оцѣнка 513 нѣмецкихъ колоній юга выразится въ слѣдующихъ цифровыхъ величинахъ:

Цѣнность владѣемой ими земли . . = 357.377.675 р.
Движимое имущество застраховано . = 49.991.850 »

Итого ихъ имущественное благосост. = 407.369.525 р.

Мы имѣли уже случай упоминать о состояніи ихъ хозяйства еще въ 1848 году. Съ этого времени оно, конечно, только улучшилось, поэтому мы не будемъ возвращаться къ этому вопросу, а ограничимся только тѣмъ, что приведемъ для примѣра хозяйственную таблицу по Пришибской и Ейгенфельдской волостямъ, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губерніи.

Хозяйственная таблица 34 колоній Пришибской и Ейгенфельдской волостей, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губ.

Разряды колонистовъ по размѣрамъ надѣльной земли.	Число дворовъ.	Наличное населеніе.	Скотоводство.			Посѣвъ, число засѣянныхъ десятинъ.	Число дворовъ съ пахотными орудіями.	Число плуговъ и скоропалокъ.
			Рабочаго скота (лошадей).	Коровъ и гулеваго.	Молкаго.			
Безнадѣльные и владѣющіе менѣе 20 десятинъ	524	2742	855	922	1393	4031	140	177
Владѣющіе отъ 20 — 40 десятинъ. . .	221	1178	10 8	673	1360	5554	185	269
Владѣющіе отъ 40 — 80 десятинъ. . .	851	6149	66[illegible]0	4538	10764	37844	847	1703
Владѣющіе отъ 80— 160 десятинъ . .	140	1200	1848	1034	8617	10546	137	448
Владѣющіе свыше 160 десятинъ . .	15	147	275	192	716	1639	15	68
Итого . .	1751	11416	10696	7259	22850	59615	1304	2666

При разсмотрѣніи этой таблицы, необходимо обратить еще вниманіе на слѣдующее обстоятельство, не приведенное въ ней. Въ группѣ первой колонистовъ, безземельныхъ и владѣющихъ ниже 20 десятинъ, число безнадѣльныхъ, т. е. тѣхъ, которые по существующимъ въ Нѣмецкихъ колоніяхъ порядкамъ землевладѣнія не получили земли, выразится слѣдующими

цифрами: число такихъ семей 361; количество душъ въ нихъ 1.841; въ числѣ этихъ 361-го семейства—193 вовсе не имѣютъ скота, 117 не засѣваютъ ни одной десятины, и 305 не имѣютъ даже никакихъ пахотныхъ орудій.

Наряду съ этимъ дворъ-хозяйство средняго колониста-собственника опредѣлится въ своей экономической силѣ слѣдующими цифровыми данными.

На одинъ средній (принимая за низшую норму 20-ти-десятинное хозяйство) колонистскій дворъ на югѣ приходится:

Населенія.	$7^1/_{10}$	душъ обоего пола.
Рабочаго скота (лошадей) . .	6	штукъ
Коровъ и гулеваго	$5^2/_{10}$	»
Мелкаго	19	»
Засѣваемыхъ десятинъ. . .	$45^3/_{10}$	десятины.
Число плуговъ и скоропашекъ.	2	на хозяйство.

Такимъ образомъ, картина средняго колонистскаго хозяйства можетъ быть признана безусловно очень высокой, и мы полагаемъ, что приведенными цифрами мы устраняемъ возраженіе о пристрастности нашей точки зрѣнія по отношенію къ колонистскому хозяйству на югѣ вообще.

Но кромѣ количества земли, кромѣ цѣнности движимаго имущества и интенсивной силы хозяйства въ экономическомъ строѣ жизни южныхъ колоній есть еще одинъ элементъ, придающій имъ громадную силу: это именно количество и обиліе ихъ мірскихъ капиталовъ и другихъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи Нѣмецкихъ волостей. Возьмемъ для примѣра общія мірскія суммы нѣмецкихъ колоній по Екатеринославской губерніи:

По Екатеринославскому уѣзду. . .	340.426 р.
По Маріупольскому уѣзду	74.669 »
По Новомосковскому уѣзду. . . .	7.452 »

Кромѣ того въ распоряженіи волостей находятся сиротскіе капиталы, которые по существующимъ у колонистовъ обычаямъ обязательно вносятся въ особо учрежденныя сиротскія кассы. О величинѣ этихъ капиталовъ можно судить потому, что въ Хортицкой, напримѣръ, волости сумма вкладовъ къ 1 мая 1888 года достигла 1.235.854 р. 80 коп., въ Гальбштад-

ской вол.—390.563 р. 20 к.; также значительны они и въ другихъ.

Наконецъ, правительство въ неустанной заботливости своей поднять уровень колонистскаго хозяйства дало колоніямъ фондъ, изъ котораго впослѣдствіи образовались очень значительныя суммы. Мы говоримъ о такъ называемыхъ овчаренныхъ участкахъ.

Какъ мы имѣли уже случай говорить, особые существующіе въ Нѣмецкихъ колоніяхъ порядки наслѣдованія вели къ образованію класса безземельныхъ, своего рода нѣмецкаго пролетаріата.

Уже законъ 19 марта 1764 года предусматривалъ эти послѣдствія лично-общинной системы и для противодѣйствія несоразмѣрному увеличенію числа безземельныхъ установилъ прирѣзку къ каждой колоніи «пустыхъ дворовыхъ и иногородныхъ мѣстъ... для будущихъ дѣтей, дабы оныя, придя въ возрастъ и женясь, сами хозяевами быть могли». Точно также и законодательство 1801—1803 года предписывало прибавлять къ устраивающимся колоніямъ болѣе или менѣе значительные участки запасныхъ земель «на прибылое населеніе».

Но и этого оказалось недостаточно, и тогда въ 1867 году министерствомъ государственныхъ имуществъ было предписано обратить имѣющіяся при колоніяхъ овчаренные участки въ основной фондъ, на доходы съ котораго постоянно должны были покупаться земли для безземельныхъ. Этихъ земельныхъ фондовъ въ 1867 состояло:

Херсонской губ.:		
Либентальскій округъ	980	десят.
Кучургамскій »	500	»
Березанскій »	1.300	»
Глюкстальскій »	500	»
Екатеринославск. губ.:		
Хортицкій округъ	2.908	»
Маріупольскій	3.499	»
Таврической губ.:		
Бердянскій округъ	1.000	десят.
Молочанскій (менонитскій)	7.897	»
Молочанскій (колонистскій)	6.396	»

На доходы съ этихъ земель безземельные, по духу закона, должны были получать отводы участковъ *безвозмездно*, но на

дѣлѣ вышло иначе. Для иллюстраціи приведемъ образчикъ распоряженія этими суммами въ Пришибской волости Мелитопольскаго уѣзда. Мы приведемъ полностью отчетъ объ этомъ самого волостнаго правленія отъ 10 марта 1885 года.

«Въ Мелитопольское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Въ исполненіе предписанія уѣзднаго присутствія отъ 23 февраля с. г. за № 381, основаннаго на предписаніи господина таврическаго губернатора отъ 20 февраля за № 182, волостное правленіе, съ возвращеніемъ подлинной этой переписки, имѣетъ честь представить при семъ слѣдующія по вопросамъ свѣдѣнія:

1) Наличный капиталъ, образовавшійся изъ доходовъ съ 6.505 дес. 212 саж. земли овчареннаго участка, составляющей оброчную статью сельскихъ обществъ Пришибской и Эйгенфельдской волостей, для покупки земли безземельнымъ,—составляетъ по настоящій день 62.560 руб. 66 коп. Изъ этого наличнаго капитала въ февралѣ мѣсяцѣ сего года внесено въ Екатеринославское отдѣленіе Государственнаго банка 56.000 руб. для пріобрѣтенія 5% бумагъ для погашенія оными оброчной подати, исчисленной по владѣннымъ записямъ въ размѣрѣ ежегодно по 2.800 р. 68 коп., на основаніи приговора Пришибскаго волостнаго схода обще съ выборными Эйгенфельдской волости отъ 3 ноября 1884 года за № 21.

2) Весь капиталъ, выручаемый изъ доходовъ съ упомянутаго овчареннаго участка, сохраняется въ желѣзной кассѣ Пришибскаго волостнаго правленія, которое и завѣдываетъ имъ порядкомъ, указаннымъ въ пункѣ *г* 4 статьи Высочайше утвержденныхъ 4 (16) іюля 1871 года правилъ объ устройствѣ поселянъ-собственниковъ (бывшихъ колонистовъ). Для записыванія прихода и расхода этихъ суммъ, ведется особая шнуровая книга; кромѣ того ведутся необходимыя вспомогательныя книги и счеты, касающіеся управленія овчареннымъ участкомъ и устройства безземельныхъ поселянъ, и всѣмъ вообще операціямъ производятся ежегодно учеты и повѣрки чрезъ особыхъ избираемыхъ волостнымъ сходомъ довѣренныхъ счетчиковъ, каковые учеты, по разсмотрѣніи, утверждаются ежегодно волостнымъ сходомъ.

3) Овчаренный участокъ въ 6.505 дес. 212 саж., разбитый на 5-ти-десятинные участки (клѣтки), отдается ежегодно осенью съ торговъ желающимъ въ оброкъ подъ посѣвы хлѣбовъ на

одинъ урожай, согласно кондиціямъ, установляемымъ волостнымъ сходомъ; доходы съ него посему бываютъ неодинаковы въ каждомъ году: въ прежніе годы выручалось отъ 30.000 до 45.000 руб. ежегодно, а въ текущемъ году выручено 53.618 руб. 48 коп. Изъ ежегодныхъ такихъ доходовъ обращаются ежегодно же въ расходъ слѣдующія суммы:

а) на уплату оброчной подати согласно владѣннымъ записямъ.	2.795 р. 66 к.
б) на содержаніе Пришибскаго центральнаго училища согласно владѣн. записямъ.	3.390 р.
в) государственнаго поземельнаго налога.	417 р. 49 к.
в) на губернскія и уѣздныя земскія повинности.	989 р.
д) на сусликовую повинность. . . .	32 р. 98 к.
е) на содержаніе канцеляріи по управленію земельнымъ этимъ участкомъ, согласно приговору волостнаго схода 4 апрѣля 1879 г. за № 5.	600 р.
ж) на наемъ подводъ при отдачѣ въ оброкъ земли.	90 р.
з) проценты по 4 со ста съ 25.108 р. 47 к. училищнаго капитала на содержаніе Пришибскаго центральнаго училища.	1.044 р.
і) на уплату харьковскому земельному банку процентовъ по $7^1/_2$ со ста, на должный ему капиталъ 278.500 р. за землю, пріобрѣтенную въ 1882 году въ Александровскомъ уѣздѣ для безземельныхъ поселянъ	20.887 р. 50 к.
Итого ежегодно. .	30.246 р. 63 к.

Остальные затѣмъ остатки изъ ежегодныхъ доходовъ съ овчареннаго участка, а также долги, числящіеся на безземельныхъ поселянахъ, поселившихся на купленной для нихъ землѣ и поступающіе отъ нихъ обратно въ кассу, согласно условіямъ, обращаются исключительно на пріобрѣтеніе вновь земли для безземельныхъ семействъ, по постановленію волостнаго схода,

на точномъ основаніи VII ст. владѣнныхъ записей. Выписка ст. VI и VII изъ владѣнной записи при семъ прилагается. Въ желѣзной кассѣ Пришибскаго волостнаго правленія не накопляются большія свободныя суммы, а таковыя по мѣрѣ поступленія отдаются въ банкъ на прирощеніе изъ процентовъ впредь до новой покупки для безземельныхъ земли.

4) На счетъ означеннаго общественнаго капитала пріобрѣтены для безземельныхъ семействъ слѣдующія земли:

а) Въ 1866 году куплено въ Екатеринославской губерніи и уѣздѣ 5.768$^{3}|_{4}$ десятинъ на сумму 119.573 р. 83$^{1}|_{2}$ коп., т. е. для 96 семействъ по 60 дес. на каждое. Согласно проекту, утвержденному министерствомъ государственныхъ имуществъ, эти 96 семействъ, поселившихся въ 3 колоніяхъ: Эйгенгрутъ, Фельзенбахъ и Нейгохштедъ (нынѣшняя Николайтальская волость) обязаны были возвратить истраченный капиталъ на покупку для нихъ этой земли въ теченіе 10 лѣтъ съ процентами по 4 со ста. Въ первыхъ годахъ они вносили платежи около 30.000 руб. исправно, впослѣдствіи же они отказались вовсе отъ уплаты, такъ что Пришибское волостное общество вынуждено было завести съ ними тяжбу въ Екатеринославскомъ окружномъ судѣ, вслѣдствіе чего состоялось въ этомъ судѣ, въ 1881 году, мировое соглашеніе, согласно которому они обязались уплатить обществу Пришибской и Эйгенфельдской волостей 90.000 рублей въ теченіе трехъ лѣтъ. По настоящее время этотъ долгъ уплаченъ ими, за исключеніемъ незначительной еще суммы въ 712 р. 35 коп., которая ожидается осенью сего года. (Копія предписанія попечительнаго комитета отъ 3 декабря 1864 года за № 9.624 съ копіею приложеннаго къ нему проекта, утвержденнаго министерствомъ государственныхъ имуществъ о покупкѣ этой земли, представлена уѣздному присутствію 17 декабря 1883 г. при № 6.231).

б) Въ 1868 году Пришибское волостное общество купило въ Херсонскомъ уѣздѣ у князя Кочубея 22.900 десятинъ земли на сумму 492.665 рублей. Изъ этого количества уступлено 4.590 десятинъ на сумму 101.668 р. 50 к., т. е. 153 тридцатидесятинные участки такимъ поселянамъ изъ Пришибской и Эйгенфельской волостей, которые не вошли въ число тѣхъ 600 безземельныхъ семействъ, для которыхъ предположена была покупка 18.000 дес. по 30 дес. на каждое семейство, и которые возвратили обществу за эти 4.590 дес. 101.668 р.;

остальное затѣмъ количество земли, 18.310 десятинъ, передано 600 безземельнымъ семействамъ, по 30 дес. на каждое, безвозмездно на основаніи проекта, выраженнаго въ предписаніи Попечительнаго Комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи отъ 24 іюля 1867 года за № 11.181. На означенной купленной землѣ 22.900 дес. поселено всего 11 колоній, которыя образуютъ нынѣ «Кронаускую волость». При этомъ присовокупляется, что вслѣдствіе возникшихъ между упомянутыми 600 безземельныхъ семействъ споровъ относительно доброкачественности доставшейся каждому семейству земли, бывшій Молочанскій окружный приказъ (нынѣ Пришибское волостное правленіе) вынужденнымъ нашелся и журнальнымъ своимъ опредѣленіемъ отъ 10 января 1870 г. за № 2, представленнымъ на утвержденіе Попечительнаго Комитета 21 того января за № 785, опредѣлилъ: исключить изъ предназначенныхъ 600 семействъ 37 семействъ и распредѣлить все количество земли, 18.310 дес., по составленному землемѣромъ плану, между остальными 563 семействами.

и в) Въ 1882 году куплено въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, у графовъ Канкриныхъ всего 17.202 дес. 2.345½ саж. земли, которая обошлась обществу 774.000 руб., т. е. каждая десятина по 45 руб. Земля эта, по проекту, составленному Пришибскимъ волостнымъ сходомъ обще съ выборными Эйгенфельдской волости 17 апрѣля 1882 года за № 7, роздана безземельнымъ поселянамъ, поселившимся въ 11 селеніяхъ, слѣдующимъ порядкомъ:

1) 300 безземельнымъ семействамъ надѣлено по 30 десятинъ каждому — всего 9.000 десятинъ на сумму 405.000 руб. съ обязательствомъ возвратить этотъ капиталъ въ общественную кассу въ теченіе 15 лѣтъ ровными частями, т. е. по 90 руб. ежегодно безъ процентовъ.

2) 255 тридцати-десятинныхъ участковъ роздано поселянамъ, не входящимъ въ составъ очередныхъ безземельныхъ, но пріобрѣвшимъ на свои средства эти участки на тѣхъ самыхъ условіяхъ, какъ куплена земля обществомъ у графовъ Канкриныхъ, и именно за 7.650 дес. по 45 р. каждая десятина, они обязаны уплатить обществу 344.250 руб.; за уплатою ими изъ этого числа сполна причитавшагося съ нихъ по разсчету капитала, въ суммѣ 220.383 р. 75 коп., на нихъ числится лишь соразмѣрная часть банковаго долга, составляющаго всего

278.500 р., изъ котораго причитается на нихъ 123.866 руб. 25 к., для погашенія каковаго банковаго долга они обязаны вносить въ волостное правленіе ежегодно проценты по 36 р. 43 к. на каждый 30-ти-десятинный участокъ по $7^1/_2$% въ теченіе $48^1/_2$ лѣтъ, а съ 255 хозяйствъ всего въ годъ по 9.285 руб. 65 к.

и 3) Остальныя 550 дес. уступлены Фриденфельдскому сельскому обществу Александровскаго уѣзда, на тѣхъ же условіяхъ, какъ изложено въ предъидущемъ 2 пунктѣ, т. е. оно приняло землю 550 дес. за 24.750 руб., уплатило причитающійся капиталъ 15.845 р., а за остальной банковый долгъ 8.905 руб. оно обязано вносить ежегодно проценты по $7^1/_2$% всего 667 р. 88 коп. въ теченіе $48^1/_2$ лѣтъ.

Всего же куплено на общественныя средства:

Въ 1866 г. для	96 сем.	по	60	дес.	5.768—1.800	на	119.573 р.	$83^1/_2$ к
„ 1868 „ „	563	„	„	30	„	22.900	„	492.665	„
	153	„	„	—	„				
„ 1882 „ „	300	„	„	30	„	17.202—2.345	„	774.000	„
	255	„	„	—	„				
Всего . . .	1.367 сем.	по	—	дес.	45.870—1.745	на	1.386.238 р.	$83^1/_2$ к.

Изъ этого документа видно, насколько далеко отошло дѣйствительное состояніе вопроса объ овчаренныхъ участкахъ отъ цѣлей и намѣреній нашего правительства. По идеѣ овчаренные участки должны были лишь служить палліативомъ отъ экономическаго кризиса въ колоніяхъ, въ дѣйствительности вышло, что правительство дало въ руки колонистовъ грозное оружіе, которое теперь обращено противъ него же самого. Въ самомъ дѣлѣ предположимъ, что доходъ съ овчареннаго участка равняется 45 т. въ годъ. Еслибы онъ тратился на покупку земель безвозвратно, онъ представлялъ бы очень незначительную силу. Но вся суть въ томъ, что онъ не *не затрачивается безвозвратно.* Домохозяева-колонисты крѣпко забрали въ свои руки хозяйничанье имъ и отдаютъ землю безземельнымъ, съ обязательнымъ возвратомъ капитала, иногда же съ процентами, и такимъ образомъ въ первый годъ, положимъ, на покупку земель будетъ затрачено 45 т., въ слѣдующій разъ можно уже будетъ затрачивать 90 т.; (45 т. съ овчареннаго участка и 45 т. въ возвратъ отъ поселенныхъ безземельныхъ); въ третій годъ, получимъ сумму въ 135 т. рублей (45 т. съ овчареннаго и 90 т. съ безземельныхъ) и т. д. все въ возрастающей пропорціи. Намъ возразятъ, что земли покупаются не ежегодно, и что не ежегод-

но также поступаютъ возвраты денегъ отъ безземельныхъ; это несомнѣнно вѣрно, но возьмемъ вмѣсто годичнаго пятилѣтній періодъ, и результатъ нашего примѣрнаго исчисленія нисколько отъ этого не пострадаетъ. Этимъ прогрессивнымъ вычисленіемъ не занялось ни одно волостное правленіе колонистовъ (по крайней мѣрѣ оффиціально этого не существуетъ), а между тѣмъ этимъ вопросомъ слѣдовало бы заняться, и тогда, быть можетъ, хоть отчасти выяснятся источники тѣхъ громадныхъ суммъ, которыми располагаютъ колонисты и которыя даютъ имъ возможность съ основнаго фонда въ 6 т. десят. покупать земли на $1^1/_2$ милліона рублей.

Мы боимся утомить читателей дальнѣйшими изслѣдованіями въ области сухихъ и скучныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивыхъ въ своей величинѣ цифровыхъ данныхъ. Надѣемся, что приведенныхъ свѣдѣній достаточно, чтобы дать представленіе о дѣйствительно исключительномъ благосостояніи нашихъ нѣмецкихъ колоній и что за ихъ защитой мы избѣгнемъ хотя бы одного упрека: въ преувеличеніи богатства этихъ чужеземныхъ наростовъ на нашемъ государственномъ организмѣ.

Обратимся же теперь къ положенію ихъ въ нашемъ законодательствѣ, къ тѣмъ правамъ, которыми въ настоящее время пользуются поселяне-собственники, бывшіе колонисты.

Законоположенія, относящіяся до нихъ, слѣдующія:

Во-первыхъ: Сводъ учрежденій и уставовъ о колоніяхъ иностранцевъ въ имперіи съ продолженіями 1863, 1864 и 1868 годовъ (сводъ законовъ изд. 1857 г. т. XII, ч. II).

Во-вторыхъ: Высочайше утвержденныя 4 іюня 1871 г. правила объ устройствѣ поселянъ-собственниковъ (бывшихъ колонистовъ), водворенныхъ въ губерніяхъ С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и въ области Бессарабской (св. зак. особое прил. къ т. IX изд. 1876 г. разд. XV), и въ третьихъ, наконецъ, инструкція о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе вышеизложенныхъ правилъ, составленная по соглашенію министровъ государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что мы при перечисленіи правъ поселянъ-собственниковъ (бывшихъ колонистовъ) помѣщаемъ уставъ о колоніяхъ 1857 г.— давно отжившій и который цѣликомъ долженъ былъ бы быть

отмѣненъ правилами 4-го іюня 1871 г. И оно и должно было бы быть такъ по духу и цѣли нашего правительства; на дѣлѣ же вышло иначе, и уставъ 1857 года продолжаетъ дѣйствовать въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Въ какой мѣрѣ это имѣетъ мѣсто и благодаря какимъ пробѣламъ и недомолвкамъ нашего закона 4-го іюня 1871 года могло создаться такое положеніе вещей— мы сейчасъ увидимъ.

Прежде же всего мы перейдемъ къ изложенію того, что̀ содержалось въ уставѣ о колоніяхъ 1857 г., и постараемся дать картину тѣхъ основъ, благодаря которымъ создалось и такъ развилось благосостояніе колонистовъ. Въ уставѣ этомъ девять раздѣловъ, но собственно восемь изъ нихъ представляютъ для насъ существенный интересъ, такъ какъ девятый — о поселянахъ-собственникахъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ—является лишь примѣненіемъ тѣхъ же общихъ началъ къ условіямъ жизни среди помѣщиковъ, привыкшихъ къ отношеніямъ эпохи до-реформенной. И такъ, въ раздѣлѣ первомъ мы находимъ положеніе объ учрежденіи управленія колоній.

Для управленія колоніями юга состоялъ Попечительный Комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края, прямо подчиненный министерству государственныхъ имуществъ (ст. 4, 7, 8). Въ качествѣ мѣстныхъ органовъ у Комитета были смотрители колоній, числомъ девять (ст. 11 и 12). Затѣмъ, нисходя по іерархической лѣстницѣ подчиненности, всѣ колоніи были раздѣлены на округа, въ которыхъ власть сосредоточивалась въ окружномъ приказѣ, состоявшемъ изъ приказнаго головы и двухъ бейзицеровъ и, наконецъ, какъ ячейка всего этого организма, являлось сельское общество колоніи, внутреннія дѣла котораго вѣдалъ сельскій приказъ въ составѣ шульца и двухъ бейзицеровъ (ст. 13 и слѣд.).

Предметы вѣдомства главнаго изъ этихъ учрежденій Попечительнаго Комитета были слѣдующіе:

Комитетъ вѣдалъ: принятіе иностранныхъ поселенцевъ, водворяющихся въ званіи колонистовъ; охраненіе всѣхъ дарованныхъ и впредь даруемыхъ колонистамъ выгодъ, правъ и преимуществъ; всѣ предметы земской полиціи въ отношеніи ввѣренныхъ имъ колоній; исправный сборъ въ свое время подлежащихъ въ казну податей; производство въ колоніяхъ слѣдствій и проч

Попеченіе о хозяйствѣ и домостроительствѣ въ колоніяхъ и поощреніе къ усовершенствованію земледѣлія, садоводства и скотоводства; судъ надъ колонистами по нижеизложеннымъ правиламъ (ст. 37 и 38).

Такимъ образомъ, колонисты каменной стѣной были отдѣлены отъ остальной Россіи; судъ и расправа происходили у нихъ вполнѣ отличные отъ другихъ и по законамъ, и правиламъ, далеко болѣе, чѣмъ у насъ продуманнымъ и цѣлесообразнымъ. Кромѣ своего Комитета, гдѣ, было время, дѣлопроизводство велось на нѣмецкомъ языкѣ, колонисты не знали и не признавали другой власти. Соотвѣтственно этому и обязанности окружнаго и сельскаго приказа, въ общихъ чертахъ схожія съ обязанностями сельскаго начальства въ казенныхъ селеніяхъ, пріобрѣтаютъ, благодаря такой обособленности, также своеобразную couleur locale. Не останавливаясь, однако, подробно на этихъ правахъ, мы не можемъ не привести одного очень характернаго постановленія этой части устава. Именно ст. 47 гласитъ:

„По требованію окружнаго или сельскаго приказа, всякій колонистъ долженъ явиться въ оный немедленно; по прибытіи же призваннаго колониста въ ту комнату, въ которой шульцы и бейзицеры отправляютъ свою должность, имѣетъ онъ съ *должнымъ уваженіемъ и безъ шляпы*, подошедъ къ сельскому начальству, просить позволенія въ своемъ дѣлѣ объясниться, и потомъ благопристойнымъ образомъ и безъ всякаго шума представлять свою нужду; когда же, по выслушаніи, велѣно ему будетъ изъ комнаты выдти, то долженъ тотчасъ сіе исполнить и ожидать, пока будетъ позванъ". Тамъ же, § 17.

Такимъ образомъ, не только о благосостояніи колонистовъ заботилось наше правительство, оно простирало свое попеченіе даже на ихъ манеру себя держать, внушая имъ принципы почтительности и вѣжливости. Но какіе результаты вызвала эта статья? Не знаемъ, какъ было раньше, какъ держали себя колонисты по отношенію къ своему нѣмецкому начальству, но теперь изъ личнаго опыта мы можемъ удостовѣрить, что трудно будетъ найти колониста, который «съ должнымъ уваженіемъ и безъ шляпы» подошелъ бы къ представителю русской власти.

Въ раздѣлѣ второмъ содержатся постановленія о гражданскомъ состояніи колонистовъ. Здѣсь, прежде всего, мы находимъ опредѣленіе того, что̀, собственно говоря, слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ колониста. Статья 110 гласитъ:

„Тѣ только изъ иностранцевъ признаются колонистами, кои водворены или на казенныхъ, или частныхъ, или пріобрѣтенныхъ ими покупкою земляхъ въ видѣ земледѣльцевъ, или ремесленниковъ, въ земледѣльческомъ состояніи нужныхъ; *отнюдь не причисляются къ нимъ иностранцы, приходящіе по-одиночкѣ или семьями для торговли и промысловъ, или для приписки въ какое-либо званіе по городамъ*".

Затѣмъ, въ томъ же раздѣлѣ заслуживаетъ особаго вниманія статья 122-я, въ которой сказано:

«Подъ страхомъ всей строгости законовъ запрещается колонистамъ склонять и привлекать въ согласіе своей вѣры или сообщества кого-либо изъ живущихъ въ Россіи и исповѣдующихъ православный или вообще другой христіанскій законъ».

Яркимъ пятномъ среди массы постановленій, имѣющихъ единственной цѣлью благо и удобство колоній, просвѣчиваетъ это требованіе, громогласно отстаивающее духовные интересы православнаго населенія отъ напора и вліянія иностранныхъ вѣяній. Не мѣшало бы вспомнить о немъ тѣмъ, которые защищаютъ распространеніе штундизма въ русскомъ населеніи, потому что безслѣдно исчезла «вся строгость законовъ», которою грозилъ иностраннымъ проповѣдникамъ уставъ 1857 года.

Раздѣлъ третій содержитъ въ себѣ постановленія о гражданскихъ правахъ колонистовъ. Здѣсь, прежде всего, помѣщены правила о бракѣ и разводахъ и объ опекѣ и попечительствѣ, въ основахъ своихъ схожія, первыя — съ постановленіями устава лютеранской церкви, вторыя же — съ общими порядками нашего крестьянскаго самоуправленія, значительно только улучшенными. Затѣмъ, въ ст. 155, въ примѣчаніи, перечислены размѣры колонистскихъ надѣловъ. Объ нихъ мы имѣли уже случай говорить и раньше въ историческихъ очеркахъ иностранной колонизаціи въ Россіи; считаемъ, однако, умѣстнымъ привести это исчисленіе въ томъ видѣ, какъ оно было включено въ сводъ законовъ.

Примѣчаніе къ ст. 155. «Количество участковъ, коими колонисты надѣлены, слѣдующее: 1) Саратовскимъ колонистамъ отведено на каждую по пятой ревизіи душу по двадцати десятинъ земли; 2) изъ числа С.-Петербургскихъ колонистовъ Среднерогатскимъ и Ижорскимъ отведено по тридцати, а Ново-Саратовскимъ, Стрѣльнинскимъ, Петергофскимъ, Ораніенбаумскимъ, Кронштадтскимъ, Кипенскимъ и Ямбургскимъ по тридцати пяти десятинъ на каждое семейство; 3) Лифляндскимъ колонистамъ надѣлено на каждое семейство по тридцати десятинъ, или, по лифляндскому измѣренію, по шестидесяти такъ называемыхъ тонненъ-штелленъ; 4) изъ числа колонистовъ южнаго края: Данцигскіе, Шведскіе и Ямбургскіе получили земли по пятнадцати десятинъ на каждую душу; Іозефстальскіе удовольство-

ваны по тридцати двѣ съ половиною десятины на каждое семейство; болгарамъ, румелійцамъ и другимъ задунайскимъ переселенцамъ, въ Бессарабіи водвореннымъ, дано по пятидесяти десятинъ, а болгарамъ одесскимъ по пятидесяти три десятины на каждое семейство; *всѣмъ же прочимъ, какъ Новороссійскимъ, такъ и Бессарабскимъ колонистамъ, отведено земли по шестидесяти, а менонитамъ по шестидесяти пяти десятинъ на семейство*; 5) Шотландскимъ миссіонерамъ, въ Ставропольской губерніи водвореннымъ, Базельскимъ миссіонерамъ, находящимся въ городѣ Шушѣ, и колонистамъ, поселеннымъ близъ минеральныхъ водъ въ Ставропольской губерніи, а также близъ города Св. Креста, отведено по шестидесяти десятинъ на каждое семейство; Черниговскимъ колонистамъ опредѣлено при ихъ водвореніи по тридцати десятинъ на семейство; 7) Лютеранскимъ и реформатскимъ пасторамъ въ колоніяхъ назначено по сту двадцати десятинъ пахатной и сѣнокосной земли, а патерамъ по шестидесяти десятинъ, да для дома и сада по три десятины. Если же кто изъ патеровъ пожелаетъ производить хлѣбопашество въ большомъ видѣ, то можно ихъ сравнить числомъ десятинъ, пасторамъ полагаемыхъ; въ противномъ случаѣ, оную отъ нихъ отбирать».

Несоразмѣрность отводимой колонистамъ земли съ надѣломъ нашихъ крестьянъ въ этихъ мѣстностяхъ очевидна и не требуетъ никакихъ комментаріевъ. Далѣе, въ ст. 159 и слѣд., содержатся извѣстныя уже намъ изъ предшествующей статьи правила о формѣ землевладѣнія и о порядкахъ наслѣдованія, кладущихъ такой своеобразный отпечатокъ на строй жизни въ колоніяхъ.

Наконецъ, изъ характерныхъ статей этого раздѣла слѣдуетъ упомянуть о ст. 180 и слѣд., строго воспрещающихъ колонистамъ входить въ какія бы то ни было письменныя обязательства безъ вѣдома и согласія ихъ начальства.

Раздѣлъ четвертый наполненъ перечисленіемъ льготъ и привилегій, предоставленныхъ колонистамъ по различнымъ государственнымъ земскимъ и инымъ повинностямъ; здѣсь же, между прочимъ, помѣщена и ст. 190—объ освобожденіи ихъ отъ воинской повинности, отмѣна которой надѣлала потомъ столько шума.

Но интересъ всѣхъ этихъ постановленій блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что содержится въ раздѣлахъ пятомъ и шестомъ устава

о колоніяхъ, потому что здѣсь широкой рукой пролиты были на колонистовъ самыя мелочныя попеченія нашего правительства. Раздѣлы эти—о благоустройствѣ въ колоніяхъ и о благочиніи въ колоніяхъ—представляются рѣдкимъ примѣромъ самой тщательной опеки правительства надъ сельскимъ населеніемъ, и въ стремленіяхъ предусмотрѣть и опредѣлить всѣ экономическія проявленія сельско-хозяйственнаго быта въ колоніяхъ видна твердая рука, желающая повести эту жизнь въ опредѣленномъ направленіи. Никогда ничего подобнаго не было примѣняемо къ коренному русскому крестьянству!..

Приведемъ для примѣра 13 статей устава, касающихся «хлѣбопашества» колонистовъ.

Статьи эти 310-я и слѣд., и вотъ подлинный ихъ текстъ:

Ст. 310. Головы, шульцы и бейзицеры обязаны поощрять колонистовъ къ хлѣбопашеству и лучшему обработыванію земель.

Ст. 311. Они должны имѣть неослабное смотрѣніе, чтобы сами хозяева, которые въ силахъ работать, непремѣнно упражнялись въ земледѣліи и занимались хозяйствомъ прилежно.

Ст. 312. Колонисты обязаны имѣть въ готовности плуги, сохи, бороны, телѣги и прочіе къ полевой работѣ нужные снаряды, дабы, за недостаткомъ въ оныхъ, время къ обработыванію полей упускаемо не было; буде же кто найдется въ томъ неисправнымъ не отъ нерадѣнія, а по другимъ какимъ-либо случаямъ, или несчастнымъ приключеніямъ, такимъ, общею всѣхъ жителей силою, слѣдуетъ подавать всевозможную помощь.

Ст. 313. Равномѣрно шульцы должны смотрѣть и стараться, дабы вездѣ по колоніямъ земли раздѣляемы были на три поля, и производить испытаніе о раздѣленіи оныхъ на шесть, или на семь полей.

Ст. 314. Какъ скоро предписанное время къ пашнѣ наступить, шульцы должны повѣстить, чтобы всѣ жители въ самые ранніе утренніе часы выѣзжали на пашню и работали съ надлежащимъ прилежаніемъ; для наблюденія за симъ отряжаются десятскіе.

Ст. 315. Головы и шульцы должны каждаго пріучать, чтобы старался о своемъ хозяйствѣ, почиталъ необходимостію хранить нужный всему запасъ для своего употребленія, и имѣть въ наличности двойныя сѣмена всему, что въ поляхъ и огородахъ

своихъ сѣять привыкъ, дабы при новомъ засѣвѣ не почувствовать недостатка.

Ст. 316. Во время посѣва, весною и осенью шульцы и бейзицеры обязаны поочередно осматривать пашни каждаго хозяина и примѣчать, обработаны ли оныя сообразно съ свойствомъ грунта земли, довольно ли глубоко орали и довольно ли земля рыхла; а буде замѣтятъ, что поля не воздѣланы надлежащимъ образомъ, то должны заблаговременно заставить хозяевъ къ переработыванію оныхъ.

Ст 317. Равнымъ образомъ шульцы и бейзицеры обязаны принуждать хозяевъ, чтобы они посѣвъ какъ яроваго, такъ и озимаго хлѣба, оканчивали неотмѣнно въ свое время и для того заблаговременно запаслись сѣменами.

Ст. 318. Для колоній южнаго края въ особенности предписывается, чтобы каждый хозяинъ всякій годъ засѣвалъ хлѣба не меньше трехъ четвертей озими и двухъ яроваго; тотъ же, у котораго въ семьѣ много сыновей и работниковъ, долженъ, сверхъ сего количества, посѣять, сколько при должномъ трудолюбіи успѣть еще можетъ.

Ст. 319. Дабы посѣянный озимый и яровой хлѣбъ отъ травы не былъ заглушаемъ, всѣми силами стараться пашенную землю сколь можно лучше боронить, не оставляя неразбитыхъ глыбъ и очищая отъ камней.

Ст. 320. По всходѣ хлѣба, если гдѣ покажется трава, прилежно оную вырывать, употребляя къ тому малолѣтнихъ отъ десяти лѣтъ дѣтей.

Ст. 322. Молотить хлѣбъ должно въ хорошую погоду, а для сбереженія дѣлать плетневыя мазанки.

Ст. 324. Шульцы должны имѣть вѣрнѣйшія вѣдомости о томъ, сколько каждый поселянинъ въ какое время вспахалъ десятинъ земли, сколько высѣялъ на оныхъ разнаго хлѣба и что изъ того собралъ; каковыя вѣдомости и представлять ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ чрезъ голову смотрителю.

Читая это, невольно недоумѣваешь, не есть ли все это популярное руководство къ земледѣлію, и не вяжется въ умѣ мысль, что мы имѣемъ передъ собою сводъ законовъ Россійской имперіи. Точно такія же мелочныя постановленія мы находимъ въ этомъ раздѣлѣ и касательно скотоводства, овцеводства и сѣнокоса (ст. 327—331) и касательно огородничества, садоводства, лѣсоводства и винодѣлія (ст. 332—351) и

наконецъ касательно промышленности и торговли въ колоніяхъ (ст. 353—380).

Еще задушевнѣе и любвеобильнѣе—постановленія, содержащіяся въ отдѣлѣ о благочиніи. Такъ статья 391 гласитъ:

«Головѣ, во всякомъ приказѣ, а форштегеру и шульцу въ каждой деревнѣ въ мірскомъ собраніи должно толковать, вразумлять и научать, что до добронравія и пользы въ общежитіи поселянъ относится; чтобы молодые къ родителямъ и старикамъ были почтительны и послушны, а сіи примѣрами своими учили бы ихъ трудолюбію, честности, воздержанію и мирному въ селеніяхъ и семействахъ сожитію».

Затѣмъ, статья 397-я возлагаетъ особенную обязанность на шульцовъ по охраненію колонистовъ отъ мотовства. Такъ статья 397-я говоритъ: «Роскошь, а наипаче мотовство, всею силою шульцы между колонистами истреблять должны, доводя преступниковъ къ повиновенію, задавая имъ тяжелѣйшіе уроки при разныхъ работахъ на міръ, такъ, чтобы никогда на таковое вредное дѣло не могли улучить времени до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ признаніе; буде же тѣмъ не исправятся, то такихъ присылать при рапортахъ начальству».

Роскошью же разумѣется по статьѣ 398-й то, если кто неумѣренные имѣетъ расходы въ своемъ домѣ, частыя сборища гостей и сему подобное, подающее поводъ къ расточенію имѣнія, а мотовство есть карточная и прочія на деньги и вещи игры, продажа собственнаго скота или какого другаго имѣнія безъ вѣдома шульца и безъ всякой нужды, на пьянство или къ удовлетворенію другихъ страстей.

И всѣ эти попеченія не были пустымъ звукомъ, всѣ эти требованія не должны были и не оставались мертвой буквой. Охраненіе ихъ было обезпечено очень суровыми карательными мѣрами, и мѣстнымъ властямъ въ этомъ отношеніи была предоставлена очень широкая власть.

Такъ, напримѣръ, въ статьѣ 458-й сказано: «Если кто изъ колонистовъ южнаго края, безъ особенныхъ достойныхъ уваженія причинъ, не засѣетъ столько земли, сколько предписано, то съ нимъ поступается на основаніи статьи 1395 уложенія о наказаніяхъ, а именно: въ первый разъ за каждую непосѣянную четверть взыскивается по 30 коп. Во второй разъ такой колонистъ подвергается аресту—на время отъ одного до трехъ дней. Въ третій разъ отъ него отбирается земля и дворъ для отдачи

ихъ другому, не имѣющему земли и двора колонисту; а буде на немъ есть недоимка, то сверхъ сего и пахатныя орудія и столько скота и прочихъ пожитковъ, сколько нужно на уплату долга».

Тому же наказанію подвергались колонисты за нарушеніе и всѣхъ другихъ, хотя бы самыхъ мелкихъ, требованій отдѣловъ о благородствѣ и благочиніи въ колоніяхъ.

Принимая во вниманіе съ одной стороны такое тщательное попеченіе о сельскомъ хозяйствѣ, благосостояніи и нравственности колонистовъ, съ другой же стороны, тѣ суровыя мѣры, которыми они заставлялись слѣдовать этимъ указаніямъ— нечего удивляться, что люди, прошедшіе такую школу и экономическое воспитаніе, сдѣлались въ концѣ концовъ хорошими хозяевами.

Затѣмъ ст. 464—465 и слѣд. колонисты наказываются за лѣность, нерадѣніе и развратное поведеніе.

Наконецъ въ раздѣлѣ VIII мы находимъ правила о своеобразныхъ судебныхъ правилахъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ основныя начала, на которыхъ зиждился строй колоніальной жизни со времени ихъ основанія до 1871 г.

Посмотримъ же, какія измѣненія были внесены въ это сложившееся десятилѣтіями теченіе колоніальной жизни правилами 4 іюня 1871 г.

Прежде всего, статьями первой и второй опредѣлено, что съ этого времени колонисты, изъемлясь изъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, «подчиняются вѣдѣнію общихъ губернскихъ и уѣздныхъ, также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій» и входятъ въ составъ сельскихъ обывателей, причисляясь къ разряду крестьянъ-собственниковъ. Затѣмъ пунктомъ *и*) ст. 4-й предписано, что: «приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ, а равно волостныхъ судовъ, составляются и все дѣлопроизводство въ общественномъ управленіи ведется на русскомъ языкѣ».

Прочтя эти три статьи, можетъ показаться, что ими навсегда положенъ конецъ колонистскимъ привилегіямъ и что съ этого времени не можетъ быть больше и рѣчи о какомъ-то ихъ обособленномъ положеніи.

Но такой выводъ, къ сожалѣнію, не замедлилъ бы оказаться очень преждевременнымъ, потому что уже со слѣдующей,

третьей статьи, начинается исчисленіе тѣхъ «личныхъ преимуществъ, коими колонисты доселѣ пользовались» и которыя сохраняются за ними.

Въ первомъ мѣстѣ эти «личныя преимущества» выразились въ способѣ образованія волостей. Такъ въ ст. 3 сказано:

а) Нынѣ существующіе колонистскіе округи образуютъ каждый особую волость, за изъятіями, указанными ниже въ пунктахъ *б* и *в*.

б) Селенія (колоніи), входящія въ составъ округа, расположеннаго въ нѣсколькихъ уѣздахъ, образуютъ, по-уѣздно, отдѣльныя волости, кои, однакожъ, могутъ и впредь сохранить существующую нынѣ между ними связь по дѣламъ хозяйства.

в) Селеніе, которое, по дальности разстоянія, не можетъ войти въ составъ образуемой другими селеніями волости, составляетъ особую волость, если въ такомъ селеніи числится около *трехсотъ* или болѣе ревизскихъ душъ.

Иными словами, за колоніями обезпечена ихъ полная обособленность отъ окружающаго населенія.

Во-вторыхъ, пунктомъ *а*) ст. 4 сдѣлано существенное измѣненіе въ составѣ схода въ колоніяхъ, причемъ опредѣлено, что безземельные могутъ посылать на сходъ лишь по одному выборному отъ десяти человѣкъ. Это измѣненіе очень существенно, такъ такъ, благодаря ему, надолго упрочена власть и господство колонистовъ-домохозяевъ надъ классомъ безземельныхъ, который, какъ мы имѣли уже случай неоднократно указывать, образуется въ силу существующаго въ колоніяхъ порядка единонаслѣдія и недробимости подворныхъ участковъ. Сохраненіе же этого порядка наслѣдованія санкціонируется пунктомъ *ж*) статьи 19-й.

Равнымъ образомъ, расширена и компетенція схода сравнительно съ кругомъ вѣдомства общихъ крестьянскихъ сходовъ, а именно, вѣдѣнію колонистскаго схода подлежатъ, сверхъ дѣлъ, указанныхъ въ ст. 51-й Общаго Положенія о крестьянахъ: 1) разрѣшеніе переуступки подворныхъ участковъ отъ одного хозяина другому; 2) распоряженіе мірскими оброчными статьями, и 3) завѣдываніе общественными лѣсами и плантаціями (ст. 4, п. *г*).

Такое расширеніе компетенціи сельскаго схода вызвало естественно и соотвѣтственное увеличеніе круга дѣлъ волостнаго

правленія, которому кромѣ общихъ обязанностей подлежатъ, въ силу пункта *г*) той же 4-й статьи, еще и слѣдующія дѣла: 1) распоряженія, на основаніи приговоровъ волостнаго схода, общественными землями и оброчными статьями, принадлежащими цѣлой волости или нѣсколькимъ въ составѣ волости сельскимъ обществамъ сообща; 2) распоряженія по страхованію отъ огня, градобитія и т. п., и по выдачѣ вознагражденія за причиненный вредъ, и 3) распоряженія по оборотамъ ссудо-сберегательныхъ кассъ и возникающимъ отъ этихъ оборотовъ взысканіямъ.

Въ-третьихъ: 1) Свобода отъ военно-постойной повинности сохраняется поселянамъ, со дня изданія настоящихъ правилъ, впредь на 10 лѣтъ. Относительно рекрутской повинности нынѣ дѣйствующія въ отношеніи колонистовъ узаконенія сохраняютъ свою силу впредь до изданія общаго закона о военной повинности (Примѣч. къ ст. 5-й).

Прежде чѣмъ перейти къ перечисленію дальнѣйшихъ правъ, сохраненныхъ за поселянами-собственниками бывшими колонистами, мы позволимъ себѣ привести одинъ инцидентъ изъ жизни нашихъ колоній, вызванный только-что изложеннымъ постановленіемъ нашего законодательства и рельефно рисующій отношенія колонистовъ къ ихъ новому отечеству. Мы говоримъ о начавшемся въ 70-хъ годахъ переселеніи менонитовъ и другихъ нѣмцевъ-колонистовъ въ Америку для избѣжанія обязательной военной службы и о вызванной этимъ переселеніемъ командировкѣ графа Э. К. Тотлебена для ихъ удержанія.

Движеніе это началось въ началѣ 1873 года и шло все возрастая.

Такъ въ теченіе перваго же года изъ двухъ волостей Таврической губ. выселилось до 900 семействъ числомъ до $4^1/_2$ тысячъ душъ.

Движеніе это вызвало у насъ сильный переполохъ. Печать горячо возстала противъ дѣйствій правительства, хотя косвенно затрогивающихъ этихъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ, удостоивающихъ Россію своимъ пребываніемъ, и тогда въ виду того, что отъѣзжающіе колонисты выставляли на своемъ знамени невозможность подчиненія воинской повинности, къ нимъ и былъ командированъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, которому было предоставлено, если онъ признаетъ это необходимымъ, даровать колонистамъ цѣлый рядъ льготъ, а именно:

1) Гарантировать имъ отбываніе воинской повинности вблизи мѣстъ ихъ жительства.

2) Замѣнить имъ отбываніе повинности службой при госпиталяхъ, тюрьмахъ, пожарныхъ командахъ, лѣсной стражѣ или желѣзныхъ дорогахъ въ теченіе того же срока, какъ еслибы они отбывали настоящую воинскую повинность.

3) Въ случаѣ войны оставлять ихъ въ этихъ мирныхъ занятіяхъ, отнюдь не привлекая ихъ къ театру военныхъ дѣйствій.

Снабженный такими широкими полномочіями, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ выѣхалъ 11-го апрѣля 1874 г. для укрощенія строптивыхъ.

Благодаря счастливой случайности, намъ удалось въ одномъ изъ мѣстныхъ архивовъ найти копію съ отношенія генералъ-адъютанта Тотлебена министру внутреннихъ дѣлъ отъ 30-го апрѣля 1874 года о результатахъ своей поѣздки.

Документъ этотъ настолько характеренъ и цѣненъ, что мы позволяемъ себѣ привести его почти цѣликомъ.

Копія отношенія генералъ-адъютанта Тотлебена г. министру внутреннихъ дѣлъ отъ 30 апрѣля 1874 года, № 3-й.

«Выѣхавъ изъ Петербурга 11-го сего апрѣля, для исполненія Высочайше возложеннаго на меня порученія по поводу движенія между менонитами къ переселенію въ Америку, я прибылъ, съ таврическимъ губернаторомъ, 14 апрѣля въ менонитскую колонію Гальбштадтъ, Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи. Здѣсь я, прежде всего, вошелъ въ объясненіе съ нѣсколькими лицами, пользующимися въ средѣ своей наибольшимъ уваженіемъ. Изъ объясненій съ ними обнаружилось, что между менонитами существуютъ три партіи: *одни*, продавшіе свои земли и прочее имущество еще въ прошломъ году, до изданія устава о новой воинской повинности, увлечены были мыслію о необходимости выселенія въ Америку отчасти фанатиками изъ своей же среды, которые въ прошломъ году, въ числѣ 11 человѣкъ, ѣздили въ Америку съ цѣлью ознакомленія съ условіями водворенія тамъ менонитовъ, а отчасти заграничными агитаторами; при чемъ какъ тѣ, такъ и другіе старались внушить менонитамъ, что ожидаемый новый уставъ, привлекая къ воинской повинности и менонитовъ, подрываетъ въ самомъ основаніи ихъ религіозный законъ, воспрещающій имъ не только ношеніе оружія и пролитіе человѣческой крови, но даже косвенное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ напр.

при заготовленіи обозовъ, санитарной службѣ и проч. Движенію этому способствовали также адресованныя волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ печатныя воззванія изъ-за границы. *Вторая* партія самая большая по численности и увлекаемая къ выселенію изъ Россіи первою партіею, раздѣляется на двѣ категоріи: одна, состоящая изъ людей болѣе развитыхъ, отрѣшившихся отчасти отъ фанатизма единовѣрцевъ своихъ, желаетъ остаться въ Россіи, но опасается открыто высказывать намѣреніе свое; другая слѣпо повинуется своимъ единовѣрцамъ, пропагандирующимъ рѣшительное выселеніе изъ Россіи, въ томъ убѣжденіи, что только этою мѣрою она сохранитъ неприкосновенность вѣры отцовъ своихъ. Наконецъ *третья* партія, крайне, впрочемъ, малочисленная, состоитъ изъ людей, намѣревающихся, во всякомъ случаѣ, остаться въ Россіи, но возбуждающая единовѣрцевъ своихъ къ выселенію въ Америку единственно съ цѣлью матеріальныхъ выгодъ, — воспользоваться дешевою покупкою земли и имуществъ у выселяющихся.

«Къ 16 апрѣля я приказалъ созвать въ колонію Гальбштадтъ изъ всѣхъ менонитскихъ колоній Таврической губерніи и большей части колоній Екатеринославской церковныхъ старшинъ, школьныхъ учителей и представителей волостнаго и сельскаго управленія менонитовъ. Объявивъ этимъ лицамъ, собравшимся въ числѣ 300 человѣкъ, Высочайше возложенное на меня порученіе, я разъяснилъ имъ, что, въ виду предоставленной менонитамъ Высочайшимъ указомъ шестилѣтней отсрочки для привлеченія ихъ къ воинской повинности, имъ не представляется надобности спѣшить съ выселеніемъ изъ Россіи, которое неминуемо поведетъ ихъ къ разоренію, такъ какъ нажитое отцами ихъ и ими самими многолѣтнею трудовою жизнью имущество они продаютъ за безцѣнокъ, и пріобрѣтенныхъ отъ продажи имуществъ средствъ будетъ далеко недостаточно для переѣзда въ далекій край и водворенія тамъ; что, упрочивъ себѣ въ Россіи полное благосостояніе въ матеріальномъ отношеніи и живя здѣсь самостоятельными хозяевами, они рискуютъ въ новомъ отечествѣ подвергнуться всякимъ лишеніямъ и на первое время должны будутъ обратиться въ простыхъ работниковъ, пока новымъ усиленнымъ трудомъ въ состояніи будутъ обезпечить себѣ независимое существованіе; что если менониты въ Россіи, въ теченіе почти ста лѣтъ, не носили оружія, то, поселившись въ Америкѣ, они не могутъ быть увѣ-

рены въ томъ, что на нихъ не будетъ когда-нибудь лежать эта обязанность, такъ какъ извѣстно, что въ послѣднюю американскую войну менониты, жившіе въ районѣ военныхъ дѣйствій, невольно привлечены были къ участію въ нихъ. Затѣмъ я объяснилъ депутатамъ, что Государь Императоръ, цѣня похвальную дѣятельность менонитовъ въ минувшую Крымскую кампанію и желая, для упроченія благосостоянія ихъ, сохранить ихъ на занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ, даровалъ уже менонитамъ, новымъ закономъ о воинской повинности, нѣкоторыя, вызываемыя ихъ религіозными вѣрованіями, облегченія въ отбываніи оной, а именно: назначеніе менонитовъ только на нестроевыя должности при госпиталяхъ и въ мастерскія военно-сухопутнаго или морскаго вѣдомствъ и тому подобныя заведенія; при чемъ они освобождаются отъ ношенія оружія; что законъ о новой воинской повинности даетъ важныя льготы по семейному положенію, которыми дѣти менонитовъ будутъ пользоваться наравнѣ съ прочими сословіями государства. Наконецъ, я поставилъ на видъ депутатамъ, что совершенное освобожденіе менонитовъ отъ воинской повинности, въ то время, когда къ обязанности этой призываются всѣ сословія и народности русскаго государства, противно началу справедливости и равноправности всѣхъ русскихъ подданныхъ и будетъ имѣть послѣдствіемъ то, что окружающее населеніе станетъ враждебно смотрѣть на менонитовъ.

«Выслушавъ мои объясненія, депутаты *тронуты* были милостями Государя Императора, *но все-таки не могли проникнуться сознаніемъ необходимости подчиниться новому закону*, приводя такія изреченія изъ священнаго писанія, которыя, по ихъ мнѣнію, исключаютъ менонитамъ всякую возможность нести службу по военному вѣдомству въ ущербъ свободы совѣсти и религіозныхъ вѣрованій ихъ. Они объявили, что оставятъ рѣшимость свою выселиться изъ Россіи только при слѣдующихъ условіяхъ: *если имъ дозволено будетъ отбывать воинскую повинность денежнымъ выкупомъ молодыхъ людей, подпавшихъ жребію, или предоставлено будетъ устроить госпитали и мастерскія, въ которые, на основаніи ст. 157 устава о воинской повинности, будутъ назначаться менониты на службу, въ самыхъ мѣстахъ ихъ водворенія, т. е. въ колоніяхъ.*

«Не считая возможнымъ, съ одной стороны, допустить при-

нятіе такихъ условій, съ другой стороны видя, что всѣ мои убѣжденія не достигаютъ цѣли, я, на основаніи Высочайше данныхъ мнѣ уполномочій, объявилъ депутатамъ, что Государь Императоръ, во вниманіе къ религіознымъ убѣжденіямъ менонитовъ и для сохраненія ненарушимости ихъ, независимо предоставленныхъ уже имъ новымъ закономъ льготъ и облегченій въ отбываніи воинской повинности, даруетъ имъ еще слѣдующія льготы, которыя совершенно уже сохраняютъ менонитамъ неприкосновенность ихъ религіознаго ученія, а именно: *отбываніе службы не въ военномъ, а въ другихъ вѣдомствахъ, и при томъ въ мѣстностяхъ преимущественно Новороссійскаго края и смежныхъ съ нимъ губерній: 1) въ лѣсной стражѣ министерства государственныхъ имуществъ; 2) въ мастерскихъ преимущественно города Николаева; 3) въ пожарныхъ командахъ; 4) при госпиталяхъ гражданскаго вѣдомства; при чемъ менониты не будутъ, какъ опасались они, распредѣляемы единичными личностями между другими служащими, но по возможности будутъ соединяемы въ особыя группы, для представленія имъ совмѣстнаго совершенія молитвъ по уставамъ ихъ религіи, и что, наконецъ, по окончаніи дѣйствительной службы, въ случаѣ войны, менониты будутъ назначаемы лишь въ тѣ обязанности, какія они несли при состояніи на дѣйствительной службѣ и всегда безъ ношенія оружія и внѣ раіона военныхъ дѣйствій.*

«Окончивъ объясненіе мое съ депутатами, я приказалъ имъ возвратиться въ свои колоніи и передать своимъ единовѣрцамъ все слышанное отъ меня, а затѣмъ вновь прибыть ко мнѣ въ колонію Гальбштадтъ чрезъ недѣлю, т. е. 23 апрѣля, менонитовъ же, окончательно рѣшившихся выселиться изъ Россіи, я распорядился созвать на 24 апрѣля въ колонію Александерволь, поселяне которой, распродавъ уже свои имущества, всѣ поголовно рѣшились переселиться въ Америку.

«Въ этотъ промежутокъ времени я съ таврическимъ губернаторомъ и жандармскимъ штабъ-офицеромъ объѣхалъ 50 колоній Бердянскаго уѣзда. При объѣздѣ я обращался къ населенію менонитовъ, убѣждая ихъ, въ видахъ собственной пользы, обсудить и взвѣсить даруемыя имъ Государемъ Императоромъ льготы и облегченія и припомнить, что менониты, въ теченіе почти столѣтія, пользовались въ Россіи такимъ покровитель-

ствомъ монарховъ и правительства, какое не было предоставлено имъ ни въ одномъ государствѣ. При этомъ я старался поддерживать вторую партію, самую многочисленную и дѣйствовать на людей развитыхъ изъ этой партіи, какъ болѣе склонныхъ помириться съ новымъ порядкомъ вещей, въ тѣхъ видахъ, что они сумѣютъ разсѣять всѣ опасенія въ остальныхъ единовѣрцахъ своихъ.

«Послѣ всего этого многіе мениониты увидѣли, что они прежде недостаточно уясняли себѣ сущность возлагаемыхъ на нихъ новымъ закономъ обязанностей по отправленію воинской повинности, что теперь, по разъясненіи имъ даруемыхъ льготъ и сопоставивъ ихъ съ предписаніями религіи, они убѣдились, что правиламъ ея не будетъ противно отбываніе службы на предначертанныхъ основаніяхъ, и что при такомъ положеніи они могутъ оставаться въ Россіи.

«23-го апрѣля снова собрались ко мнѣ въ колонію Гальбштадтъ депутаты, которымъ я повторилъ сказанное прежде. Хотя изъ объясненій съ ними видно было, что рѣшимость менонитовъ выселиться изъ Россіи значительно поколебалась послѣ объявленія и разъясненія предоставленныхъ имъ льготъ и послѣ зрѣлаго обсужденія общинами всѣхъ потерь, которымъ они подвергнутся при выселеніи изъ Россіи; но находясь еще подъ вліяніемъ борьбы съ религіозными требованіями, депутаты не могли въ первое время прійти къ единогласному соглашенію и вновь пытались *заявлять такія условія, которыя были уже выслушаны мною прежде и отвергнуты*. Я рѣшительно объявилъ депутатамъ, что вовсе не уполномоченъ входить съ менонитами въ какіе-либо переговоры и дѣлать уступки; но что на, меня Государь Императоръ возложилъ объявить льготы при которыхъ отбываніе менонитами службы будетъ нисколько не противно ихъ ученію и свободѣ совѣсти. На слѣдующій день депутаты представили мнѣ, для повергнутія Его Императорскому Величеству, представляемый при семъ адресъ отъ имени общинъ своихъ, съ выраженіемъ чувствъ вѣрноподданнической благодарности за попеченіе Его Величества о менонитахъ и за Всемилостивѣйшее дозволеніе имъ нести такую службу, отправленіе которой не будетъ въ противорѣчіи съ религіозными убѣжденіями ихъ. Кромѣ того, депутаты представили мнѣ прилагаемое при семъ прошеніе, изъ котораго Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что мениониты подчиняются

предложеннымъ имъ мною для отбыванія личной службы условіямъ, которыя я не переставалъ повторять имъ ежедневно, и которыя они совершенно усвоили себѣ, а именно: «*отбываніе службы не въ военномъ, а въ другихъ вѣдомствахъ, и при томъ въ мѣстностяхъ преимущественно Новороссійскаго края и смежныхъ съ нимъ губерній: 1) въ лѣсной стражѣ министерства государственныхъ имуществъ; 2) въ мастерскихъ преимущественно города Николаева; 3) въ пожарныхъ командахъ; 4) при госпиталяхъ гражданскаго вѣдомства; при чемъ менониты не будутъ, какъ опасались они, распредѣляемы единичными личностями между другими служащими, но по возможности будутъ соединяемы въ особыя группы для предоставленія имъ совмѣстнаго совершенія молитвъ по уставамъ ихъ религіи, и что, наконецъ, по окончаніи дѣйствительной службы, въ случаѣ войны, менониты будутъ назначаемы лишь въ тѣ обязанности, какія они несли при состояніи на дѣйствительной службѣ, и всегда безъ ношенія оружія и внѣ района военныхъ дѣйствій. — Въ томъ же прошеніи депутаты заявили, что, будучи недостаточно знакомы съ вышеупомянутыми родами предоставляемой имъ службы, они просятъ разрѣшенія, во 1-хъ, высказать во всеподданнѣйшей докладной запискѣ, какому изъ исчисленныхъ выше четырехъ родовъ службы, какъ болѣе соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ, менониты желали бы дать предпочтеніе* [1]), *во 2-хъ, дозволить менонитамъ безпрепятственный выѣздъ заграницу, въ случаѣ измѣненія въ будущемъ устава о воинской повинности и лишенія ихъ чрезъ это Высочайше дарованныхъ имъ нынѣ преимуществъ; въ 3-хъ, оставить въ управленіи менонитовъ и подъ ближайшимъ ихъ надзоромъ, училища ихъ, которыя, милостію Монарховъ Россійской Имперіи, оставались по настоящее время въ этомъ положеніи, и даровать имъ права, присвоенныя соотвѣтствующимъ этимъ школамъ —*

---

[1]) Менонитовъ въ Новороссійскомъ краѣ числится около 40 т. душъ обоего пола, въ томъ числѣ мужескаго пола 20 т. душъ. Считая ежегодный призывъ къ военной повинности по 5 душъ съ тысячи, призывъ отъ менонитовъ составитъ около 100 новобранцевъ; слѣдовательно, при среднемъ 3-хъ-лѣтнемъ срокѣ службы будетъ постоянно находиться на службѣ 300 менонитовъ, которые и будутъ распредѣляться въ предоставленные имъ роды службы.

училищамъ Имперіи; при этомъ они обязуются, уже изъ одного чувства долга къ дорогой родинѣ ихъ, обратить всевозможное вниманіе и попеченіе на изученіе отечественнаго языка, и въ 4-хъ, дозволить менонитамъ, чрезъ помѣщеніе ихъ юношей въ нѣсколькихъ пунктахъ и цѣлыми группами, имѣть надъ ними надлежащій надзоръ, оказывать имъ необходимое духовное пособіе и поддерживать между ними дисциплину, согласно ихъ вѣроисповѣданію и общиннымъ правиламъ».—Просьбу, изложенную во второмъ пунктѣ, какъ словесно заявили мнѣ депутаты, они считаютъ необходимою для того, чтобы снять съ настоящаго поколѣнія отвѣтственность передъ потомками, еслибы они въ будущемъ привлечены были къ службѣ на условіяхъ, несогласныхъ съ даруемыми нынѣ льготами.

«*Изложивъ содержаніе поданной мнѣ письменной просьбы, я долженъ добавить здѣсь, что, при всѣхъ объясненіяхъ моихъ съ депутатами, они склонялись къ желанію нести службу преимущественно въ лѣсной стражѣ и въ мастерскихъ; но болѣе всего заявляли желаніе быть употребляемыми на службу по разведенію казенныхъ лѣсовъ и садовъ на югѣ Россіи, съ тѣмъ, что въ тѣхъ пунктахъ, которые окончательно будутъ опредѣлены раіонами ихъ службы, они готовы устроить на свой счетъ казармы и продовольствіе для людей своего контингента.* Къ этому послѣднему предложенію менониты побуждаются опасеніемъ, что новобранцы изъ ихъ среды, въ сообществѣ съ другими молодыми людьми, особенно въ городахъ, по свойственной молодежи воспріимчивости, могутъ утратить ту строгую нравственность, которая такъ ревностно оберегается менонитами, и для сохраненія которой въ единовѣрцахъ своихъ, при состояніи ихъ на службѣ, они готовы на всякія матеріальныя пожертвованія.

«24 го апрѣля я отправился въ колонію Александерволь (Бердянскаго уѣзда), поселяне которой, всѣ безъ исключенія, продавъ свои земли и имущества, подали уже прошенія объ увольненіи ихъ изъ подданства Россіи и о выдачѣ паспортовъ для выѣзда въ Америку. Собраннымъ здѣсь, въ молитвенномъ домѣ, представителямъ Александервольскаго общества и прибывшему сюда же, въ качествѣ уполномоченнаго отъ менонитской общины въ Апенфельдѣ, въ Крыму, церковному старшинѣ этой общины, я объявилъ Высочайше возложенное на меня по-

рученіе, повторилъ все, сказанное мною въ Гальбштадтѣ, и объявилъ, что тѣмъ изъ нихъ, которые убѣдились въ возможности оставаться въ Россіи послѣ даруемыхъ имъ льготъ, возвращены будутъ прошенія объ увольненіи изъ подданства Россіи. Передъ приходомъ моимъ въ молитвенный домъ, менониты совершали молитвенное пѣснопѣніе; затѣмъ они, въ торжественномъ молчаніи и съ полною покорностію, выслушали все сказанное мною, а по уходѣ моемъ изъ молитвеннаго дома продолжали пѣть молитвы. Вслѣдъ затѣмъ представители Александервольскаго общества и апенфельдскій церковный старшина явились ко мнѣ съ прошеніями, въ которыхъ, заявляя, что исповѣдываемая ими религія воспрещаетъ имъ всякое, даже самое косвенное, подчиненіе и содѣйствіе военному закону, просятъ дозволить имъ выселиться изъ Россіи и ускорить выдачею паспортовъ.

«Въ такомъ же родѣ подано было мнѣ 25 апрѣля прошеніе представителями менонитовъ малой общины Гейбоденскаго и Грюненфельдскаго приходовъ, Николайтальской волости, Екатеринославской губерніи и уѣзда; при чемъ въ этомъ послѣднемъ прошеніи заявлено, что «такъ какъ на менонитахъ ле-«житъ священная и дорогая обязанность блюсти и упрочить вѣ-«ру отцовъ ихъ, основанную на словѣ Божіемъ, то всякое, хотя бы «косвенное только, участіе въ военной или гражданской служ-«бѣ противорѣчитъ внутреннему смыслу вѣроученія менони-«товъ и нарушаетъ божественный завѣтъ. Если же, тѣмъ не «менѣе, нѣкоторые изъ менонитовъ, не взирая на Высочайше «дарованную свободу выселенія и вѣроученія ихъ, не придаютъ «значенія принятію на себя гражданской службы, то въ этомъ «слѣдуетъ видѣть не заблужденіе просителей, но грѣхъ и нару-«шеніе закона ихъ единовѣрцами. Что менониты вынуждены «были предпринять выселенія изъ Россіи не только по поводу «новаго закона о военной повинности, но еще прежде, когда «при образованіи волостей, на основаніи закона 4 іюня 1871 г., «нѣкоторыя колоніи менонитовъ включены были въ составъ «русскихъ волостей». Въ заключеніе они просятъ скорѣйшаго увольненія ихъ изъ подданства Россіи.

«Видя непреклонность этихъ поселянъ послѣ всего того, что я въ правѣ былъ обѣщать для облегченія имъ несенія воинской повинности, я не счелъ возможнымъ болѣе разубѣждать ихъ въ рѣшимости оставить Россію, такъ какъ это могло вы-

звать со стороны ихъ возраженія, несоотвѣтственныя установившемуся уже ходу дѣла въ другихъ колоніяхъ и могущія вредно отразиться на менонитахъ, рѣшившихся остаться въ Россіи.

«26-го апрѣля я прибылъ съ екатеринославскимъ губернаторомъ и жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ колонію Хортицу (волостное село) Екатеринославскаго уѣзда, въ которую собраны были къ нашему пріѣду церковные старшины, школьные учителя и должностныя лица общественнаго управленія колонистовъ Екатеринославской губерніи, изъ коихъ многіе были уже по вызову моему въ кол. Гольбштадтъ, слышали сказанное мною тамъ и передали своимъ единовѣрцамъ, обсудивъ съ ними даруемыя менонитамъ льготы. Изъ Хортицы мы предприняли поѣздку по колоніямъ трехъ волостей Екатеринославскаго уѣзда, въ которыхъ я объявлялъ менонитамъ цѣль моего прибытія и разъяснялъ даруемыя имъ по отбыванію воинской повинности льготы. По возвращеніи нашемъ въ Хортицу и послѣ непродолжительнаго объясненія съ собранными здѣсь депутатами, подготовленными уже прежними объясненіями, они присоединили подписи свои къ прошенію, поданному мнѣ депутатами Таврическихъ колоній въ Гальбштадтѣ, съ изъявленіемъ покорности предлагаемымъ условіямъ для отбыванія службы, и представили мнѣ адресъ, отъ имени общинъ своихъ, для повергнутія Государю Императору».

Затѣмъ, во второй части своего отчета генералъ-адъютантъ Тотлебенъ въ восторженныхъ выраженіяхъ рисуетъ состояніе Нѣмецкихъ колоній. Это описаніе, составленное на основаніи мимолетнаго впечатлѣнія, заранѣе еще приготовленнаго, грѣшитъ очень многими неточностями, которыя объясняются незнакомствомъ боеваго генерала съ тѣми условіями, въ которыя онъ такъ неожиданно былъ поставленъ. Такъ напримѣръ, графъ Тотлебенъ пишетъ: «Земледѣліе у колонистовъ доведено до совершенства *несмотря на неблагопріятныя климатическія и иныя условія*» (!!) и т. п.

«Въ заключеніе, кончаетъ графъ свой отчетъ, имѣю честь представить вашему высокопревосходительству, что измѣненіе § 157 устава о воинской повинности, соотвѣтственно вновь даруемымъ менонитамъ льготамъ, необходимо сдѣлать въ воз-

можно-скорѣйшемъ времени для укрѣпленія въ нихъ увѣренности въ осуществленіи милостей, фактическое дарованіе которыхъ окончательно помиритъ ихъ съ совѣстію и успокоитъ».

Странное впечатлѣніе производитъ чтеніе этой записки.

Невольно возникаетъ вопросъ, стали ли бы такъ поступать съ русскимъ населеніемъ, если ему вздумалось отказаться или даже только заявить о тягости для него этой повинности? Нѣтъ, съ нимъ не стали бы вступать въ переговоры, какъ съ правительствомъ какой-то иностранной державы, не послали бы къ нимъ генералъ-адъютанта, ветерана и героя, для того, чтобы онъ обмѣнивался съ ними какими-то дипломатическими нотами и соображеніями. Къ русскому населенію были бы навѣрно примѣнены болѣе простые и энергическіе способы воздѣйствія.

Что же касается до второй, лирической стороны доклада графа Тотлебена, то въ этомъ отношеніи поѣздка его напоминала шествіе Екатерины по Новороссіи. Какъ тамъ шпалерами стояли декораціи, такъ и здѣсь графъ былъ окруженъ курьерами, которые неслись туда, гдѣ пролегалъ его маршрутъ, и тамъ немедленно воздвигались «декораціи», которыя повергали въ невольное умиленіе воина, привыкшаго лицомъ къ лицу сражаться съ врагомъ отечества, но незнакомаго съ тактикой и пріемами «мирнаго завоеванія».

Мы были тамъ же, гдѣ и графъ, мы говорили съ людьми, сопровождавшими его, и мы знаемъ, какъ было обставлено это дѣло. Поэтому мы далеки отъ мысли заподозрѣвать графа Тотлебена въ недостаткѣ проницательности; напротивъ того, ему нельзя было увидѣть дѣло такъ, какъ оно есть; онъ не могъ бы его иначе увидѣть, чѣмъ его ему представили. Но одно онъ все-таки успѣлъ замѣтить, и это одно замѣчаніе свидѣтельствуетъ еще разъ о ясномъ умѣ его, который, поставленный даже въ условія ему совершенно незнакомыя и необычныя, среди массы постороннихъ, затемняющихъ дѣло вліяній, умѣлъ все-таки опредѣлить центръ тяжести въ данномъ явленіи.

Въ то время, да и теперь, всѣ были убѣждены, что движеніе колонистовъ было вызвано мотивами чисто религіознаго характера. Между тѣмъ и исторія этой секты въ Пруссіи и наконецъ внутреннее движеніе, въ ней возродившееся въ послѣднее время, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ — все это доказываетъ, что воинская повинность далеко не находится въ такомъ противорѣ-

чіи съ духомъ ихъ ученія, какъ это принято думать. И таково положеніе дѣла въ дѣйствительности. Вотъ этотъ фактъ и не ускользнулъ отъ проницательности покойнаго графа. Въ письмѣ своемъ изъ Екатеринославля къ начальнику 3-го Отдѣленія, графу Петру Андреевичу Шувалову, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ писалъ между прочимъ слѣдующее:

...«По прибытіи моемъ въ Гальбштадтъ я засталъ менонитовъ въ такомъ настроеніи, что я сомнѣвался въ возможности удержать ихъ отъ выселенія. *Довѣріе къ правительству было у нихъ сильно поколеблено*»...

...«Въ Нѣмецкихъ колоніяхъ (не менонитскихъ) *также* обнаруживается намѣреніе части населенія ихъ выселиться изъ Россіи».

Такимъ образомъ, по свидѣтельству графа, «довѣріе къ правительству» части его подданныхъ было поколеблено отъ того, что для этой части, избалованной постоянными льготами, не было сдѣлано исключенія въ новомъ законѣ о воинской повинности, но на нее распространены были общія правила, которымъ подчинялись всѣ безъ исключенія сословія государства. Затѣмъ уже въ томъ обстоятельствѣ, что и не одни менониты намѣревались выселяться, содержится указаніе на то, что религіозные мотивы не исключительно двигали нашихъ колонистовъ въ этомъ направленіи.

Далѣе графъ Тотлебенъ пишетъ: «По собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказывается, что отнюдь не воинская повинность тому (выселенію) причиной, такъ какъ многіе колонисты мнѣ неоднократно лично заявляли, что они съ охотой готовы служить въ войскахъ и находятъ эту мѣру (новый законъ о воинской повинности) совершенно справедливою. Нѣкоторые желаютъ даже поступать на службу вольноопредѣляющимися; одинъ молодой колонистъ обратился ко мнѣ и просилъ опредѣлить его на службу не на шесть лѣтъ, а на всю жизнь».

„*Дѣйствительная причина къ выселенію зависитъ:*

1) *Отъ распространенія какъ должностными, такъ и частными лицами слуховъ о предстоящемъ руссифицированіи колоній.*

2) *Отъ опасенія введенія въ школахъ обязательнаго преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ.*

3) *Отъ соединенія русскихъ и нѣмецкихъ селеній въ одну волость*“.

Такъ писалъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ.

Надѣемся, что послѣ этого свидѣтельства умолкнутъ всѣ направленные противъ насъ упреки въ голословномъ обвиненіи нѣмцевъ въ ихъ отчужденности отъ Россіи.

Графъ Тотлебенъ былъ истиннымъ сыномъ Россіи, потому что горячо любилъ свое отечество и Государя и, рискуя своею жизнью на полѣ брани, доказалъ силу своего патріотическаго чувства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сроднившись духовною силою своей любви съ своимъ отечествомъ, онъ почувствовалъ то же, что и мы, объѣзжая нѣмецкія колоніи юга Россіи.

Этотъ страхъ руссификаціи, эта боязнь утратить свой нѣмецкій обликъ была подмѣчена и имъ, и онъ прямо заявилъ объ этомъ по долгу службы и присяги.

Мы рѣшились привести весь этотъ эпизодъ, потому что онъ является, по нашему убѣжденію, характерной страницей въ исторіи нашихъ нѣмецкихъ колоній, проливая яркій свѣтъ на отношенія ихъ къ Россіи.

Пока имъ давались льготы, они сидѣли спокойно и возможно широко пользовались ими; разъ ихъ вздумали подчинить наравнѣ съ дворянами и всѣми другими сословіями единообразной мѣрѣ, они сразу потянулись прочь, потому что не было и нѣтъ у нихъ того нравственнаго и сердечнаго звена, которое навѣки приковываетъ человѣка къ его отечеству.

Практическимъ результатомъ изложенной поѣздки генералъ-адъютанта Тотлебена явилась статья 157 устава о воинской повинности, которая обезпечивала менонитамъ обѣщанныя имъ графомъ льготы.

Возвращаемся теперь къ прерванной нами нити изложенія правилъ 4-го іюня 1871 года.

Пунктами *б*) и *в*) той же 5-й статьи за колонистами сохранены дѣйствующіе у нихъ обычаи и правила какъ по взиманію и раскладкѣ повинностей, такъ и по страхованію строеній.

Точно также, въ силу ст. 8-й, существующія у поселянъ на различныхъ основаніяхъ и подъ разными наименованіями волостныя кассы продолжаютъ дѣйствовать по дѣйствующимъ у нихъ правиламъ.

Наконецъ, пунктомъ 1-мъ статьи 9-й, къ обществамъ поселянъ могутъ быть причисляемы только лица, пользующіяся лично и по состоянію тѣми же правами, какія присвоены членамъ общества, въ составъ котораго они приписываются: иными

словами, — къ колоніи и по сейчасъ можетъ приписаться только колонистъ.

Инструкція по приведенію въ дѣйствіе правилъ 4-го іюня 1871 г. пошла еще дальше, развивая всѣ изложенныя выше начала. Такъ напримѣръ въ III-й части — о капиталахъ — она дѣлаетъ слѣдующее оригинальное распоряженіе касательно мірскихъ капиталовъ, хранившихся, какъ и слѣдовало, въ Государственномъ банкѣ и другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

«Попечительный Комитетъ и Саратовская Контора требуютъ изъ Государственнаго банка и другихъ кредитныхъ учрежденій всѣ внесенные въ оный мірскіе капиталы, принадлежащіе какъ отдѣльнымъ колоніальнымъ обществамъ, такъ и цѣлымъ округамъ, и, составивъ симъ капиталамъ и причитающимся на оные процентамъ подробный разсчетъ по округамъ, или отдѣльнымъ обществамъ, вносятъ ихъ въ мѣстныя окружныя ссудо-сберегательныя кассы, гдѣ таковыя существуютъ, на имя округа или общества, которому они принадлежатъ; тамъ же, гдѣ нѣтъ таковыхъ кассъ, передаютъ въ волостныя правленія».

Такимъ образомъ и очутились въ кассахъ волостныхъ правленій такія значительныя суммы, что мы лично находили въ нѣкоторыхъ изъ желѣзныхъ сундуковъ волостныхъ правленій десятки тысячъ рублей.

Подведемъ же теперь итогъ всему сказанному.

Правила 4-го іюня должны были сравнять колонистовъ съ массой сельскаго населенія имперіи. Достигли ли они, да и могли ли они достигнуть этой цѣли?

Для этого прежде всего необходимо опредѣлить, что составляло основы колоніальной жизни, въ чемъ былъ жизненный нервъ всего устава о колоніяхъ?

Во-первыхъ, своеобразная форма землевладѣнія и наслѣдованія; *во-вторыхъ*, громадныя экономическія средства и распоряженіе ими на началахъ, отличныхъ отъ общепринятаго пользованія общественными капиталами; *въ третьихъ*, цѣлый рядъ весьма цѣлесообразныхъ требованій касательно веденія сельскаго хозяйства, нравственности и правилъ общежитія, обезпеченныхъ суровыми карательными мѣрами; *въ четвертыхъ*, наконецъ — полная обособленность въ смыслѣ управленія отъ остальнаго населенія имперіи и жизнь въ Россіи, каменной стѣной огражденная отъ всякихъ соприкосновеній съ русскими элементами.

Уничтожилъ ли эти устои колоніальной жизни законъ 4-го іюня 1871 года? Конечно, къ сожалѣнію—нѣтъ!

Во-первыхъ, онъ сохранилъ своеобразную форму землевладѣнія и наслѣдованія колонистовъ; *во-вторыхъ*, имъ по-прежнему обезпечено полное распоряженіе своими громадными капиталами, причемъ новый законъ (въ инструкціи) еще увеличилъ предѣлы вѣдомствъ волостныхъ правленій въ этомъ отношеніи; *въ третьихъ*, всѣ права и обычаи внутренняго управленія безусловно сохранены за колонистами; *въ четвертыхъ*, уничтоженіе колоніальнаго управленія и подчиненіе колонистовъ вѣдѣнію общихъ губернскихъ учрежденій нисколько не измѣнило строя ихъ жизни. Попечительный Комитетъ и смотрители колоній исчезли, но права ихъ *не перешли* на непремѣнныхъ членовъ и на уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Комитетъ и смотрители имѣли полное право контроля надъ дѣятельностью колонистскаго самоуправленія, они опекали и руководили ходомъ колоніальной жизни; непремѣнные члены и уѣздныя присутствія этого права не получили, и поэтому единственнымъ новшествомъ, внесеннымъ правилами 4-го іюня, было то, что до 1871 года надъ колонистами былъ—худой или хорошій это другой вопросъ—но все-таки надъ ними былъ контроль; теперь же, пользуясь тѣмъ, что крестьянскія присутствія не имѣютъ права входить въ обсужденіе вопросовъ крестьянскаго самоуправленія по существу, колоніи наши безъ всякаго надзора и кормила свободно поплыли, подчиняясь направленію западнаго вѣтра, мягко надувающаго паруса ихъ жизненной ладьи.

Что же касается до платоническаго требованія правилами 4-го іюня веденія всей переписки и дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, то, какъ мы лично можемъ удостовѣрить, во многихъ сельскихъ правленіяхъ оно—мертвая буква.

Такимъ образомъ, вполнѣ ошибаются тѣ, кто думаютъ, что колонисты приравнены закономъ 1871 года къ остальному населенію и что нельзя противъ нихъ принять какихъ-либо мѣръ, въ виду того, что они такіе же подданные, какъ и всѣ другіе.

Нѣтъ, они не такіе же подданные. Пользованіе въ теченіе вѣка исключительными привилегіями не могло не положить существеннаго отпечатка на строѣ ихъ жизни, кромѣ того, какъ мы видѣли, и существующій законъ въ значительной степени, если не вполнѣ, сохранилъ за ними такой порядокъ вещей. Они являются совершенно самостоятельной группой и въ жизни, и

въ законодательствѣ, и поэтому вполнѣ естественно примѣнить къ нимъ ту или иную спеціальную мѣру. Они слишкомъ долго пользовались льготами въ ущербъ русскому населенію. Пора прекратить это и, положивъ конецъ ихъ свободному хозяйничанью на югѣ, ввести колоніальную жизнь въ болѣе нормальныя и согласныя съ истинными интересами Россіи рамки. Это же можетъ быть достигнуто лишь путемъ тѣхъ или иныхъ правительственныхъ мѣропріятій.

Смѣшно негодовать на нѣмцевъ за ихъ благосостояніе, разъ это благосостояніе является плодомъ нашего же капитала, нашей земли, нашихъ опекъ и стараній. Нѣмцы—такіе же люди, и дико было бы, еслибы мы стали требовать отъ нихъ отказа отъ всѣхъ даруемыхъ имъ земель, денегъ, привилегій и пр. Напротивъ, мы можемъ сказать, что они въ совершенствѣ воспользовались всѣми этими, дарованными имъ, льготами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая это за ними, русское сердце невольно болѣетъ о томъ, что не на русскихъ, а на нѣмцевъ изливались всѣ эти блага; что мы пригрѣвали и вскармливали чуждое намъ по крови и неблагодарное дѣтище.

Поэтому, по чувству справедливости слѣдуетъ прекратить существованіе того привилегированнаго положенія, въ которомъ живутъ и теперь еще наши колонисты.

Реформа мѣстнаго управленія, конечно, можетъ сдѣлать многое въ этомъ направленіи. Но и при проведеніи ея надлежитъ дѣйствовать съ величайшей осмотрительностью, соображаясь съ особенностями экономической и бытовой жизни колонистовъ.

Изображенію въ общихъ чертахъ этихъ особенностей и былъ посвященъ настоящій бѣглый очеркъ, но и сказаннаго, надѣемся, достаточно, чтобы дать представленіе о томъ, насколько условія колоній отличны отъ общаго строя жизни остальнаго населенія Россіи.

Въ слѣдующей главѣ мы перейдемъ къ изложенію духовной жизни нашихъ южныхъ нѣмецкихъ колоній.

ГЛАВА II.

Духовная жизнь нашихъ нѣмецкихъ колоній.

Прежде чѣмъ начать обзоръ духовной жизни нашихъ нѣмецкихъ колоній, мы, увлекаясь все тою же страстностью въ

изложеніи, которую намъ такъ часто ставятъ въ упрекъ, позволимъ себѣ небольшое полемическое отступленіе, имѣющее впрочемъ на этотъ разъ больше, чѣмъ сколько можетъ на первый взглядъ показаться, отношеніе къ разсматриваемымъ нами религіознымъ вопросамъ.

Въ то время, когда мы писали о нѣмецкой колонизаціи въ Россіи, противъ статей этихъ начатъ былъ цѣлый крестовый походъ. И это было вполнѣ понятно, слишкомъ долго жили и питались нашими соками иноплеменные элементы имперіи; въ теченіе вѣковъ нѣмцы привыкли смотрѣть на Россію, какъ на свое достояніе, на сырой матеріалъ, только для того и обрѣтающійся на земномъ шарѣ, чтобы давать средства къ существованію и обогащенію тѣмъ представителямъ высшей культурной расы, которымъ тѣсно и безвыгодно было жить въ своемъ родномъ Vaterland'ѣ. И вдругъ эта темная масса заволновалась, эти неблагодарные варвары зашевелились, и неожиданно въ ихъ средѣ раздались голоса противъ нихъ, этихъ носителей высшей цивилизаціи, этихъ культуртрегеровъ нѣмецкаго прогресса. И въ возмущеніи заговорили противъ нашихъ статей всѣ тѣ, въ комъ скрытымъ огнемъ горитъ любовь къ единой Германіи. Но дѣло въ томъ, что не одни они подняли противъ насъ оружіе. Нѣкоторая часть русскихъ людей также дружно присоединилась къ нимъ, порицая тонъ и направленіе нашего труда. Кто эти люди, не трудно угадать. Питомцы идей шестидесятыхъ годовъ, того тревожнаго и хаотическаго состоянія мысли, когда въ подрастающемъ поколѣніи систематически убивались всѣ высокіе и благородные инстинкты, когда подъ напоромъ мутной волны лживо-либеральныхъ ученій гибли всѣ устои религіозные, государственные и даже колебались основы семейной жизни, эти люди не могутъ своимъ изсохшимъ сердцемъ понять любви къ родинѣ и поэтому для нихъ это святое чувство кажется дикимъ и узкимъ фанатизмомъ.

И такъ, явные и скрытые нѣмцы, соединившись съ тѣми «блудными сынами Россіи», которые въ своемъ неудержимомъ низкопоклонствѣ передъ Европой готовы пристегнуться ко всему, что только направлено противъ русской національности—все равно исходи это движеніе отъ поляковъ, нѣмцевъ, евреевъ или финновъ—выдвинули въ то время и вѣроятно выдвинутъ и теперь противъ насъ аргументъ слѣдующаго характера. Намъ со многихъ сторонъ заявили, что мы преувеличиваемъ *полити-*

ческое значеніе нѣмецкаго завоеванія юга Россіи. Нѣмцевъ-де такъ немного, сравнительно съ общей массой русскаго населенія, что прямой непосредственной опасности отъ ихъ водворенія трудно ожидать, и наконецъ, на что нѣмцамъ югъ? Если они отнимутъ у насъ (но къ чему вообще имъ отнимать?)—то они отнимутъ Прибалтійскія губерніи и Польшу по Вислу. Такъ разсуждаютъ наши возражатели. Мы не будемъ имъ отвѣчать отъ себя. Наши мысли и точки зрѣнія естественно не могли бы ихъ убѣдить. Мы передадимъ это дѣло самимъ нѣмцамъ. Въ вышедшей въ 1891 году книгѣ извѣстнаго Эд. Гартмана — «Zwei Jahrzehnte der deutschen Politik» — содержится лучшій отвѣтъ, который мы могли бы привести. Выясняя послѣдовательнымъ изученіемъ международныхъ отношеній неизбѣжность общеевропейской войны противъ Россіи, иными словами войны міра германо-романскаго противъ міра славянскаго, которую предсказываетъ, между прочимъ, и нашъ Н. Я. Данилевскій,— Гартманъ прямо рекомендуетъ направить войну на нашъ югъ и конечнымъ результатомъ военныхъ дѣйствій ставитъ слѣдующую задачу. Отъ Россіи должна быть отрѣзана полоса территоріи на западъ отъ линіи, проведенной отъ Нарвы къ Азовскому морю, съ населеніемъ въ 34 милліона, причемъ территорія эта должна была бы распредѣлиться слѣдующимъ образомъ (стр. 322): «Финляндію слѣдовало бы отдать Швеціи, заявляетъ Гартманъ, Бессарабію—Румыніи. Остзейскій край, вмѣстѣ съ губерніями Виленской и Ковенской, слѣдовало бы соединить въ самостоятельное Прибалтійское королевство, изъ Приднѣпровскихъ же областей образовать Кіевское царство. Швеція и Прибалтійское королевство поступили бы въ полный и безусловный протекторатъ Германской имперіи; такой же протекторатъ данъ былъ бы Австріи надъ Румыніей и Кіевскимъ царствомъ. Польша была бы возстановлена въ границахъ своихъ до раздѣла 1795 года и кромѣ того Австріи должна была бы быть обезпечена полная свобода дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ». — Такова скромная программа нашихъ сосѣдей. Писалъ ее не какой-нибудь Штёффель, ее писалъ человѣкъ, имя котораго пользуется въ Германіи авторитетомъ. Нельзя поэтому не видѣть въ ней выраженія воззрѣній извѣстной группы германскихъ патріотовъ.

Мы далеки отъ мысли пріурочивать такого рода взгляды всѣмъ нашимъ южнымъ колонистамъ. Никогда подобныя цѣльныя идеи не слагались въ умахъ народной массы, но вмѣстѣ съ

тѣмъ для всякаго бывшаго на мѣстѣ ясно, что почва для воспріятія подобнаго рода политическихъ ученій совершенно готова на нашемъ югѣ. Не говоря уже о колоніяхъ юго-западнаго края, носящихъ чисто боевой характеръ, чуждый какимъ бы то ни было инымъ цѣлямъ, кромѣ цѣлей завоевательныхъ—и разростающихся, примѣнительно къ строгимъ выводамъ новѣйшей стратегіи—колоніи южныя также нельзя не признать своего рода форпостами грядущаго германскаго шествія.

Совершенно вѣрна была высказанная желѣзнымъ канцлеромъ мысль «что слѣдующая война будетъ войною народовъ, которой цѣлью будетъ saigner à blanc son adversaire» [1]).

Въ дальнихъ окраинахъ Поволжья намъ случалось слышать отъ представителей администраціи слѣдующаго рода опасенія: «какъ только будетъ объявлена война съ Германіей, говорили они намъ, прежде всего наше коренное населеніе перерѣжетъ всѣхъ нѣмцевъ-колонистовъ; и такъ ужь на ярмаркахъ поминутно происходятъ жестокія свалки русскихъ и нѣмцевъ, — до такой степени противны другъ-другу и несовмѣстимы эти двѣ національности».—Нельзя упускать этого изъ виду: при войнѣ національной каждый колонистъ превратится въ вѣрнаго воина Германской имперіи.

Насъ, можетъ быть, назовутъ пессимистами, видящими все въ преувеличенно мрачномъ свѣтѣ. Пусть такъ. Мы первые скажемъ: «Дай Богъ, чтобы мы ошибались, мы сами отъ всего сердца были бы рады, если опасность, висящая, по нашему убѣжденію, надъ Россіей, была бы не такъ велика»; но къ сожалѣнію каждый новый фактъ международной жизни, каждое даже возраженіе на нашу статью лишь глубже и сильнѣе убѣждаютъ насъ, что Дамокловъ мечъ виситъ надъ нами. Нѣмцы не со вчерашняго дня готовятся къ войнѣ съ нами, не со вчерашняго дня начали они постепенно завоевывать мирнымъ путемъ наши пограничныя съ ними окраины. Дѣло это ведется у нихъ издавна и всѣмъ извѣстенъ ихъ Drang nach Osten; Dahin, dahin so weit wo die deutsche Sprache klingt!—А она, эта нѣмецкая рѣчь, начинаетъ уже въ наши дни звучать и въ отдаленныхъ степяхъ Оренбургской губерніи.

Пока Германія не была объединена, намъ можно было спокойнѣе относиться къ этому явленію; разбитой на мелкія кур-

---

[1]) Стэдъ „Иностранная правда о Россіи“ „Русск. Вѣст.“ 1889 г. № 4.

фюршества, ей нечего было думать о внѣшнихъ захватахъ; но теперь положеніе совершенно измѣнилось. Грозный колоссъ стоитъ въ настоящее время рядомъ съ нами и, гордый своимъ возродившимся національнымъ самосознаніемъ, онъ властной рукой объединяетъ всѣхъ сыновъ Тевтонской земли, гдѣ бы они ни находились. Намъ говорятъ, что нѣмцевъ на югѣ всего 300.000—число незначительное, но при этомъ забываютъ, что это за 300 тысячъ! Сто-тысячная дисциплинированная армія сильнѣе милліонной толпы и также точно эти 300 тысячъ колонистовъ, дисциплинированные уже по самому свойству своей методической натуры и кромѣ того тѣсно сплоченные вокругъ одной господствующей идеи, стоятъ трехъ милліоновъ окрестнаго населенія.

Повторяемъ, мы не хотимъ утверждать, что каждый южный колонистъ чувствуетъ себя конквизитаторомъ, но несомнѣнно, что онъ сознаетъ свою отчужденность отъ Россіи, всѣми помыслами и симпатіями живетъ въ Германіи, и этого, по нашему убѣжденію, достаточно, чтобы при малѣйшемъ толчкѣ извнѣ превратить этого мирнаго колониста въ отъявленнаго врага Россіи.

Скрыты и неуловимы въ отдѣльныхъ личностяхъ ростъ и созрѣваніе національнаго чувства, но въ массовомъ движеніи историческихъ событій легко отмѣтить ихъ проявленія. «Saigner à blanc son adversaire» грозныя слова нѣмецкаго политическаго дѣятеля въ примѣненіи къ грядущей войнѣ Россіи и Германіи означаютъ, что исходомъ войны должно быть исчезновеніе съ политическаго горизонта одной изъ этихъ державъ. Передъ такимъ роковымъ вопросомъ «быть или не быть» простительны должны показаться наши опасенія даже, еслибы будущее и обнаружило ихъ неосновательность...

Послѣ этого отступленія перейдемъ къ нити нашего изложенія.

Въ настоящей главѣ мы намѣрены познакомить читателей съ духовными интересами, которыми живутъ наши нѣмцы-колонисты, съ тѣми устоями, на которыхъ зиждится весь строй ихъ религіозной жизни. Вопросъ этотъ на первый взглядъ можетъ представиться неимѣющимъ прямаго практическаго значенія, и страннымъ можетъ показаться, что мы обращаемся къ нему немедленно послѣ изслѣдованія бытовыхъ и экономическихъ условій жизни колоній. Но это первое впечатлѣніе не

замедлитъ разсѣяться, какъ только мы ближе и пристальнѣе вглядимся въ дѣло.

Нигдѣ характеръ народа и его нравственный обликъ не отражается яснѣе, какъ въ тѣхъ религіозныхъ началахъ, которыя составляютъ для него весь смыслъ и суть его жизненнаго бытія.

Различіе этнографическое, т. е. различіе тѣхъ племенныхъ качествъ, которыя выражаются въ особенностяхъ психическаго строя народовъ, сдѣлало то, что въ религіозномъ отношеніи міръ славянскій, исповѣдуя почти одинаковый съ западомъ Символъ Вѣры, тѣмъ не менѣе образовалъ отдѣльную вѣроисповѣдную группу, рѣзко отличающуюся отъ міра германо-романскаго. Не касаясь католичества, такъ какъ лишь очень незначительная часть нашихъ нѣмцевъ-колонистовъ принадлежитъ къ этой церкви, мы позволимъ себѣ въ настоящемъ очеркѣ остановиться на тѣхъ основахъ протестантизма, которыя непреодолимой преградой лежатъ между нѣмцами-колонистами протестантами и окрестнымъ русскимъ населеніемъ. Эти коренныя свойства протестантизма необходимо имѣть въ виду, потому что, составляя внутреннюю сущность духовнаго строя жизни нашихъ колонистовъ, они являются вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ сильнымъ противовѣсомъ къ сліянію ихъ съ Россіей. Въ краткихъ словахъ эти свойства заключаются въ слѣдующемъ. Чрезмѣрно развитое чувство личности, тотъ индивидуализмъ, яркій расцвѣтъ котораго является однимъ изъ характернѣйшихъ явленій западно-европейской жизни, нашелъ себѣ самое рельефное выраженіе въ протестантствѣ, томъ свойствѣ характера, при которомъ человѣкъ или народъ, имъ обладающій, ставитъ *свой* образъ мыслей, *свой* интересъ такъ высоко, что всякій иной образъ мыслей, всякій иной интересъ необходимо долженъ, въ его глазахъ, уступить ему волею или неволею, какъ неравноправный. Такой складъ ума, чувства и воли ведетъ въ области религіозной прежде всего къ отрицанію какого бы то ни было авторитета. И дѣйствительно въ то время, какъ по понятію православному, церковь есть собраніе всѣхъ вѣрующихъ, всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, подъ главенствомъ Іисуса Христа и подъ водительствомъ Святаго Духа, и православные, преклоняясь передъ ея авторитетомъ, признаютъ ее непогрѣшимой хранительницей божественнаго откровенія, протестанты отвергаютъ всякую непогрѣшимость и предоставляютъ рѣшеніе

всѣхъ вопросовъ религіозныхъ произволу личнаго толкованія. Въ результатѣ получается, что они этимъ самымъ отнимаютъ всякое опредѣленное значеніе у самаго Откровенія и ставятъ его въ одну категорію съ разными философскими ученіями.

«Очень вѣрнымъ символомъ протестантскаго взгляда, замѣчаетъ Н. Я. Данилевскій [1]), служитъ слѣдующая черта изъ жизни президента Соединенныхъ Штатовъ Джеферсона. Джеферсонъ былъ вольнодумецъ и не признавалъ божественности христіанства, но однакоже уважалъ многія изъ его истинъ. Желая отдѣлить справедливое отъ того, что, по его мнѣнію, было ложно, онъ взялъ два экземпляра Евангелія и вырѣзалъ изъ нихъ то, что казалось ему сообразнымъ съ здравымъ понятіемъ о нравственности или, проще сказать, то, что ему нравилось. Свои вырѣзки онъ наклеивалъ въ особую тетрадку и, такимъ образомъ, составилъ себѣ сводъ нравственныхъ ученій или, ежели угодно, систему религіи для своего обихода. Каждый приверженецъ протестантскаго ученія поступаетъ въ сущности совершенно такъ же и дѣлаетъ себѣ собственную свою тетрадку, которая неизбѣжно носитъ на себѣ отпечатокъ характера ея хозяина. Мистикъ не удостоитъ вырѣзки всего того, что кажется ему слишкомъ простымъ или естественнымъ, раціоналистъ—то, что покажется слишкомъ таинственнымъ и сверхъестественнымъ».

Такимъ образомъ вся сущность религіи по протестантскому воззрѣнію необходимо сводится на одно лишь личное субъективное чувство. Такая субъективная религія, то-есть вѣрованіе тому, чему хочется, или тому, чему вѣрится, есть прежде всего отрицаніе всякаго положительнаго Откровенія и отнятіе у него не только всякой внѣшней, но и всякой внутренней обязательности и достовѣрности. Иными словами, такая субъективная религія есть отрицаніе религіи вообще, ибо истинная религія немыслима безъ полной достовѣрности, подчиняющей себѣ весь духъ, всѣ проявленія душевной жизни человѣка, такъ же точно, какъ достовѣрность логическая подчиняетъ себѣ его мышленіе и умъ.

Не для теоретическаго доктринерства вошли мы въ эту туманную область богословскихъ разсужденій. То, что мы сказали, тѣ начала и основы протестантства, которыя мы отмѣтили,

---

[1]) „Россія и Европа“ стр. 216.

необходимы для уразумѣнія нижеслѣдующаго изложенія разнообразныхъ и оригинальныхъ вѣроученій нашихъ колонистовъ-сектантовъ. Какъ ни туманны и ни отдалены представляются на первый взглядъ всѣ эти принципіальныя отличія міра православнаго и протестантскаго, въ жизни они имѣютъ громадное практическое значеніе, кладя рѣзкую печать на послѣдователей того или инаго направленія. Мы были на мѣстѣ и, переѣзжая попеременно то заброшенныя и неустроенныя русскія селенія, то вытянутыя въ струнку заботливо насаженныя нѣмецкія колоніи, мы чуяли это различіе въ нравственномъ строѣ жизни, это племенное отличіе характеровъ, выражающееся въ исповѣдуемой религіи—во всемъ.

Мертвящій духъ протестантизма, въ самыхъ различныхъ проявленіяхъ, повсюду одинаково гнетущій, тяжелой печатью лежалъ на нѣмцахъ-колонистахъ.

Иначе они мыслятъ, иначе смотрятъ они на себя и на людей, чѣмъ наши русскіе крестьяне. Быть можетъ, въ единичныхъ частныхъ случаяхъ это различіе и не замѣтно, но въ массѣ, въ общемъ теченіи народной жизни рѣзко-отличной струей протекаютъ нравственные идеалы нашихъ нѣмецкихъ сектантовъ; и не жизнь и не свѣтъ истины несутъ они съ собой, а педантизмъ и сухое эгоистическое доктринерство. Цѣль наша, обрисовавъ отличительные признаки ихъ религіозныхъ воззрѣній, по возможности выяснить, что протестантскій взглядъ на Откровеніе лишаетъ его достовѣрности и незыблемости въ глазахъ придерживающихся его и тѣмъ самымъ разрушаетъ въ умахъ медленнымъ, но неизбѣжнымъ ходомъ логическаго развитія, самую сущность христіанства.

Утрачивая же шагъ за шагомъ свой религіозный характеръ, протестантство въ Россіи съ тѣмъ большей силой хватается за идею національную и изъ своихъ отжившихъ и ослабшихъ религіозныхъ традицій создаетъ себѣ знамя германизма. Дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, эта идея національности, осиливаемая первоначально болѣе горячими религіозными увлеченіями, съ теченіемъ времени, когда увлеченія эти постепенно гасли подъ вліяніемъ неудержимой критики разума, шагъ за шагомъ выступала впередъ и ждала только прикосновенія извнѣ, чтобы расцвѣсть полнымъ цвѣтомъ. И это прикосновеніе послѣдовало. 1871-й годъ является знаменательнымъ годомъ въ исторіи развитія германскаго національнаго самосознанія.

Могучей волной прокатилась вѣсть о провозглашеніи Германской имперіи, и сладко встрепенулись при этомъ тевтонскія сердца во всѣхъ концахъ земнаго шара; встрепенулись они и у насъ, въ Россіи, гдѣ еще и до того, среди нѣмцевъ-колонистовъ, несмотря на формальное запрещеніе, шли дѣятельные денежные сборы въ пользу Vaterland'a.

Встрепенулись ихъ сердца, и еще живѣе почувствовали они свою связь съ далекой родиной, еще ярче выяснилась ихъ отчужденность и обособленность отъ окружающей ихъ среды россійскихъ «варваровъ».

Какъ мы уже имѣли случай указать, и «далекая родина» не оставляла ихъ своимъ вниманіемъ и многочисленные Verein'ы и Geseltschaft'ы зорко слѣдили за ходомъ колоніальнаго дѣла въ Россіи.—Все это однако видно будетъ изъ послѣдующаго изложенія, теперь же мы обратимся къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ религіозныхъ сектъ. Мы болѣе подробно остановимся на гернгутерахъ, менонитахъ и штундистахъ, какъ наиболѣе значительныхъ, и только вскользь коснемся піетистовъ, анабаптистовъ, сепаратистовъ, саботянъ, «танцующихъ братьевъ» и др., въ изобиліи разсѣянныхъ отдѣльными мелкими группами среди массы нѣмецкаго колонистскаго населенія Россіи. Начнемъ съ гернгутеровъ, потому что эта секта и по своему внутреннему строю, и по внѣшней своей исторіи, представляетъ наибольшій бытовой интересъ.

I. Гернгутеры.

Съ вечернимъ пароходомъ выѣхалъ я изъ Царицына въ Сарепту. Ѣзды внизъ по Волгѣ около полутора часа. Когда мы отваливали, солнце уже сѣло, легкая вечерняя мгла заволакивала прозрачной пеленой широко раскинувшуюся рѣку. Проводивъ взоромъ медленно исчезавшій на высокомъ правомъ берегу городокъ, я сошелъ внизъ. Въ просторной столовой „Меркуріевскаго“ парохода за столомъ, тѣсно уставленнымъ разными блюдами и вазами съ искусственными цвѣтами, сидѣли обычные осенніе типы волжскихъ пассажировъ.

Нѣсколько лѣсоторговцевъ, два-три отъѣвшихся бородача купцы, цѣлая группа путейцевъ, звонко щебетавшихъ польскою рѣчью вокругъ замороженной бутылки шампанскаго, и во

главѣ стола неизбѣжный капитанъ въ своей полувоенной, полуштатской формѣ. Новымъ лицомъ былъ на этотъ разъ только худенькій старичекъ, сидѣвшій рядомъ съ капитаномъ, и къ которому послѣдній обращался съ большимъ подобострастіемъ. Сѣденькій и весь изсохшій, онъ на первый взглядъ произвелъ на меня впечатлѣніе аптекаря или доктора. Говорилъ онъ по-нѣмецки. Усѣвшись за общій столъ, я спросилъ капитана, скоро ли мы будемъ въ Сарептѣ. При звукахъ этого имени старикъ весь встрепенулся, и изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей зорко и пристально глянулъ на меня его далеко еще не потухшій взглядъ

— Sie fahren nach Sarepta? спросилъ онъ, прежде чѣмъ медлительный капитанъ открылъ ротъ для отвѣта.

— Да.

— So machen wir denselben Weg, любезно промолвилъ старичекъ въ то время, какъ взглядъ его съ упорной настойчивостью изучалъ меня, казалось, до мелочей. И затѣмъ, поднявшись, онъ подсѣлъ ко мнѣ, назвавъ, при нашемъ взаимномъ представленіи, извѣстную всей промышленной Россіи фамилію заводчика-милліонера.—На долго ли вы къ намъ? Откуда? Для своего удовольствія или по дѣламъ? — посыпались отъ него вопросы, и разговоръ, завязавшись, принялъ тотъ характеръ откровенно-общихъ фразъ и замѣчаній, которыя близко знакомы каждому поѣздившему по Россіи.

Протяжный свистокъ возвѣстилъ намъ, что мы приближаемся къ Сарептѣ. Мы вышли на палубу. Ночь уже наступила, тихая, темная, звѣздная ночь. Луна только еще всплывала надъ горизонтомъ, и блѣдный свѣтъ ея лишь слабымъ мерцаніемъ озарялъ величавую рѣку и темную массу нашего парохода. Направо вдалекѣ темнѣлъ нагорный берегъ, къ которому, описывая широкій полукругъ, медленно направлялось наше судно.

— Сарепта, отрывисто промолвилъ мой сосѣдъ, указывая на огонекъ, мерцавшій на берегу.

Еще нѣсколько шумныхъ оборотовъ колеса, два-три рѣзкихъ окрика капитана, и мы пристали къ маленькой убогой пристани, одиноко ютившейся на пустынномъ берегу.

— Колонія въ семи верстахъ отъ берега, пояснилъ мнѣ мой попутчикъ, замѣтивъ мой недоумѣвающій взглядъ, и тутъ же предложилъ мнѣ воспользоваться его экипажемъ — неуклюжей

«гитарой», запряженной парой рослыхъ лошадей. Мы усѣлись и тронулись въ путь. Проѣхавъ съ версту вдоль холмовъ, поросшихъ густымъ кустарникомъ, мы выбрались, наконецъ, на широкую, всю залитую свѣтомъ мѣсяца, степь. Старикъ мой усиленно сталъ погонять возницу. «Опоздаемъ къ вечернему богослуженію», сердито бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

— А развѣ вы ежедневно ходите въ церковь?

— Да, по нашимъ правиламъ, мы должны быть въ церкви и утромъ и вечеромъ. Мы и ходимъ, т. е. мы, старые, поправился онъ,—а молодежь нѣтъ, та не ходитъ. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась молодежь, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, не знаю, что̀ и будетъ при такомъ направленіи съ нашей общиной!

И словно мысленно погрузившись въ это невеселое, ожидающее его будущее, старикъ угрюмо молчалъ всю дорогу. Одинъ разъ прервалъ онъ только это молчаніе. Проѣзжая мимо какого-то незамѣченнаго мною холмика, онъ выпрямился и, неопредѣленно двинувши рукой, властно промолвилъ:

— Наша земля!

И затѣмъ снова умолкъ, всей душой уйдя въ свои невеселыя, повидимому, думы.

Проѣхавъ верстъ шесть по ровной гладкой степи, мы начали спускаться въ небольшую долину. Свѣтъ мѣсяца золотыми блестками сверкнулъ на водахъ рѣки Сарты, протекающей у колоніи; и черезъ мгновеніе, залитая этимъ луннымъ свѣтомъ, глазамъ нашимъ открылась вся колонія.

Въ общемъ Сарепта мало отличается отъ другихъ нѣмецкихъ колоній. Дома только въ ней лучше и больше, еще гуще заросла она зеленью, да окружающія ее темныя массы фабричныхъ зданій придаютъ ей какой-то своеобразный характеръ. Миновавъ нѣсколько улицъ, мы выѣхали на большую четырехугольную площадь, съ садикомъ посерединѣ. Уже подъѣзжая, до нашего слуха долетѣли какіе-то мелодичные аккорды, когда же мы подъѣхали ближе, мы ясно различили звуки молитвенныхъ гимновъ, раздававшихся изъ молельни.

— Я говорилъ, что опоздаемъ, заволновался мой спутникъ, и еле простившись со мной, спѣшными старческими шагами направился онъ къ большому двухъэтажному зданію, изъ котораго неслись эти торжественныя пѣснопѣнія. Я продолжалъ свой путь одинъ и, найдя гостиницу для пріѣзжающихъ, со-

держащуюся, между прочимъ, на счетъ общины, — занялъ одинъ изъ номеровъ въ первомъ этажѣ. Раскрывъ окно, я впустилъ струю теплаго лѣтняго воздуха, и вмѣстѣ съ нею раздался и наполнилъ всю комнату послѣдній торжественный аккордъ церковнаго пѣнія. Могучей волной пронесся онъ въ тихомъ вечернемъ воздухѣ, и затѣмъ все смолкло. Изъ окна только мнѣ было видно, какъ темныя молчаливыя фигуры, склонивъ головы, торопливыми шагами расходились по домамъ. Наконецъ и послѣдняя изъ нихъ исчезла; гдѣ-то вдалекѣ хлопнула послѣдняя затворявшаяся дверь, и полная тишина воцарилась надъ уснувшей колоніей. Эта дивная южная ночь, это торжественное пѣснопѣніе, такъ сладко звучавшее въ тишинѣ, эти темныя молчаливыя и сосредоточенныя фигуры, безмолвно скользившія подобно китайскимъ тѣнямъ, производили своеобразное впечатлѣніе, и долго не могъ я заснуть, мысленно пробѣгая своеобразную исторію этой колоніи.

Колонія Сарепта основана была 4 сентября 1765 года членами Евангелическаго братства. Но прежде чѣмъ заняться исторіей ея въ Россіи, необходимо познакомиться съ тѣмъ, что представляло собою это братство, пославшее часть своихъ членовъ заселить отдаленную мѣстность на крайнемъ Востокѣ.

Колонія Сарепта является звеномъ религіозно-экономической ассоціаціи, раскинувшейся по всему свѣту и носящей названіе «Обществ» Евангелическихъ братьевъ» Brüderunität или секты гернгутеровъ. Исторія возникновенія этой секты слѣдующая.

Послѣдователи гусситовъ, разбившись послѣ трагической смерти своего учителя (6 іюля 1415 г.), на двѣ группы—на каликстинцевъ или болѣе умѣренныхъ, и на таборитовъ или ультрамонтановъ гусситства, вступили между собой въ кровавую войну.

Исходъ ея былъ печаленъ для таборитовъ и, разсѣянные и изгнанные изъ Чехіи и Моравіи, они бросились въ герцогство Литицкое, гдѣ, принятые въ 1456 г. проповѣдникомъ Михаиломъ Брадатымъ, они и образовали тѣсную общину, члены которой стали именовать себя братьями и сестрами.

Въ 1467 г. они переняли епископское посвященіе отъ вальденсеровъ, и такимъ образомъ образовался первый зародышъ Евангелическаго братства.

И затѣмъ на сунодѣ въ Сандомірѣ въ 1570 г. братство

подтвердило общность своихъ догматовъ съ основами лютеранской церкви. Но послѣ этого настали тяжелыя времена для братства. Уже въ Шмалькальдской войнѣ послѣ гибельнаго для протестантовъ сраженія при Мюльбергѣ, Фердинандъ началъ свои притѣсненія противъ братства, и въ 1548 г. имъ было предписано въ теченіе 42 дней оставить предѣлы королевства.

Окончательный же ударъ былъ нанесенъ ему въ 1621 г., когда послѣ сраженія при Бѣлой горѣ (8 ноября 1620 года), Фердинандъ Второй началъ вершить свой кровавый судъ въ Прагѣ. Братство, казалось, было совершенно разсѣяно; «но, повѣствуетъ лѣтопись гернгутеровъ, Господь судилъ иначе и вдохнулъ черезъ сто лѣтъ послѣ внѣшней гибели братства новый духъ въ разсѣянныхъ членовъ его въ Чехіи, а также положилъ ему новое основаніе въ Евангелической церкви въ Германіи».

Взглянемъ же теперь, какъ послѣдовало это возрожденіе маленькой церкви «des kleinen Kirchlein's», какъ ее именуютъ гернгутеры.

Новое стремленіе къ устроенію жизни во Христѣ возникло благодаря рвенію двухъ лицъ, особо почитаемыхъ гернгутерами, именно: Іакова Шпеннера и Августа Франка, усиліями которыхъ въ Германіи образовался цѣлый рядъ мелкихъ общинъ, имѣвшихъ цѣлью путемъ тѣснаго единенія сохранить свою вѣру въ первоначальной чистотѣ апостольскаго ученія.

Другомъ и единомышленникомъ Шпеннера въ Дрезденѣ былъ между прочимъ и тамошній министръ, графъ Цинцендорфъ, отецъ Николая-Людвига Цинцендорфа, съ именемъ котораго неразрывно связана исторія возрожденія Евангелическаго братства.

Личность графа Николая Цинцендорфа является одной изъ интереснѣйшихъ среди другихъ дѣятелей протестантства.

Еще юношей, стоя передъ картиной Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, въ картинной галлереѣ въ Дюссельдорфѣ, и вникая въ смыслъ подписи подъ ней: «Сіе дѣлаю Я ради тебя, что же ты сдѣлаешь для меня», онъ въ сердечномъ умиленіи далъ обѣтъ всю жизнь свою посвятить служенію Христу и до конца дней своихъ не измѣнялъ поставленной себѣ цѣли. Здѣсь не мѣсто входить въ подробную характеристику его дѣятельности; она заслуживаетъ иной, болѣе внимательной оцѣнки. Мы отмѣтимъ только главные моменты его работы въ дѣлѣ возрожденія братства.

Въ 1721 году купилъ онъ имѣніе Бертельсдорфъ въ Верхней Лузаціи, и здѣсь, при горѣ Гутбергѣ, положено было первое основаніе братскому общежитію. Отъ имени этой горы братство и начало именоваться гернгутерами, что̀ означаетъ также «Господомъ покровительствуемые» [1]).

Ко времени закладки перваго дома чудеснымъ проявленіемъ Божескаго Провидѣнія, какъ повѣствуетъ лѣтопись братства, явилась въ Гернгутъ часть изгнанныхъ изъ Богеміи братьевъ и, найдя здѣсь благодать Господню, поселилась, принеся съ собою и прежнее епископское освященіе. Такимъ образомъ, 12 мая 1724 года слѣдуетъ считать днемъ возстановленія братства изъ остатковъ прежнихъ моравскихъ братьевъ и тѣхъ новыхъ силъ, которыя возрасли на почвѣ лютеранской церкви въ Германіи.

До послѣдней минуты своей жизни трудился графъ Цинцендорфъ надъ внѣшнимъ преуспѣяніемъ и надъ внутренней организаціей Евангелическаго братства. Его энергіи и его выдающимся административнымъ способностямъ обязано братство тѣмъ строемъ, на которомъ и посейчасъ зиждится его существованіе.

Братство не считаетъ себя религіозной партіей въ вѣроисповѣдномъ отношеніи. Признавая себя частью лютеранской церкви, оно ставитъ себѣ лишь спеціальною цѣлью «осуществлять истинно благочестивую жизнь по ученію Спасителя и Его апостоловъ».

Къ этой господствующей цѣли приноровлена и вся внѣшняя организація общества.

Прежніе моравскіе братья держались строго коммунальнаго принципа собственности. Новое возрожденное братство, подчиняясь духу и характеру германо-романской расы, на почвѣ которой оно возникло, отчасти отступило отъ этого начала, не соотвѣтствующаго «насильственности» ея характера. Въ общихъ чертахъ начала экономическаго строя жизни сохранились неизмѣнно со времени Цинцендорфа и посейчасъ. Взаимныя имущественныя отношенія общинной экономіи къ членамъ общины приняты въ настоящее время приблизительно тѣ же, какія существуютъ между человѣколюбивымъ капита-

[1]) Мысль этого названія подалъ имъ проповѣдникъ Гейцъ: «Gott gebe, —сказалъ онъ,—dass an dem Berg, welcher Hutberg heisst, eine Stadt erbaut werde die nicht nur unter des Herrn Hut stehe, sondern da auch alle einwohner auf des Hern Hut stehen, dass Tag und Nacht kein schweigen bei Kneu sei!»

листомъ-заводчикомъ и его рабочими. Эти отношенія, ставя повсюду на первый планъ интересы хозяина-капиталиста, въ принципѣ не отрицаютъ, однако, ни личной собственности вообще, ни возможности различныхъ, по обстоятельствамъ, экономическихъ комбинацій. Но, для полноты и ясности сравненія, необходимо добавить, что братья связаны съ общинною экономіею принципомъ круговой поруки, чего нѣтъ во взаимныхъ отношеніяхъ капиталиста и его рабочихъ. На такихъ основаніяхъ населеніе Гернгута, а въ настоящее время и населеніе всѣхъ общинъ братства, было раздѣлено по поламъ, возрастамъ и другимъ условіямъ, на отдѣльныя корпораціи (Chor), такъ что образовались корпораціи: дѣтская, мальчиковъ, дѣвочекъ, холостыхъ братьевъ, незамужнихъ сестеръ, вдовцевъ и вдовъ. Каждая отдѣльная корпорація получаетъ свое общежительное помѣщеніе и особую экономію (Diaconie), своего попечителя (Chorpfleger), обязаннаго духовнымъ призрѣніемъ и надзоромъ за нравственностью, и старшину (Chorvorsteher), вѣдающаго внѣшними дѣлами и экономіею корпораціи. Въ женскихъ корпораціяхъ эти двѣ послѣднія должности замѣщаются лицами женскаго пола, но въ засѣданіяхъ общинныхъ совѣтовъ мѣсто ихъ заступаютъ лица изъ братьевъ, назначаемые имъ на этотъ случай въ помощь. Только семейные братья проживаютъ въ частныхъ домахъ; они называются «приватными» (die Privaten) и подчиняются непосредственному надзору главныхъ общинныхъ начальниковъ (Arbeiter). Высшее общинное управленіе (Aeltestenconferenz) составляютъ: 1) общинный попечитель (Gemeinhelfer), который, какъ глава или старшина общества, предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ конференціи; 2) проповѣдникъ, 3) общинный старшина (Gemeinvorsteher) и 4) корпораціонные попечители и старшины. При конференціи состоитъ коллегія надзирателей (Aufseher-collegium). Къ вѣдѣнію ея отнесены главный надзоръ за продовольственною частью и наружная полиція, а также разбирательство и разрѣшеніе мелочныхъ ссоръ между обывателями. Для совѣщаній по чрезвычайнымъ дѣламъ, коллегія надзирателей, усиливаясь по выбору общими новыми членами, составляетъ общинный совѣтъ.

Въ церковно-іерархическомъ отношеніи, общество признаетъ: 1) епископовъ; преемственное посвященіе ихъ въ санъ ведется въ неразрывной связи отъ епископовъ прежнихъ мо-

раво-чешскихъ братствъ; только епископъ можетъ совершать посвященіе въ епископскій или другой духовной санъ, но никакой другой власти ему не предоставлено, развѣ онъ сдѣлается членомъ одного изъ учрежденій общественнаго управленія; 2) пресвитеровъ или проповѣдниковъ, состоящихъ при общинахъ, или внѣ ихъ, въ качествѣ миссіонеровъ, и 3) діаконовъ, служащихъ помощниками у проповѣдниковъ, если посвященіемъ уполномочены на совершеніе св. таинствъ.

Для высшаго центральнаго управленія дѣлами всѣхъ общинъ братства существуетъ особая дирекція (Unitätsältestenconferenz, Directorium), пребывающая, съ 1789 г., въ Бертельсдорфѣ. Дирекція эта раздѣляется на департаменты: а) попечительства и воспитанія; б) финансовъ и инспекціи, и в) миссіонерства. Во главѣ каждаго департамена стоятъ епископъ, какъ директоръ, и четыре члена-проповѣдника. Члены всѣхъ департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ *особаго президента-епископа*, соединяясь въ общія засѣданія, образуютъ дирекцію. По всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ братскія общины обязаны испрашивать разрѣшенія центральной дирекціи. Она же замѣщаетъ должности проповѣдниковъ и главныхъ общинныхъ начальниковъ и у насъ въ Россіи. Какъ ни обширны полномочія дирекціи, но и она, какъ власть по преимуществу исполнительная, отвѣтственна предъ синодальнымъ собраніемъ, которое и есть высшая представительная власть всего братства. Синоды собираются по мѣрѣ надобности, обыкновенно одинъ разъ въ каждыя 7—12 лѣтъ, состоя изъ членовъ центральной дирекціи и депутатовъ отъ общинъ и ихъ мѣстныхъ управленій. Синодальные протоколы (Synodalverlass) сообщаются, для свѣдѣнія, всѣмъ общинамъ; предъ закрытіемъ засѣданій синодъ производитъ всегда новый выборъ президента и членовъ центральной дирекціи.

Такова внѣшняя организація евангелическаго братства. Что же касается внутреннихъ основъ его вѣроученія, то оно въ главныхъ началахъ сходно съ лютеранскимъ исповѣданіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ стремленіи устраивать жизнь свою «по ученію Христа», братство включило въ свои правила и нѣкоторыя оригинальныя особенности, рѣзко отличающія членовъ его отъ остальныхъ протестантовъ.

Первой такой особенностью является многочисленность церковныхъ собраній. Собранія эти троякаго рода: во-первыхъ,

обѣдни (Kirchenlitanie), затѣмъ литургіи—(Liturgien), которыя состоятъ въ перемѣнномъ пѣніи проповѣдникомъ, хоромъ и всѣми присутствующими особо для сего утвержденныхъ синодомъ въ Бертельсдорфѣ пѣснопѣній; и наконецъ часы пѣнія, (Singstunden), состоящіе въ томъ, что проповѣдникъ предлагаетъ пропѣть по своему выбору рядъ псалмовъ и церковныхъ гимновъ, стараясь однако при этомъ, чтобы въ своей совокупности всѣ эти пѣснопѣнія проводили одну какую-нибудь намѣченную имъ идею. Эти три рода молитвенныхъ собраній распредѣлены такъ, что ежедневно утромъ и вечеромъ члены общины должны собираться для молитвы.

Кромѣ того, очень часто и обязательно по праздникамъ или передъ причастіемъ происходятъ «трапезы любви» (Liebesmahle). Какъ теперь помню одну изъ такихъ трапезъ, на которой мнѣ пришлось присутствовать. Въ обширномъ молитвенномъ домѣ собралась вся община; налѣво сидѣли женщины, направо мужчины. Проповѣдникъ на высокой каѳедрѣ сказалъ нѣсколько молитвенныхъ словъ, и затѣмъ пѣніе хора и звуки органа полились съ верхней галлереи. Всѣ головы набожно склонились, и лучи солнца, проникая изъ высоко-помѣщенныхъ оконъ, освѣщали голыя стѣны церкви, черныя скамьи и двери и всѣ эти желтые затылки, которые какъ картофель правильными рядами лежали на prie-dieux. Но вотъ молитвенная пѣснь кончилась; проповѣдникъ сказалъ еще нѣсколько гортанныхъ словъ, и затѣмъ воцарилось молчаніе, причемъ однако всѣ взоры съ какимъ-то ожиданіемъ устремились на внутреннюю дверь, находящуюся въ глубинѣ молельни. И вотъ она открылась; показалось нѣсколько человѣкъ съ подносами въ рукахъ, на которыхъ,—я не вѣрилъ своимъ глазамъ,—были разставлены чашки съ чаемъ и въ сухарницахъ лежали знаменитые сарептскіе Princess-Kuchen, родъ бріошекъ! Чинно были розданы чашки всѣмъ присутствующимъ. Тихій звонъ ложекъ и прихлебыванье раздались въ церкви, и въ то же время на скамьяхъ, гдѣ сидѣла молодежь, раздался даже какой-то веселый писк. Проповѣдникъ, задумчиво медленными глотками пившій чай на своей каѳедрѣ, строго посмотрѣлъ въ ту сторону, и все смолкло. Скоро слуги пошли обратно и также тихо и аккуратно убрали пустыя чашки и сухарницы. Проповѣдникъ снова всталъ, снова раздались торжественные звуки пѣснопѣній, и затѣмъ все кончилось.

И это чаепитіе совершается гернгутерами передъ каждымъ причастіемъ, потому что они, какъ сказано въ ихъ правилахъ, «прелестнѣйшимъ образомъ служатъ къ сосредоточенію Духа и цѣлесообразной подготовки для причащенія» (Sie dienen in lieblichster Weise zur Sammlung des Gemüths und zu zweckmässiger Vorbereitung auf den Genuss des Sacraments).

Второй характерной особенностью является широкое примѣненіе жребія. Исходя изъ убѣжденія о людской недальновидности и той темнотѣ, въ которой мы бродимъ, братья съ твердой вѣрой въ божественное Провидѣніе руководствуются жребіемъ по всѣхъ серьезныхъ случаяхъ жизни. Особенно рельефно проявляется это при бракахъ. Браки по духу ученія братства должны происходить по жребію, и такъ оно и происходитъ въ большинствѣ общинъ по настоящее время и лишь въ самомъ незначительномъ числѣ ихъ этотъ возмутительный обычай отмѣненъ подъ напоромъ духа времени и требованій молодежи.

Церемонія свадьбы по жребію происходитъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ общей молитвы, въ двѣ урны вкладываются имена молодыхъ людей и дѣвушекъ, и затѣмъ мальчикъ и дѣвочка—дѣти не старше 4-хъ лѣтъ — подходятъ къ урнамъ и вынимаютъ по одному имени. Проповѣдникъ, не развертывая ихъ, благословляетъ и соединяетъ ихъ во имя Господне. Затѣмъ имена прочитываются, и какой-нибудь Гансъ Викъ и Амалія Флекъ, нисколько того не ожидая, дѣлаются мужемъ и женой. Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сапертѣ прекратился этотъ способъ браковъ, но и теперь большинство семей, живущихъ въ ней, женаты по жребію. Я разспрашивалъ многихъ изъ нихъ, желая проникнуть въ ихъ душевное состояніе и стать на ихъ точку зрѣнія при вступленіи въ такую семейную жизнь.

Мужчины въ общемъ довольнѣе, зато у многихъ женщинъ слезы подступали къ глазамъ, когда я заговаривалъ объ этомъ вопросѣ. Сколько душевныхъ мукъ, чудилось мнѣ, въ этихъ затуманенныхъ взорахъ, сколько раздирающихъ драмъ происходило подъ этой, втиснутой въ суровую дисциплину, съ виду такой спокойной и методичной жизнью. Есть впрочемъ и еще одинъ случай, когда еще и посейчасъ примѣняется бракъ по жребію — и именно при выборѣ женъ миссіонерами. У братства есть свои миссіонеры въ различныхъ частяхъ свѣта. Когда такой миссіонеръ случайно овдовѣетъ, онъ лаконически доно-

ситъ центральному управленію въ Бертельсдорфѣ: «ich brauche ein Weib!» и немедленно въ ту общину, изъ которой онъ родомъ, посылается приказъ выслать ему въ жены одну изъ дѣвушекъ по жребію, для удовлетворенія его откровеннаго желанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такая участь постигла одну изъ дѣвушекъ Сарепты. Колеблясь между чувствомъ долга и отвращеніемъ къ неизвѣстному мужу, живущему гдѣ-то въ Гонолулу, а можетъ подчиняясь и иному, болѣе теплому чувству, она лишила себя жизни. Нужно однако послушать, что говорятъ про это сарептяне! Въ этомъ фактѣ они усматриваютъ паденіе вѣры и основъ братства и видятъ въ немъ растлѣвающее вліяніе растущаго духа неповиновенія! Эта дѣвушка убила свое тѣло, но сколько изъ нихъ въ неизвѣстности убили свою душу, отдаваясь навѣки немилому человѣку, въ угоду фанатическимъ требованіямъ—принося въ жертву свои самыя лучшія и святыя чувства.

Не менѣе оригиналенъ у нихъ и обрядъ похоронъ. Впереди покойника идетъ мѣстный хоръ, играющій на духовыхъ инструментахъ, unzer Posaunen Chor, какъ говорятъ сарептяне. Затѣмъ слѣдуютъ дѣти общины, потомъ гробъ усопшаго, покрытый бѣлымъ саваномъ, и наконецъ родные и всѣ члены колоніи. Музыка обязательно играетъ веселый мотивъ, и лица у всѣхъ должны быть веселыя, ибо, какъ говорятъ они, смерть есть начало лучшей жизни. Намъ довелось слышать этотъ похоронный мотивъ на одномъ изъ концертовъ, играемыхъ по воскресеньямъ на площади Сарепты, нѣчто въ родѣ марша изъ оперетки «Фатиница». И эти рѣзкіе, нестройные звуки, этотъ трескъ плохихъ духовыхъ инструментовъ, раздирающихъ слухъ, это приходится слышать въ то время, какъ несутъ въ могилу дорогое вамъ существо! Какъ извращена должна быть природа человѣческая, чтобы примириться съ этими странными требованіями.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ оригинальныхъ религіозныхъ обычаяхъ этой секты. Сказаннаго довольно, чтобы въ умѣ сложилось болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о ней. Обратимся теперь къ описанію того, какъ она пріютилась въ Россіи, потому что исторія водворенія ея одна изъ характернѣйшихъ страницъ нашего прошлаго. Первыя отношенія братства съ Россіей имѣли мѣсто еще въ 1474 году. Такъ Амосъ Коменскій повѣствуетъ, что въ этомъ (1474) году

братство выслало четырехъ депутатовъ, чтобы познакомиться съ положеніемъ христіанства и найти, не существуетъ ли гдѣ церкви свободной отъ заблужденій и устроенной согласно заповѣдямъ Христа, имѣя цѣлью съ такой церковью соединиться. Одинъ изъ этихъ четырехъ депутатовъ Маврикій Гоконецъ былъ въ Москвѣ, но истинной церковью нашу православную не призналъ.

Черезъ столѣтіе мы встрѣчаемся еще съ однимъ членомъ братства въ московскомъ царствѣ. Именно Иванъ Рокита, присланный въ числѣ другихъ Сигизмундомъ Польскимъ къ царю Ивану Грозному. Рокита говорилъ съ царемъ, излагалъ ему ученіе братства и выразилъ надежду, что царь разрѣшитъ распространять свѣтъ истины въ своемъ народѣ. Но Грозный рѣзко отклонилъ это предложеніе.

Затѣмъ до половины XVIII вѣка не было дальнѣйшихъ попытокъ войти къ связь съ Россіей, когда въ 1734 году братствомъ были сдѣланы попытки къ миссіонерству у лапландцевъ и самоѣдовъ.

Эти попытки также не увѣнчались успѣхомъ. Такъ дѣло шло до царствованія Елизаветы Петровны. Видя свои постоянныя неудачи, братство рѣшилось, наконецъ, дѣйствовать болѣе энергично и въ 1743 послало брата Градина съ письменнымъ изложеніемъ вѣроученія ихъ и съ порученіемъ просить нашъ Святѣйшій Сунодъ изслѣдовать это ученіе. Вмѣсто Сунода бѣдный «братъ», начавшій дѣйствовать слишкомъ смѣло, попалъ въ тюрьму, гдѣ и просидѣлъ четыре года; впрочемъ ученіе братства было просмотрѣно государыней, но одобренія не заслужило.

Интересны при этомъ слова графа Остермана, признаваемыя даже пророческими въ исторіи братства. Отпуская миссіонеровъ братства, столь неудачно подвизавшихся въ Лапландіи, графъ сказалъ: «Идите по домамъ, добрые люди, вы пока не нужны; *но скоро можетъ наступить время, когда васъ пригласятъ сами!*»

И это время наступило, какъ только сошла въ могилу русская царица. Чрезвычайно характеренъ фактъ, что и Елизавета выписывала колонистовъ. Но то все были славяне—Екатерина же сразу хватилась за нѣмцевъ. Что это? соображенія ли государственныя или невольная племенная симпатія? это трудно рѣшить, но, какъ бы тамъ ни было, съ воцареніемъ Екатерины,

дѣло водворенія братства въ Россіи двинулось впередъ большими шагами.

Въ 1763 году изъ Гернгута прибылъ assessor senioris civilis, fratrum «братъ Иванъ Лорецъ и епископъ Павелъ Лайрицъ и были приняты въ милостивой аудіенціи государыней. Немедленно подъ предсѣдательствомъ графа Орлова была назначена коммисія для изслѣдованія ученій братства. Въ этой коммисіи значительную роль игралъ архіерей новгородскій Димитрій, отдававшій полную справедливость внѣшней добродѣтели братьевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ горячо и твердо отстаивавшій неприкосновенность православной церкви и всячески старавшійся устранить какое бы то ни было вліяніе братства на окрестное русское населеніе.

Такъ когда новый агентъ братства, Фризъ, снова принятый государыней и всячески обласканный ею, слишкомъ откровенно сталъ требовать права пропаганды своего ученія, Димитрій, въ то время уже митрополитъ, рѣзко сказалъ ему: «Вы, кажется, собираетесь обратить въ лютеранство и самый Сѵнодъ, и весь православный міръ! Мы не хотимъ знать ни васъ, ни вашихъ ученій, *намъ васъ совсѣмъ не нужно; что у насъ съ вами можетъ быть общаго?*»

Агентъ Фризъ, однако, не впалъ въ уныніе отъ этихъ суровыхъ словъ; соединившись съ какимъ-то обязательнымъ статскимъ совѣтникомъ Кёлеромъ, онъ повелъ дѣло дальше и, несмотря на энергическое противодѣйствіе русскаго духовенства, колонія была основана въ 1765 году.

Мы не будемъ останавливаться на ея внѣшней судьбѣ, ей дали громадныя привилегіи и денежныя субсидіи, затѣмъ дали еще земли, затѣмъ еще денегъ, и она, съ поддержкою правительства, дошла въ настоящее время до милліонныхъ оборотовъ.

Намъ болѣе интересна внутренняя жизнь въ колоніи. Основы ея, какъ извѣстно, были: во-первыхъ, строжайшая религіозная дисциплина. Еще въ 1503 г. епископъ «братства» Лука произнесъ знаменательныя слова: «не отъ натиска внѣшнихъ враговъ, а отъ упадка внутренней дисциплины погибнетъ братская церковь».

Первое время этого нечего было опасаться; со всѣмъ жаромъ первыхъ прозелитовъ братья ревностно блюли свои уставы, и чужды были имъ иные интересы, кромѣ религіозныхъ.

Вторымъ устоемъ экономической жизни колоніи была полнѣйшая общность имущества, введенная при своемъ водвореніи братьями Сарептской общины. Эта идея коммунальной собственности была такъ сильна, что долгіе годы вся община жила въ одномъ домѣ.

Съ теченіемъ времени однако эти два «кита», на которыхъ стоялъ духовно-нравственный міръ Сарепты, постепенно колебались и погружались въ море житейскихъ дрязгъ и интересовъ прямо мірскихъ. Если мы сравнимъ жизнь Сарепты въ настоящее время съ тѣмъ, что̀ она была раньше, мы увидимъ разительную перемѣну. Конечно, и теперь она живетъ вполнѣ обособленной отъ окружающаго міра жизнью. Полное запрещеніе, подъ страхомъ изгнанія изъ общины, смѣшанныхъ браковъ и непринятіе въ свою среду новыхъ членовъ воздвигаютъ непреодолимую преграду между ними и остальнымъ населеніемъ. Но что происходитъ за этой преградой, что охраняютъ эти китайскія стѣны, охраняютъ ли они живой организмъ или медленной смертью умирающее тѣло?

Строгая дисциплина духовной жизни сарептянъ давно отошла въ область прошлаго. Теперь молодежь и танцуетъ и женится по своей волѣ и не такъ аккуратно посѣщаетъ церковь. Питейное заведеніе, недавно открытое въ Сарептѣ, прекрасно ведетъ, по слухамъ, свои дѣла. Также погибъ и принципъ экономическій. Теперешнія отношенія членовъ братства къ общинѣ все менѣе и менѣе напоминаютъ наше первоначальное сравненіе о капиталистѣ-заводчикѣ и его рабочихъ. Теперь многіе «рабочіе», какъ напримѣръ, Гличъ и Клоблохъ, гораздо богаче самого «заводчика-капиталиста», т. е. общины. Въ зависимости отъ этого начало полной частной собственности замѣнило идею коммунизма, и конечно такая перемѣна не могла не отразиться на бытѣ колоніи.

Въ настоящее время (1889 г.) въ колоніи 504 души, кромѣ того сверхъ этого числа братьевъ въ Сарептѣ проживаетъ до 1.000 человѣкъ нѣмцевъ, русскихъ и калмыковъ; земли во владѣніи колоніи состоитъ 5.189 десятинъ, причемъ нужно замѣтить, что ни одинъ членъ братства не занимается ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ, такъ какъ вся почти земля сдана въ аренду. Заводовъ въ колоніи: горчичныхъ—3; кожевенный—1; мыловаренный—1; водочный—1; пивоваренный—1, кирпичный—1, и горшечное заведеніе—1.

На этихъ заводахъ работаетъ масса рабочихъ, *но ни одного русскаго*! «Очень ужь они пьянствуютъ», замѣтилъ мнѣ одинъ заводчикъ, когда я обратилъ вниманіе на это обстоятельство.

Съ этого имущества колонія платитъ государственнаго сбора 510 р. 20 к. и земскихъ 712 рублей 88 коп.

Между тѣмъ внутренній бюджетъ колоніи превышаетъ 10 тысячъ рублей въ годъ.

Упадокъ религіозныхъ вѣрованій и громадное экономическое благосостояніе въ корень измѣнили, какъ мы только-что сказали, духъ жизни колоніи, низведя его изъ области возвышенныхъ интересовъ на почву житейской суеты.

Одно только осталось у колоніи—это связь съ заграницей, съ своимъ далекимъ Бертельсдорфомъ, и эта связь является въ настоящее время *единственнымъ* жизненнымъ нервомъ колоніи. Внѣшнимъ образомъ эта связь выражается въ предоставленномъ колоніи правѣ выписывать своихъ пасторовъ (двухъ) и волостнаго старшину изъ заграницы каждые три года. Такъ, въ пунктѣ 8-мъ Высочайше утвержденныхъ 6 іюня 1877 года правилъ объ общественномъ устройствѣ и управленіи Евангелической братской общины селенія Сарепты сказано:

«Старшина и мѣстное первенствующее духовное лицо утверждаются въ должностяхъ и увольняются отъ оныхъ, по представленіямъ Сарептскаго правленія, первый — Саратовскимъ губернаторомъ, а второй—министромъ внутреннихъ дѣлъ, причемъ представленія къ министру дѣлаются чрезъ посредство губернатора».

Примѣчаніе. «Въ случаѣ назначенія на эти должности иностранцевъ (они всегда и безусловно нѣмцы), лица эти, вмѣстѣ съ утвержденіемъ въ должностяхъ, приводятся къ присягѣ на подданство Россіи и дѣлаются членами Сарептскаго общества. Правило это распространяется равнымъ образомъ и на другихъ должностныхъ лицъ, при назначеніи ихъ изъ иностранцевъ, а именно: на втораго пастора въ Сарептѣ, на завѣдующихъ общежительными домами и на учителей мѣстныхъ школъ, причемъ всѣ поименованныя въ семъ примѣчаніи лица, при увольненіи ихъ отъ означенныхъ обязанностей, получаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ и право на оставленіе русскаго подданства».

Такимъ образомъ каждые три года изъ заграницы къ намъ являются пасторы и старшины и принимаютъ русское подданство и черезъ три года снова исчезаютъ, оставивъ только одинъ

слѣдъ своего пребыванія въ Россіи:—усиливъ у нѣмцевъ убѣжденіе, что и въ Россіи, на дальнемъ Поволжьи, они все-таки остаются нѣмцами, и только германцы достойны управлять ими. Положеніе мѣстныхъ властей по отношенію къ этимъ «autorités flottantes»—если такъ можно выразиться – самое нелѣпое. Волостной старшина—низшій органъ полиціи — зачастую бываетъ докторъ философіи какого-нибудь университета; онъ только по наслышкѣ знаетъ Россію; еле умѣетъ назвать Царствующій домъ и конечно ни слова не понимаетъ по-русски. Какъ тутъ быть русскому становому приставу съ такимъ своимъ «подчиненнымъ»?

Въ результатѣ, этимъ порядкомъ вещей поддерживается самая живая связь колоніи съ Германіей. Для убѣжденія въ этомъ, достаточно просмотрѣть число лицъ, выбывшихъ изъ Сарепты съ 1879 г. заграницу и вновь вступившихъ въ общину изъ Германіи.

Съ 1879 по 1890 г. выбыло въ Германію 66 чел. (39 м. 27 женщ.)
» » » » » прибыло новыхъ членовъ изъ Германіи. . . . . 61 чел. (37 м. 24 женщ.)

Но кромѣ этой духовной связи есть еще одинъ фактъ, заслуживающій вниманія и вытекающій изъ предоставленнаго права сарептянамъ выписывать своихъ должностныхъ лицъ изъ заграницы. Дѣло въ томъ, что, по уставу братства, въ немъ введено единство кассы. Внутренній бюджетъ каждой колоніи не составляетъ ея собственности, а является достояніемъ *всего* братства, которое, въ лицѣ главнаго управленія въ Бертельсдорфѣ, и посылаетъ для завѣдыванія этимъ *своимъ* капиталомъ *свое* должностное лицо. Чтобы понять весь смыслъ этой организаціи, необходимо обратить вниманіе на общее число общинъ братства, существующее въ настоящее время.

Изъ изданнаго въ Гнадау въ 1889 г. отчета братства видно, что управленіе общинъ разбито на германскій отдѣлъ (куда включена между прочимъ и Россія), британскій отдѣлъ и американскій.

Въ германскомъ отдѣлѣ	35	общинъ	9.850	членовъ
въ британскомъ »	38	»	5.467	»
въ американскомъ »	84	»	17.567	»

Всѣ эти общины соединены подъ *однимъ главнымъ* упра-

вленіемъ въ Бертельсдорфѣ и состоятъ съ ними въ ежечасной непосредственной связи. Во всѣхъ этихъ общинахъ звучитъ нѣмецкая рѣчь, и онѣ каждое трехлѣтіе получаютъ изъ Германіи новыхъ проповѣдниковъ, которые говорятъ имъ новыя рѣчи о величіи германскаго народа и объ истинѣ протестантской вѣры. Кромѣ того, какъ жизненные нервы всей этой широко раскинувшейся организаціи, денежное хозяйство всѣхъ общинъ сосредоточено въ томъ же центрѣ. Здѣсь же сидитъ и главный епископъ, утверждаемый въ должности министромъ исповѣданій въ Берлинѣ!

Таково то тѣло, небольшой частью котораго является наша Сарепта. Не знаемъ, представляется ли нормальнымъ имѣть въ государственномъ организмѣ такой чужеземный наростъ? Насъ столько обвиняли въ пристрастіи къ колонистамъ, что мы предоставляемъ судить объ этомъ самимъ читателямъ. Мы же утверждаемъ только одно: быть можетъ, прежде сарептяне и жили всецѣло религіей, но теперь этого нѣтъ. Исчезъ тотъ духъ, который оживлялъ всѣ эти суровыя религіозныя требованія и придавалъ имъ внутренній смыслъ. Духъ этотъ исчезъ если и не совсѣмъ, то въ значительной мѣрѣ, и съ каждымъ годомъ все пустѣе и безжизненнѣе становятся всѣ эти обряды. Одно только осталось: это связь съ Германіей; нѣмецкая рѣчь считается теперь источникомъ спасенія. «Es bleibt uns noch die Muttersprache» говорилъ мнѣ какъ-то одинъ сарептянинъ, и въ этой Muttersprache для нихъ теперь все будущее.

«Отнимутъ у насъ право выписывать изъ заграницы нашихъ проповѣдниковъ, и Сарепта погибла», сказалъ мнѣ какъ-то мой пароходный старичекъ, когда я съ нимъ заговорилъ о будущемъ колоніи.

Погибла для Бертельсдорфа,—это несомнѣнно. Но развѣ ужь эта связь такъ необходима для поддержанія вѣры? Ужели пошатнется вѣра сарептянъ, если вмѣсто нѣмецкаго языка русская рѣчь будетъ звучать въ ихъ молитвенномъ домѣ?

Какъ бы тамъ ни было, но, не посягая на душу людей, можно бы, казалось, разобрать ту стѣну, которую они возвели вокругъ своего нравственнаго міра, и первымъ шагомъ къ этому послужило бы широкое знакомство колоніи съ русской рѣчью, съ Россіей, ея прошлымъ и настоящимъ, и затѣмъ постановка во главѣ колоніи такихъ людей, которые не заслоняли бы собой отъ духовныхъ взоровъ сарептянъ жизнь ихъ новаго оте-

чества и не переносили бы всѣ ихъ помыслы и мечты въ глубину саксонской Лузаціи. Мѣхи, въ которыхъ прежде содержалась глубокая вѣра и горячее рвеніе—устроить свою жизнь согласно истинному ученію Спасителя, съ каждымъ годомъ пустѣютъ, и наше дѣло слѣдить, чтобы эти старые мѣхи не наполнились бы вдругъ новымъ виномъ германскаго націонализма!

II.

Менониты.

Въ настоящее время мы переходимъ къ вѣроученію секты, пріобрѣвшей на нашемъ югѣ очень большое экономическое значеніе—именно секты менонитовъ. Совершенно отдѣльной группой отъ остальнаго нѣмецкаго населенія стоятъ они въ религіозномъ отношеніи, простирая свою обособленность и на всѣ остальныя проявленія колоніальной жизни.

Менонитскія колоніи слѣдующія:

1) *Въ Екатеринославской губерніи*—Хортица, Розенталь, Розенгартъ, Бурвальде, Блуменгартъ, Нидеръ-Хортицъ, Ейнлаге, Нейенбургъ, Нейендорфъ, Нейгорстъ, Шенгорстъ, Корнсталь, Ней-Остервикъ, Шененсбергъ, Бергардсталь, Георгсталь, Ольгафельдтъ, Михаельсбургъ, Розенбахъ, Александерталь, Сергѣевка, Николайфельдъ, Францфельдтъ, Ней-Гохфельдтъ, Ейсхенфельдтъ, Адельсгеймъ, Петерсдорфъ, Рейнфельдтъ, Ней-Хортицъ, Гнаденталь, Грюнфельдтъ, Штейнфельдтъ, Штейнау, Блуменфельдтъ, Николайталь, Шендорфъ, Ебенфельдтъ, Штейнбахъ, Фриденсфельдтъ, Ней-Крансвейде, Альтъ-Кронсвейде, островъ Хортица, Шенвизе, Ней-Шенвизе, Ейгенфельдъ, хуторъ Ней-Зильберфельдтъ, хуторъ Скеливатая, Андреасфельдъ, Блуменгофъ, Визенфельдтъ.

Итого въ Екатеринославской губ. находится въ настоящее время 51 менонитская колонія.

2) *Въ Таврической губ.*:

Гальбштадтъ, Ней-Гальбштадтъ, Мунтау, Гигенау, Шенау, Фишау, Линденау, Лихтенау, Блуменштейнъ, Минстербергъ, Альтонау, Орловъ, Тиге, Блуменортъ, Розенортъ, Клефельдтъ, Александеркроне, Лихтефельдтъ, Нейкирхъ, Тингервейде, Рюкенау, Фюрстенвердеръ, Александерволь, Гнаденгеймъ, Вер-

несдорфъ, Либенау, Шензе, Фабрикервизе, Furstenay, Ладекопп, Петерсгагенъ, Гнаденфельдтъ, Контеніунсфельдтъ, Шпаррау, Рунднервейде, Гросвейде, Францталь, Паства, Маріенталь, Порденау, Шардау, Александерталь, Елизаветталь, Штейнфельдтъ, Прагненау, Фриденсруе, Паульсгеймъ, Маріаволь, Николайдорфъ, Гнаденталь, Моргенау, Фриденсдорфъ, Ландскроне, Гиршау, Вальдгеймъ, Гамборгъ, Клиппенфельдтъ.

Итого въ Таврической губерніи 57 менонитскихъ колоній.

3) *Въ Херсонской губ.*:

Александерфельдтъ, Ней-Шензе, Фриденфельдтъ, Ней-Гальбштадтъ, Николайфельдъ, Орловъ, Блуменортъ, Тиге, Альтонау, Розенортъ, Минстербергъ, Гнаденфельдтъ, Шенау, Николайдорфъ, Рейнфельдъ, Штейнфельдъ.

Итого въ Херсонской губерніи 16 менонитскихъ колоній.

Всего же ихъ на нашемъ югѣ 124 колоніи. Уже этотъ краткій перечень менонитскихъ колоній указываетъ на все ихъ экономическое значеніе, но кромѣ земельнаго имущества эти колоніи, въ отличіе отъ другихъ колоній, имѣютъ еще одну характерную особенность, еще болѣе усиливающую ихъ значеніе въ экономической жизни нашего юга. Колоніи менонитскія являются центрами сильной обработывающей промышленности. Хортица и Гальбштадтъ, напримѣръ, имѣютъ цѣлый рядъ чугунно-литейныхъ, крахмальныхъ и иныхъ заводовъ, представляющихъ громадное значеніе для мѣстности и занимающихъ, кромѣ того, нѣсколько тысячъ *русскихъ* рабочихъ.

Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ заставляетъ обратить усиленное вниманіе на внутренніе устои жизни этой группы нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ.

Пришли они къ намъ, какъ и всѣ остальные, изъ своей дальней Германіи и поэтому здѣсь и слѣдуетъ искать начала этого религіознаго движенія.

Въ эпоху реформатства, когда, съ возродившейся работой мысли и анализа, гибли и отрицались древнѣйшіе догматы римско-католической церкви и подъ напоромъ духа индивидуализма росли, какъ грибы, разные пророки, вѣщающіе о себѣ, что они суть носители истины, какъ напримѣръ: Томасъ Мюнстеръ, Мельхіоръ Гофманъ, Иванъ Матисъ-Гаарлемскій, и друг., въ это время, рядомъ съ двумя главными теченіями реформатства, во главѣ которыхъ стояли Лютеръ и Цвингли, началось религіозное движеніе совершенно отличнаго характера. Оно

не подчинялось вліянію оной доминирующей личности, оно не искало поддержки въ окружающемъ государственномъ строѣ, оно не стремилось даже къ созданію самостоятельной церкви; напротивъ того, при полномъ отсутствіи духовной іерархіи на подобіе первыхъ христіанъ, оно проявлялось въ образованіи мелкихъ самостоятельныхъ общинъ, которыя стали называться «апостольскими».

Въ своей жизни они стремились осуществить по возможности положенія и идеи нагорной проповѣди.

Изъ сліянія въ одно цѣлое этихъ общинъ и образовалось то менонитское религіозное вѣроученіе, которому слѣдуютъ и наши Нѣмецкіе колонисты. У подножія Альпъ и въ средней Германіи прежде всего началось это движеніе.

Первыми апостолами его были Конрадъ Гребель — бывшій близкій другъ Цвингли—Феликсъ Манцъ, Вильгельмъ Рейблинъ, докторъ Вальтасаръ Губмейеръ, Гансъ Денкъ и многіе другіе.

Собираясь вмѣстѣ, сначала въ Цюрихѣ, они обсуждали евангельскія истины и непоколебимо установили необходимость новаго крещенія для взрослыхъ. Вскорѣ, однако, подвергшись гоненіямъ со стороны Цвингли—достигшимъ такого ожесточенія, что многіе изъ ихъ послѣдователей и между прочимъ Феликсъ Манцъ погибли мученической смертью, менониты, разсѣявшись изъ Цюриха, разнесли свои идеи и принципы по всей Германіи, всюду встрѣчая живое сочувствіе и вербуя все новыхъ и новыхъ прозелитовъ. Но не въ Германіи должно было получить окончательную формулировку это вѣроученіе. Во главѣ его не было еще человѣка, который придалъ бы ему внѣшнюю стройность и внутреннюю гармонію. Человѣка этого «новокрещенные» нашли въ Голландіи. Менно Симонсъ былъ родомъ изъ Нидерландовъ. Исторія не сохранила слѣдовъ его первоначальнаго происхожденія. Есть только основанія думать, что онъ былъ сыномъ крестьянина изъ селенія Витмарсумъ въ западной Фрисландіи (Westfriesland). Но онъ былъ очень образованъ для своего времени и свободно писалъ по-латыни и по-голландски. Съ 1516 года имѣются о немъ уже достовѣрныя свѣдѣнія. Къ этому времени онъ былъ помощникомъ священника въ деревенькѣ Пингумъ. Какъ и большинство католическихъ священниковъ того времени, онъ чисто формально относился къ своимъ обязанностямъ и никогда не читалъ Библіи. Однажды только при таинствѣ Евхаристіи пришло ему на умъ, что то,

что въ его рукахъ, — не можетъ быть истиннымъ тѣломъ и кровью Христовой. Какъ діавольское навожденіе старался онъ отогнать эту мысль, но червь сомнѣнія поселился уже въ его душу.

Въ то же время до него начали доходить пламенныя посланія Лютера. Онъ сталъ читать Евангеліе «и по немногу,—повѣствуетъ исторія менонитовъ,—свѣтлѣлъ его умъ». Къ тому же и догматы «новокрещенія», запечатлѣнные кровью апостольскихъ общинъ въ Цюрихѣ, все сильнѣе и сильнѣе начинали волновать умы въ Нидерландахъ.

Но Менно Симонсъ «изъ страха и себялюбія», какъ онъ самъ говоритъ, не рѣшался еще открыто выступить поборникомъ этихъ идей. Внѣшнія обстоятельства побудили его къ этому. Экзальтированное ученіе анабаптистовъ, съ оружіемъ въ рукахъ слѣдовавшихъ за своими изступленными вѣроучителями, Иваномъ Матисомъ и Іоганомъ Бокельсономъ—угрожало опасностью той чистотѣ христіанскаго ученія, которой служили «новокрещенные» и которую Менно самъ носилъ въ душѣ своей. 28 февраля 1535 года группа анабаптистовъ около 300 душъ заперлась въ маленькомъ монастырѣ близъ деревни, гдѣ жилъ Менно. Послѣ трехдневнаго сопротивленія войска ихъ одолѣли. Мужчины были казнены, всѣ женщины и дѣти потоплены. Эта кровавая расправа, эти души, загубленныя лишь оттого, что были направлены на ложный путь, нанесли нерѣшительности Менно окончательный ударъ.

Въ 1536 г. онъ открыто отрекся отъ католицизма и всецѣло отдался дѣлу религіозной пропаганды въ духѣ «новокрещенныхъ». Немедленно же начались противъ него преслѣдованія. Многіе изъ его послѣдователей были сожжены, и наконецъ 15 декабря 1542 г. былъ изданъ противъ него лично грозный эдиктъ, который грозилъ смертью всякому, кто будетъ имѣть съ нимъ дѣло. Но не смущаясь этими угрозами, неусыпно трудился Менно надъ начатымъ имъ дѣломъ и до послѣдней минуты своей жизни не измѣнилъ своему призванію.

Умеръ онъ 23 января 1559 года. Благодаря его неутомимой дѣятельности, принципы «новокрещенныхъ» или, какъ ихъ съ того времени стали называть, «менонитовъ» получили окончательную форму. Отрицаніе крещенія дѣтей, воздержаніе отъ клятвы, запрещеніе носить оружіе и взглядъ на Евхаристію,

только какъ на воспоминаніе, способствующее къ укрѣпленію вѣры,—все это было сведено Менно въ одну стройную систему.

Таковы тѣ главныя основы, на которыхъ и посейчасъ зиждится строй религіозныхъ вѣрованій менонитовъ.

Мы не будемъ слѣдить за исторіей ихъ послѣ кончины Менно Симонса; общины менонитовъ росли и благоденствовали, широко распространяясь по всей Германіи. Мы остановимся лишь на концѣ XVIII вѣка, когда первые ихъ послѣдователи прибыли въ Россію.

Въ августѣ 1786 года къ менонитамъ, поселеннымъ въ окрестностяхъ Данцига, прибыло посланіе русской Императрицы, приглашавшей ихъ поселиться въ Россіи и обѣщавшей имъ извѣстныя уже намъ чрезвычайныя льготы.

Первыми откликнулись на этотъ призывъ два менонита Гойферъ и фонъ-Кампенъ, выразившіе желаніе ѣхать въ Россію; за ними потянулись другіе, такъ что къ концу 1788 года двѣсти семействъ переѣхало въ новую родину. Подъ ихъ поселеніе были отведены земли въ Екатеринославской губерніи у самаго берега Днѣпра и островъ Хортица (бывшая Сѣчь). Съ восторгомъ повѣствуютъ первые поселенцы о живописной прибрежной мѣстности и о плодородіи почвы. Затѣмъ въ 1803 и 1804 годахъ потянулись уже новые переселенцы, которые на этотъ разъ поселились у рѣки Молочной въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи.

Затѣмъ въ 1857 году часть этихъ менонитовъ переселилась на Волгу, гдѣ и образовала въ Самарской губерніи колоніи Александерталь, Нейгофнунгъ, Маріенталь, Гротсфельдъ, Орловъ, Маріенау.

Въ настоящее время, какъ мы видѣли, число этихъ колоній возросло до ста съ лишнимъ, и положеніе ихъ признается всѣми за высшую степень матеріальнаго благосостоянія, котораго только могутъ достигнуть поселенія земледѣльческаго характера.

При такомъ положеніи дѣла, какое же значеніе имѣетъ эта секта въ Россіи и каково ея вліяніе на окрестное русское населеніе? Является ли существованіе ея фактомъ отраднымъ и желательнымъ въ общемъ строѣ нашей внутренней государственной жизни или же наоборотъ, занятое ею положеніе представляется ненормальнымъ, сравнительно съ другими составными элементами южной окраины имперіи?

Прежде всего для отвѣта на эти естественно рождающіеся вопросы необходимо отмѣтить тѣ стороны религіозныхъ воззрѣній менонитовъ, которыя во внѣшней жизни имѣютъ наибольшее практическое значеніе. Такихъ основъ двѣ: во-первыхъ, полное право каждаго испытывать и изслѣдовать Евангельскія истины по своему разумѣнію, и во-вторыхъ, отказъ отъ исполненія воинской повинности. Остальные ихъ догматы о вторичномъ крещеніи, о непринесеніи клятвъ и взглядъ на Евхаристію, какъ на воспоминаніе, имѣли болѣе внутренній, не отражающійся на окружающемъ мірѣ, смыслъ.

Право изслѣдовать истины Евангелія вытекало изъ основы и жизненнаго нерва всѣхъ ихъ религіозныхъ воззрѣній—изъ стремленія устроить жизнь свою во Христѣ. Въ области экономической принципъ этотъ отражался въ своеобразномъ порядкѣ наслѣдованія. Именно въ «запискѣ объ обычномъ правѣ менонитовъ, которымъ они руководствуются при наслѣдствахъ и раздѣлахъ имущества и которое основано на ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ», поданной ими въ министерство внутреннихъ дѣлъ и отпечатанной въ большомъ количествѣ въ Симферополѣ, сказано, что: «менониты, окончательно водворившіеся въ 1804 г. въ Новороссійскомъ краѣ, и до настоящаго времени пользовались и пользуются при наслѣдствахъ и раздѣлахъ собственныхъ имуществъ своими правилами или обычаями, *коихъ основанія неразрывно связаны съ религіозными ихъ воззрѣніями*, требующими при бракѣ общности имущества между мужемъ и женой, а при открывшемся наслѣдствѣ—равенства между всѣми членами семьи безъ различія пола, съ исключеніемъ лишь ближайшею боковою линіею дальнѣйшей. Правила эти всегда принимались за основаніе при рѣшеніи судныхъ и тяжебныхъ дѣлъ Попечительнымъ комитетомъ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, который для всѣхъ колонистовъ и менонитовъ, на основаніи 487 и 488 ст. XII т. ч. 2 уст. о колон., составлялъ по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ окончательную инстанцію».

Вторымъ принципомъ, представляющимъ большой практическій интересъ, является ихъ отказъ отъ исполненія воинской повинности. Во всѣ времена этотъ принципъ «Wehreosigkeit» являлся главнымъ источникомъ пререканій между менонитами и государственной властью страны, въ которой они обитали. Долгую и упорную борьбу вынесли они за это въ Пруссіи—

громадными пошлинами облагало ихъ правительство, чтобы сравнить ихъ съ тѣми своими гражданами, которые цѣною жизни защищали свою родину. Но наконецъ въ 1847 году 9-го ноября въ Пруссіи былъ изданъ законъ, отмѣнявшій привилегію менонитовъ и распространившій на нихъ постановленіе о всеобщей воинской повинности. Когда обсуждался этотъ вопросъ въ Рейхстагѣ и было высказано опасеніе, что съ лишеніемъ привилегіи многіе менониты уѣдутъ изъ Пруссіи, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ Рейхстага и еще въ настоящее время живущій государственный дѣятель сказалъ: «Пусть ихъ уѣзжаютъ, если хотятъ, они давно дали государству все, что могли дать, и получили отъ него въ десять разъ больше, чѣмъ должны были получить».

Часть менонитовъ дѣйствительно переселилась, но главная масса осталась, выразивъ готовность подчиниться общей воинской повинности.

Приблизительно та же исторія повторилась и у насъ, но въ Россіи правительство оказалось уступчивѣе, чѣмъ въ Пруссіи, и посейчасъ еще военная служба для менонитовъ замѣнена служеніемъ въ лѣсныхъ командахъ, причемъ менониты выдѣлены въ отдѣльную группу и для ихъ жительства иждивеніемъ менонитскихъ общинъ построены большія и помѣстительныя казармы.

Эти два начала религіозной жизни менонитовъ, подобно тѣмъ двумъ основнымъ идеямъ, на которыхъ зиждился религіозно-нравственный міръ гернгутеровъ, съ теченіемъ времени начали терять свой внутренній смыслъ и подъ напоромъ новыхъ вѣяній и теченій болѣе реальнаго и практическаго свойства постепенно сходили съ высоты идеаловъ на почву житейской суеты.

Такъ, принципъ наслѣдственный, имѣвшій цѣлью примѣнить и согласовать матеріальныя условія жизни менонитовъ съ требованіями Евангелія и, конечно, главнымъ образомъ съ идеей справедливости, получилъ жестокій ударъ въ тѣхъ правилахъ единонаслѣдія и недробимости семейныхъ участковъ, которыя, какъ мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, привели къ образованію въ менонитскихъ и другихъ колоніяхъ юга цѣлаго ряда безземельныхъ, своего рода пролетаріата, положеніе котораго дѣйствительно самое жалкое. Отношеніе къ этимъ несчастнымъ, полунищимъ, со стороны болѣе зажиточныхъ ихъ «братьевъ», далеко не носитъ характера христіанской любви и

кротости, а построено, наоборотъ, на довольно ясномъ и жадномъ стремленіи къ «рублю».

Такимъ образомъ, этотъ первый принципъ жизни по Евангелію утратилъ свой смыслъ въ примѣненіи къ матеріальнымъ условіямъ жизни. Посмотримъ же теперь на положеніе втораго вопроса—о неношеніи оружія. Во всѣ времена менониты клали его въ основаніе угла, на которомъ они строили свои отношенія къ свѣтской власти, и въ нашей печати раздались ярые крики на притѣсненія и на угнетеніе свободы совѣсти, когда къ нимъ хотѣли примѣнить воинскую повинность. Посмотримъ же, однако, какъ судятъ объ этомъ сами менониты въ новѣйшее время.

Профессоръ Вильгельмъ Мангартъ, ученый защитникъ менонитства, еще въ 1869 году проводилъ въ «Menonitichen Blättern» слѣдующія идеи на счетъ ношенія оружія:

«Не убивай», сказано въ заповѣдяхъ Божіихъ, и Христосъ еще усилилъ эту идею, постановивъ, что грѣшно ненавидѣть и мстить, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и точнѣе ограничиваетъ это понятіе словами: кто возьмется за мечъ (противъ закона и права), тотъ отъ меча и погибнуть долженъ». Отсюда, заключаетъ профессоръ Мангартъ, «вытекаетъ, что необходимая оборона не только разрѣшается, но прямо предписывается Евангеліемъ. Если нельзя другихъ ненавидѣть и убивать, то точно также запрещено и дозволять себя убивать рукой ненавидящей или грабительской, и обязанность защищать въ подобныхъ случаяхъ свою жизнь, хотя бы съ оружіемъ въ рукахъ, вытекаетъ изъ смысла Евангельскаго ученія». И это примѣнимо въ равной мѣрѣ къ частнымъ лицамъ и цѣлымъ народамъ. Оригинальный «pendant» къ ученію о непротивленіи злу нашего графа Толстаго! Насколько идеи профессора Мангарта пришлись по сердцу менонитамъ, видно изъ того, что они, благодаря его писаніямъ, о всей зловредности и ошибочности идеи о неношеніи оружія, стали смотрѣть на законъ прусскій 1867 года, отмѣнявшій ихъ привилегію, какъ на освобожденіе менонитскихъ общинъ отъ нѣкотораго духовнаго ига и какъ на дарованіе имъ «прежней общинной свободы и самостоятельности» (ihrer alten gemeindlichen Freiheit und Selbstbestimmung).

Насколько схоластично и искусственно все приведенное разсужденіе профессора Мангарта и насколько трудно на этой почвѣ для отдѣльной личности опредѣлить, является ли дан-

ная война самообороной или нападеніемъ, можно судить по тому, что въ одной изъ новѣйшихъ исторій менонитовъ [1]) мы подъ приведенными словами профессора Маргарта находимъ слѣдующее разсужденіе:

«Войну необходимой самообороны, каковой была война Германіи 1870 и 1871 года, кто можетъ ее осудить? Найдется ли тотъ, кто не признаетъ ее войной культурной, войной угодной Богу, и не воскликнетъ вмѣстѣ съ поэтомъ Кернеромъ: «это крестовой походъ, это священная война!» (Es ist ein Kreiezzug, 's ist ein heil' ger Krieg!).

Усиліямъ профессора Мангарта обязаны менониты тѣмъ, что они могли въ послѣднюю войну исполнить свою обязанность передъ отчизной и съ оружіемъ въ рукахъ напасть на французовъ.

Трудно, конечно, представить себѣ болѣе оригинальное и натянутое толкованіе Евангельскихъ истинъ — но вмѣстѣ съ тѣмъ это служитъ характернѣйшимъ признакомъ времени и подтверждаетъ нашу мысль, что постепенно религіозно-нравственные идеалы сектантовъ-лютеранъ замѣняются идеалами національными и политико-экономическими. Впрочемъ, этотъ переворотъ, представляя несомнѣнно живой интересъ, какъ характерное знаменіе времени, не заслуживалъ бы особеннаго нашего вниманія, не находись онъ въ тѣснѣйшей связи съ вопросами о вліяніи менонитовъ на окрестное русское населеніе. Хотя полнымъ запрещеніемъ смѣшанныхъ браковъ менониты и огородили себя нѣкотораго рода китайской стѣной—стѣна эта далеко не представляется такой непроходимой, какъ у гернгутеровъ. Менониты, въ отличіе отъ послѣднихъ, держатъ много русскихъ рабочихъ и охотно входятъ въ близкія отношенія съ сосѣднимъ населеніемъ и, благодаря этой-то близости, они по большей части мимо воли и безсознательно оказываютъ самое зловредное вліяніе на духовно-нравственный міръ нашего православнаго люда. Любопытной иллюстраціей къ этому служитъ исторія построенія въ колоніи Гальбштадтъ—столицѣ южныхъ колонистовъ — православнаго храма. Вотъ вкратцѣ повѣствованіе объ этомъ добромъ дѣлѣ, изложенное въ маленькой тетрадкѣ, которая написана въ память этого событія.

---

[1]) A. Brous. Ursprung Entwickelung und Schicksale der Mennoniten, 1888. s. 317 und folg.

Среди множества Нѣмецкихъ колоній Бердянскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ Таврической губерніи очень видное мѣсто занимаетъ Гальбштадтъ. Гальбштадтъ по-русски означаетъ — малый городъ (полугородъ), а выселокъ его Ней-Гальбштадтъ— новый городокъ. Это нѣмецкое селеніе лежитъ на границѣ Бердянскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ Таврической губерніи, въ 12 верстахъ отъ с. Большаго Токмака, Бердянскаго уѣзда, и въ 15 верстахъ отъ села Богдановки, Мелитопольскаго уѣзда. Въ сосѣдствѣ съ Гальбштадтомъ находится много другихъ Нѣмецкихъ колоній, напримѣръ, Мунтау, Тигентау и др., Бердянскаго уѣзда, и Пришибъ, Гофенталь и Альтъ-Нассау, Мелитопольскаго уѣзда. Обѣ колоніи—Гальбштадтъ и Ней-Гальбштадтъ населены менонитами-капиталистами, владѣющими чугунно-литейными заведеніями, паровыми мельницами, крахмальнымъ и крупянымъ заводами, пивоваренными, черепичными и кирпичными заведеніями и мастерскими всевозможныхъ ремеслъ. Вслѣдствіе этого въ Гальбштадтѣ и сосѣднихъ съ нимъ колоніяхъ, постоянно находится въ краткосрочномъ или долгосрочномъ услуженіи у нѣмцевъ-менонитовъ нѣсколько сотъ русскихъ рабочихъ. Эти рабочіе, особенно одиночки-бобыли, проживая иногда по нѣскольку лѣтъ среди нѣмецкаго населенія, до того онѣмечивались, что забывали свою русскую рѣчь, свои православные обычаи и, не имѣя возможности посѣщать православный храмъ за 12—15 верстъ, совершенно охладѣвали къ религіи православной, не исповѣдывались и не пріобщались Святыхъ Христовыхъ Таинъ по нѣскольку лѣтъ, усвояли себѣ менонитскіе праздники (а таковыхъ у менонитовъ весьма мало: воскресные дни, новый годъ, 2 дня Рождества Христова, пятница Страстной седмицы, 2 дня Пасхи и день св. Троицы), но забывали свои православные, даже двунадесятые праздники. Пріѣздъ православнаго духовенства изъ села Большаго Токмака или Богдановки, для напутствованія больныхъ или погребенія умиравшихъ безъ всякаго напутствія православныхъ рабочихъ означенныхъ колоній, не могъ особенно благотворно дѣйствовать къ поднятію уровня религіозно-нравственной жизни православныхъ рабочихъ, такъ какъ такіе единичные и рѣдкіе случаи посѣщенія Нѣмецкихъ колоній православнымъ духовенствомъ не представляли ни возможности, ни удобствъ для правильнаго вліянія его на православныхъ рабочихъ, проживавшихъ въ Нѣмецкихъ колоніяхъ.

*

Столь печальное положеніе православныхъ рабочихъ, служившихъ въ Нѣмецкихъ колоніяхъ, относительно возможности удовлетворенія ихъ религіозныхъ потребностей, давало полную надежду на успѣхъ пропагандаторамъ разнаго рода сектантскихъ ученій. Хотя сами менониты—народъ хозяйственный, трудолюбивый, трезвый и, строго содержа свою религію, совершенно чуждый пропагандаторскаго духа, тѣмъ не менѣе и между ними, даже среди особенно видныхъ и уважаемыхъ ими учителей, нашлись лица, каковы напр. Фризенъ, Виллеръ и др., которые усвоили себѣ баптистское ученіе, на ряду съ ученіемъ Пашкова, широко пропагандировавшееся въ Бердянскомъ уѣздѣ въ 1884 и 1885 гг. Хотя учители эти потомъ и были удалены отъ своихъ должностей самими менонитами, когда обнаружилось ихъ баптистское направленіе, однако именно эти учители центральнаго менонитскаго училища были первыми пропагандаторами бабтистскаго ученія и распространителями на русскомъ языкѣ брошюръ баптистскаго направленія среди православнаго населенія Бердянскаго уѣзда и преимущественно среди рабочаго и фабричнаго люда въ Гальбштадтѣ и Ней-Гальбштадтѣ. Сюда высылались изъ Петербурга отъ главныхъ вожаковъ раскола десятками пудовъ печатныя брошюры сектантскаго направленія, и сотнями и тысячами рублей деньги для цѣлей пропаганды. Такъ, въ іюнѣ 1884 г. на имя Виллера въ Ней-Гальбштадтъ выслано было 28 пудовъ брошюръ отъ господина Фелейзина, а въ колонію Тиге и на имя Исаака Исая въ январѣ 1885 г. 1.750 р. денегъ.

Какъ же относилось православное духовенство сосѣднихъ съ Нѣмецкими колоніями селъ къ положенію православныхъ рабочихъ? Судьба православія среди иновѣрнаго населенія составляла предметъ постоянной заботы для священниковъ сосѣднихъ съ Нѣмецкими колоніями селъ, но имъ представлялось слишкомъ мало возможности пособить дѣлу. Съ одной стороны, до 1885 года Нѣмецкія колоніи не были распредѣлены приходомъ между сосѣдними съ ними православными селами, и потому никто изъ священниковъ и изъ рабочихъ не зналъ, къ какому селу принадлежатъ приходомъ означенныя колоніи; только указомъ духовной консисторіи, отъ 21 января 1885 г. за № 353, формально приписано было къ Токмакской Успенской церкви 17 колоній и къ Троицкой 7. Съ другой стороны, сосѣднее духовенство мало могло улучшить положеніе право-

славныхъ рабочихъ въ дѣлѣ удовлетворенія ихъ религіозныхъ нуждъ и поддержанія ихъ религіозно-нравственной жизни на достаточно высокомъ уровнѣ потому, что его было недостаточно для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ даже своихъ прихожанъ. Такъ, въ самомъ многолюдномъ православномъ приходѣ, ближайшемъ къ Нѣмецкимъ колоніямъ,—мѣстечкѣ Большомъ Токмакѣ, на 12 тысячъ съ лишнимъ населенія, до 1870 года было всего 2 и только по временамъ 3 священника. Въ составъ же Токмакскаго прихода входили тогда селенія и хутора: Сладкая Балка, Очеритоватое, Скелеватое, Остриково, Верхній и Нижній Куркулакъ, составляющіе теперь отдѣльные приходы. Самый Токмакъ состоялъ изъ одного прихода Успенской церкви и только въ 1871 г. образовался въ немъ второй приходъ Троицкой церкви съ причтами при Успенской церкви изъ 2-хъ священниковъ и при Троицкой изъ одного священника. Поэтому по необходимости приходилось встрѣчаться и мириться съ такими печальными явленіями, что умершіе въ Нѣмецкихъ колоніяхъ православные, особенно дѣти, хоронились безъ священниковъ и по нѣскольку мѣсяцевъ, даже годовъ, ждали случая быть отпѣтыми по христіанскому обряду, когда по какому-либо экстренному требованію туда являлось сосѣднее духовенство.

Съ 1879 г. въ составѣ Успенскаго причта мѣстечка Большаго Токмака утвержденъ третій священникъ, а съ 1887 г. и при Троицкой—второй, такъ что теперь въ Токмакѣ 5 священниковъ; это обстоятельство дало возможность Успенскому причту не только неопустительно совершать встрѣчающіяся требоисправленія и православныхъ, проживающихъ въ Нѣмецкихъ колоніяхъ, на пространствѣ 25—30 верстъ въ окружности, но даже открыть въ колоніи Гальбштадтѣ, какъ центральномъ мѣстѣ скопленія рабочихъ, повременныя богослуженія для православныхъ, состоящія изъ служенія всенощнаго бдѣнія, часовъ, обѣдницъ и религіозныхъ собесѣдованій сначала въ общественномъ менонитскомъ домѣ при волостномъ ихъ правленіи, а съ сентября 1886 года въ нарочно заарендованномъ на 5 лѣтъ домѣ для устройства въ немъ временной церкви и служенія литургіи на особомъ св. антиминсѣ и для церковноприходской школы. Такимъ образомъ забота мѣстнаго духовенства объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей православныхъ людей, проживающихъ среди иновѣрцевъ, и объ огражденіи ихъ отъ совращеній въ сектантство привела къ устройству въ Гальб-

штадтѣ временнаго молитвеннаго дома и при немъ церковно-приходской школы, открытой 1 октября 1886 года на 16 дѣтей, изъ коихъ въ 1888 году окончили курсъ ученія 4 мальчика съ правомъ на льготу по отбыванію воинской повинности и 1 дѣвочка. Первое богослуженіе совершено въ Гальбштадтѣ священникомъ Успенской Токмакской церкви, Ѳеодоромъ Синицкимъ, 5 января 1885 года, на чугуннолитейномъ заведеніи менонита Веделя, а 6 января совершенъ имъ крестный ходъ на лѣсную пристань г. Панкѣева, гдѣ у колодца совершенъ чинъ освященія воды св. Богоявленія. Первая Божественная литургія совершена въ страстную субботу 12 апрѣля 1886 г., 16 ноября того же года водруженъ св. крестъ надъ молитвеннымъ и школьнымъ зданіемъ, а съ 7 декабря сталъ употребляться при Богослуженіи и церковный колоколъ [1]).

Изъ мѣстнаго причта Успенской церкви с. Большаго Токмака, къ которой принадлежали приходомъ 17 Нѣмецкихъ колоній съ Гальбштадтомъ во главѣ, въ дѣлѣ устройства временнаго молитвеннаго дома и церковно-приходской школы болѣе всѣхъ потрудился священникъ Ѳеодоръ Синицкій. Но, устроивши молитвенный домъ и школу, благодаря которымъ православные рабочіе могли удовлетворять свои религіозныя нужды и потребность въ грамотности, онъ не успокоился совершенно. Онъ понималъ, что устроеніе временнаго молитвеннаго дома и школы въ наемномъ помѣщеніи не можетъ считаться дѣломъ особенно прочнымъ: могло напримѣръ случиться, что по истеченіи срока, на который заарендовано было помѣщеніе подъ молитвенный домъ и школу, его могли не отдать на дальнѣйшее время, другаго подходящаго помѣщенія въ нѣмецкомъ селеніи могло не найтись, и молитвенный домъ со школою должны были бы прекратить свое существованіе. Поэтому, желая сдѣлать начатое имъ дѣло прочнымъ, о. Ѳеодоръ Синицкій пришелъ къ мысли и взялъ на себя заботу о построеніи церкви и школы въ колоніи Гальбштадтѣ. Такъ какъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ на устройство означенной церкви не было, не было даже и мѣста, на которомъ она могла быть построена, то ему предстояло, во 1-хъ, убѣдить менонитское Гальбштадтское общество отвести достаточное и приличное мѣсто для построенія православной церкви, во 2-хъ, найти средства, на которыя ее

[1]) Свѣдѣнія извлечены изъ богослужебнаго журнала Гальбштадской церкви.

можно было бы устроить. Гальбштадтское общество безъ особыхъ затрудненій отвело для построенія православнаго храма и школы 1 дес. земли; но не такъ легко было изыскать средства на построеніе церкви, такъ какъ на мѣстѣ не оказывалось такихъ благотворителей, которые могли бы принять на себя означенное дѣло. Тогда о. Ѳеодоръ, испросивши благословіе у Таврическаго архипастыря, преосвященнаго Мартиніана, отправился въ большіе города другихъ епархій на поиски благотворителей, обладающихъ достаточными средствами и благочестивымъ настроеніемъ, которыя необходимы были для осуществленія задуманнаго имъ дѣла. Посѣтивши нѣсколько большихъ городовъ до Москвы включительно и не нашедши въ нихъ лица, которое приняло бы на себя дѣло построенія церкви для православныхъ рабочихъ, находящихся въ услуженіи у нѣмцевъ-колонистовъ, о. Ѳеодоръ направился въ г. Харьковъ; здѣсь-то Промыслъ Божій и указалъ ему человѣка, который не только охотно, но и съ увлеченіемъ взялся за великое дѣло укрѣпленія навсегда возможности для православныхъ русскихъ людей, заброшенныхъ среди иновѣрцевъ-нѣмцевъ, удовлетворять свои религіозныя потребности и видѣть своихъ дѣтей грамотными и обученными Закону Божію.

Человѣкъ этотъ, имя котораго съ безпредѣльною благодарностію будутъ вспоминать въ своихъ молитвахъ къ Богу сотни православныхъ рабочихъ Гальбштадта и сосѣднихъ съ нимъ колоній и тысячи ихъ будущихъ потомковъ и о здравіи котораго непрестанно будутъ возноситься къ престолу Божію молитвы церкви и будетъ приноситься безкровная жертва Тѣла и Крови Христовыхъ на престолѣ устроеннаго имъ храма,—Харьковскій 1-й гильдіи купецъ, Павелъ Павловичъ Рыжовъ. Взявши на себя дѣло построенія церкви въ Гальбштадтѣ, Павелъ Павловичъ окончилъ его, при содѣйствіи и подъ наблюденіемъ мѣстныхъ дѣятелей—о. Ѳеодора Синицкаго и Орѣховскаго купца, Ивана Алексѣевича Оморокова, въ теченіе одного года. Кромѣ церкви имъ построено зданіе для школы съ квартирою учителя въ одной связи съ церковію и отдѣльно отъ нея причтовый домъ и сарай.

Отрадное впечатлѣніе производитъ этотъ маленькій храмъ, смѣло закинувшійся въ самое сердце нѣмецкихъ поселеній для того, чтобы служить опорой православнымъ людямъ, заброшеннымъ судьбой въ эту чуждую имъ по духу среду.

Какъ теперь припоминается мнѣ посѣщеніе этой церкви. Было 17 октября, день чудеснаго спасенія царственной семьи. Въ лютеранской киркѣ въ кол. Пришибѣ была назначена торжественная служба. Тягучіе звуки органа и патетическое, на распѣвъ, декламированіе пастора, выбиравшаго по случаю соотвѣтственные псалмы—все это казалось чуждымъ и не волновало души, не навѣвало на нее никакого молитвеннаго настроенія. Но служба кончилась, мы сѣли въ экипажъ и быстро помчались по направленію къ Гальбштадту, расположенному всего въ полутора верстахъ отъ Пришиба по другую сторону рѣки Молочной. Переѣхавъ по прекрасному, желѣзному мосту, соединяющему берега рѣки, и поднявшись по длинной аллеѣ, обсаженной громадными пирамидальными тополями, мы выѣхали на большую открытую площадь, и тутъ нашимъ глазамъ явился храмикъ, построенный на доброхотное даяніе истинно-русскаго человѣка. Небольшой, самой простой архитектуры, съ невысокой колокольней, бѣлѣлъ онъ въ лучахъ солнца, и радостно забилось сердце при видѣ его. Чѣмъ-то роднымъ повѣяло вдругъ, и съ неизъяснимымъ душевнымъ умиленіемъ вошелъ я въ церковь послѣ двухъ-мѣсячнаго скитанія по германскимъ владѣніямъ на нашемъ югѣ. Она была полна молящимися. Молодой священникъ служилъ съ достоинствомъ, и тихо проносились торжественныя слова нашего богослуженія надъ этими въ горячей молитвѣ склоненными головами простыхъ русскихъ людей, пришедшихъ сюда отдохнуть душою отъ окружающей ихъ нѣметчины.

Да, по истинѣ, великое дѣло сдѣлалъ отецъ Ѳеодоръ Синицкій, русскій купецъ Рыжовъ, и не оскудѣла еще, значитъ, русская земля, если она еще способна производить такихъ дѣятелей, которые безъ шума и блеска, всѣми силами двигаютъ впередъ великое дѣло поддержанія православія, и вмѣстѣ съ тѣмъ и русскаго духа и сознанія въ своемъ родномъ народѣ. Честь имъ и слава, этимъ скромнымъ дѣятелямъ, и да послужитъ имъ лучшей наградой видѣть, какъ съ каждымъ днемъ все полнѣе и полнѣе становится толпа молящихся въ построенномъ ими православномъ храмѣ Божіемъ!

Впрочемъ, какъ мы сказали, менониты, живущіе въ колоніи Гальбштадтѣ, чужды собственно духа пропаганды по коренному смыслу своего ученія. Вообще, сравнительно съ другими нѣмцами-колонистами менониты представляются въ го-

раздо болѣе симпатичномъ свѣтѣ. Они гораздо трудолюбивѣе другихъ колонистовъ, они сильно развили обработывающую промышленность, имѣющую серьезное значеніе для мѣстности и, кромѣ того, они готовы болѣе другихъ поддаться на то или иное воздѣйствіе правительственной власти, клонившейся къ ихъ руссификаціи. За всѣмъ тѣмъ, это все-таки кровные нѣмцы, не столь фанатически преданные идеѣ нѣмецкой національности, но и не умышленно и безсознательно проявляющіе ея чуждыя и несимпатичныя русскому духу черты. Энергическое и послѣдовательное воздѣйствіе школы могло бы, по отношенію къ менонитамъ, имѣть болѣе рѣшающее дѣйствіе, чѣмъ по отношенію къ другимъ колонистамъ. Въ настоящее же время, повторяемъ, это истые нѣмцы, хотя и болѣе спокойнаго характера, и правительству надлежитъ зорко смотрѣть, какъ бы менониты, поддавшись вѣянію времени, не соскользнули съ ихъ настоящаго обособленнаго положенія на тотъ скользкій путь націонализма, на которомъ дѣйствуютъ всѣ остальные колонисты.

III. Штундисты.

Теперь мы приступаемъ къ самому жгучему вопросу въ области разсматриваемыхъ нами явленій религіозной жизни колонистовъ. Если при изслѣдованіи вѣроученій гернгутеровъ и менонитовъ намъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось говорить о вліяніи ихъ на окрестное русское населеніе и задача наша ограничивалась лишь изображеніемъ тѣхъ своеобразныхъ нравственныхъ идеаловъ, которые составляли основу ихъ духовнаго міросозерцанія, —то теперь, при изслѣдованіи штундизма, центръ тяжести нашего вниманія сразу переносится на совершенно иную почву; главнымъ и существеннымъ явится въ данномъ случаѣ не проявленіе штундистскаго движенія въ Нѣмецкихъ колоніяхъ, а ихъ ростъ и распространеніе въ средѣ кореннаго православнаго населенія. Штундизмъ, въ отличіе отъ гернгутерства и менонитства, есть всецѣло вѣроученіе съ сильнымъ, всепоглощающимъ характеромъ пропаганды. Вербованіе новыхъ ирозелитовъ—вотъ жизненный нервъ этой своеобразной, широкораспространяющейся секты.

Естественно поэтому, что мы главное вниманіе обратимъ на штундизмъ въ средѣ православнаго населенія, коснувшись

его положенія въ колоніяхъ лишь постольку, поскольку это необходимо будетъ для выясненія тѣхъ или иныхъ сторонъ развитія его въ русскихъ селахъ и деревняхъ.

Мы тѣмъ болѣе будемъ имѣть право такимъ образомъ строить наше послѣдующее изложеніе, что, какъ увидимъ ниже, штундизмъ въ Нѣмецкихъ колоніяхъ трудно даже назвать сектантствомъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, до того онъ схожъ и тождественъ съ основными устоями лютеранства, служа лишь крайнимъ и подчасъ уродливымъ проявленіемъ сухихъ и раціоналистическихъ началъ этого вѣроисповѣданія.

Объ штундизмѣ много и часто писалось въ нашей литературѣ, но разнорѣчивы и несогласны между собой являлись мнѣнія, высказываемыя о немъ.

Въ то время какъ свѣтская литература и въ особенности наша либеральная печать выставляла его свѣтлымъ и симпатичнымъ явленіемъ — свидѣтельствомъ отраднаго проявленія самостоятельной работы мысли освобожденнаго крестьянина въ области вѣры, — духовная литература рисовала его явленіемъ опаснымъ и грознымъ, носящимъ въ себѣ зародыши великихъ и многоразличныхъ бѣдствій.

Еще сильнѣе чѣмъ въ этой принципіальной постановкѣ вопроса о пользѣ или вредѣ штундизма разнились между собой воззрѣнія о томъ, что вызвало его къ жизни; какія причины и условія послужили его первычными источниками. Въ общемъ воззрѣнія на этотъ послѣдній вопросъ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ главнымъ группамъ:

Первая группа считаетъ штундизмъ явленіемъ чисто русскимъ и національнымъ, возродившимся изъ прежнихъ сектъ духоборства, молоканства и хлыстовщины. По этому воззрѣнію, штундизмъ выросъ на русской почвѣ вслѣдствіе отрицательнаго отношенія народа къ существующему порядку церковнаго и общественнаго быта, вытекаетъ изъ недовольства народа окружающимъ его, съ чѣмъ ему приходилось сталкиваться, и является такимъ образомъ послѣднимъ словомъ нашего раціоналистическаго движенія. Не будь лютеранства, — полагаютъ писатели этой группы, — штундизмъ все-таки явился бы, хотя «можетъ быть» и не такъ скоро. Таковы въ основахъ своихъ воззрѣнія нѣкоторыхъ изслѣдователей штундизма, ка-

ковы Протасовъ [1]), Харламовъ [2]), Завитневичъ и нѣкоторые другіе.

Вторая группа писателей считаетъ причинами возникновенія штундизма «распространеніе въ средѣ народа Св. Писанія на русскомъ языкѣ, *искусную пропаганду*, развитіе грамотности, матеріальную помощь и поблажку со стороны штундистскаго ученія низшимъ сторонамъ человѣческой природы».—Самымъ талантливымъ поборникомъ воззрѣній этой группы является свящ. Рождественскій въ своемъ недавно вышедшемъ блестящемъ трудѣ—«Южнорусскій штундизмъ» [3]). Мнѣніе это раздѣляетъ и почтенный изслѣдователь штундизма А. Д. Ушинскій [4]). Сюда же можно отнести и широкое по замыслу и глубоко прочувствованное мнѣніе о штундизмѣ профессора Воронова.

Третья группа, наконецъ, выразителемъ которой является духовная періодическая печать и голосъ которой лишь въ самое послѣднее время нашелъ себѣ мѣсто въ свѣтской литературѣ—именно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ мартѣ 1890 года № 72 и слѣд. (статьи священника І. Стрѣльбицкаго), прямо и всецѣло относитъ появленіе штундизма къ пропагандистской дѣятельности колонистовъ-нѣмцевъ юга Россіи.

Такая разница взглядовъ на штундизмъ, проявляемая изслѣдователями, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ предумышленномъ и сознательномъ извращеніи фактовъ—объясняется многими причинами.

Прежде всего, намѣченная нами выше разница точки зрѣнія свѣтской и духовной печати на полезность или зловредность штундизма для Россіи—объясняется тѣми либеральными взглядами, которые во время появленія штундизма (60 года) пышнымъ цвѣтомъ цвѣли, да и по сей часъ еще цвѣтутъ въ нашей каждодневной и ежемѣсячной печати. Это либеральное вѣяніе имѣло, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, громадное вліяніе на ростъ и распространеніе штундизма. Что же касается до разницы во взглядахъ на ближайшіе его источники, то это

---

[1]) Протасовъ „Штундизмъ и разборъ его ученія". Одесса 1883 г.

[2]) „Русская Мысль" 1885 г. № 10. „Отечественныя Записки" 1878 г. №№ 3 и 5, „Вѣстникъ Европы" 1881 г. № 7.

[3]) А. Рождественскій—«Южнорусскій штундизмъ».

[4]) «Вѣроученіе малорусскихъ штундистовъ»—изданіе 3-е 1886 г.—Ушинскаго «О причинахъ появленія раціоналистическихъ ученій штунды и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ сектъ». Кіевъ 1884 г.

вытекаетъ изъ недостаточно глубокаго и всесторонняго изслѣдованія явленія съ одной стороны и кромѣ того зависитъ еще отъ слѣдующаго обстоятельства. Штундизмъ, какъ явленіе новое и притомъ съ рѣзко выраженнымъ стремленіемъ къ пропагандѣ, не менѣе быстро измѣнялся внутренно, чѣмъ онъ распространялся внѣшне. Лишь въ самое послѣднее время вылился онъ въ свою окончательную форму (мы говоримъ окончательную потому, что дальше идти въ этомъ направленіи некуда). И такъ, недостаточно глубокое проникновеніе въ его сущность—слишкомъ узкій кругозоръ, принятый изслѣдователемъ, и наконецъ изученіе явленія въ то время, когда оно еще находилось въ состояніи роста, переживая самые разнообразные фазисы развитія,—все это сдѣлало то, что въ каждомъ изъ перечисленныхъ воззрѣній есть доля истины, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одно изъ нихъ не даетъ отчетливо яснаго и полнаго представленія объ дѣйствительныхъ источникахъ и причинахъ возникновенія штундизма и объ его состояніи въ настоящее время.

Картину эту можно себѣ составить, если мы опредѣлимъ тѣ условія, при которыхъ зародилось данное явленіе, ту почву, которая питала и питаетъ его корни, и вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ за шагомъ прослѣдимъ его ростъ и постепенное развитіе.

Мы лично посѣтили родину штундизма, много говорили съ лицами, близко стоящими къ дѣлу религіозно-нравственнаго преуспѣянія нашей родной страны, и наконецъ, въ связи съ изученіемъ нами вопроса о нѣмецкой колонизаціи въ Россіи, мы наталкивались и на факты, проливающіе яркій свѣтъ на явленіе штундизма.

Изображенію, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, той картины положенія штундизма на югѣ Россіи, какъ она рисуется намъ самимъ, посвящаемъ мы настоящій очеркъ.

Прежде всего коснемся вопроса, каковы были условія жизни въ той мѣстности, гдѣ впервые русскій крестьянинъ задѣтъ былъ этимъ движеніемъ.

Въ данномъ случаѣ передаемъ слово нѣмецкому пастору Дальтону (извѣстному поборнику свободы совѣсти, т.-е. свободы пропаганды лютеранства въ Россіи), который въ 1862 г. посѣтилъ эту мѣстность [1]).

---

[1]) Dalton. Geschichte der reformirten Kirche in Russland.—Gotha. 1865. Seite 195.

«Однажды кто-то спросилъ, пишетъ онъ, есть ли на зем-«номъ шарѣ мѣсто, гдѣ не нашлось бы нѣмца? Не знаемъ, какъ «въ иныхъ странахъ, но по крайней мѣрѣ въ Россіи нѣтъ гу-«берніи, гдѣ бы не было нѣмцевъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстно-«стяхъ ихъ такъ много и они представляютъ собой до такой «степени господствующее населеніе, что въ теченіе многихъ «дней пути невольно считаешь себя переселеннымъ въ милую, «нѣмецкую родину (bilden dieselben (deutschen) so den aus-«schliessenden Theil des Bevölkerung dass man für Tage lang in «die *liebe*, *deutsche Heimath* sich zurück versetzt glaubt). Всюду «тамъ встрѣчаешь *только* нѣмецкую рѣчь, *только* нѣмецкіе «обычаи, нѣмецкій строй жизни (Ueberall begegnet Einem da «*nur* deutches Wort, nur deutsche Sitte, deutscher Brauch). «Именно есть двѣ мѣстности въ Россіи, гдѣ на многіе десятки «верстъ встрѣчаешь только соотечественниковъ (nur Landsleu-«te): на югѣ Россіи и на Волгѣ... Это вѣтви, отрѣзанныя отъ «великаго германскаго древа и посаженныя одна въ широкихъ «южныхъ степяхъ, другая на плодородномъ побережьи Волги!..»

Такъ пишетъ краснорѣчивый пасторъ. И вотъ именно въ одной изъ этихъ двухъ мѣстностей, гдѣ такъ пышно расцвѣла вѣтвь великаго германскаго древа и гдѣ на десятки и сотни верстъ слышна одна только нѣмецкая рѣчь и встрѣчается одинъ только нѣмецкій строй жизни,—зародилось то штундовое движеніе, которое въ настоящее время мутной волной охватило наши южныя и югозападныя окраины.

Какъ мы уже имѣли случай говорить, братства штунды начались въ Германіи по иниціативѣ Филиппа-Якова Шполера, умершаго въ 1705 г. въ Берлинѣ. Первоначальная цѣль его была—сблизить между собою тѣхъ прихожанъ, которые болѣе другихъ алчутъ духовной пищи и проникновенія въ разъясненія христіанской истины.

Мало по малу въ приходахъ стали возникать кружки «братьевъ о Христѣ» и распространяться по всей протестантской Германіи, особенно же въ Вюртембергѣ, гдѣ и получили свое названіе Stunde (часъ), потому что братья собирались въ извѣстные часы (Andachts Stunden) для молитвъ и духовныхъ бесѣдъ.

Въ этомъ движеніи не было ничего противнаго ученію и началамъ лютеранства. Свобода изслѣдованія и личная критика—основы этого раціоналистическаго вѣроисповѣданія—находили себѣ лишь нормальное проявленіе въ этомъ обычаѣ An-

dachts Stunden. Первоначально всѣ часы производились подъ личнымъ руководительствомъ пасторовъ, и по настоящее время есть еще очень много высшихъ духовныхъ лицъ въ Германіи, состоящихъ членами тѣхъ или иныхъ братствъ.

Въ такомъ видѣ обычай штундовыхъ собраній перешелъ изъ Германіи къ нашимъ нѣмецкимъ колонистамъ приблизительно около 1817 года.

Въ теченіе долгаго времени штундовыя собранія шли дружно рука объ руку съ лютеранской церковью, не проявляя никакой особенной самостоятельности, но около начала 50 годовъ (1848—1851) г. въ Нѣмецкихъ колоніяхъ юга сталъ замѣчаться рѣзкій подъемъ религіознаго духа, главнымъ образомъ нашедшій свое выраженіе въ штундовыхъ собраніяхъ и придавшій имъ съ этого времени совершенно своеобразный характеръ. Вотъ какъ характеризуетъ пасторъ Дальтонъ эту эпоху въ религіозномъ развитіи Нѣмецкихъ колоній юга.

«Прежде всего—пишетъ онъ [1])—стало замѣтно религіозное «движеніе среди учащейся молодежи, затѣмъ стало случаться, «что въ первый день Пасхи нѣкоторые прихожане начинали «громко кричать и плакать, другіе же проявляли признаки необычайнаго восторга. Внутреннее, неизмѣримо сильное состоя«ніе блаженства продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ дней, «причемъ лица, находящіяся въ такомъ экстазѣ, увѣряли, что «они чувствуютъ, какъ будто сердце разрывается у нихъ отъ «восторга. Къ этимъ присоединились такіе, которые вдругъ на«чинали очень сильно дрожать, затѣмъ принимались быстро «хлопать руками преимущественно о колѣни, большею частью «сидя. Послѣ этого они хватались за голову и срывали съ себя «головной уборъ, вырывая вмѣстѣ и клочья волосъ. Они попе«ремѣнно ударяли кулаками по столу и скамейкамъ, причемъ «обыкновенно кричали: «изыди, сатана, довольно я тебѣ слу«жилъ». Также быстро, какъ они хлопали руками, они и топта«лись на мѣстѣ съ ноги на ногу... Послѣ этого болѣзненно-му«чительнаго кризиса, носившаго характеръ конвульсій и въ те«ченіе котораго всѣ они держали глаза опущенными на землю, «они подымали головы и съ невыразимо-радостной улыбкой «устремляли взоры къ небу; съ невѣроятными усиліями подымали они руки къ верху и, маня обѣими руками, приговари-

[1]) Тамъ же—Seite 225 и слѣд.

«вали ласковымъ голосомъ:—«Приди, милый Спаситель, приди! «приблизися еще немножко, ну на самую малость; ахъ, еще «бы чуточку вѣры!!!.»

«Въ этомъ экстазѣ многіе прыгали прямо къ верху, улы- «баясь и воздѣвая руки къ небу съ такимъ движеніемъ, какъ «будто они хотѣли бы взять тамъ кого-нибудь и свести внизъ... «Въ періодъ этихъ экстазовъ многіе были очень горячи, бы- «стры въ движеніяхъ и шумливы, такъ что, когда они соби- «рались вмѣстѣ, подымался невыносимый шумъ и гомонъ. Нѣ- «которые изъ этихъ опускали голову на скамью, гдѣ они си- «дѣли, и отъ времени до времени испускали ужасающія стена- «нія, причемъ они какъ бы получали страшные внутренніе «толчки, отъ которыхъ все тѣло ихъ какъ бы подымалось къ «верху. Другіе наоборотъ выносили эту внутреннюю борьбу «молча, съ судорожно стиснутыми зубами.—Кризисы продол- «жались иногда очень недолго, но бывали случаи, что въ тече- «ніе многихъ часовъ люди какъ бы сходили съ ума, бѣснуясь «и дико крича, и ничего съ ними нельзя было подѣлать въ та- «кіе моменты... Послѣ приступовъ экстаза они успокоивались «и принимались за работу до новаго приступа. Число лицъ, ко- «торыя въ теченіе мѣсяца подверглись имъ, превышало нѣ- «сколько сотенъ человѣкъ...»

Пасторъ Дальтонъ описываетъ это религіозное броженіе въ колоніи «Рорбахъ» (между прочимъ самой родинѣ южнорусскаго штундизма).—Но, какъ намъ говорили многіе старожилы, такое же движеніе въ концѣ пятидесятыхъ годовъ пронеслось по всѣмъ колоніямъ юга Россіи, и съ этого времени характеръ штундовыхъ собраній радикально измѣняется. Эти Andachts Stunden перестаютъ быть пособіями къ религіозно-нравственному преуспѣянію, идущими рука объ руку съ лютеранской церковью; подъ вліяніемъ этихъ религіозныхъ экстазовъ они пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе; въ нихъ, а не въ киркахъ, по мнѣнію прихожанъ, можно было скорѣе войти въ непосредственное общеніе съ божествомъ; они являлись вѣрнѣйшимъ средствомъ къ воспріятію благодати. Пасторы, видя такое извращеніе штундистами истиннаго значенія собраній, начинаютъ съ ними борьбу, но безуспѣшно. Все сильнѣе и глубже убѣждаясь въ своей непогрѣшимости, все больше увлекаясь охватившимъ ихъ религіознымъ фанатизмомъ, штундисты скоро образуютъ самостоятельныя вѣроисповѣдныя группы и, на-

ружно не отпадая окончательно отъ лютеранской церкви, начинаютъ допускать въ своихъ собраніяхъ многіе обряды, рѣзко противорѣчащіе ея предписаніямъ (напримѣръ допущеніе произнесенія общественныхъ молитвъ женщинами и т. п.)

Таково было положеніе штундизма въ Нѣмецкихъ колоніяхъ къ тому времени, когда онъ, подчиняясь все той же подымавшей его волнѣ религіознаго фанатизма, перенесся на сосѣднее русское населеніе.

Первыя оффиціальныя свѣдѣнія о появленіи штундизма въ русскихъ селеніяхъ относятся къ 1865 г., именно въ январѣ 1865 года благочинный 2-й части Одесскаго округа, отецъ Киріаковъ доносилъ высокопреосвященному Димитрію, что нѣкоторые изъ жителей деревни Основы (отстоящей отъ колоніи Рорбахъ на 7 верстъ) заподозрѣваются въ принадлежности къ сектѣ «реформатовъ, именуемыхъ штундистами». По собраніи свѣдѣній, оказалось, что штундовыя собранія происходятъ уже въ теченіе 4 лѣтъ въ домѣ крестьянина Ратушнаго, который въ свою очередь былъ наведенъ на мысль объ основаніи этихъ собраній частымъ посѣщеніемъ штундовыхъ собраній колоніи Рорбахъ и увѣщаніями, а также и матеріальной поддержкой нѣмца-колониста Кепеля. Точно также выяснилось, что въ деревнѣ Основѣ между крестьянами путемъ этихъ религіозныхъ штундовыхъ собесѣдованій распространены были «книги священнаго содержанія, напечатанныя на нѣмецкомъ языкѣ и *частью хотя на русскомъ, но не въ Россіи*, и особенно листы, служащіе имъ какъ бы руководствомъ для моленій» [1]). Затѣмъ въ февралѣ 1867 г. одесскій исправникъ доносилъ херсонскому губернатору, что штундизмъ распространился уже кромѣ селенія Основы и въ сел. Игнатовкѣ и Ряснополѣ, причемъ на собраніяхъ крестьяне занимаются чтеніемъ священныхъ книгъ и толкованіемъ ихъ *подъ руководствомъ нѣмцевъ* изъ сосѣдней колоніи Рорбахъ. Къ тому же времени относится и появленіе въ колоніи Рорбахъ пастора Карла Бонекемфера, яраго поборника штундовыхъ собраній. Съ этого времени ростъ штундизма двинулся еще сильнѣе. При ближайшемъ слѣдствіи оказалось, что напѣвы на штундовыхъ собраніяхъ всѣ нѣмецкіе, и, кромѣ

[1]) Дѣло Херсонск. Духовн. Консисторіи, 1866 г. № 65.

При изложеніи внѣшней исторіи развитія сектъ среди русскаго населенія мы будемъ пользоваться многочисленными фактическими данными, собранными о. Рождественскимъ, хотя у него они, по нашему убѣжденію, освѣщены далеко ненадлежащимъ образомъ.

того, русскіе штундисты бываютъ въ киркахъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ секта проникла и въ Ананьевскій уѣздъ, причемъ и здѣсь при осмотрѣ домовъ обнаружены были книги священнаго содержанія, изданныя заграницей и не прошедшія русской цензуры.

Также установлена была постоянная связь русскихъ штундистовъ съ нѣмецкими сектантами. Высокопреосвященный Димитрій въ маѣ 1868 г. писалъ въ Сѵнодъ, что, по личномъ объѣздѣ зараженныхъ штундизмомъ мѣстностей, онъ замѣтилъ, что новая эта секта отличается особеннымъ прозелитизмомъ, при чемъ для соблазна православныхъ пропагандисты-нѣмцы не жалѣютъ даже денегъ, но даютъ ихъ не просто, а подъ видомъ чуда.

Къ тому же времени и среди русскаго крестьянства начинаютъ уже появляться собственные поборники штундизма. Всѣ они однако или долго жили въ Нѣмецкихъ колоніяхъ или же сверхъ того находились и подъ личнымъ вліяніемъ какого-нибудь отдѣльнаго нѣмца-сектанта. Вожакъ штундистовъ, крестьянинъ Онишенко, почти всю жизнь свою прожилъ среди нѣмцевъ; другіе два вожака штундизма въ сел. Основѣ и Игнатовкѣ, Михаилъ Ратушный и Герасимъ Балабанъ, также находились въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ рорбахскими сектантами, подражая имъ даже въ одеждѣ, т. е. носили костюмъ нѣмцевъ-колонистовъ: рубашку съ отложнымъ воротникомъ, вправленную въ брюки, пиджакъ и очень высокія сапоги. Въ настоящее время, какъ мы лично видѣли, всѣ русскіе штундисты продолжаютъ носить тотъ же типъ одежды, заимствованный у нѣмцевъ, но, кромѣ того, по примѣру колонистовъ, бреютъ еще все лицо и курятъ маленькія нѣмецкія трубочки.

Эти два новые проповѣдника, Ратушный и Балабанъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ пропагандистовъ-нѣмцевъ, разъѣзжали по разнымъ мѣстностямъ съ цѣлью распространенія штунды, которая черезъ два-три года обнаружилась въ дер. Константиновкѣ и сел. Петровскомъ и Явкинѣ Херсонскаго уѣзда; всѣ крестьяне этихъ селеній указывали, что заимствовали ученіе штундизма отъ основцевъ, игнатовцевъ и сосѣднихъ нѣмцевъ. Въ 1870 году въ Ананьевскомъ уѣздѣ на хуторѣ нѣмца-колониста также открыты штундовыя собранія.

Совершенно самостоятельно и около того же времени появился штундизмъ и въ русскомъ селеніи Карловкѣ Елизаветградскаго уѣзда. Сюда въ началѣ 60 годовъ,—по донесенію

о. миссіонера Зубова, — онъ проникъ изъ нѣмецкой колоніи Старый Данцигъ, находящейся близъ Карловки, отдѣленной отъ послѣдней только плотиной. «Нѣмцы съумѣли убѣдить русскихъ крестьянъ,—пишетъ отецъ Зубовъ,—что полученная ими гражданская свобода есть начало свободы религіозной, что православная церковь уклонилась отъ церкви апостольской и что православнымъ необходимо принять ихъ нѣмецкую вѣру. При этомъ появилось Евангеліе на русскомъ языкѣ, которое пропагандисты-нѣмцы начали раздавать простому народу даромъ, причемъ превратно толковали имъ слово Божіе» [1]).

Изъ этихъ совращенныхъ выдвинулись скоро и свои вожаки: Ефимъ Цимбала, Ѳеодосій Витриченко и Иванъ Рябошапка. Всѣ они имѣли до совращенія самыя близкія отношенія къ старо-данцигскимъ колонистамъ; такъ, Витриченко долго служилъ въ батракахъ въ этой колоніи; совращеніе же въ штундизмъ Рябошапки имѣло мѣсто подъ личнымъ вліяніемъ колониста Мартына Гюбнера. Изъ колонистовъ-пропагандистовъ этого времени особенно отличались также Христофоръ Эндингеръ — изъ колоніи Вормсъ и Іоганнъ Прицкау — изъ колоніи Рорбахъ. Благодаря ихъ дѣятельности, штундизмъ скоро охватилъ 11 селеній Елизаветградскаго уѣзда.

Но до этого времени русскіе штундисты не заявляли открыто о своемъ отдѣленіи отъ православной церкви и хотя и очень неохотно, но все-таки исполняли съ внѣшней формальной стороны обязанности вѣрныхъ прихожанъ. Начиная же съ 1870 года, они окончательно отпадаютъ отъ господствующей церкви, образуя самостоятельное цѣлое, выбирая пресвитеровъ и производя крещенія, браки и похороны по своимъ воззрѣніямъ.

Это отдѣленіе и внѣшняя организація сектантскаго движенія также не произошла безъ участія нѣмцевъ.

Въ самомъ концѣ 60 годовъ въ Херсонскую губернію явились пропагандисты изъ-за границы, которые проповѣдывали и среди русскаго населенія.

Это были Опкенъ, Шульцъ и Іоганнъ Гергардъ изъ Гамбурга. Послѣ ихъ отъѣзда инициатива пропаганды снова сосредоточилась въ рукахъ мѣстныхъ нѣмцевъ-колонистовъ. Особенно ярко выдѣлился въ этомъ отношеніи житель колоніи «Старой», Екатеринославской губерніи, Абрамъ Унгеръ, Іоганъ Прицкау и

[1]) «О прошломъ и настоящемъ положеніи штундизма въ Елизаветградскомъ миссіонерскомъ раіонѣ Херсонской губерніи». Одесса, 1887 г.

Іоганнъ Видеръ. Всѣ они совмѣстно съ вожаками изъ русскихъ ведутъ дѣятельную пропаганду. Ефимъ Цимбала съ этой цѣлью всюду ѣздитъ вмѣстѣ съ Прицкау. Основскіе и игнатовскіе штундисты ѣдутъ 22 февраля 1872 года, съ Ратушнымъ во главѣ, въ колонію Рорбахъ, чтобы вмѣстѣ съ тамошними сектами совершить «преломленіе» хлѣба. Вилеръ выписываетъ изъ-за границы собраніе сектантскихъ пѣсенъ на русскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ шагъ за шагомъ слѣдили нѣмцы-колонисты за развитіемъ и распространеніемъ штундизма въ средѣ русскаго населенія. Не было факта, не было проявленія его, гдѣ бы не чувствовалась нѣмецкая рука. Начиная отъ названія его «штунда» до самыхъ мелкихъ обрядностей его, все носитъ совершенно нѣмецкій, чуждый и противный истинному русскому духу, характеръ.

Въ особенности рельфно проявится это, если мы остановимся на внутреннихъ основахъ этой секты.

Письменныхъ данныхъ, касающихся догматической стороны штундизма, очень немного.

Первымъ болѣе или менѣе полнымъ изложеніемъ въ этомъ отношеніи представляется вѣроученіе косяковской секты, переводенное съ нѣмецкаго херсонскими штундистами и заключающее въ себѣ тѣ данныя и основы штундизма, какія онъ исповѣдывалъ въ началѣ 60 годовъ, т. е. ко времени перехода его изъ Нѣмецкихъ колоній въ среду русскаго населенія.

Въ этомъ исповѣдываніи заключается 15 членовъ, именно: 1) о словѣ Божіемъ; 2) о Богѣ; 3) о грѣхѣ; 4) объ искупленіи; 5) объ избраніи къ блаженству; 6) о благодатныхъ средствахъ и ихъ порядкѣ; 7) объ обращеніи грѣшника словомъ Божіимъ; 8) о святомъ крещеніи; 9) о святой вечери; 10) о Церкви Господней; 11) объ освященіи; 12) о Божественномъ законѣ; 13) о бракѣ; 14) о гражданскомъ порядкѣ и 15) о второмъ пришествіи Господнемъ.

По внутреннему своему содержанію — сущность этихъ 15 членовъ заключается въ слѣдующемъ: штундизмъ, согласно имъ, отвергаетъ всецѣло священное преданіе—поклоненіе иконамъ и св. кресту, въ особенности же наложеніе на себя крестнаго знаменія и ношеніе креста на шеѣ, а также молитвы за усопшихъ, затѣмъ въ своемъ ученіи о Богѣ штундисты опускаютъ при перечисленіи его свойствъ — самосущность, неизмѣняемость, святость и безконечную благость; равнымъ об-

*

разомъ очень сбивчиво изложено у нихъ и ученіе о Святой Троицѣ; въ ученіи о грѣхѣ у сектантовъ высказывается ошибочная и несогласная съ Св. Писаніемъ мысль о томъ, что всѣ люди оказываются неохотными ко всему доброму и склонными ко всему злому; особенно рѣзкое противорѣчіе сектантства съ Св. Писаніемъ и ученіемъ православной церкви высказывается въ четвертомъ и пятомъ членахъ объ искупленіи и избраніи къ блаженству. Въ нихъ приводится мысль, что воздѣйствіе самого человѣка совершенно не нужно для воспріятія и усвоенія благодатной силы искупленія и что избраненіе къ блаженству совершается независимо и *по заранѣе установленному* Господомъ *предопредѣленію*. Этотъ пунктъ, какъ оказывается, является одной изъ основъ ихъ вѣроученія, такъ какъ они проповѣдуютъ, что штундисты—и одни только штундисты—предопредѣлены къ спасенію и воспріятію блаженства.

Точно также и въ шестомъ членѣ, о благодатныхъ средствахъ и ихъ порядкѣ, въ ученіи сектантовъ ничего не говорится о муропомазаніи, покаяніи, елеосвященіи и священствѣ, и штундисты не придаютъ имъ всѣмъ никакого значенія; въ седьмомъ членѣ объ обращеніи грѣшника посредствомъ слова Божія опять повторяется мысль, будто слово Божіе само дѣйствіемъ Духа Святаго, *безъ всякихъ усилій со стороны грѣшника*, пробуждаетъ его отъ сна грѣховнаго, производитъ въ немъ раскаяніе, сознаніе своей грѣховности и, наконецъ, возрожденіе и просвѣщеніе души; въ ученіи о св. крещеніи предварительно требуется ими вѣра отъ крещаемаго, запечатлѣнная Св. Духомъ, и посему не признается крещеніе младенцевъ; въ девятомъ членѣ, гдѣ изложено вѣроученіе сектантовъ на причащеніе, повторяется ими общелютеранское воззрѣніе, что при евхаристіи вѣрующимъ преподается не дѣйствительныя тѣло и кровь Господа Іисуса Христа, а хлѣбъ и вино, которые, будто бы, служатъ только святымъ *знакомъ* тѣла и крови Господней, внушаемымъ *мысленно*, а не дѣйствительно. иными словами, отрицается самая сущность таинства причащенія. Въ членѣ десятомъ о церкви, штундистами приводится идея о выборномъ началѣ при избраніи пресвитеровъ и діаконовъ безъ какого бы то ни было посвященія. Затѣмъ въ послѣдующихъ пяти членахъ не высказывается ничего особенно противорѣчащаго ученію православной церкви, исключая только ученія о бракѣ, который не признается штундистами таинствомъ.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе штундизма, въ то время какъ онъ впервые проникъ въ среду русскаго населенія.

Оно является, какъ мы видимъ, сочетаніемъ лютеранскаго, отчасти реформатскаго и менонитскаго (анабаптистскаго) исповѣданій, признавая всего два таинства, и то въ отличномъ отъ православной церкви смыслѣ: крещеніе (только взрослыхъ) и причащеніе подъ обоими видами, допуская перекрещиваніе совращаемыхъ православныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что крещеніе младенцевъ будто бы не дѣйствительно

Въ этомъ его видѣ, когда штундизмъ являлся какъ бы вѣтвью протестантства и нисколько не шелъ въ разрѣзъ съ основами этой церкви, его и распространяли пасторъ Бонекемферъ и другіе нѣмцы. Объ этомъ же штундизмѣ—судя о немъ по только-что изложеннымъ нами даннымъ, въ горячихъ панегирикахъ ему распиналась наша либеральная печать съ «Голосомъ» во главѣ. И они были правы съ своей близорукой точки зрѣнія. Въ 15 членахъ, только-что нами изложенныхъ, не было еще ничего ни безнравственнаго, ни ужаснаго; но дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, этими членами далеко не исчерпывалась сущность штундоваго движенія, во-вторыхъ же, эти 15 членовъ, являясь выразителями первичной эпохи существованія штундизма, никоимъ образомъ не могли почитаться окончательнымъ выраженіемъ его. Они были не болѣе какъ начало движенія, первый толчекъ, отъ котораго затѣмъ штундизмъ ушелъ очень и очень далеко въ сторону. Объ этомъ мы впрочемъ скажемъ болѣе подробнымъ образомъ. Не прошло и четырехъ лѣтъ послѣ появленія этихъ 15 членовъ штундистскаго исповѣданія, какъ часть штундистовъ отпала отъ этого первоначальнаго ученія и образовала новый толкъ, подъ наименованіемъ Чаплынскаго.

Этотъ толкъ, пріобрѣвшій сразу массу послѣдователей, отрицаетъ цѣликомъ всѣ таинства и всѣ обряды, на томъ основаніи, что христіанская религія будто-бы должна быть только внутренняя, духовная. Впервые это ученіе было обнародовано и опровергнуто въ трудѣ Ушинскаго «Вѣроученія малорусскихъ штундистовъ». Составлена и подана она была ему пресвитеромъ штундистскимъ Яковомъ Ковалемъ. Безсмысленно грубый и притязательный тонъ этого вѣроученія, темныя, умышленно запутанныя фразы и чрезмѣрное восхваленіе чудесъ, происходящихъ на штундовыхъ собраніяхъ—вотъ, вмѣстѣ съ поголовнымъ отрицаніемъ всякихъ таинствъ, содержаніе этого изло-

женія. «Кто мудрый, докажи несправедливость нашего совершенства!» такъ кончается оно. Трудно отыскать въ немъ какую бы то ни было догматику. Въ своихъ положительныхъ сторонахъ, оно стоитъ уже неизмѣримо ниже перваго, изложеннаго нами, ученія штундистовъ. Тамъ еще были хотя и ошибочные, но все-таки тѣ или иные нравственные идеалы; въ чаплынскомъ же ученіи, которое, какъ мы уже сказали, почти всецѣло вытѣснило первоначальное ученіе штундистовъ, этихъ идеаловъ трудно уже отыскать. Но на этомъ вѣроученіи не остановилось дальнѣйшее развитіе штундизма.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Чаплынскаго, появился толкъ Дыміевскій, затѣмъ ученіе Сливки, причемъ каждое изъ нихъ, все болѣе и болѣе утрачивая положительный характеръ, превращалось въ огульное безсмысленное отрицаніе, давая вмѣстѣ съ тѣмъ полный просторъ разгулу низшихъ сторонъ человѣческой природы. По послѣднимъ извѣстіямъ [1]), появились такіе учители, которые проповѣдуютъ, что всѣмъ «разумнымъ людямъ» надо ѣсть, что угодно, не ходить по церквамъ, не пускать во дворъ духовенства, не жениться. «Хочется выпить — пей сколько хочешь!» «Состарилась жена— брось и возьми молодую» — говорятъ они, и увѣщеванія ихъ вербуютъ имъ массу прозелитовъ. Такимъ образомъ положительная сторона штундизма падаетъ изъ году въ годъ, и штундистскія собранія все болѣе и болѣе начинаютъ осуществлять собою вѣщія слова апостола: «будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые бы льстили слуху, и отъ истины отвратятъ слухъ, и обратятся къ баснямъ» [2]).

Но, какъ мы уже сказали, не однимъ своимъ внутреннимъ положительнымъ содержаніемъ привлекалъ штундизмъ все новыхъ прозелитовъ, и ошибочно было бы поэтому, на основаніи догматической его стороны, оцѣнивать все это движеніе. Въ немъ уже издавна сталъ проявляться иной характеръ, который, первоначально тщательно скрываясь за стороной чисто религіозной, за послѣднее время сталъ выступать особенно рельефно.

Еще въ концѣ января 1868 года генералъ-губернаторъ писалъ его высокопреосвященству, что «штундистская секта

---

[1]) „Моск. Вѣдомости“ 1890 г. № 93.
[2]) Слова св. апостола Павла къ Тимоѳею, глава 4, ст. 3 и 4.

имѣетъ болѣе политико-экономическій, чѣмъ религіозный, характеръ». Точно также 15 января того же года, вновь назначенный въ м. Рясноноль священникъ, человѣкъ очень развитой и образованный, отецъ Ногачевскій, писалъ его высокопреосвященству: «.. штунда выходитъ чѣмъ-то вродѣ революціоннаго движенія противъ государства; штундисты стремятся признать все настоящее устарѣлымъ, основаннымъ на одной только рабской подчиненности, ничтожнымъ и основать что-то вродѣ избирательнаго правительства, зависимаго отъ всѣхъ и контролируемаго всѣми безъ исключенія. Нѣмцы употребляютъ штунду, какъ опытъ въ видахъ переустройства государства» [1]).

Точно также высокопреосвященный Димитрій, сообщая о результатахъ своего объѣзда епархіи, доноситъ Св. Сѵноду: «Сектанты нѣмцы-штундисты, какъ кажется, преслѣдуютъ какія-то далекія цѣли, вродѣ коммунистическихъ, которыя впрочемъ тщательно скрываютъ. Извѣстна ихъ обильная матеріальная помощь совращаемымъ. Кромѣ ученія о равенствѣ всѣхъ, они пускаютъ въ народѣ такія мысли: что священники изъ корыстолюбивыхъ цѣлей и правительство тоже изъ какихъ-то видовъ, опутавъ народъ безполезною, вымышленною и ни къ чему ненужною обрядностью церковною, держатъ его въ невѣжествѣ». Мы имѣли уже случай знакомить читателя съ своеобразными ихъ соціально-политическими воззрѣніями, которыя въ настоящее время широко распространились среди нашихъ русскихъ штундистовъ. Примѣры отрицанія ими началъ семейственности и нравственности, презрѣніе и отверженіе придержащихъ властей и существующаго государственнаго строя—таковы повсемѣстные отзывы нашей печати и всѣхъ лицъ, близко знакомыхъ съ этимъ грустнымъ явленіемъ нашей современной жизни. Такъ въ № 9 «Руководства сельскихъ пастырей» мы находимъ много свѣдѣній относительно соціально-политическаго характера штунды, подтвержденныхъ фактическими ссылками на свидѣтельства лицъ, близко знакомыхъ съ этой сектой. Такъ, мы въ нихъ читаемъ, что, по словамъ сектантовъ, человѣчество достигло крайнихъ предѣловъ своего развращенія; въ настоящее время человѣчество находится во второмъ египетскомъ рабствѣ. *Человѣкъ теперь порабощенъ* новыми египтянами *сильными міра сего*. Эти новые египтяне

---

[1]) Рождественскій—стр. 65 примѣчаніе.

пользуются нашимъ трудомъ, распоряжаются нашими силами!.. Вотъ почему и такъ много несчастій на землѣ... Мы уже имѣли случай въ первой нашей главѣ приводить примѣры отрицательнаго отношенія штундистовъ ко всѣмъ православнымъ властямъ вообще, не исключая и Священной Особы Государя Императора [1]). Точно также и съѣздъ противораскольническихъ миссіонеровъ, происходившій въ Москвѣ въ 1887 году, засвидѣтельствовалъ, что штундисты, въ числѣ другихъ раціоналистическихъ и мистическихъ сектантовъ, «какъ извѣстно людямъ практически знакомымъ съ ихъ вѣроученіемъ и понятіями, крайне враждебно относятся къ Русскому Государю и ко всему строю русской, не только религіозной, но и гражданско-общественной жизни, видя идеалъ въ формахъ жизни западныхъ государствъ и стремясь къ ниспроверженію русской самобытности и не только въ религіозной, но и въ гражданско-семейной жизни».

По взгляду штундистовъ, власти православныя, носящія на себѣ награды въ видѣ крестовъ, «прокляты, онѣ живые идолы, а почитающіе ихъ—идолопоклонники». Сектанты проповѣдуютъ, что въ обществахъ человѣческихъ незаконно существованіе властей: по ихъ понятіямъ «власть имѣютъ тѣ, которые побогаче и сильнѣе другихъ», и «никакого начальства, никакихъ наказаній и остроговъ не нужно».

«Отъ людей ли ищу благовѣствованія», — пишетъ одинъ штундистъ по поводу вопроса о властяхъ, — или отъ Бога? Людямъ ли угождать стараюсь? *и въ знаменитыхъ нѣтъ для меня ничего особеннаго.* (Галат. гл. I ст. 1—13, гл. II ст. 6).— А это кому пишетъ Матѳей, гл. XVII ст. 24—27? Галат. гл. IV, ст. 21—31? А псал. 72, ст. 1—17: о какихъ благородіяхъ говоритъ?

«Еще какъ намъ говоритъ апостолъ Павелъ и какъ безмѣрно его величіе въ насъ: «превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства всякаго имени, именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ». (Евр. гл. I ст. 19—23; Колос. гл. II ст. 14—15). А что это за образъ звѣря, какъ не ихъ (Откр. гл. 13 и 14)? *Этотъ образъ убиваетъ людей, но и ему будетъ та же участь чрезъ людей, кото-*

[1]) Укажемъ между прочимъ еще на одинъ фактъ.

Когда однажды сельское начальство дер. Основы захотѣло запретить штундовое собраніе, штундисты прямо и нагло отвѣтили, что ихъ собраній не имѣетъ права запретить ни одна православная власть, ни даже самъ Государь. «Мы никого не послушались бы», заявили они.

рымъ Богъ внушилъ эту мысль: «выйди, народъ Мой, скажетъ Господь, и воздайте имъ такъ, какъ они воздавали вамъ и вдвое воздайте по дѣламъ ихъ» (Откров. гл. 18, ст. 5—6). А какъ это будетъ, читай восемнадцатую и девятнадцатую главы изъ Откровенія Іоанна. Есть также объ «этомъ указаніе и другихъ пророковъ. Имѣющіе очи видѣть да видятъ и уши слышати да слышатъ!» То же самое подтверждается и отвѣтами священниковъ штундовыхъ приходовъ въ семъ году на вопросы, предложенные имъ преосвященнымъ Иринеемъ. Такъ, священникъ села Чаплынки утверждаетъ, что въ его приходѣ нынѣшніе сектанты уже давно искали удобнаго случая вырваться изъ-подъ опеки всякой власти какъ духовной, такъ и гражданской, хотя, повидимому, они еще боятся послѣдней; но все это содержится у нихъ до времени въ великой тайнѣ. Священникъ села Лѣсовичи говоритъ: «я убѣжденъ, что наши штундисты въ перемѣнѣ религіи ищутъ не спасенія души, а независимости отъ узаконенной власти духовной и гражданской. Это уже подтверждалось многими фактами въ судебныхъ процессахъ. Въ основѣ штундизма лежитъ политическая подкладка, выработанная соціализмомъ, но пока еще она содержится этимъ обществомъ въ глубокой тайнѣ».

Благочинный 2-го округа Васильковскаго уѣзда, отецъ Меѳодій Тревинскій доноситъ, что, отвергая существующій порядокъ соціально-политической жизни Россіи, штундисты мечтаютъ о наступленіи новыхъ формъ жизни. Среди сектантовъ бродятъ совершенно тождественныя съ ученіемъ баптистовъ и менонитовъ идеи коммунистическаго и соціалистическаго характера о свободѣ, равенствѣ и раздѣлѣ имуществъ. Существованіе этихъ идей несомнѣнно и подтверждается новыми извѣстіями. Такъ священникъ Терлецкій въ 1873 году и Козакевичъ въ 1875 году доносили Кіевскому и Херсонскому епархіальнымъ начальствамъ, что. по понятіямъ штундистовъ, «всѣ люди должны быть свободными панами» и что они «проповѣдуютъ равенство и свободу».

Изъ показанія, даннаго въ августѣ 1888 года священнику села Косяковки, отцу Карпу Нестеровскому, бывшимъ штундистомъ, крестьяниномъ Іереміей Орлюкомъ, видно, что нынѣшній «штундовой пресвитеръ» Филиппъ Орлюкъ, совращая его въ штунду, говорилъ: «Попы проповѣдуютъ вѣру, эта вѣра не та, которую намъ нужно, эта вѣра языческая, и мы ее

отвергаемъ, а наша вѣра будетъ вотъ какова: свобода, равенство и братство».

По сообщенію миссіонера Чепурного, отъ 24 февраля 1888 года, между сектантами распространяется мысль о томъ, чтобъ они почитали только Христа, «такъ какъ только Христосъ старшій братъ, а остальные (сектанты) должны быть равны».

Мы указывали уже на ихъ толкованіе (1—5 ст. XIII гл. посл. къ Римл. и 13—17 ст. XII гл. Ев. Марка, (но, въ виду того, что такое ихъ воззрѣніе находитъ себѣ повсемѣстное подтвержденіе и даже дальнѣйшее развитіе въ средѣ другихъ сектантовъ, приводимъ это мѣсто еще разъ цѣликомъ: «Апостолъ писалъ это къ римлянамъ, говорятъ штундисты, а римляне были святые штундисты-анабаптисты, нѣмцы, и Христосъ повелѣлъ давать подати Кесарю, *а Кесарь это былъ святой анабаптистъ, штундовый нѣмецъ*. И вотъ изо всего этого очень ясно видно, что все это слово Божіе относится къ тому, чтобы мы почитали штундовыхъ анабаптистовъ-царей и начальниковъ, которые еще будутъ; а также въ будущемъ штундовымъ анабаптистскимъ *нѣмецкимъ кесарямъ, то-есть царямъ, давали подати, но никакъ не православнымъ царямъ*. А такъ какъ теперь ихъ (то-есть православныхъ царей) еще година и область темная, а штундово-анабаптистской братіи еще малая сила противъ православныхъ, то необходимо стараться какъ можно исправнѣе противъ православныхъ платить подати и выполнять всѣ казенныя повинности, для того, чтобъ они не могли замѣтить, что всѣ *мы, отступившіе отъ православія, подѣлались* и *правительству православному невѣрными*, и чтобъ они, видя наше таковое исправное исполненіе казенныхъ повинностей, не воспрещали бы отступать отъ православія и умножаться нашей штундово-анабаптической братіи». «Съ наступленіемъ ожидаемаго сектантами государственнаго и общественнаго строя, ихъ (сектантское) начальство всю землю отъ православныхъ помѣщиковъ поотбираетъ и насъ всѣхъ (сектантовъ) понадѣляетъ землей. И тогда уже намъ, всему простонародію, которое только поступитъ въ святые штунды и анабаптисты, будетъ великое добро: свобода на все и роскошь».

Крестьянинъ села Троцкаго Елисаветградскаго уѣзда, Пуховой, проповѣдывалъ, что съ уничтоженіемъ существующаго порядка «все будетъ общее; всѣ магазины съ шелками и дру-

гими товарами будутъ открыты для всѣхъ, такъ что кому что понадобится, тотъ то и бери безплатно».

Въ «Екатеринославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» говорится, что сектанты отвергаютъ всякія права частныхъ лицъ на житейскіе достатки и на имущественную собственность.

Вообще же въ штундизмѣ сказывается стремленіе къ усвоенію западно-европейскихъ соціальныхъ идей и порядковъ.

«Заграницей, говорятъ штундисты, люди умнѣе насъ; поэтому мы должны слушаться ихъ болѣе, нежели нашего Сѵнода».

Въ настоящее время агитаторы-штундисты, все болѣе и болѣе раскрывая свою игру, открыто уже провозглашаютъ слѣдующаго рода мысли. Они исподволь распространяютъ въ нашемъ сельскомъ населеніи ту мысль, что скоро придетъ нѣмецкій (штундовой) царь и завладѣетъ всѣмъ нашимъ югомъ, который-де будетъ уступленъ ему безо всякаго боя, такъ какъ уступка его рѣшена уже давно. И тогда господами станутъ одни нѣмцы и тѣ изъ русскихъ, которые приняли свѣтъ истинной, штундовой вѣры; тѣхъ же, которые продолжаютъ коснѣть въ своемъ «православномъ язычествѣ», ожидаютъ всякія невзгоды! отъ нихъ будетъ отнята вся земля, и они вмѣстѣ съ семействами будутъ изгнаны изъ своихъ жилищъ! Поэтому, заключаютъ пропагандисты, торопитесь слиться съ нами и поскорѣе, хотя бы съ внѣшней стороны, скидывайте свой русскій обликъ».

И, къ сожалѣнію, они проповѣдуютъ не даромъ!

Такимъ образомъ, тѣ «отдаленныя цѣли, которыя преслѣдуютъ сектанты-нѣмцы» и о которыхъ еще въ 1868 году писалъ высокопреосвященный Димитрій, въ наши дни все рельефнѣе и ярче выступаютъ наружу. Не исканіемъ религіозныхъ истинъ, не жаждой духовнаго просвѣщенія дышетъ проповѣдь штундистовъ, она проникнута духомъ злобы и отрицанія всего русскаго, гдѣ бы оно ни было и въ чемъ бы ни выражалось, начиная съ вопросовъ вѣры и основъ нравственной жизни народа и кончая внѣшнимъ его видомъ, условіями и обычаями обыденной его жизни.

Русскій крестьянинъ, становясь штундистомъ, прежде всего мѣняетъ свой внѣшній обликъ: сбриваетъ по образцу нѣмца-колониста усы и бороду, одѣвается въ типичный костюмъ этого колониста, заводитъ себѣ коротенькую нѣмецкую трубочку и

затѣмъ стремится всю жизнь свою устроить на нѣмецкій ладъ. Дѣтей своихъ они стараются выучить по-нѣмецки и свои избы и внутреннее убранство комнатъ устраиваютъ также на колонистскій ладъ. Самая рѣчь штундистовъ рѣзко измѣняется, образуя какую-то безсмысленную смѣсь малорусской съ нѣмецкой.

Религіозные обряды, заимствованные у нѣмцевъ, сохраняютъ свой строго-лютеранскій характеръ; всѣ церковные напѣвы у нихъ нѣмецкіе, самыя духовныя пѣсни ихъ грубое и подчасъ безсмысленное переложеніе съ нѣмецкаго. Вотъ, напримѣръ. одна изъ такихъ пѣсенъ, имѣвшая сильное распространеніе, отобранная у сектантовъ Ряснопольскаго прихода.

«Духъ святой, Духъ святой! Свѣтлость мой Сіянье твой освѣщай думя (вѣроятно душа?) мой благодѣтельный Христовой и буду вѣчно съ тобой.—

«Духъ святой, Боже мой! Усилися ты со мной и внутренній Грѣховъ мой очищай лучшемъ твой радость; твой нынче мой.—

«Духъ святой, радость мой! укрѣпися ты со мной и дѣловъ моихъ уничтожъ лучшемъ твой сила; твой вѣчно мой.—

«Духъ святой, любовь мой! вечерися ты со мной и побѣди князя міра искусителя сатано дабы съ былъ любовь твой. Аминь».

Сборники этихъ пѣсенъ на русскомъ языкѣ, какъ напр., «Духовныя пѣсни», печатаны въ Германіи и въ массѣ распространяются нѣмцами-колонистами: Іоганномъ Волеромъ и другими въ средѣ нашего русскаго населенія.

Словомъ, каждый фактъ, каждое проявленіе штундизма служитъ только лишнимъ доказательствомъ того, насколько онъ весь проникнутъ нѣмецкими идеями и нѣмецкимъ духомъ. Онъ является въ настоящее время орудіемъ германизма въ Россіи, и мы считаемъ себя совершенно въ правѣ назвать его скорѣе соціально-политическимъ, нежели религіознымъ, явленіемъ. И много сыновъ русской земли поглотило уже это гибельное и тлетворное направленіе. Со времени 1865 года, т. е. съ того момента, когда штундизмъ впервые проникъ въ среду русскаго крестьянства, онъ, постепенно расширяясь, охватилъ въ настоящее время весь нашъ югъ и юго-западъ. Въ одномъ Херсонскомъ уѣздѣ штундизмъ распространился въ 50 приходахъ и общее число сектантовъ, по списку Херсонской духовной кон-

систоріи за 1886 г., достигало трехъ тысячъ душъ. Съ этого времени число ихъ, вѣроятно, удвоилось, такъ какъ за послѣдніе годы штундистская пропаганда принимала все болѣе и болѣе горячій, лихорадочный характеръ.

Лицомъ къ лицу съ подобнымъ ростомъ и распространеніемъ, невольно рождается вопросъ, вызывается ли такой его ростъ исключительно усиленной пропагандой колонистовъ, или же на фактъ его распространенія вліяютъ и другія причины, коренящіяся въ условіяхъ нашей народной жизни.

Первая и главная причина появленія штундизма — несомнѣнно нѣмецкое вліяніе, и сначала инстинктивное, а затѣмъ все болѣе и болѣе послѣдовательное и осмысленное проведеніе національной, чисто германской идеи. Не правы тѣ, которые видятъ въ штундизмѣ естественное послѣдствіе умственнаго движенія, возродившагося отъ крѣпостнаго состоянія народа. Само названіе и всѣ дальнѣйшія ступени развитія штундизма, весь характеръ и способъ развитія этого своеобразнаго явленія указываютъ на его иностранный корень, рисуютъ его чужеземнымъ растеніемъ, принятымъ на русской почвѣ. Уже одно то обстоятельство, что штундизмъ, хотя и одновременный съ освобожденіемъ крестьянъ, появился не тамъ, гдѣ крѣпостное право находило свое самое полное осуществленіе, а въ мѣстности, гдѣ вліяніе его наименѣе было замѣтно, но гдѣ зато пышно цвѣлъ отростокъ великаго германскаго древа,—уже одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что не въ освобожденіи крестьянъ слѣдуетъ видѣть главную причину штундизма, а въ недобромъ вліяніи нѣмецкихъ сосѣдей.

«Наши южные нѣмцы-колонисты», пишетъ по этому поводу профессоръ Вороновъ, «вызванные нашимъ правительствомъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, собственно «въ видахъ благотворнаго воздѣйствія ихъ на наше сельское «хозяйство, водворенные у насъ съ такими большими издержками для казны, получившіе притомъ самый прочный залогъ «своего благосостоянія въ такихъ жирныхъ надѣлахъ земли, «которые нашему русскому мужику и присниться не могутъ,— «до сихъ поръ еще не обнаружили никакого благотворнаго «воздѣйствія на сельско-хозяйственную культуру нашего края. «Зато они въ настоящее время щедро дарятъ насъ иной культурой, состоящей въ вытравливаніи изъ нашего простонародья всего, что въ немъ есть лучшаго: его простой вѣры,

«его благоговѣйнаго отношенія къ святынѣ, его преданности «благочестивымъ упражненіямъ, посту, молитвѣ, праздникамъ, «уваженія къ авторитету церкви и ея богоучрежденной іерар«хіи, т. е. культурой, состоящей въ отрѣшеніи народа отъ «православія, а затѣмъ и отъ своей народности... къ этой «цѣли и стремятся издавна наши херсонскіе культуртрегеры. «Что въ херсонскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ ведется съ начала «шестидесятыхъ годовъ систематическая пропаганда, это не «подлежитъ сомнѣнію. Во время систематической пропаганды «существуетъ и пропаганда частная. Я разумѣю то непрестан«ное вліяніе, которое оказываютъ здѣшніе колонисты-богачи «на своихъ батраковъ—нашихъ бѣдныхъ, захудалыхъ кресть«янъ. Попробуйте поразспросить кого угодно изъ бывшихъ «тамъ на службѣ нашихъ крестьянъ, какъ ему жилось тамъ, у «нѣмца-колониста, и намъ станетъ понятно, какъ русскій ра«ботникъ научается уму-разуму относительно своей вѣры у «нѣмца. Рѣдкій изъ крестьянъ не станетъ вамъ разсказывать, «какъ приходилось ему либо въ споры вступать съ хозяи«номъ-нѣмцемъ, либо сужденія его слушать о нашей право«славной вѣрѣ. Да къ этому и случаевъ бываетъ весьма много: «праздники, посты, крестное знаменіе при молитвѣ предъ обѣ«домъ и послѣ обѣда, молитва вечерняя и утренняя, крестъ на «груди, иконы въ домѣ — все это и тому подобное служитъ «обыкновенно точкой отправленія въ разговорахъ о нашей пра«вославной вѣрѣ между крестьяниномъ и нѣмцемъ. «Наня«лись мы до німця», разсказывалъ мнѣ одинъ крестьянинъ. «тай не знали потімъ, якъ выбратця одъ его. Въ среду и пят«ницу обідъ скоромный: все зъ молокомъ, та мясомъ; въ Пет«ривку тожь скоромно. Сталы казать, щобъ намъ писный ва«рили, такъ де тобі! не хоче німецъ: каже, косыть не будешь «за ти гроши, що даю. Та ще таке тобі верзя (вретъ) про по«сты, що луче вушы заткны. Цілыхъ два-три місяца праздника «не знаешь, все на работі, въ церкви не буваешь; руськи «слободы не близько, а стань просытця въ неділю у хозяина «до церкви, то винъ заразъ тобі каже: иды въ нашу кирку, «те все сміется зъ насъ. Терпілы мы терпілы, та якъ диж«далы сроку, перекрыстылись, та драла звитиля (оттолѣ)... «Потімъ уже николы не стану у німца» (на работу). Не вся«кій, конечно, относится къ чужимъ рѣчамъ съ такимъ бла«горазуміемъ и стойкостью.

«Бываютъ между крестьянами и такіе, что ведутъ себя у «подобныхъ хозяевъ съ истинно холопскою угодливостью и по«добострастіемъ. Наслушавшись всевозможныхъ циническихъ «отзывовъ своего хозяина-нѣмца, они естественно послѣ этого «иными глазами начинаютъ смотрѣть на обряды православные «и возвращаются домой уже значительно охладѣвшими къ вѣрѣ, «если не совсѣмъ совращенными. А совращать тамъ очень «охочи, только пожелай слушать да учиться грамотѣ, сейчасъ «тебѣ и Евангеліе дадутъ и наставлять станутъ» [1]).

Какой глубокой правдой дышатъ эти слова почтеннаго профессора. И намъ, во время нашей поѣздки по колоніямъ, отъ ямщиковъ и батраковъ въ услуженіи у нѣмцевъ, случалось слышать то же, тѣ жалобы на кощунственное отношеніе ихъ къ нашей вѣрѣ.—Много еще фактовъ могли бы привести въ подтвержденіе своей мысли, но и сказаннаго, надѣемся, достаточно, чтобы поставить внѣ сомнѣній вопросъ о томъ, гдѣ слѣдуетъ искать первичный корень того зловреднаго растенія, которое такъ неожиданно и такъ пышно расцвѣло на нашемъ югѣ среди населенія, историческое прошлое котораго должно было бы, казалось, служить достаточной гарантіей его преданности православію.

Но опредѣливши свойства и происхожденіе насаженнаго къ намъ растенія, отмѣтивъ даже всѣ тѣ послѣдующія заботы, которыми не переставала окружать его привившая его нѣмецкая рука, мы все-таки не имѣли бы передъ глазами полной картины всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя вызвали столь сильный его ростъ въ настоящее время. Для этого необходимо познакомиться съ качествами и свойствами той почвы, на которую оно было насажено, и изъ анализа ея выяснить тѣ именно соки, которыми такъ обильно питались его корни. Въ данномъ случаѣ, этой почвой было состояніе народонаселенія въ Россіи ко времени освобожденія крестьянъ. До освобожденія крестьянъ, быть можетъ, и были единичныя попытки нѣмцевъ привить намъ ядъ западнаго раціонализма, но твердыя историческія основы, на которыхъ зиждился строй нашей внутренней государственной жизни, клали непреодолимую преграду всякимъ такимъ попыткамъ.

Населеніе находилось въ тѣсныхъ и суровыхъ рамкахъ

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ 1884 г., № 3, стр. 17.

крѣпостничества; дворянство, съ его вѣковыми традиціями, еще не перешло въ область прошлаго, и православное духовенство, стоящее близко къ народу, живущее съ нимъ одною общею жизнью, одними и тѣми же интересами, устраняло всякую возможность пропаганды.

Но вотъ загорѣлась заря иной жизни; народъ нашъ былъ освобожденъ, и совершенно иными путями потекло теченіе нашего внутренняго быта. Положеніе дворянства, духовенства и народа радикально измѣнилось; ихъ взаимоотношенія поставлены были на совершенно иную почву. О положеніи каждаго изъ этихъ трехъ устоевъ государственной жизни въ Россіи мы и хотѣли здѣсь сказать нѣсколько словъ, такъ какъ считаемъ, что въ ихъ состояніи и положеніи въ послѣ реформенное время слѣдуетъ искать тѣхъ причинъ, которыя благопріятствовали росту штундизма. Прежде всего скажемъ о положеніи крестьянства.

Послѣ долгаго періода подчиненности, нашъ народъ въ 1861 г. вдругъ вступилъ на поприще вполнѣ самостоятельной жизни. Онъ перешелъ вдругъ къ свободѣ почти неограниченной: вдругъ надѣленъ былъ такою суммою правъ самоуправленія и самосуда, какой не имѣло ни одно сословіе въ Россіи. Въ предѣлахъ своего «міра» во всей совокупности своихъ жизненныхъ интересовъ, онъ былъ поставленъ внѣ всякаго контроля, внѣ какого бы то ни было вмѣшательства или руководительства. Чѣмъ больше правъ выпадаетъ на долю человѣка, тѣмъ выше должно быть его образованіе и нравственное развитіе, тѣмъ больше и обязанностей, иначе вся эта сумма свободы и правъ послужитъ лишь къ тому, чтобы дать возможность развернуться на просторѣ всѣмъ его дурнымъ страстямъ и наклонностямъ. Крестьянинъ выпущенъ былъ на безграничный просторъ, безъ нравственныхъ устоевъ, безъ руководительства. Тяжелы бывали подъ часъ условія нашей дореформенной жизни. Но въ этой жизни было одно, передъ чѣмъ мельчали и теряли значеніе отрицательныя и темныя ея стороны—существовала тѣсная и живая связь между народомъ, дворянствомъ и духовенствомъ. Отношенія, въ которыхъ проявилась эта связь, та форма, въ которой оказывали взаимодѣйствіе эти три элемента нашей государственной жизни, могли быть и несовершенны, но связь, тѣмъ не менѣе, существовала; народъ, дворянство и духовенство понимали другъ друга, и въ этомъ

условіи была сила и стойкость Россіи; эта внутренняя, живая связь являлась главной хранительницей той національной идеи, которая, несмотря на всѣ препятствія, живой струей била въ государственной жизни Россіи и источникъ которой вдругъ замутился и почти совершенно заглохъ послѣ 1861 года. Реформа минувшаго царствованія высока, и душа проникается невольнымъ умиленіемъ при мысли о томъ, въ чьемъ сердцѣ она сложилась въ непоколебимое убѣжденіе и кто державной волей провелъ ее въ нашу народную жизнь — но эта реформа въ своемъ практическомъ осуществленіи, въ томъ, какъ она была проведена, имѣла существенныя ошибки, которыхъ плоды мы видимъ въ настоящее время. Слишкомъ по-иностранному, слишкомъ по-книжному думали и разсуждали тѣ, кто примѣнялъ ее къ жизни, слишкомъ мало были приняты во вниманіе исторически сложившіяся потребности и привычки русскаго народа для того, чтобы эта реформа могла принести *всѣ* тѣ плоды, которые она должна была принести по мысли нашего вѣнчаннаго вождя. И дѣйствительно, постепенное пониженіе нравственнаго уровня нашего освобожденнаго крестьянства извѣстно всякому, мало мальски знакомому съ жизнью нашей современной деревни. Въ старомъ поколѣніи и въ мѣстностяхъ болѣе глухихъ и отдаленныхъ отъ фабрикъ и городовъ — этихъ очаговъ современной цивилизаціи и прогресса — можно еще встрѣтить прежнія симпатичныя черты нашего народнаго характера: его здравомысліе и спокойную разсудительность, осторожное и вѣрное пониманіе жизни, остроту ума, соединенную съ сильнымъ, глубокимъ и чистымъ религіознымъ чувствомъ. Молодое же поколѣніе народа, возросшее повсемѣстно безо всякой почти регулировки личнаго сознанія и поведенія въ жизни, является въ значительной степени одичалымъ въ отношеніи къ церкви и къ своимъ пастырямъ, отцамъ духовнымъ, и апатичнымъ къ своимъ нравственно-религіознымъ обязанностямъ. Таково положеніе вещей въ настоящее время, такимъ же оно начало становиться и съ первыхъ же лѣтъ освобожденія крестьянъ. Въ этой атмосферѣ, полной шатанія, въ которой зажилъ нашъ народъ съ 1861 года, брошенный безъ руководительства, онъ легко могъ сдѣлаться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ всякаго обольстителя, который рѣшился бы опутать его своими сѣтями и влить въ его сердце горькій ядъ сомнѣнія и отрицанія. И, какъ мы видѣли, нѣмцы не преминули воспользоваться этой вспа-

ханной и приготовленной къ посѣву почвой, которую, однако, никто еще не засѣвалъ сѣменами правильно поставленнаго образованія и нравственнаго воспитанія; они посадили въ нее *свое* чужеядное растеніе, и оно не замедлило принести обильные плоды.

Таково въ общихъ чертахъ было состояніе крестьянскаго населенія. Обратимся же теперь къ слѣдующему элементу нашей государственной жизни — къ духовенству и посмотримъ, каково было его положеніе до реформы и какимъ оно стало послѣ освобожденія крестьянъ.

У насъ не безъ злорадства любили твердить о жалкомъ и низкомъ уровнѣ нашего сельскаго духовенства. Пьянство, вымогательство и себялюбивая жадность вмѣстѣ съ грубымъ и возмутительнѣйшимъ невѣжествомъ — вотъ характерныя черты, съ которыми въ умахъ многихъ и по сейчасъ сочетается представленіе о деревенскомъ священникѣ. Поэтому съ живымъ участіемъ принято было то толкованіе о причинахъ штундизма, которое всю отвѣтственность за происхожденіе его возлагало на духовенство и въ низкомъ его уровнѣ, въ неисполненіи имъ своихъ прямыхъ обязанностей видѣло источникъ нарожденія этой секты съ отрицательнымъ раціоналистическимъ характеромъ.

Мы далеки отъ мысли отрицать, что есть темныя стороны у нашего духовенства — положеніе его ненормально въ настоящее время, но прежде чѣмъ винить его за это, необходимо взвѣсить, можно ли возлагать на него отвѣтственность за то, что явилось слѣдствіемъ такого порядка вещей, надъ которымъ оно было не властно.

Положеніе духовенства осталось безъ всякаго измѣненія послѣ реформы. Какимъ оно было раньше, такимъ же оно осталось и послѣ освобожденія крестьянъ. Внѣшнія условія жизни — его существованіе, поставленное въ зависимость отъ доброхотныхъ приношеній прихожанъ—нужда, многочисленныя семьи и заботы о хлѣбѣ насущномъ, поглощающія все его свободное время—все это осталось, какъ и было. Но то, что въ эпоху дореформенную являлось и естественно вытекающимъ изъ жизненныхъ условій, то въ средѣ освобожденнаго крестьянства стало возбуждать все большія и большія нареканія. До реформы духовенство и народъ жили однѣми нуждами и одинаковыми интересами; въ своемъ «батюшкѣ» народъ видѣлъ

постояннаго своего защитника отъ грозившаго ему иногда произвола и несмотря на то, что уровень духовенства, какъ принято считать, былъ будто бы ниже, чѣмъ теперь, народъ все же относился съ уваженіемъ къ своему священнику и въ его словахъ и простыхъ толкованіяхъ находилъ разрѣшеніе тѣхъ немногосложныхъ вопросовъ и сомнѣній, которые могли волновать его сердце. Словомъ, до реформы сельскій священникъ, при ограниченныхъ требованіяхъ своихъ прихожанъ, безъ всякихъ усилій могъ стоять на высотѣ своего призванія —духовнаго пастыря и нравственнаго руководителя, и прихожане, чувствуя это, охотно помогали ему и своимъ трудомъ, и деньгами, и натурой.

Такое патріархальное отношеніе народа къ своему духовенству господствовало въ центральныхъ губерніяхъ, таково же было, по свидѣтельству профессора Воронова, положеніе вещей и въ Малороссіи. Послѣ реформы рухнули эти стародавнія отношенія. Народъ былъ усиленно двинутъ впередъ, духовенство оставлено въ прежнемъ положеніи. Въ народѣ сразу народилась масса новыхъ потребностей; духовенство же менѣе чѣмъ когда-либо способно было дать имъ удовлетвореніе. Жизнь становилась дороже съ каждымъ годомъ, съ каждымъ же годомъ прихожане все неохотнѣе платили деньги, и бѣдный священникъ, при самомъ искреннемъ желаніи исполнить свой долгъ, подавленный житейскими заботами раздобыть насущный хлѣбъ своей семьѣ, все глубже уходилъ въ свои хозяйственныя заботы, все больше и больше разъединяя и безъ того ослабѣвающія нравственныя узы, связывающія его съ его паствой.

Несомнѣнно, напримѣръ, что фактъ собиранія денегъ съ прихожанъ за требы вызывалъ наибольшія насмѣшки и глумленія штундистовъ, и на немъ строили они главнымъ образомъ свои обвиненія противъ духовенства. Но виноватъ ли въ этомъ нашъ бѣдный священникъ, когда единственно этими сборами кормится его многочисленная семья?..

Священники недостаточно умѣло оспаривали сектантовъ — скажутъ намъ опять ихъ обвинители, и это можетъ быть вѣрно—но нельзя же требовать отъ человѣка, въ потѣ лица своего добывающаго себѣ хлѣбъ свой, изученія догматики и постояннаго чтенія проповѣдей.

Повторяемъ, мы не отрицаемъ ненормальностей въ положе-

ніи нашего духовенства, но хотимъ лишь сказать, что нравственный его уровень далеко не таковъ, какъ это обыкновенно принято думать, и не священниковъ, а условія, въ которыхъ они живутъ, слѣдуетъ считать источникомъ такого порядка вещей. Поэтому несправедливо также на ихъ, яко бы, передѣніе возлагать всю отвѣтственность за распространеніе штундизма. Виноваты опять-таки не они лично, а сложившіяся послѣ освобожденія крестьянъ тяжелыя для нихъ условія жизни. Лишнимъ же доказательствомъ справедливости нашей мысли можетъ служить то обстоятельство, что именно въ приходахъ лучшихъ сравнительно священниковъ и зародилась первоначально штунда.

Ненормальности въ положеніи духовенства естественно съ своей стороны способствовали росту этого явленія, но нельзя преувеличивать ихъ значенія и къ нимъ однимъ пріурочивать весь фактъ появленія штундизма. Гораздо болѣе сильное вліяніе имѣлъ въ этомъ отношеніи третій элементъ нашей государственной жизни—такъ называемая интеллигенція. Слово «интеллигенція» почти одновременно въ своемъ возникновеніи со словомъ «штундизмъ». Подъ интеллигенціей стали разумѣть то, что со времени эмансипаціи должно было занять мѣсто дворянства въ механизмѣ внутренняго государственнаго строя, пеструю смѣсь измельчавшихъ и исподлившихся дворянъ съ тѣми чиновно-бюрократическими продуктами нашихъ высшихъ образовательныхъ учрежденій, которыми уже въ ту пору начали дарить эти «разсадники просвѣщенія».

Вліяніе этой интеллигенціи на народъ было очень сильно. Конечно, наша чиновная среда, замѣстившая дворянство, заправляетъ преимущественно внѣшнимъ ходомъ общественной жизни, но за внѣшнимъ господствомъ неизбѣжно идетъ и господство внутреннее: вѣдая общественныя дѣла, она не можетъ не касаться въ томъ или другомъ случаѣ внутренняго источника этихъ дѣлъ—сознанія и совѣсти. Въ особенности же этотъ правящій элементъ воздѣйствуетъ на ту область нашего духа, которая повидимому болѣе всего открыта стороннему вліянію,—именно область мысли и убѣжденія.

Для проведенія крестьянской реформы сразу потребовалась масса образованныхъ людей—и значительный составъ этихъ силъ былъ доставленъ нашей доморощенной демагогіей разныхъ оттѣнковъ. «Мѣста посредниковъ, чиновниковъ новой администраціи были отданы людямъ, вооруженнымъ противъ большаго

землевладѣнія, неравенства состоянія, духовенства и т. п.», пишетъ проф. Пироговъ[1]).

Не трудно понять, каковъ долженъ былъ быть результатъ передачи крестьянства въ руки людей подобнаго направленія. Не поддержку и опору своимъ вѣковымъ привычкамъ могъ нашъ народъ найти въ этомъ новомъ явившемся «баринѣ», не поощреніе своимъ патріархальнымъ традиціямъ и своей чистой вѣры, онъ въ немъ встрѣчалъ лишь глумленіе и отрицаніе всего этого «отжившаго и гнилаго» строя жизни.

Въ особенности ярко выразилось это вліяніе интеллигенціи въ поощреніи развитія штундизма. Въ немъ она видѣла отрицаніе ненавистнаго для нея строя старо-русской православной жизни, видѣла въ немъ отрицаніе русскихъ національныхъ идей, топтаніе въ грязь всего, что было самаго святаго на Руси и чѣмъ она держалась въ теченіе вѣковъ и была сильна и могуча, и съ наглымъ ликованіемъ привѣтствовала наша интеллигенція это тлетворное движеніе, оказывая ему помощь всюду, гдѣ могла.

Пытались ли крестьяне сами бороться противъ штундизма, составляя приговоры объ удаленіи штундистовъ, какъ порочныхъ членовъ изъ своей среды—губернское присутствіе, состоящее изъ этой либеральной интеллигенціи, не утверждая приговора, пишетъ въ Петербургъ и отъ не менѣе либеральной столичной канцеляріи получаетъ отвѣтъ, «что губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ правѣ не утверждать мірской приговоръ объ удаленіи изъ крестьянскаго общества его членовъ за одно отступленіе отъ вѣры, если только это общество къ принятію означенной мѣры не имѣетъ *другаго* основанія, какъ уклоненіе отъ православія» [2]).

Обращаются ли прихожане къ мировому судьѣ, возмущенные въ своемъ религіозномъ чувствѣ какой-нибудь кощунственной выходкой штундиста—интеллигентный судья, поклонникъ свободной совѣсти, приговариваетъ его къ 10 рублямъ штрафа, недовольные сектанты подаютъ жалобу въ съѣздъ, и еще болѣе интеллигентный съѣздъ оправдываетъ штундистовъ [3]).

Привлеченные къ уголовной отвѣтственности за поруганіе

---

[1]) «Русская Старина» 1887 г., №1, стр. 131.
[2]) Рождественскій, стр. 75.
[3]) Дѣло любомірскихъ штундистовъ, разбиравшееся 20 іюля 1876 г. мировымъ судьею 7-го участка Елизаветградскаго уѣзда.

иконы въ волостномъ правленіи и другія кощунства и оскорбленіе священнослужителей, Коваль и Лясоцкій оправдываются кіевской судебною палатой въ 1877 году.

Точно также Одесскій окружный судъ 18 марта 1876 года по дѣлу Петровскихъ штундистовъ и въ 1878 году по дѣлу штундистовъ Ратушнаго, Балабана, Капустяка и Архиповыхъ, обвинявшихся въ цѣломъ рядѣ возмутительнѣйшихъ кощунствъ и преступленій противъ вѣры, выноситъ имъ оправдательный приговоръ.

И вся либеральная печать радостно привѣтствовала этотъ вердиктъ, присутствовавшая интеллигентная публика даже аплодировала рѣшенію суда, но каково было послѣ этого рѣшенія дѣйствовать духовенству, каково ему было бороться съ сектантами, которые громко стали заявлять, что всѣ власти на ихъ сторонѣ. Въ почтенномъ трудѣ свящ. Рождественскаго собранъ цѣлый рядъ фактовъ, рисующихъ систематическое потворство судебной и даже административной власти распространенію штундизма, и рядъ косвенныхъ ударовъ духовенству, наносимыхъ этими служителями прогресса. Какъ же было не рости и не распространяться штундизму при такой совокупности условій, благопріятствовавшихъ его росту; какъ же было не расцвѣсть нѣмецкому дереву въ атмосферѣ русскаго либерализма шестидесятыхъ годовъ.

Оглянемся еще разъ на все сказанное: мы задались цѣлью представить болѣе или менѣе полную картину развитія и положенія штундизма на югѣ Россіи. Цѣлымъ рядомъ фактовъ доказали мы его происхожденіе изъ нѣмецкаго русла и затѣмъ изслѣдованіемъ внутренняго его содержанія выяснили, какъ мало въ немъ положительныхъ чертъ и какъ поэтому ошибочно судить его, какъ явленіе, явившееся въ отвѣтъ на религіозныя потребности народа. Если насъ самихъ теперь спросятъ о томъ, что мы считаемъ причиной появленія и распространенія штундизма, мы прямо отвѣтимъ, что «штундизмъ начался, распространялся и продолжаетъ распространяться путемъ систематической и искусно веденной нѣмецкой пропаганды—условіемъ же, способствовавшимъ тому, что онъ такъ широко распространился въ Россіи, было то либеральное вѣяніе, которое охватило всѣ стороны, всѣ проявленія государственной жизни Россіи въ шестидесятыхъ годахъ». Либерализмъ этотъ отразился на проведеніи крестьянской реформы, на положеніи и взаимо-

отношеніи народа, духовенства и интеллигенціи, и вездѣ вліяніе его было таково, что, разрушая вѣковые устои жизни, онъ подготовлялъ почву къ воспріятію самыхъ разнообразныхъ соціально-политическихъ вѣяній. Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ.

Религія въ Россіи имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ въ Западной Европѣ. Русскій и православный—это синонимы—и такого тѣснаго органическаго сліянія между государствомъ и церковью, какъ у насъ, нигдѣ не найти въ западно-европейскихъ державахъ. Поэтому всякій вопросъ религіозной пропаганды у насъ въ Россіи,—между прочимъ, конечно, и вопросъ штундистскаго движенія — становится немедленно вопросомъ государственнымъ. Русскій, отрѣшившійся отъ православія, перестаетъ быть русскимъ и становится не только непримиримымъ врагомъ православія, но и врагомъ своей родины, своего народа.

Русская народность неразрывно связана съ православіемъ, въ немъ она находитъ и опору и поддержку въ борьбѣ съ противными народности силами, и поэтому всякій ударъ, наносимый православной церкви, наносится и всей Россіи.

Изъ предъидущаго изложенія мы видѣли, что это такъ и происходитъ на самомъ дѣлѣ. Штундистъ, отрѣшаясь отъ православія, становится и врагомъ всего русскаго, даже своего Государя, слѣпо начиная служить всему нѣмецкому и подчиняться нѣмецкому вліянію.

Но какую цѣль преслѣдуютъ нѣмцы при этой пропагандѣ? Первоначальнымъ импульсомъ ей послужилъ религіозный фаватизмъ, но мы видѣли, что очень скоро онъ уступилъ мѣсто интересамъ и цѣлямъ совершенно инаго характера. Чего же хотятъ теперь нѣмцы, проповѣдуя отрѣшеніе отъ православія и возвѣщая близкое пришествіе нѣмецкихъ штундовыхъ кесарей? Не могутъ же они серьезно думать о немедленной и полной германизаціи русскаго населенія.

Да они и не думаютъ о ней въ настоящее время, но вмѣстѣ съ тѣмъ они отлично знаютъ, какую роль въ жизни народовъ играетъ элементъ религіозный и какъ часто онъ является крѣпкою связью между двумя народами, ничего общаго кромѣ религіи не имѣющими. Такую связь шагъ за шагомъ они и создаютъ распространеніемъ штунды, которая въ ихъ рукахъ является лучшимъ средствомъ нанести жестокій ударъ православію, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и русской національности и основамъ и устоямъ русской государственной жизни, исподволь подготовляя почву для быть можетъ очень отдаленныхъ видовъ и намѣреній германскаго правительства Поэтому не религіозная, а энергическая административная борьба необходима со штундой; въ противномъ случаѣ эта дешевая критика существующаго церковнаго и общественнаго строя, подкрѣпляемая какими-то намеками на недалекое уже водвореніе нѣмецкаго царства на нашемъ югѣ, охватитъ все большее и большее число нашихъ безхитростныхъ и темныхъ поселянъ и, оторвавъ ихъ отъ груди родной страны, сдѣлаетъ ихъ послушнымъ орудіемъ враждебной намъ силы германизма. Теперь зло еще не такъ велико, но оно ростетъ ежегодно, и быть можетъ скоро настанетъ время, когда искоренить его станетъ очень трудно, если не невозможно.

Мы не будемъ утруждать читателя изложеніемъ вѣроученія анабаптистовъ, сепаратистовъ, саботянъ, танцующихъ братій (вродѣ нашихъ хлыстовъ), и т. п. мелкихъ сектъ, которыми изобилуютъ наши Нѣмецкія колоніи. Они и не очень многочисленны, и не представляютъ ничего интереснаго въ смыслѣ оригинальности духовныхъ идеаловъ и, кромѣ того, не имѣя никакого стремленія къ пропагандѣ — могутъ получить значеніе лишь въ узкихъ рамкахъ жизни той или иной колоніи.

Въ своемъ постепенномъ развитіи они также шли рука объ руку съ гернгутерствомъ, менонитствомъ и штундизмомъ.

Въ предъидущемъ изложеніи только-что названныхъ сектъ мы старались указать, какъ шагъ за шагомъ исчезаетъ тотъ пламень, который такъ ярко и горячо горѣлъ въ нихъ въ былыя времена. Гернгутеры и менониты въ большинствѣ отступили отъ главныхъ жизненныхъ основъ своихъ исповѣданій. Какъ старое сгнившее дерево, держатся они лишь стародавними закостнѣлыми отъ времени традиціями, но нѣтъ уже въ сердцахъ ихъ того живаго духа, который бы питалъ эту ветшающую съ каждымъ годомъ оболочку. Все менѣе и менѣе становятся они «истинными христіанами» и все болѣе и болѣе дѣлаются нѣмцами, заядлыми сынами своего фатерланда.

То же самое и со штундизмомъ; здѣсь только процессъ этотъ выразился гораздо рельефнѣе. Вначалѣ чисто религіозный, онъ очень скоро радикально мѣняетъ свой характеръ и становится

страшнымъ и могучимъ орудіемъ германизма. И по времени эти измѣненія во внутренней сущности исповѣданій перечисленныхъ сектъ совпадаютъ съ великимъ переворотомъ, происшедшимъ въ Германіи. Около 70-ти годовъ менониты отказываются отъ своего принципа непролитія крови во имя идеи національной, около того же времени наши штундисты, не отдѣлявшіеся еще отъ церкви, вдругъ смѣло и открыто образуютъ самостоятельное цѣлое. Вспомнимъ этихъ трехъ нѣмцевъ изъ Гамбурга, по иниціативѣ которыхъ послѣдовало отдѣленіе штундистовъ отъ православной церкви. Что они говорили русскимъ штундистамъ, не извѣстно, но нельзя оставить безъ вниманія это знаменательное совпаденіе факта нашей внутренней государственной жизни съ великимъ событіемъ, внезапно вознесшимъ на громадную высоту разсѣянное и раздробленное до этого времени германское племя. Какое же значеніе имѣетъ все это для Россіи—невольно рождается вопросъ въ умѣ русскаго человѣка? Прежде всего, знакомство съ духовными идеалами нѣмецкихъ колонистовъ должно безповоротно выяснить, насколько разнятся ихъ духовно-нравственныя воззрѣнія отъ міросозерцанія нашего народа, и убѣдить насъ, что только путемъ православія можно стать истинно русскимъ человѣкомъ; лютеранину самому благонамѣренному всегда были, есть и въ будущемъ останутся чуждыми живыя струны нашей русской народной жизни, пока онъ не откажется отъ своего культа индивидуализма. Но это выводъ, такъ сказать, пассивный. Ближайшимъ же образомъ цѣль наша была—выясненіе постепеннаго усиленія національнаго чувства въ нашихъ колонистахъ и вытѣсненіе идеаловъ Христа идеями желѣзнаго канцлера. Параллельно съ этимъ начиналось и вліяніе нѣмцевъ на окрестное русское населеніе. Тутъ кончается уже роль пассивнаго изслѣдователя. Мы можемъ съ спокойнымъ любопытствомъ посторонняго наблюдателя взирать на явленія духовной жизни Нѣмецкихъ колоній, пока они держались въ узкихъ рамкахъ этихъ колоній,—но разъ затрогивается наше населеніе, намъ недостаточно изслѣдовать и изучать—намъ необходимо дѣйствовать. Первымъ же условіемъ для успѣха дѣйствія и борьбы является знакомство съ тѣмъ, противъ чего борешься. Дать въ руки тѣмъ, въ чьей власти сосредоточены нити этой борьбы,—хотя бы слабое орудіе противъ надвигающейся на насъ грозы и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять тотъ мракъ, которымъ и умышленно и невольно окру-

жали вопросъ о религіозныхъ движеніяхъ въ нашихъ Нѣмецкихъ колоніяхъ вообще,—такова была цѣль нашихъ бѣглыхъ очерковъ. Быть можетъ, много въ нихъ пробѣловъ и неточностей, но въ принципѣ—мы это чувствуемъ всѣмъ нашимъ сердцемъ—мы не можемъ ошибаться. Лютеранство, по нашему убѣжденію, стало въ послѣднее время сильнымъ орудіемъ германизма, и въ его пропагандистской дѣятельности таится громадная опасность для Россіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Нехорошо преувеличивать бѣду, но также преступно закрывать глаза на опасность.

Повторяемъ, не черезъ годъ, и не черезъ десять лѣтъ онѣмечатъ нѣмцы нашъ югъ, но нельзя ручаться, чтобы это не случилось, если мы все также будемъ сидѣть сложа руки и благодушно взирать, какъ одновременно со скупкой земель и матеріальной эксплоатаціей нѣмцы-колонисты путемъ религіозной пропаганды систематически вытравляютъ основы вѣры и народности въ русскомъ населеніи.

Вспомнимъ печальную исторію прибалтійскихъ славянъ[1]). Вѣдь въ сущности вся нынѣшняя Пруссія отъ самой Эльбы есть не что иное, какъ результатъ мирнаго завоеванія нѣмцами чисто славянскихъ земель, — представляетъ собою гигантскую Нѣмецкую колонію, основанную на костяхъ вагровъ, велетовъ, стадорянъ, вендовъ, оборитовъ, поморянъ и лужичанъ. Если мы нынѣ, въ XIX вѣкѣ, отряхнемъ отъ вѣковой пыли хроники XI и XII вѣковъ—Адама Бременскаго, Гельмольда, то мы увидимъ, что тамъ, гдѣ сегодня стоятъ города Альтенбургъ, Любекъ, Висмаръ, Бранденбургъ, Мекленбургъ и др., прежде были славянскіе города Старградъ, Любица, Весьміръ, Сгорѣлецъ, Накло и др.

Семь вѣковъ потребовалось нѣмцамъ, чтобы стереть ихъ съ лица земли, и медленно и незамѣтно для отдѣльныхъ лицъ и поколѣній было, вѣроятно, это мирное завоеваніе. Да послужитъ намъ это урокомъ. Нѣмцы теперь и сильнѣе и сплоченнѣе, чѣмъ когда-либо, пора же наконецъ и намъ соединиться во-едино, чтобы дать надлежащій отпоръ этому исконному врагу славянства, иначе черезъ два-три столѣтія на югѣ Россіи будутъ стоять города Stahburg, Probstmar, Odess, Nikelburg,

---

[1]) Гильфердингъ—„Исторія прибалтійскихъ славянъ“.

Hersohn, Sebastburg и наши праправнуки, прочтя исторію, съ удивленіемъ увидятъ, что когда-то тутъ были русскіе города: Кіевъ, Житоміръ, Одесса, Николаевъ, Херсонъ и Севастополь!— И, надо полагать, спасибо они намъ, вѣроятно, не скажутъ за это.

Однимъ же изъ первыхъ средствъ самозащиты является безусловное устраненіе какого бы то ни было вліянія колонистовъ на духовно-религіозную жизнь нашего православнаго населенія.

ГЛАВА III.

Нѣмецкія колоніи на Волгѣ.

Въ предшествовавшихъ главахъ мы говорили о колоніяхъ юга, теперь же перенесемся на Волгу, туда, гдѣ, по поэтическому выраженію пастора Дальтона [1]) «такъ пышно расцвѣла вторая вѣтвь, отрѣзанная отъ великаго германскаго древа!»..

Курьерскій поѣздъ высадилъ меня 22 мая 189* г. въ три часа дня на вокзалѣ въ Самарѣ. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при выѣздѣ изъ маленькаго желѣзнодорожнаго сквера, была невообразимо широкая площадь, на противоположной сторонѣ которой сквозь неподвижную мглу пыли виднѣлся силуэтъ громаднаго собора. Много губернскихъ городовъ довелось мнѣ видѣть. Вездѣ были площади и всюду царила пыль, но такихъ площадей и такой пыли, мелкой, золотистой и пронизывающей насквозь, какъ въ Самарѣ—я не видѣлъ нигдѣ.

Пока лихой извощикъ, не взирая на необыкновенно исковерканную—точно послѣ землетрясенія—мостовую, мчалъ меня къ пароходной пристани, я съ любопытствомъ осматривалъ городъ, въ который впервые занесла меня судьба.

Самара, раскинутая на лѣвомъ берегу Волги, носитъ чрезвычайно своеобразный характеръ. Въ ней уже пахнетъ Востокомъ. Масса восточныхъ магазиновъ, верблюды, изрѣдка попадающіеся на улицахъ, знойная атмосфера и иной типъ насе-

---

[1]) Dalton. „Geschichte der Reformirten Kirche in Russland". Gotha 1865. Seite 195.

ленія — все это рѣзко отличаетъ ее отъ губернскихъ городовъ центральной и южной полосы Россіи.

Два, три поворота, и мы выѣхали на главную — Дворянскую — улицу, идущую параллельно берегу Волги. На одномъ концѣ ея стоитъ недавно открытый, очень величественный, памятникъ Царю-Освободителю, другимъ концомъ она примыкаетъ къ городскому саду, единственной группѣ растительности во всей Самарѣ.

Наконецъ, спустившись съ страшно крутаго косогора, мы подъѣхали къ пароходной пристани «Кавказъ и Меркурій» Громадный пароходъ уже готовился къ отплытію, и клубы дыма черными массами вырывались изъ его трубъ и темной полосой разстилались по ясной лазури безоблачнаго неба.

Я взялъ билетъ и прошелъ первый классъ.

Тотъ, кто не ѣздилъ по Волгѣ, не можетъ себѣ представить, съ какимъ комфортомъ обставлено путешествіе по ней. Нигдѣ въ Европѣ не видѣлъ я такихъ удобныхъ и роскошныхъ пароходовъ, какъ послѣдніе спущенные обществомъ «Кавказъ и Меркурій» пароходы американскаго типа. Представьте себѣ громадный двухъэтажный домъ, поставленный на воду. Вдоль каждаго этажа кругомъ всего судна идетъ широкая терраса. Внизу помѣщеніе третьяго класса и прислуги. Наверху, такъ сказать, въ бель-этажѣ, на кормѣ помѣщается второй и на носу первый классъ. Здѣсь по длинному корридору, по бокамъ котораго находятся очень удобныя и уютныя каютки, вы входите въ столовую, большой залъ въ два свѣта, роскошно убранный и декорированный. Красивая арка отдѣляетъ эту столовую отъ гостиной, которая расположена на самомъ носу парохода и изъ ряда оконъ которой всегда открываются чудесные виды. Всюду изящная мебель, ковры, бархатъ, бронза и инкрустаціи. Повсюду электрическое освѣщеніе. Въ распоряженіи пассажировъ пьянино, большая библіотека. Прибавьте ко всему этому прекрасный столъ и чрезвычайно выдрессированную прислугу, и вы вмѣстѣ со мной удивитесь, что до сихъ поръ такъ мало русскихъ туристовъ ѣздятъ по Волгѣ. Хотя, впрочемъ, по словамъ старожиловъ, число ихъ возрастаетъ ежегодно.

Устроившись въ своей каютѣ, я вышелъ на террасу. Здѣсь на лѣвой сторонѣ столпились небольшой группой пассажиры, обмѣниваясь послѣдними прощальными фразами съ стоящими на пристани знакомыми.

Раздался третій звонокъ. Протяжный свистокъ прогудѣлъ въ неподвижномъ воздухѣ и, мѣрно вздрагивая отъ первыхъ ударовъ колесъ, громадный пароходъ сталъ медленно удаляться отъ берега.

— Diese Fahne weht nach Katarinstadt, Emma? услышалъ я голосъ невдалекѣ отъ меня.

Я оглянулся и увидѣлъ симпатичную картину. Молодая парочка—по всѣмъ признакамъ женихъ и невѣста—стояли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Онъ—высокій, статный, голубоглазый блондинъ, съ ласковой улыбкой, указывалъ на флагъ, который тихо развѣвался, колеблемый легкимъ вѣтеркомъ; она—черноглазая и смуглая въ большой модной шляпкѣ, бросавшей широкую тѣнь на ея очаровательное личико, стояла, тѣсно прижавшись къ своему жениху.

И такой любовью и счастьемъ, такой жизнерадостной силой вѣяло отъ ихъ стройныхъ фигуръ, залитыхъ палящими лучами солнца, что тепло и весело становилось на душѣ, глядя на нихъ.

«Попутчики» невольно пронеслось у меня въ умѣ, когда я услышалъ названіе Екатеринштадтъ—имя главной колоніи на всемъ Приволжьи. «Должно быть заграничные нѣмцы», подумалъ я дальше, глядя на ихъ корректный видъ и на ихъ элегантные модные костюмы.

Вскорѣ къ нимъ подошелъ пожилой господинъ, должно быть отецъ молодой дѣвушки и, поговоривши нѣкоторое время по-нѣмецки, они удалились.

На палубѣ дѣйствительно становилось нестерпимо жарко. Отвѣсные солнечные лучи озаряли широкую и блестящую поверхность рѣки; вдали Самара исчезала, утопая въ облакѣ искрящейся пыли; кое-гдѣ точно замерли рыбацкіе челноки; да нарушая общую неподвижность, двѣ мягкія волны бѣжали вслѣдъ за ними по обѣ стороны парохода, то съ плескомъ разбиваясь о крутизну, то тихо замирая на песчаныхъ отмеляхъ луговаго берега.

До самаго вечера просидѣлъ я въ общемъ залѣ за какой-то книжкой. Теплый воздухъ, тихое и ритмическое вздрагиванье парохода, мощно разсѣкающаго воды,—все это навѣвало какую-сладостную дремоту.

Только часамъ къ восьми послѣ прекраснаго обѣда за общимъ табльдотомъ, я снова вышелъ на палубу. Невольно огля-

нулся я, отыскивая среди пассажировъ юную парочку, привлекшую мое вниманіе при отъѣздѣ. Они стояли невдалекѣ вмѣстѣ съ отцомъ молодой дѣвушки. Я приблизился къ нимъ и, облокотившись на балюстраду, сталъ смотрѣть на разстилавшуюся передо мной картину.

Жара уже спала, и солнце низко опустилось, готовясь скоро скрыться за невысокими холмами нагорнаго берега. Съ другой стороны, на сѣрѣющемъ фонѣ вечерняго неба, слабо обрисовывался серпъ луны.

Эта часть Волги между Самарой и Саратовомъ имѣетъ какую-то особенную чарующую прелесть. Здѣсь нѣтъ тѣхъ сильныхъ эффектовъ, какими богаты Жигули — нѣтъ и того величаваго импонирующаго царства пустыни, которое мы видимъ на низовьяхъ Волги, но зато въ мягкомъ контурѣ этихъ невысокихъ холмовъ, густо заросшихъ яркой зеленью, въ этихъ длинныхъ селахъ, далеко раскинувшихся по берегу рѣки и въ волнистой далеко уходящей линіи луговаго берега, — все какъ-то особенно сильно говоритъ русскому сердцу.

Мнѣ неудержимо захотѣлось узнать, какое впечатлѣніе производитъ эта картина на моихъ иностранцевъ.

— Какъ вамъ нравится наша Волга? обратился я по-нѣмецки къ пожилому господину, стоявшему ближе всѣхъ ко мнѣ.

Онъ вѣжливо приподнялъ шляпу и затѣмъ не безъ нѣкотораго удивленія отвѣтилъ мнѣ.

— Почему вы говорите *наша* Волга, какъ будто она была ваша, а не моя. Я здѣсь родился и выросъ, я здѣшній — колонистъ.

Съ удвоеннымъ интересомъ посмотрѣлъ я на своего собесѣдника.

Въ его интеллигентномъ старческомъ лицѣ несомнѣнно нѣмецкаго типа я не могъ уловить тѣхъ столь знакомыхъ мнѣ чертъ, по которымъ всегда можно узнать нѣмца-колониста, даже и богатаго, на нашемъ югѣ.

— Вы колонистъ? съ удивленіемъ переспросилъ я и, увлекшись интересомъ изслѣдователя, я невольно поставилъ ему еще вопросъ: неужели всѣ нѣмцы-колонисты на Волгѣ похожи на васъ?

— О, нѣтъ, отвѣтилъ онъ мнѣ съ грустной улыбкой, такихъ, какъ я, всего пятнадцать, двадцать семей на цѣломъ По-

волжьи. А если вы хотите видѣть настоящихъ приволжскихъ колонистовъ, такъ пойдемте, я вамъ ихъ покажу.

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, и затѣмъ мой спутникъ черезъ перила террасы указалъ мнѣ въ третьемъ классѣ на безобразную картину.

Человѣкъ шесть полупьяныхъ мужчинъ—въ нихъ я безъ труда узналъ колонистовъ —грязные и рваные, пили пиво и горланили пѣсни; двѣ, три женщины въ изодранныхъ платьяхъ также участвовали въ попойкѣ. Въ сторонѣ на кучѣ тряпья лежало нѣсколько полунагихъ дѣтей.

— Вотъ вамъ настоящіе приволжскіе колонисты, съ горечью сказалъ мнѣ старикъ —вотъ до чего они дошли!

— Но вѣдь это не болѣе, какъ исключеніе.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ! То, что вы видите здѣсь, вы увидите всюду въ колоніяхъ Поволжья.—Я говорю о колоніяхъ самарскихъ. Нѣмцы въ Камышинскомъ уѣздѣ еще держатся, но эти—превратились въ настоящихъ звѣрей... А какъ недавно, еще колоніи самарскія были богатыми, и народъ былъ набоженъ, трудолюбивъ и порядоченъ. Въ какія-нибудь двадцать лѣтъ все пошло прахомъ!

Мы вернулись на террасу, и здѣсь подъ мѣрный шумъ машины, грустно глядя въ густѣющую мглу темной лѣтней ночи, мой собесѣдникъ въ краткихъ словахъ разсказалъ мнѣ, какъ рухнуло былое богатство приволжскихъ колоній.

Пока существовала контора опекунства надъ колоніями, пока твердая и бдительная власть руководила и направляла каждымъ шагомъ колоніальной жизни, колоніи преуспѣвали. Перейдя почти съ самаго своего основанія отъ подворно-общиннаго землевладѣнія, и понынѣ существующаго въ южныхъ колоніяхъ, къ землевладѣнію общинному — колоніи на Волгѣ тѣмъ не менѣе достигли высокой степени благосостоянія. Передѣловъ почти не было, капиталы общественные росли изъ года въ годъ, порядокъ, тишина и благоустройство царили въ колоніяхъ.

Но затѣмъ, послѣ уничтоженія конторы опекунства, все рухнуло. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ — какъ бы по инерціи — продолжался прежній порядокъ вещей, но, съ уничтоженіемъ твердой власти, близко стоявшей къ мѣстному населенію, въ массѣ колонистовъ стали пробуждаться до сихъ поръ дремавшіе въ нихъ дурные инстинкты той безшабашной голи, какой

были ихъ предки при пріѣздѣ въ Россію. Начались ссоры и неурядицы; народъ началъ разлѣниваться; пошли растраты мірскихъ капиталовъ, передѣлы земли; обработка почвы ухудшилась, начались продажи скота, а потомъ, идя по наклонной плоскости, хозяйство колоній быстро пришло въ упадокъ. На ряду съ матеріальнымъ разореніемъ шелъ и упадокъ нравственности. Кирки и костелы (среди колонистовъ много католиковъ) опустѣли; пьянство и разгулъ приняли ужасающіе размѣры; вмѣстѣ съ ними пошли преступленія, преимущественно противъ нравственности, и наконецъ, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ заграничныхъ агитаторовъ, вспыхнуло довольно сильное соціальное движеніе.

— Да, тяжелыя времена переживаемъ мы теперь, говорилъ мнѣ мой собесѣдникъ, и тяжелое горе звучало въ его голосѣ. — Для примѣра разскажу я вамъ, что произошло у насъ не такъ давно въ Екатеринштадтѣ.

«Какъ я вамъ уже говорилъ, насъ въ Екатеринштадтѣ живетъ семей двадцать — какъ насъ тамъ называютъ — «богатыхъ». У насъ свой клубъ, гдѣ мы ставимъ любительскіе спектакли, свои зимніе благоустроенные дома въ самомъ селеніи и лѣтнія дачи въ окрестностяхъ. Мы сжились и любимъ это мѣсто и, имѣя полную возможность выйти изъ сельскаго состоянія, мы предпочитаемъ оставаться колонистами, членами нашего сельскаго общества, которое мы всячески старались удержать отъ разоренія. Мы устроили пріюты для бѣдныхъ дѣтей, устроили безплатныя столовыя, помогали и совѣтомъ, и деньгами, лишь бы направить нашихъ односельчанъ на путь честнаго труда; но усилія наши оказались тщетными.

«Въ серединѣ этой зимы въ селеніи начали носиться слухи, что какіе-то пріѣзжіе изъ-за границы мутятъ народъ, увѣщевая его не слушаться русскихъ властей, не повиноваться русскимъ законамъ, а поступить по-заграничному: отнять у насъ, у богатыхъ, все имущество и раздѣлить между собою поровну. Слухи оказались справедливыми; среди бѣднѣйшей, т. е. лѣнивѣйшей части колонистскаго населенія появилось броженіе. Мы сами, жены и дочери наши, стали подвергаться оскорбленіямъ. Наконецъ, въ серединѣ зимы въ декабрѣ 1890 г., буря вспыхнула. Разыгралась она по поводу того, что часть нашихъ односельчанъ, и именно самая дурная, пожелала отдать на десять лѣтъ въ аренду участокъ принадлежащей обществу земли и деньги,

полученныя сразу за всѣ десять лѣтъ впередъ, раздѣлить по рукамъ.

«Всѣ мы, а съ нами и болѣе благоразумная часть колонистовъ, воспротивились этой мѣрѣ, доказывая всю ея убыточность для колоніи: земля отдавалась задаромъ и на десять лѣтъ! Но наши доморощенные пролетаріи стояли на своемъ. Наконецъ, около 5 часовъ вечера, староста объявилъ сельскій сходъ закрытымъ, не придя ни къ какому окончательному рѣшенію. Большинство разошлось; въ сельскомъ правленіи осталось всего лишь нѣсколько десятковъ главныхъ зачинщиковъ всей этой исторіи. Пошумѣвъ между собою, они около 9 часовъ вечера приказали старостѣ отворить имъ желѣзный денежный шкафъ, въ которомъ въ то время было до 20 тыс. мірскихъ денегъ, подъ предлогомъ ревизіи. Въ дѣйствительности, они предполагали загасить свѣтъ, какъ только староста отворитъ шкафъ, и похитить изъ него деньги. Угадавъ, однако, ихъ намѣреніе, староста успѣлъ незамѣтно выйти и зарыть ключъ отъ шкафа въ землю. Когда толпа этихъ негодяевъ подступила къ нему, онъ наотрѣзъ отказался исполнить ихъ желаніе. Они попытались взломать шкафъ, но безуспѣшно.

«Тутъ начались настоящія буйства: часть толпы бросилась бить старосту, стараясь выпытать у него, куда онъ спряталъ ключъ отъ шкафа, другіе побѣжали звонить въ набатъ. По счастью, пасторъ нашъ во-время догадался отцѣпить и спрятать языкъ отъ колокола. Остальные, съ криками: «бить и поджигать богатыхъ!», разсѣялись по селенію.

«Словами не передать, что̀ мы перечувствовали, сидя въ своихъ домахъ съ нашими семьями! Полиціи у насъ не было никакой: урядникъ да человѣкъ десять десятскихъ. Что̀ могли они сдѣлать противъ пьяной толпы въ нѣсколько десятковъ головорѣзовъ?!

«Намъ здѣсь помогло, однако, само опьяненіе этой толпы.

«Они столько уже пили раньше, что, разбивши по пути одинъ изъ кабаковъ, они всѣ почти въ немъ остались замертво пьяные.

«Мы воспользовались этимъ временемъ и переправили семьи наши на другой берегъ Волги съ тѣмъ, чтобы онѣ оттуда ѣхали въ Саратовъ; сами же мы, закрывши ставни и ворота, остались охранять наше достояніе.

«Три томительныхъ дня прожили мы такимъ образомъ, еже-

минутно ожидая кровопролитія, пока, наконецъ, изъ Николаева не прибылъ исправникъ и слѣдователь. Но ихъ толпа оскорбила и не выдала имъ старосту, котораго они въ теченіе этихъ трехъ дней подвергали самымъ утонченнымъ истязаніямъ. Ему щипали волосы, обжигали ноги, вливали въ ротъ помои — но онъ до конца остался непоколебимъ и не указалъ мѣсто, куда онъ спряталъ ключъ. Лишь пріѣздъ высшей губернской власти и слухъ о томъ, что къ намъ двинуты войска, положили конецъ безпорядкамъ. Да и то неизвѣстно, на долго ли?.. Для того, чтобы вы могли судить, до чего свирѣпѣла толпа, разскажу вамъ одинъ эпизодъ изъ этого безобразнаго времени. Въ то время, какъ старосту держали въ плѣну, у него умеръ любимый братъ; его палачи не только не позволили ему проститься съ нимъ, но, когда покойника несли мимо сельскаго правленія, они открыли форточку и съ глумленіемъ подвели къ ней измученнаго и окровавленнаго старосту, чтобы онъ еще болѣе почувствовалъ тягость утраты!»...

— Звѣри, звѣри!! повторилъ старикъ. — И откуда у нихъ эти инстинкты? Какъ могли такъ скоро измѣниться люди?!.. Но, впрочемъ, боюсь, надоѣлъ я вамъ своими разсказами... И, приподнявъ шляпу, онъ ушелъ.

По уходѣ его, я долго не могъ собраться съ мыслями. То, что онъ мнѣ разсказалъ своимъ простымъ, безхитростнымъ языкомъ о колоніяхъ Поволжья, было такъ ново, такъ неожиданно для меня; и вмѣстѣ съ тѣмъ, вникая глубже въ сущность его словъ, я убѣждался, что все происшедшее являлось естественнымъ продуктомъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Да, не потому больше порядка и богатства въ колоніяхъ юга, что нѣмцы по природѣ выше и развитѣе нашего народа.

Нѣтъ, они стали такими потому, что надъ ними была умѣлая и непрестанная опека, какой не знало наше населеніе.

Разъ же опека снята, разъ исчезли искусственныя рамки, обезпечивающія нѣмцу-колонисту его благосостояніе, онъ вырождается въ нѣчто неизмѣримо худшее, чѣмъ нашъ крестьянинъ.

«Звѣри, звѣри»... вспомнились мнѣ слова стараго патріота-колониста.—Да, именно «звѣри» по своему существу, и въ этомъ отношеніи въ смыслѣ раскрытія истинныхъ причинъ благосостоянія и порядка въ колоніяхъ — исторія нашихъ приволжскихъ колоній представляется особенно любопытной.

Начало приволжскихъ колоній относится къ 1764 г. Это

были первыя нѣмецкія поселенія на русской землѣ, возникшія въ силу Высочайшихъ манифестовъ 4 декабря 1762 г. и 22 іюля 1763 г., о которыхъ мы неоднократно имѣли уже случай говорить въ прежнихъ очеркахъ нашихъ южныхъ колоній. Поэтому въ настоящее время напомнимъ лишь вкратцѣ, что послѣднимъ изъ этихъ законодательныхъ актовъ отведена была громадная площадь земли подъ поселеніе колонистовъ на Волгѣ; имъ дается надѣлъ по 30 десятинъ на семью; они избавляются на значительное число лѣтъ отъ всякихъ повинностей.

Но этимъ не исчерпываются попеченія правительства о новыхъ своихъ подданныхъ.

Для колонистовъ, прибывающихъ изъ Германіи, въ Петербургѣ покупается особый домъ (на Мойкѣ), въ которомъ они отдыхаютъ послѣ путешествія, между тѣмъ какъ на дальнемъ Поволжьи русскіе крестьяне строятъ имъ дома и амбары по рисункамъ и планамъ, которые выбираютъ сами нѣмцы-колонисты. Имъ выдаются громадныя денежныя пособія въ видѣ путевыхъ денегъ, суточныхъ, кормовыхъ и ссудъ на первоначальное обзаведеніе. Самыя первыя поселенія нѣмцевъ-колонистовъ на Волгѣ стоили нашему правительству 5.199.813 р. 23 к. на наши деньги.

И, несмотря на все это, на отводъ лучшихъ земель, на громадныя денежныя пособія и всевозможныя привилегіи, колоніи съ самаго же начала далеко не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ сохранившихся историческихъ источниковъ, пришлые нѣмцы совершенно не желали заниматься земледѣліемъ, считая, что они были вызваны только обучать варварское русское населеніе. Кромѣ того, составъ первыхъ иоселенцевъ былъ самый невозможный. «Резиденты» наши заграницей набирали людей безъ разбора, безъ всякаго нравственнаго и имущественнаго ценза. Достаточно было быть нѣмцемъ и изъявить желаніе на переселеніе, чтобы немедленно получить на руки деньги на путевыя издержки, всякія суточныя и кормовыя и, по прибытіи въ Россію, взять тысячную ссуду отъ казны и водвориться на готовомъ, «русскими руками» обстроенномъ хозяйствѣ. Поэтому къ намъ потянулись самые подонки общества. «Der Abschaum Deutschlands kam nach Russland», повѣствуетъ лѣтописецъ колоній — Палласъ. Въ средѣ лицъ, прибывавшихъ въ Россію, на 10 чел. приходился

только одинъ земледѣлецъ. Попадались и преступники, и старцы, доживающіе свой вѣкъ, и всякіе авантюристы. Естественно, что не съ такими элементами можно было положить начало прочному гражданскому общежитію.

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы служить примѣрами и образцами русскому населенію, нѣмецкіе колонисты, не касаясь плуга, проживали въ кутежахъ и попойкахъ данныя имъ отъ казны деньги. Съ сосѣдними русскими у нихъ сразу установились самыя враждебныя отношенія, не разъ разрѣшавшіяся кровавыми побоищами. Насколько дики и некультурны были пришедшіе къ намъ нѣмцы, видно изъ того: въ началѣ нынѣшняго столѣтія колонисты Караманской волости, кол. Маріенталь, вслѣдствіе распри съ сосѣдними калмыками, поймали ихъ старшину и сожгли его живымъ среди колоніи въ виду церкви и въ присутствіи женщинъ и дѣтей! По сіе время еще сохранились свидѣтели этого звѣрскаго поступка.

Когда деньги отъ казны были всѣ истрачены и суровая нужда глянула имъ прямо въ глаза, нѣмецкіе колонисты, не долго думая, рѣшили покинуть Россію и вернуться въ Германію. «Мы идемъ домой»—пронесся кличъ по колоніямъ, повѣствуетъ другой историкъ колоніальной жизни[1]), и скоро все было готово къ отъѣзду, но предварительно было продано и пропито все, что можно, снимали даже двери и вынимали окна изъ домовъ, затѣмъ все остальное было разрушено, и двумя большими колоннами колонисты двинулись въ обратный путь. Одна изъ этихъ колоннъ дошла однако лишь до нынѣшней колоніи Екатеринштадтъ, гдѣ на нихъ напали калмыки и отняли у нихъ все, что было; второй удалось пробраться до Саратова, но здѣсь имъ преградилъ путь кордонъ казаковъ, высланныхъ имъ на встрѣчу, и послѣ нѣкотораго сопротивленія водворилъ ихъ обратно.

Правительство видѣло, что мѣрами ласки и привилегій нельзя правильно вести дѣло колонизаціи. И оно измѣнило режимъ. Обработка земли была вмѣнена въ обязанность колонистамъ, и вся жизнь ихъ была поставлена подъ строгій и суровый контроль

Съ этого времени наступаетъ второй періодъ въ историческомъ развитіи Приволжскихъ колоній. Окончилась эпоха свое-

---

[1]) Pastor Osirne.—*Busch* Materiellen zur Geschichte der Evangelischen Gemeinden in Russland. Seite 304.

волія и наглой распущенности, настаетъ время тщательной опеки правительства, время труда и постепеннаго преуспѣянія.

Въ главныхъ чертахъ основы этой правительственной опеки, которая въ теченіе семидесяти лѣтъ составляла жизненный нервъ всего внутренняго строя жизни колоній, и окончательную санкцію получила въ сводѣ учрежденій и уставовъ о колоніяхъ иностранныхъ въ имперіи, изданномъ въ 1842 г., были слѣдующія: Для управленія колоніями Саратовской и Самарской губерній, была учреждена контора опекунства иностранныхъ, сперва подчиненная экспедиціи государственнаго хозяйства при правительствующемъ сенатѣ, затѣмъ, при учрежденіи министерствъ, перешедшая въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, и, наконецъ, съ 1837 года, поступившая подъ начало министерства государственныхъ имуществъ, въ вѣдомствѣ каковаго министерства она и состояла до самаго своего упраздненія (1871 г.). Въ качествѣ мѣстныхъ органовъ, у конторы были смотрители колоній, на обязанности которыхъ лежало ближайшее наблюденіе за неуклоннымъ исполненіемъ всѣми колонистами предписаній правительственной власти. Затѣмъ, нисходя по іерархической лѣстницѣ подчиненности, всѣ колоніи были раздѣлены на округа, въ которыхъ власть сосредоточивалась въ окружномъ приказѣ (Kreisbezirk), состоящемъ изъ приказнаго головы (Obervorsteher) и двухъ бейзицеровъ и наконецъ, какъ ячейка всей этой организаціи, являлось сельское общество колоніи, внутреннія дѣла котораго вѣдалъ сельскій приказъ въ составѣ шульца о двухъ бейзицеровъ.

Но не столько послѣдовательному и полному проведенію идеи власти и надзора обязаны были наши Нѣмецкія колоніи своимъ преуспѣяніемъ. Источникомъ его явились тѣ предписанія и требованія правительства, за точнымъ соблюденіемъ которыхъ наблюдала вся эта іерархическая лѣстница начальства. Увидя ошибочность своихъ надеждъ и ожиданій касательно личныхъ качествъ и трудолюбія пришлыхъ нѣмцевъ, правительство рѣшило законодательнымъ путемъ заставить ихъ сдѣлать то, отъ чего они такъ рѣшительно отказывались по доброй волѣ. Идеей этого принудительнаго внѣдренія въ колонистовъ всевозможныхъ хозяйственныхъ качествъ и нравственныхъ добродѣтелей проникнуты поэтому всѣ послѣдующіе акты нашего правительства касательно своихъ новыхъ подданныхъ. Въ нихъ содержались самыя мелочныя предписанія о всемъ,

что имѣетъ отношеніе къ сельскому хозяйству. Время и способъ обработки почвы, посѣва, уборки хлѣба, молотьбы и сѣнокоса, уходъ за скотомъ, правила садоводства и лѣсоразведенія, требованія о содержаніи въ чистотѣ и порядкѣ своего жилища— все это нашло себѣ самое полное выраженіе въ различныхъ постановленіяхъ россійскаго законодательства. Въ томъ же сводѣ уставовъ о колоніяхъ, о которомъ мы имѣли случай говорить и въ предъидущихъ главахъ, мы находимъ подробныя требованія о томъ, какъ колонисты должны были себя вести въ частной жизни, перечислены ихъ обязанности къ церкви, родителямъ и старшимъ, предписано соблюдать вѣжливость во взаимныхъ отношеніяхъ, запрещены пьянство, мотовство и роскошь.

Всѣ перечисленныя требованія подкрѣплены были цѣлымъ рядомъ суровыхъ мѣръ наказанія (тѣлесное наказаніе и даже смирительный домъ), грозившихъ нарушателямъ или неисполнителямъ ихъ.

1-го августа 1797 года, старшій судья саратовской конторы иностранныхъ, рапортомъ правительствующему сенату доносилъ объ открытіи дѣйствій означенной конторы и подвѣдомственныхъ ей органовъ въ предѣлахъ Саратовской и Самарской губерній, и съ этого времени распущенная и безконтрольная жизнь Нѣмецкихъ колоній была вогнана въ строго опредѣленныя рамки.

Прошло лѣтъ семьдесятъ, и режимъ этотъ принесъ обильные и роскошные плоды. Приволжскія колоніи ко времени передачи ихъ въ общія учрежденія представляли собой картину громаднаго экономическаго благосостоянія. Но слѣдя за исторіей колоній, въ теченіе этихъ семидесяти лѣтъ, нельзя не замѣтить, цѣною какихъ усилій и попеченій правительства достигнуто это благосостояніе. Постепенное шагъ за шагомъ преуспѣяніе колоній, превращеніе ихъ изъ разоренныхъ селеній съ дикимъ и распущеннымъ населеніемъ въ тѣ благоустроенные, дышащіе довольствомъ, поселки, какими они стали по истеченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, служитъ блестящимъ доказательствомъ справедливости той мысли, насколько просвѣщенная опека и близкая къ народу твердая власть необходимы для преуспѣянія экономическаго и нравственнаго — сельскаго населенія.

Изъ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, относящихся

къ этому періоду и проливающихъ особенно яркій свѣтъ на состояніе Приволжскихъ колоній того времени, заслуживаютъ вниманія прежде всего отчетъ тайнаго совѣтника Габлица, посланнаго въ 1802 г. изслѣдовать состояніе Саратовскихъ и Самарскихъ колоній. Въ этомъ отчетѣ, темными красками рисуя неустройство и непорядокъ, царящіе въ Нѣмецкихъ колоніяхъ Приволжья, Габлицъ въ заключеніе говоритъ, что «колоніи сіи по стеченію разныхъ обстоятельствъ, при водвореніи ихъ допущенныхъ,—далеко не достигли того состоянія, *въ какомъ бы онѣ быть долженствовали* какъ по начальному о нихъ положенію, такъ и по великимъ суммамъ, на обзаведеніе ихъ опредѣленнымъ».

Затѣмъ, изъ дѣлъ конторы 1805—1808 гг., возникшихъ по иниціативѣ правительства съ цѣлью опредѣленія количества повинностей, которыя должны были платить колонисты, видно, что число приволжскихъ колонистовъ къ этому времени достигало 19.785, они обработывали 8.776 плугами 87.457 десятинъ земли. Казеннаго долга на нихъ числилось въ 1808 году 3.747.097 р. 96$^3/_4$ коп. (не считая *безвозвратно* затраченныхъ на ихъ водвореніе вышеупомянутыхъ пяти милліоновъ рублей). Благосостояніе ихъ въ то время уже значительно подвинулось впередъ, что между прочимъ видно изъ того факта, что въ Привожскихъ колоніяхъ мало оставалось къ тому времени старыхъ казенныхъ домовъ, большая же часть ихъ была уже перестроена вновь и стоила отъ 700 до 1.000 руб. каждый[1]).

Несмотря, однако, на такое свое благосостояніе, саратовскіе колонисты, какъ живущіе на луговой, такъ и на нагорной сторонѣ, не платили вовсе земельныхъ повинностей подъ предлогомъ неоконченныхъ еще межеваній и неприведенія въ ясность количества десятинъ удобной земли, съ которой слѣдовало бы платить; причемъ, по замѣчанію судьи конторы, статскаго совѣтника Рогенбука, «сами колонисты затрудняютъ межеваніе и *умышленно* мѣшаютъ скорому теченію онаго, дабы сколь можно долѣе остаться въ настоящемъ положеніи свободными отъ податей».

При такомъ положеніи вещей, правительство рѣшило положить конецъ этому безправному порядку, и 18 декабря 1808 г. появился указъ, опредѣляющій платимыя приволжскими колонистами повинности.

---

[1]) Полн. Собр. Закон., № 23.408.

«При сравненіи состоянія колонистовъ,—говорится между прочимъ въ этомъ указѣ—съ состояніемъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и несомыя послѣдними подати, выходитъ, что государственные и удѣльные крестьяне платятъ въ казну кромѣ земскихъ внутреннихъ повинностей.

подушныхъ	1 р	— к.
оброчныхъ	5 »	— »
накладныхъ	— »	2 »
на подъемныхъ лошадей для воинскихъ командъ	— »	26 »
Всего съ ревизской души . .	6 р.	28 к.

«Слѣдовательно, саратовскіе колонисты съ 19.785 душъ *обязаны бы были* вносить каждый годъ:

подушныхъ	19.785 р.	— к.
оброчныхъ	98.925 »	— »
накладныхъ.	395 »	70 »
на лошадей	5.144 »	10 »
Итого . .	124.249 р.	80 к.

«На самомъ же дѣлѣ они въ 1808 году платятъ всего лишь по три рубля съ каждаго работника и то неаккуратно, такъ что, вмѣсто 124 тысячъ, съ нихъ поступаетъ въ казну всего 33.946 руб.

«Въ виду этого, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предположено было причитающіеся съ колонистовъ 124.249 р. 80 к. разверстать между колонистами праваго и лѣваго берега Волги такъ, чтобы луговые платили 74.549 р. 88 к., а нагорные 49.699 р. 92 к.

«Подать таковая, заключаетъ указъ, хотя и равна платимой казенными крестьянами, но все еще *колонисты много* предъ ними *преимущества имѣть будутъ*, пользуясь лучшимъ объ нихъ призрѣніемъ и получивъ еще право дѣлать, преимущественно при межеваніи, разборы въ земляхъ удобныхъ». Это «лучшее призрѣніе» и «многія преимущества» незамедлили принести и свои плоды.

Къ концу шестидесятыхъ годовъ число колоній на Волгѣ возросло до 189 съ населеніемъ около 250.000 и въ ихъ рукахъ въ 1858 году состояло 871.471 десятина земли.

Съ этого времени прошло около тридцати лѣтъ, и поэтому и понынѣ еще свѣжо въ памяти и самихъ колонистовъ и окрест-

наго населенія—цвѣтущее состояніе Приволжскихъ колоній ко времени передачи ихъ въ вѣдомство общихъ учрежденій. Великолѣпныя постройки, порядокъ и благоустройство, правильно веденное хозяйство, полные запасные магазины, громадные общественные капиталы, отсутствіе какихъ-либо недоимокъ,—все это являло картину полнѣйшаго экономическаго преуспѣянія. Колоніи походили на города; развитая хлѣбная торговля и отдѣльныя отрасли сельскаго хозяйства и промышленности, каковы напр. были табаководство и тканье сарпинокъ, съ своей стороны также не мало содѣйствовали богатству Приволжскихъ колоній.

Послѣ снятія правительственной опеки въ теченіе еще десяти лѣтъ продолжалось прежнее теченіе жизни; въ продолженіе десяти лѣтъ имѣли силу тѣ основы жизни, которыя такъ насильственно и съ такими стараніями внѣдрялись колонистамъ. Но начиная съ конца семидесятыхъ годовъ, замѣчается сильный переворотъ въ жизни колоній. Исчезаютъ прежній порядокъ и благоустройство и постепенно начинаютъ проявляться въ колоніальной жизни тѣ отрицательныя стороны нѣмецкаго національнаго характера, которыя такъ чужды нашей славянской народности и которыя, пріобрѣтая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе рѣшающее вліяніе на строй и направленіе колоніальной жизни, грозятъ вогнать ее въ русло, далеко не соотвѣтствующее интересамъ Россіи и нуждамъ и потребностямъ кореннаго населенія нашего отечества.

Приволжскія колоніи состоятъ, какъ мы уже говорили, изъ самыхъ разнообразныхъ видовъ германскаго племени, но по внѣшнему строю своей жизни они распадаются на двѣ группы: на колонистовъ праваго и лѣваго берега Волги или, какъ ихъ называютъ, нагорныхъ и луговыхъ.

Разница въ качествѣ почвы во времени поселенія, а главное въ томъ строѣ жизни, по которому наладили съ самаго начала свое существованіе, тѣ и другіе сдѣлали то, что въ настоящее время изъ этихъ колоній, состоящихъ изъ одинаковыхъ элементовъ, совершенно однородныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и своему міросозерцанію и раздѣленныхъ только широкой струей Волги,—образовались двѣ совершенно различныя въ экономическомъ отношеніи группы населенія.

Изъ нижеслѣдующей таблицы можно будетъ судить о различіи между этими двумя группами колоній въ экономическомъ отношеніи.

Свѣдѣнія о состояніи колоній Поволжья въ настоящее время.	ВСЕГО.			По Самарской губерніи.		По Саратовской губерніи.		Итого по всем Поволжью.	
	По Самарской губерніи.	По Саратовской губерніи.	Итого по всему Поволжью.	Число колонистскихъ дворовъ.	На каждый дворъ приходится.	Число колонистскихъ дворовъ.	На каждый дворъ приходится.	Число колонистскихъ дворовъ.	На каждый дворъ приходится.
Число нѣмецк. волостей.	16	10	26	—	—	—	—	—	—
Число колоній.....	140	58	198	—	—	—	—	—	—
Число колонистовъ.... (обоего пола).	222.818	178.958	401.776	23.159	9,7	15.573	11,3	38.729	10,9
Количество владѣемой ими земли (въ десят.). Надѣльной.	903.047	468 695	1.371.742	—	39	—	30	—	35,4
Количество владѣемой ими земли (въ десят.). Благопріобрѣтенной.	137.479	28.474	165.953	—	5,9	—	1,9	—	4,3
Количество принадлежащаго имъ скота. Лошадей.	75.016	50.458	125.474	—	3,2	—	3,2	—	3,2
Количество принадлежащаго имъ скота. Рогатаго скота....	62.406	46.192	108.598	—	2,6	—	3,0	—	2,8
Количество принадлежащаго имъ скота. Овецъ....	62.722	82.230	144.952	—	2,7	—	5,2	—	3,7
Повинности (въ рубляхъ). Казенныя повинности и выкупные платежи.....	381.151	336.220	717.371	—	руб. коп. 16 45	—	руб. коп. 21 59	—	руб. ко 18 26
Повинности (въ рубляхъ). Земскія повин..	84.586	53.182	137.769	—	3 65	—	3 42	—	3 52
Повинности (въ рубляхъ). Мірскіе сборы..	751.940	97.799	849.740	—	32 51	—	6 27	—	21 91
Стоимость застрахованныхъ имуществъ.....	9.362.616	6.204.157	15.566.774	—	404 32	—	405 —	—	404 80
Недоимки.....	304.301	31.671	335.972	—	13 14	—	2 —	—	8 63
Задолженность. Общественные долги.....	1.005.825	345.817	1.351.642	—	43 43	—	22 20	—	—
Задолженность. Долги подъ залогъ земли.....	1.208.960	нѣтъ.	1.208.960	—	52 25	—	нѣтъ.	—	—
Задолженность. Частные долги колонистовъ....	932.181	1.052.274	1.984 55	—	40 26	—	67 56	—	—
Задолженность. Итого долгу...	3.146.966	1.398.091	4.545 57	—	135 94	—	89 56	—	—
Задолженность. %, по которому взяты эти деньги и показаніе, сколько каждому двору приходится платить по причитающемуся на него долгу.....	25%	12%	18½%	—	33 98	—	10 78	—	—

При самомъ бѣгломъ взглядѣ на эту таблицу, видны слѣды того, какъ богато надѣлены были колоніи землей, если и по настоящее время ея приходится по 35,4 десятины на дворъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно выясняется и разница между колоніями Самарскими и Саратовскими въ экономическомъ отношеніи. На Самарскихъ колоніяхъ числится свыше трехсотъ тысячъ казенной недоимки, у Саратовскихъ недоимка очень незначительная и почти случайная, вслѣдствіе бывшаго въ 1890 году неурожая (свѣдѣнія наши относятся къ этому времени). Особенно же рельефно выражается это различіе въ задолженности колоній. Въ Саратовскихъ колоніяхъ она всего около $1^1/_2$ милліона и всецѣло произошла вслѣдствіе займовъ на общеполезныя и коммерческія предпріятія. При сравнительно невысокомъ % долгъ этотъ не ложится слишкомъ тяжелымъ бременемъ на колоніи; на каждый дворъ приходится 89 руб. долгу, и процентовъ приходится платить около 10 рублей.

Иное мы видимъ въ колоніяхъ Самарскихъ: здѣсь всѣ три милліона долгу прожиты и пропиты безвозвратно и, что всего важнѣе, самарскіе колонисты сами отняли у себя средство выплатить этотъ гигантскій долгъ тѣмъ, что взяли часть его подъ залогъ земли, чего мы совсѣмъ не видимъ въ колоніяхъ Саратовскихъ. Не трудно поэтому себѣ представить, что колоніи Самарскія, гдѣ на каждый дворъ приходится 13 р. недоимки, болѣе пятидесяти рублей срочныхъ ежегодныхъ платежей въ казну, земство и на мірскіе расходы, и 135 рублей долгу, по которому уплачивается по 33 р. процентовъ—пришли въ полное разореніе, тѣмъ болѣе, что вмѣсто того, чтобы бороться съ тяжелыми обстоятельствами, они малодушно стремятся сдать свою надѣльную землю въ аренду на долгіе сроки, берутъ деньги впередъ, пропиваютъ ихъ, и этимъ сами ускоряютъ свое окончательное разореніе.

Переходя къ изслѣдованію причинъ, вызвавшихъ такое коренное различіе среди населенія, однороднаго по племени и по правамъ, ему предоставленнымъ, необходимо прежде всего сказать нѣсколько словъ о существующей въ колоніяхъ формѣ землевладѣнія вообще.

Всѣ безъ исключенія Приволжскія колоніи, отступивъ отъ установленнаго закономъ 19 марта 1764 г. подворнаго принципа землевладѣнія, перешли къ общинной формѣ пользованія своей надѣльной землей. Причины и мотивы такой перемѣны,

какъ видно изъ дѣлъ архива конторы опекунства, были слѣдующіе: «Первая причина отступленія отъ сихъ правилъ подворнаго пользованія землею,—говорится въ отношеніи конторы опекунства иностранныхъ, отъ 20 ноября 1816 г., была, съ одной стороны, невозможность надѣлить каждаго хозяина, въ 30 десятинномъ участкѣ, всѣми угодьями, почему въ замѣнъ и для искусственнаго разведенія недостающихъ, намежевана была порожняя земля и окружною на цѣлое селеніе межою, а не врозь, на каждое семейство; съ другой стороны—неумѣніе поселенцевъ разводить такія угодья, а можетъ статься неблагопріятельство тому здѣшняго малодождняго климата и солонцоватость почвы. И такъ, поселенцы въ необходимости пользоваться настоящимъ, стали дѣлить пашенную и доставшуюся природную покосную землю такъ, чтобъ каждый, имѣющій право участвовать въ ней, получалъ свой пай — въ хорошихъ, посредственныхъ и худшихъ мѣстахъ, а выгономъ и лѣсомъ, гдѣ оный есть, *положено пользоваться общественно.* Вторая причина состоитъ въ скоромъ размноженіи колонистовъ, отъ котораго отцы большихъ семействъ ощущали великій недостатокъ въ землѣ, между тѣмъ какъ малосемейные, имѣвшіе равные съ ними участки, не въ силахъ были оныхъ обработывать, въ уваженіе чего, тогдашній директоръ экономіи учредилъ дѣлежъ земли по душамъ, нынѣ во многихъ колоніяхъ существующій и вѣроятно по всѣмъ колоніямъ не распространившійся потому только, что часть изъ нихъ, будучи смежны съ казенными землями, пользовались оными изъ оброка или самовольно. Симъ самымъ и объясняются выгоды или отступленія вмѣстѣ съ неудобствами или, опредѣлительнѣе сказать, невозможностью нынѣ слѣдовать по тѣмъ правиламъ, если бъ напримѣръ: принудить хозяевъ какой бы то ни было колоніи раздѣлить свою дачу такъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ свой непремѣнный участокъ, то однимъ изъ нихъ достанется весь лѣсъ, другимъ—покосъ и т. д., а разведенію искусственныхъ угодій успѣхъ здѣсь крайне сомнителенъ. Если же учредить, чтобы дѣлежъ земель, какой нынѣ имѣетъ мѣсто и каждому даетъ участіе во всѣхъ угодьяхъ, но произведенъ былъ одиножды навсегда, въ каковомъ случаѣ каждый хозяинъ дѣйствительно будетъ имѣть свои, разныхъ угодій, непремѣнные участки, то опять повстрѣчается неудобство въ разсужденіи прибылыхъ душъ, ибо, хотя нынѣ нѣкоторыя колоніи дѣлятъ опекунскія дачи между одними ко-

ренными хозяевами, но прибылые получаютъ за то участки въ примежеванныхъ казенныхъ земляхъ, которыя однакожъ со временемъ вступятъ въ непремѣнныя колоніи; даже и тогда будущія прибылыя души останутся безъ земли и хлѣба»...

Такимъ образомъ, начиная съ 1816 года колонисты пользуются общиннымъ землевладѣніемъ съ періодическими передѣлами земли по наличнымъ душамъ и въ силу такого порядка землепользованія—*скупка земель нѣмцами-колонистами на Волгѣ далеко не представляетъ собою такого характернаго и непремѣннаго явленія колоніальной жизни, какой представляетъ собою этотъ фактъ на нашемъ югѣ.* Поэтому также и раіонъ колонистскаго землевладѣнія на Волгѣ увеличивается очень медленно. Если признать нѣмецкое землевладѣніе на югѣ и его распространеніе—болѣзненнымъ и ненормальнымъ явленіемъ нашей внутренней государственной жизни, носящимъ характеръ эпидемическій—то про наши Приволжскія колоніи можно сказать, что это болѣзнь мѣстная, мало распространяющаяся, но зато упорная и пустившая глубокіе корни въ нашъ государственный организмъ.

Несмотря на одинаковость формы землевладѣнія, между колоніями Самарскими и Саратовскими, какъ мы уже видѣли, существуетъ громадная разница.

Различіе это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ.

Самарскіе колонисты, какъ первые поселенцы на Волгѣ, забрали самыя лучшія, самыя плодородныя земли; глубокій чистый или глинистый черноземъ земель Нѣмецкихъ колоній Новоузенскаго уѣзда съиздавна славится своими урожаями. Бывали годы, въ которые колонисты собирали по 350 — 400 пудовъ пшеницы бѣлотурки съ казенной десятины земли.

Такое плодородіе почвы въ связи съ доходами отъ хлѣбной торговли, которую Самарскія колоніи постепенно забрали въ свои руки, очень быстро довели ихъ до громаднаго богатства. Ко времени передачи въ общія учрежденія луговыя Самарскія колоніи смотрѣли на колоніи Саратовскія какъ на нищихъ. Екатеринштадтъ, главная и самая значительная изъ Самарскихъ колоній, выглядѣла, да и по сейчасъ выглядитъ совершенно городомъ. Каменные двухъэтажные дома, мостовыя и тротуары и общій строй жизни ничѣмъ не напоминаютъ того, что Екатетинштадтъ есть сельское общество.

Обороты Екатеринштадта по хлѣбной торговлѣ достигали

десятковъ милліоновъ. Въ немъ было и по настоящее время существуютъ три церкви, большой пріютъ и особый подготовительный пансіонъ для дѣтей болѣе зажиточныхъ колонистовъ, стоившій около 70 т. рублей. Цѣнность недвижимостей, застрахованныхъ по системѣ взаимнаго страхованія, практикующагося у колонистовъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ оно существуетъ на югѣ, не считая имущества, застрахованнаго въ отдѣльныхъ страховыхъ обществахъ—достигла въ 1890 г. 800 т. рублей.

Не менѣе богаты были колоніи Ровное, Привальное и друг., но такое исключительное благосостояніе Самарскихъ колоній носило вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ и источникъ послѣдующаго ихъ разоренія. Избалованные плодородіемъ почвы, самарскіе колонисты постепенно стали отвыкать отъ упорнаго труда, вмѣстѣ съ тѣмъ хлѣбная торговля, какъ и всякое иное коммерческое дѣло, вела постепенно къ сосредоточенію капиталовъ въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ единицъ.

Разбогатѣло нѣсколько семей,—разбогатѣли настолько, что состояніе ихъ исчислялось милліонами. Масса же колонисткаго населенія не ощущала особой прибыли отъ торговли и главнымъ источникомъ своего благосостоянія считала сказочное плодородіе почвы.

Привыкши къ легкому и обильному доходу, колонисты усвоили себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ такія привычки къ комфорту, отъ которыхъ имъ очень тяжело было отказаться. И вотъ, когда опекающая власть исчезла, когда земля, истощенная неразумнымъ хозяйствомъ, не замедлившимъ установиться послѣ того, какъ колонисты были предоставлены сами себѣ — перестала давать такіе сказочные урожаи, когда, наконецъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ колоніяхъ случилось два сряду неурожайныхъ года—все богатство Самарскихъ колоній исчезло, какъ призракъ.

Но не исчезли широкія привычки колонистовъ. Не имѣя нравственной силы для того, чтобы упорнымъ трудомъ бороться съ нуждой, желая по-прежнему мало работать и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣсть каждый день мясо и бѣлый хлѣбъ, колонисты стали входить въ долги. Причемъ сильнѣйшее распространеніе получила система отдачи своей земли въ аренду на нѣсколько лѣтъ впередъ, получая плату сразу за всѣ года.

Эта система отдачи своей земли въ аренду пріобрѣла въ

настоящее время совершенно эпидемическій характеръ, такъ что ко времени моего посѣщенія колоній, у большинства изъ нихъ земли были отданы въ ареиду на нѣсколько лѣтъ впередъ и деньги, полученныя за нее — почти всѣ прожиты и пропиты.

На пути мнѣ встрѣчались цѣлые ряды женщинъ-колонистокъ и дѣтей, просящихъ милостыню, въ то время какъ мужья ихъ пьянствовали на послѣдніе гроши.

Совершенно въ иномъ положеніи съ самаго же начала находились колоніи Саратовскія. Онѣ возникли позже Самарскихъ и имъ достались сравнительно худшія земли, сразу пріучившія колонистовъ къ упорному труду. Затѣмъ это же сравнительно слабое плодородіе почвы способствовало развитію различныхъ ремеслъ: кузнечныхъ, слесарныхъ и столярныхъ и ткацкое производство. Саратовскія сарпинки въ свое время имѣли громадное распространеніе, и даже и теперь это является сильнымъ подспорьемъ земледѣлію.

Поэтому исчезновеніе опеки и возникшіе вслѣдствіе этого безпорядки въ хозяйничаньи общинной землей отразились на Саратовскихъ колоніяхъ почти незамѣтно. Общинныя неустройства не могли уничтожить ни давней привычки къ труду, ни того развитія ремеслъ, которымъ эти колоніи главнымъ образомъ обязаны своимъ умѣреннымъ, но зато прочнымъ благосостояніемъ, и въ настоящее время саратовскіе колонисты— какъ нѣкогда это дѣлали самарскіе—съ гордостью могутъ сравнивать свое экономическое положеніе съ разореніемъ и разстройствомъ колоній луговыхъ.

Но если въ экономическомъ отношеніи колоніи Поволжья и раздѣляются на двѣ, совершенно различныя, групиы, — то въ культурномъ отношеніи все это полумилліонное нѣмецкое населеніе представляетъ собою *одно органическое цѣлое*, рѣзко разнящееся отъ окружающаго его русскаго населенія. Въѣзжая въ колонію, также какъ и на югѣ, сразу попадаешь въ совершенно иной міръ. Иной характеръ построекъ, иной типъ людей, чуждая уху нѣмецкая рѣчь, звонко раздающаяся всюду—эти характерные признаки нѣмецкихъ поселеній одинаково рѣзко проявляются какъ у лютеранъ и менонитовъ, такъ и католиковъ, какъ у разорившихся колонистовъ степныхъ волостей Новоузенскаго уѣзда, такъ и у болѣе зажиточныхъ нѣмцевъ нагорнаго берега Волги. Вездѣ въ нихъ живой струей бьетъ

ключъ нѣмецкой національности. И всѣ они одинаково ревниво охраняютъ эту свою обособленность и самобытность; всячески устраняя себя отъ какого бы то ни было соприкосновенія съ жизнью окружающаго населенія. «Мы здѣсь на востокѣ то же самое, что остзейскія провинціи на Западѣ», съ гордостью говорятъ про себя приволжскіе нѣмцы, и дѣйствительно эти полтора милліона десятинъ сплошной земли съ полумилліоннымъ населеніемъ, сплоченнымъ и географически и въ силу своей національности въ одно нераздѣльное цѣлое—представляютъ собою такой элементъ нашей внутренней государственной жизни, который безусловно заслуживаетъ вниманія.

Выяснивъ картину внѣшняго экономическаго положенія Приволжскихъ колоній въ настоящее время, обратимся къ ихъ внутренней духовной жизни, къ изслѣдованію ихъ культурнаго состоянія.

Въ этомъ отношеніи прежде всего бросается въ глаза низкій уровень умственнаго и нравственнаго развитія большинства приволжскихъ колонистовъ. Исключая извѣстную группу бывшихъ колонистовъ, получившихъ образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, или въ какомъ-нибудь прибалтійскомъ пансіонѣ, остальная масса колонистскаго населенія на Волгѣ коснѣетъ въ полномъ невѣжествѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы говорили, самые низкіе пороки, кровосмѣшеніе и открытый половой развратъ являются заурядными фактами колоніальной жизни. Но особенно любопытно то, что при такомъ низкомъ умственномъ и нравственномъ состояніи у всѣхъ безъ исключенія колонистовъ чрезвычайно сильно развито чувство національности, и всѣ они ревниво охраняютъ свою племенную самобытность, враждебно и пренебрежительно относясь ко всему русскому.

Въ Приволжскихъ колоніяхъ нѣтъ той ощутительной духовной связи съ заграницей, которая такой яркой струей проникаетъ весь строй колоніальной жизни на нашемъ Югѣ, но зато здѣсь чрезвычайно рельефно обрисовывается связь Приволжскихъ колоній съ нашимъ Прибалтійскимъ краемъ.

Всѣ почти пасторы Приволжскихъ колоній — воспитанники Дерптскаго университета, все, что есть въ колоніяхъ самаго интеллигентнаго,—все это получило образованіе въ пансіонахъ Риги, Митавы или Дерпта—самая распространенная газета — «Rigasche Zeitung», и трудно представить себѣ, до какой степени всѣ явленія изъ жизни прибалтійскихъ губерній находятъ

себѣ откликъ въ Приволжскихъ колоніяхъ. Было даже время, и очень недавнее, когда дѣти остзейскихъ бароновъ пріѣзжали воспитываться въ Приволжскія колоніи, дабы тамъ получить самую сильную нѣмецкую закваску. Родственныя связи, симпатіи въ идеяхъ и убѣжденіяхъ, одинаковость религіи и умственныхъ интересовъ, и непрерывныя сношенія,—все это связываетъ Приволжскія колоніи и Остзейскій край въ одно національное цѣлое, одна половина котораго расположена на востокѣ—другая на западной окраинѣ Россіи.

Русскій языкъ почти неизвѣстенъ во всемъ 400 тысячномъ населеніи Приволжскихъ колоній.

Дѣлопроизводство волостныхъ правленій ведется, правда, по-русски и всѣ волостные писаря и нѣкоторые волостные старшины болѣе или менѣе свободно изъясняются на нашемъ языкѣ, но этими единичными исключеніями исчерпываются всѣ признаки русскаго вліянія на колоніальную жизнь.

Масса колонистскаго населенія не знаетъ да и не хочетъ знать русскаго языка и въ этомъ отношеніи какъ саратовскіе, такъ и самарскіе колонисты стоятъ на совершенно одинаковомъ уровнѣ.

Такъ же слабо распространено и знаніе русскаго языка среди учащагося колонистскаго юношества.

Въ Приволжскихъ колоніяхъ существуютъ школы двоякаго типа: такъ называемыя товарищескія или земскія школы и школы церковно-приходскія. Товарищескія или земскія школы получили свое названіе отъ того, что онѣ пользуются ежегоднымъ пособіемъ отъ земства, остальная же сумма денегъ, въ которую обходится содержаніе школы, разверстывается между родителями тѣхъ дѣтей, которыя въ ней воспитываются. Родители, такимъ образомъ, образуютъ товарищество, и за каждаго ребенка приходится уплачивать отъ 8 до 13 руб. въ годъ. Въ этихъ школахъ преподаваніе русскаго языка обязательно, и оно поставлено довольно сносно. Но школъ этихъ очень немного, и число учащихся тоже ограниченное. Школы эти кромѣ того не пользуются симпатіями населенія и посѣщаются только мальчиками для добытія льготы по воинской повинности.

Затѣмъ, по прошествіи призывнаго возраста, молодые люди возвращаются въ среду своихъ единоплеменниковъ, и здѣсь въ самомъ непродолжительномъ времени испаряются тѣ слабыя

познанія въ русскомъ языкѣ, которыя были почерпнуты ими въ товарищескихъ русско-нѣмецкихъ школахъ.

Главнымъ же типомъ школы въ Приволжскихъ колоніяхъ являются церковно-приходскія школы, которыя существуютъ во всякой колоніи. Въ этихъ школахъ о преподаваніи русскаго языка не можетъ быть и рѣчи. Ученики, оканчивая ихъ, еле умѣютъ читать и писать по-нѣмецки. Такіе плохіе успѣхи объясняются, какъ массою учащихся (напримѣръ, есть школы, въ которыхъ въ одной громадной комнатѣ одновременно учится 800 человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ, въ среднемъ же приходится на каждаго учителя по 350 воспитанниковъ), такъ и очень плохимъ составомъ учителей. Въ большинствѣ случаевъ это церковные сторожа (кюстеры), сами не понимающіе ни слова по-русски, и педагогическіе пріемы которыхъ болѣе чѣмъ примитивны. Эти шульмейстеры, родомъ мѣстные колонисты, полуграмотные и очень тупые люди, органически ненавидятъ все русское, боясь, что, съ вторженіемъ русскихъ началъ въ колоніальную жизнь, исчезнетъ ихъ сравнительно привилегированное и небезвыгодное положеніе въ колоніяхъ.

Поэтому они всячески развиваютъ антипатію колонистовъ къ всему русскому, встрѣчая въ этомъ отношеніи энергичную поддержку среди мѣстнаго духовенства.

Это послѣднее играетъ на Волгѣ ту же роль, что и въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ, дѣлая изъ религіи орудіе національной пропаганды. Роль эта такъ хорошо извѣстна во всѣхъ ея проявленіяхъ, что нечего на ней слишкомъ долго останавливаться. Нужно только сказать, что, дѣйствуя на умы неразвитаго стотысячнаго населенія, вліяніе это сказывается въ результатахъ, гораздо болѣе прискорбныхъ, чѣмъ въ Остзейскомъ краѣ.

Для иллюстраціи отношеній колонистовъ и колоніальнаго духовенства къ русскимъ началамъ, приведемъ на выдержку одинъ изъ многочисленныхъ имѣющихся у насъ примѣровъ.

Въ одной «товарищеской» школѣ, русскій учитель, объясняя воспитанникамъ-нѣмцамъ старшаго возраста (14—16 лѣтъ) басню Крылова «Свинья подъ дубомъ», провелъ ту мысль, что, если нѣмцы-колонисты, получившіе столько благодѣяній отъ Россіи и въ настоящее время питающіеся соками ея, начали бы подкапываться подъ основы ея народной и религіозной жизни, они уподобились бы свиньѣ, о которой говорится въ баснѣ, и

которая пожирала корни дерева, дающаго ей пищу. Одного этого объясненія было достаточно, чтобы возстановить противъ этого, по общему признанію, прекраснаго учителя—всю колонію, и, подъ вліяніемъ и по иниціативѣ мѣстнаго пастора, былъ составленъ приговоръ, и учитель, осмѣлившійся говорить такія вещи, лишился своего мѣста...

Итакъ, полная національная обособленность, живая связь съ прибалтійскими провинціями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общемъ низкое умственное и нравственное развитіе—таковы характерные признаки приволжскихъ колонистовъ.

Словомъ, здѣсь, на дальнемъ Поволжьи, мы встрѣчаемся съ такой же обособленной группой населенія, съ такимъ же государствомъ въ государствѣ, какое мы видѣли на нашемъ Югѣ.

Обратимся же теперь къ вопросу о томъ, какое вліяніе оказываютъ приволжскіе колонисты на сосѣднее русское населеніе.

Въ этомъ отношеніи такъ же, какъ и на нашемъ Югѣ, прежде всего бросается въ глаза отсутствіе какой бы то ни было связи между нѣмцемъ-колонистомъ и русскихъ землевладѣльцемъ. Расположенныя, межа съ межей, нѣмецкія колоніи и русскія деревни прожили десятки лѣтъ, оставаясь чуждыми другъ другу. Ничему не научился, да и не могъ научиться русскій поселянинъ отъ нѣмца-колониста. Сидя на дарственномъ надѣлѣ, по одной десятинѣ на душу, и то иногда неудобной, онъ не могъ примѣнить пріемовъ хозяйства колониста, засѣвающаго 30 десятинъ чернозему. Кромѣ того, поселенные сплошными участками, колонисты лишь незначительной своей частью граничили съ русскими селами и деревнями. Но если колонисты ничему не научили русскаго крестьянина, они съиздавна съумѣли начать его эксплоатацію. Первоначально это эксплоатированье носило число физическій характеръ, колонисты безжалостно пользовались трудомъ русскихъ людей, обходясь съ ними, какъ съ рабочимъ скотомъ, занимались ростовщичествомъ и кулачествомъ въ средѣ крестьянскаго населенія. Затѣмъ, съ введеніемъ земскихъ учрежденій, къ этой физической эксплоатаціи присоединилась еще и эксплоатація инаго рода. Нѣмцы очень живо забрали въ свои руки земства Новоузенскаго и Камышинскаго уѣздовъ, и черезъ нихъ, путемъ неправильныхъ оцѣнокъ и обложеній, стали давить крестьянское населеніе. Правда, вслѣдствіе вышеупомянутаго экономическаго разоренія Самарскихъ колоній, вліяніе ихъ въ Новоузенскомъ земствѣ ослабѣло; зато Камы-

шинскій уѣздъ, Саратовской губерніи, является настоящимъ нѣмецкимъ царствомъ.

Въ земствѣ большинство — нѣмцевъ; тоже и въ управѣ. Вслѣдствіе этого, и все хозяйство уѣзда направлено на пользу колонистскаго населенія. У нихъ помѣщались врачи и врачебные пункты, колоніямъ отпускались наибольшія пособія на школьное дѣло и иныя нужды; наконецъ, благодаря своеобразнойоцѣнкѣ земель, произведенной этимъ нѣмецкимъ земствомъ и измѣненной лишь въ 1886 г. благодаря энергической дѣятельности мѣстнаго предводителя дворянства, П. П. Полякова, русскіе крестьяне въ теченіе почти 20 лѣтъ платили вчетверо больше повинностей со своихъ пищенскихъ надѣловъ, чѣмъ нѣмцы со своихъ 30 десятинъ на дворъ.

Дѣло дошло даже до того, что 1889 году одинъ мировой судья—тоже изъ нѣмцевъ-колонистовъ—позволилъ себѣ объявлять судебныя рѣшенія на нѣмецкомъ языкѣ!..

На ряду съ эксплоатаціей внѣшней, на Волгѣ, опять таки такъ же, какъ и на Югѣ, нѣмцы-колонисты растлѣвающимъ образомъ дѣйствовали на религіозно-нравственный міръ сосѣдняго русскаго населенія.

Первые признаки этого вліянія начались съ эпохи освобожденія крестьянъ (Вспомнимъ начало штунды среди русскаго населенія на Югѣ въ шестидесятыхъ годахъ).

До освобожденія крестьянъ быть можетъ и были единичныя попытки нѣмцевъ привить намъ ядъ западнаго раціонализма, но твердыя историческія основы, на которыхъ зиждѣлся строй нашей внутренней государственной жизни, клали непреодолимую преграду всякимъ такимъ попыткамъ.

Послѣ же реформы началось усиленное воздѣйствіе колонистовъ на умы освобожденнаго крестьянства. И здѣсь, какъ и на Югѣ, прежде всего начали пропаганду среди русскаго населенія баптисты или штундисты. Пользовались они при этомъ тѣми же пріемами, что и южные проповѣдники штундизма, воздѣйствуя путемъ насмѣшекъ и денежныхъ соблазновъ. Проповѣди ихъ не имѣли однако такого успѣха, какъ на югѣ, и хотя они вербовали прозелитовъ въ штундизмъ, но въ незначительномъ количествѣ.

Тогда приволжскіе штундисты избрали другой путь — именно они вошли въ связь съ нашими русскими раціоналистами, духоборцами и молоканами. Съ этимъ явленіемъ намъ не случи-

лось встрѣтиться при нашемъ изслѣдованіи штундизма въ южныхъ колоніяхъ. Хотя тамъ и было довольно много молоканъ, но они сторонились отъ нѣмцевъ. Поэтому мы позволяемъ себѣ думать, что вышеупомянутый пріемъ штундистовъ проникать въ среду русскаго населенія, входя въ связь съ русскими сектантами, представляетъ собой новый и чрезвычайно опасный фазисъ развитія этого раціоналистическаго вѣроученія.

Очагомъ лютеранской пропаганды были Ерусланская и Караманская волости Новоузенскаго уѣзда, откуда штундистскіе пропагандисты проникали въ Саратовскія колоніи.

Что же касается до связи штундистовъ съ молоканами, то она также впервые была замѣчена въ Самарской губерніи.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, началось въ средѣ молоканъ Новоузенскаго уѣзда движеніе въ сторону баптизма. Распространителями этого лжеученія между молоканами были нѣкто Василій Павловъ изъ Владикавказа, Іоганъ Миллеръ изъ г. Соколова, Сѣдлецкой губерніи, и Василій Ивановъ. Лица эти снабжали молоканъ разными брошюрами религіозно-нравственнаго содержанія и вели оживленную переписку съ нѣкоторыми изъ своихъ адептовъ «по дѣлу Божію», прося ихъ увѣдомить, умножается ли между ними церковь Христова новыми братьями и сестрами.

Въ очень непродолжительномъ времени ученіе баптистовъ распространилось среди молоканъ с. Борисоглѣбки, Куриловки, Салтова и Дьяковки. Центромъ же штундистко-баптистскаго движенія сдѣлалось село Куриловка. Здѣсь живетъ въ настоящее время глава этого движенія, нѣмецъ Ведель (онъ же Васель); здѣсь же состоитъ волостнымъ писаремъ Александръ Фрицлеръ, другъ и пріятель Веделя, сюда же очень часто наѣзжаетъ колонистъ Кисекенъ—ярый штундистъ. Эти трое лицъ являются главарями и держатъ въ своихъ рукахъ всѣ нити штундистской пропаганды на Поволжьи.

Кромѣ того приволжскіе штундисты находятся въ постоянной и непрерывной связи съ штундистами въ нашихъ южныхъ губерніяхъ.

Такъ, напримѣръ, въ этомъ году крестьянинъ села Куриловки Ѳеодоръ Червовъ — принявшій баптизмъ и сдѣлавшійся горячимъ его проповѣдникомъ, ѣздилъ въ Крымъ и привезъ оттуда 29 пудовъ книгъ и брошюръ для распространенія въ народѣ. На обратномъ пути онъ останавливался въ селѣ Новотухнѣ

у крестьянина Чапухина — тоже штундиста, и разсказывалъ ему, что онъ былъ на штундистскихъ собраніяхъ на югѣ и что онъ, Червовъ, видѣлся даже, въ бытность свою тамъ, съ штундистскимъ пресвитеромъ, человѣкомъ страшно богатымъ, у котораго до 1.000 шлёнокъ и до 5-ти милліоновъ денегъ и который пожертвовалъ 50.000 рублей на распространеніе и пропаганду штундизма на Поволжьи.

Въ настоящее время количество штундистовъ на Волгѣ можетъ выразиться слѣдующими цифрами:

Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, въ Нѣмецкихъ колоніяхъ 273 двора штундистскихъ и 108 дворовъ молоканскихъ. Этотъ послѣдній фактъ требуетъ разъясненія. Штундисты-нѣмцы для большей связи съ молоканами иногда принимаютъ ихъ вѣроученія и затѣмъ, пробывъ въ немъ нѣкоторое время, снова возвращаются въ штундизмъ, увлекая за собою однако цѣлую массу новыхъ прозелитовъ. Такимъ образомъ въ сущности въ Нѣмецкихъ колоніяхъ Новоузенскаго уѣзда 381 штундистскій дворъ.

Что же касается до послѣдователей этого вѣроученія изъ русскаго православнаго населенія, то число ихъ достигаетъ *200 семей* въ селеніяхъ: Борисоглѣбовкѣ, Куриловкѣ, Салтовѣ, Дьяковкѣ, Маломъ Узенѣ, Лихоманкѣ и селѣ Ново-Троицкомъ.

Перенесшаяся на другой берегъ Волги, въ Саратовскую губернію, штундистская пропаганда завербовала въ свои ряды до 300 семей преимущественно въ пребрежныхъ селахъ, Золотомъ, Дубовкѣ и другихъ. Кромѣ того, къ штундизму присоединяется, какъ было выше сказано, большая часть молоканъ, число которыхъ въ обѣихъ губерніяхъ простирается до 12 т. душъ.

Цифровыя данныя эти, конечно, приблизительныя и далеко ниже дѣйствительности, такъ какъ штундисты тщательно скрываютъ свое отпаденіе отъ православія — но и приведеннаго количества достаточно, чтобы обрисовать то тлетворное вліяніе, которое нѣмецкіе колонисты успѣли уже оказать на религіозную жизнь русскаго православнаго населенія, тѣмъ болѣе, что и на Волгѣ штундизмъ выливается въ ту же форму яраго отрицанія церкви, придержащей власти и русской національности, какимъ мы видимъ на родинѣ его въ Херсонской и Кіевской губерніяхъ.

Такова въ общихъ чертахъ картина Приволжскихъ колоній въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Таково вліяніе ихъ экономическое и культурное на окрестное русское населеніе.

Изъ этого видно, что Нѣмецкія колоніи на Волгѣ далеко не исполнили своего назначенія.

Основанныя съ тѣмъ, чтобы принести пользу русскому населенію и служить примѣрами въ земледѣліи и хозяйствѣ, онѣ прожили болѣе столѣтія, не соприкасаясь съ жизнью русскаго народа. Правда, онѣ богатѣли — но онѣ богатѣли только для себя и для своихъ единоплеменниковъ, и ничего не перепало русскому крестьянину отъ ихъ нѣмецкаго благоденствія. Мало того, проживъ въ Россіи 125 лѣтъ, питаясь ея соками и процвѣтая подъ ея охраной, онѣ не только не сроднились съ пріютившей ихъ страной, не только не научились любить ее и считать своей родиной, но чѣмъ дольше, тѣмъ все болѣе сильно и рѣзко начинаютъ проявлять свое нерасположеніе ко всему русскому.

Вѣковая совмѣстная жизнь, устраненная отъ всякаго русскаго вліянія, сплотила все полумиліонное нѣмецкое населеніе на Волгѣ въ одно органическое цѣлое. Все это населеніе, хотя темное и неразвитое, проникнуто однимъ духомъ, живетъ тѣми же идеями и убѣжденіями. И этотъ духъ, — эти идеи и убѣжденія носятъ печать національной обособленности, вражды и нетерпимости къ Россіи и русскому народу.

Приволжскія колоніи, какъ мы уже говорили — стоятъ въ живой и непрестанной связи съ прибалтійскими провинціями. Съ другой стороны, несомнѣнно существуетъ связь Приволжскихъ колоній съ колоніями южнаго края Россіи, и если теперь присоединить къ этимъ тремъ нѣмецкимъ центрамъ длинную цѣпь Нѣмецкихъ колоній, тянущуюся по всему Дону, и сплошное заселеніе нѣмцами нашего юго-западнаго края и царства Польскаго, окажется, что вся почти центральная Россія охвачена сплошнымъ нѣмецкимъ кольцомъ, однимъ изъ самыхъ существенныхъ звеньевъ котораго являются Нѣмецкія колоніи на Волгѣ.

Что касается до мѣръ, которыми можно было бы упорядочить и ввести въ нормальную колею теченіе колоніальной жизни, то въ этомъ отношеніи Приволжскія колоніи поставлены въ совершенно иное положеніе, чѣмъ колоніи южныя.

Здѣсь нѣтъ того грознаго явленія, придающаго нѣмецкой колонизаціи на Югѣ все ея серьезное, животрепещущее значеніе, *на Волгѣ нѣтъ скупки земель нѣмцами-колонистами*, ибо нѣтъ главнаго двигателя для этого—нѣтъ подворнаго землевладѣнія, существующаго на Югѣ.

Поэтому, если, говоря о мѣрахъ къ упорядоченію нѣмецкой колонизаціи на Югѣ, мы доказывали необходимость полнаго или хотя бы временнаго запрещенія нѣмцамъ покупать земли. то относительно колоній Приволжскихъ подобная мѣра явилась бы прямо излишней.

Здѣсь необходимо систематическое и дружное воздѣйствіе школы и администраціи, необходима бдительная и разумная власть, которая слѣдила бы за проявленіями колоніальной жизни и направляла ихъ сообразно общегосударственнымъ пользамъ, строго подавляя всякое сепаратическое стремленіе, всякую національную агитацію, приходящую извнѣ, и тогда, съ теченіемъ времени, сама собою рухнетъ та стѣна, которую племенное различіе и историческія условія воздвигли между колонистами и русскимъ населеніемъ.

Для изслѣдователя нѣмецкой колонизаціи въ Россіи—исторія нашихъ Приволжскихъ колоній представляется особенно любопытной.

Она доказываетъ, что не природныя превосходства нѣмецкаго племени надъ русскимъ создали колонистамъ ихъ завидное благосостояніе. Своимъ богатствомъ и преуспѣяніемъ они обязаны заботамъ и умѣлой опекѣ о нихъ нашего правительства.

Исторія Приволжскихъ колоній учитъ насъ, наконецъ, тому, что̀ можетъ сдѣлать разумная и близкая народу власть изъ самыхъ дурныхъ элементовъ сельскаго населенія и какъ скоро, при отсутствіи твердой власти, пробуждаются дурные страсти и инстинкты среди населенія, бывшаго не такъ давно еще образцомъ трудолюбія и добропорядочности.

На этомъ мы заканчиваемъ наши очерки Нѣмецкихъ колоній въ Россіи, въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Не племенная ненависть и не слѣпой фанатизмъ диктовали намъ всѣ эти строки. Мы писали ихъ съ исключительною цѣлью обратить общественное вниманіе на ненормальное положеніе, занятое нѣмцами колонистами на югѣ и востокѣ нашего отечества.

Мы глубоко уважаемъ нѣмецкую культуру, и преклоняемся передъ нѣмецкимъ творчествомъ въ области науки и искусствъ, мы любимъ, наконецъ, самихъ нѣмцевъ,—но мы ихъ любимъ у нихъ дома, на ихъ родинѣ,—а не у насъ. Мы считаемъ, что Россія должна, прежде всего, существовать для русскихъ, и что стремленія истинной государственной политики должны быть направлены къ благоденствію и преуспѣянію родной національности, т. е. именно къ тому, что дѣлаютъ у себя дома нѣмцы, искореняя всевозможными средствами славянскіе элементы въ Познани.

Мы не предлагаемъ и не настаиваемъ въ этомъ отношеніи ни на какихъ спеціальныхъ мѣрахъ; если мы говорили о желательности запрещенія нѣмцамъ покупки земель на югѣ, то мы это дѣлали потому, что считали эту мѣру, *при настоящемъ положеніи вещей*, наиболѣе цѣлесообразной и удобоисполнимой. Но если возможно будетъ достигнуть той же цѣли какими-либо иными путями—стройной ли организаціей переселенческаго

дѣла, или чѣмъ-либо инымъ—мы первые съ живою радостью привѣтствовали бы всякое такое начинаніе.

Для насъ, прежде всего, важно ясное сознаніе о цѣли, которую должны преслѣдовать всѣ такого рода мѣропріятія, и этой цѣлью должно быть, по нашему убѣжденію, *прекращеніе* тѣмъ или инымъ способомъ *ненормальнаго положенія Нѣмецкихъ колоній на югѣ Россіи и неустаннаго роста нѣмецкаго землевладѣнія въ нашемъ отечествѣ.*

Стремленіемъ къ посильному выясненію необходимости принятія какихъ либо энергичныхъ мѣръ въ этомъ направленіи проникнутъ и весь нашъ настоящій трудъ.

А. Велицынъ.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Niemtsy v Rossii : ocherki ist
325.243 V437N
D900825000